

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

Образование и культура никогда не были чужды евреям в той стране, где они жили. Напротив, история полна примеров, когда евреи являлись выдающимися учеными, музыкантами, литераторами, становились гордостью того или иного государства. Тем более это было верно для евреев Советского Союза, в большинстве своем отошедших или вырванных из контекста собственно еврейской культуры, считавших русскую или белорусскую культуру своей, существовавших в ней, как в своей, и во многом ставших ее проводниками и яркими представителями. В 90-е гг. в одной из могилевских газет была опубликована статья под красноречивым заголовком «Еврейские учителя учили белорусскому языку». Надо сказать, что это действительно во многом было так в послевоенное время, когда многие специальности для евреев становились запретными и они искали возможность для своего самовыражения в других областях. Среди могилевских музыкантов, артистов, педагогов в 50—80-е гг. евреи занимали свое достойное место.

МОГИЛЕВСКИЕ ПЕДАГОГИ

*В сфере образования, наверное, как нигде, евреи смогли проявить свои знания и способности, работая на благо своей страны и родного города. Когда в Могилев приезжали делегации из других городов, республик, из-за рубежа по вопросам образования, то гостей, прежде всего, приглашали во Дворец пионеров и школьников, где директором более 30 лет работал **Н.С. Балантер**, в межшкольный учебно-производственный комбинат, где директором был заслуженный учитель БССР **Б.Х. Берлин**, в институт усовершенствования учителей (зам. директора **Н.С. Каплан**), в средние школы № 18 (директор **И.Л. Пиранер**), и № 5 (директор — заслуженный учитель БССР **М.Ф. Мясников**). В школах и других учебно-воспитательных заведениях трудились заслуженный учитель **О.Г. Гинзбург**, заслуженный деятель культуры **Р.Е. Шацев**, **Е.Т. Гуревич**, победитель конкурса 1994 г. «Учитель года БССР» **И.Б. Кошкина**.*

Борис Хононович Берлин
Фото из семейного архива Берлина Б.Х.

БЕРЛИН Борис Хононович (р. 1926)

«Я родился в 1926 г. в Могилеве. До войны мы жили в Комиссариатском переулке.

Отец, **Хонон Шлемович Берлин**, служил в частях могилевского гарнизона. Когда началась война, ушел в действующую армию и погиб на фронте под Орлом осенью 1941 г.

С началом войны многие не хотели уезжать. Наших родственников в котле холокоста погибло

11 человек (не считая погибших на фронте). К счастью, нам не довелось находиться на оккупированной территории. То, что происходило в Могилеве с июля 1941 г. по июль 1944 г., я знаю со слов очевидцев и немногих выживших евреев. Когда моя мать возвратилась в Могилев в октябре 1944 г. (по вызову Минздрава БССР), многие наши довоенные соседи рассказывали ей, как люди, казавшиеся ранее вполне благопристойными, растаскивали по своим квартирам наши вещи

Первый секретарь ЦК КПБ **П.М. Машеров** во время посещения Могилевского межшкольного учебно-производственного комбината. Крайний справа — директор **Б.Х. Берлин**.
Фото А. Рожина

буквально на следующий же день после нашего отъезда из города.

Наша семья эвакуировалась из Могилева в июне 1941 г. в Саратовскую область в г. Вольск. Мама, **Циля Берковна Гнесина**, работала зубным врачом. Мы с братом учились в школе. Я все время подрабатывал, потому что жить было трудно. Через пару лет меня призвали в армию. Служил в гвардейских минометных частях. Прошел со знаменитыми «катюшами» фронтовые дороги в Карелии и Прибалтике, затем попал в Забайкалье, в Монголию, где участвовал в войне с Японией на территории Манчжурии. После войны еще 4 года служил в армии (всего 6 лет). Имею боевые награды: ордена Отечественной войны и Красной Звезды и 11 медалей.

При обороне и освобождении города наш Могилев был сильно разрушен. Когда в мае 1946 г. я прилетел в Могилев в краткосрочный отпуск, не узнал родной город. Вокзал и весь привокзальный район были разрушены. На руинах копошились пленные фашисты.

Возвратился я в родной Могилев в начале 1950 г. Надо сказать, что к 50-м гг. в Могилеве уже не было ни одного ответственного работника-еврея в партаппарате — всех убрали разными способами. Действовал принцип «трех не»: не снимать, не выдвигать, не принимать. В советском аппарате,

в отдельных отраслях народного хозяйства оставались еще единицы евреев. Пожалуй, больше всего их было в образовании, культуре и медицине. Я работал 4 года учителем русского языка и литературы в школах города, затем 7 лет — заместителем директора средней школы № 4 по учебно-воспитательной части, потом 6 лет — директором школы № 12, 12 лет — заведующим отделом образования Ленинского района, 8 лет (до пенсии) — директором межшкольного учебно-производственного комбината по трудовому обучению и профессиональной ориентации. Таким образом, в Могилеве в системе образования я проработал около 45 лет. Моя работа неоднократно отмечалась производственными наградами: мне были присвоены звания «Отличника народного образования БССР», «Отличника просвещения СССР», в 1966 г.

постановлением Президиума Верховного Совета БССР присвоено почетное звание «Народный учитель». В 1977 г. я был награжден орденом «Знак Почета». Кроме этого, имел десятки почетных грамот от республиканских и областных ведомств, три грамоты Верховного Совета БССР. С 1980 по 1985 г. был депутатом Верховного Совета республики, а до этого более 15 лет избирался депутатом Могилевского городского и районного Советов» (из воспоминаний **Берлина Бориса Хононовича**).

Б.Х. Берлин **ПРИБОЩЕНИЕ
К ПРОФЕССИИ**

Брошюра **Б.Х. Берлина** «Приобщение к профессии. Из опыта обучения и воспитания старшеклассников в учебно-производственном комбинате» (Мн., 1982).

РОЖАНСКАЯ**Мая (Маина) Иосифовна**

(р. 1924)

«Я родилась 5 мая 1924 г. в г. Быхове. Мама была в то время активной комсомолкой, и ее друзья устроили в мою честь октябрины, в противовес христианским крестинам. Уже позже, когда я вступала в пионеры, мама передала мне все то, что дарили родителям в то время на октябрины: пионерский и комсомольский значки, пионерский галстук и адрес, в котором выражалась уверенность, что я вырасту честным и справедливым человеком и продолжу дело, начатое ими.

Училась я в школе № 1 г. Могилева. Естественно, была активной пионеркой, комсомолкой и, как и все школьники, вела большую общественную работу. Часто ходили в общежитие швейной фабрики, учили неграмотных рабочих читать и писать, читали им книги и журналы, писали письма их родным. Летом ездили в лагеря. Каждый отряд имел своего вожатого — старшекласника. Общей пионерской и комсомольской работой руководил старший пионервожатый. У нас это был **Юда Меркин** — старший друг, товарищ и советчик. После уроков нам разрешалось работать в кабинетах физики и химии, нам учителя доверяли, и мы их не подводили.

В школе работал драматический кружок, струнный музыкальный оркестр. Очень интересными были вечера и концерты. Часто собирались вместе, чтобы порешать трудные задачи, почитать новую книгу. Каждую неделю старшекласники выпускали большую школьную газету.

М.И. Рожанская.

*Фото военного времени
из семейного архива Рожанской М.И.*

Учитель математики
Маина Иосифовна Рожанская

Каждое лето мы ездили в пионерский лагерь, в подшефные колхозы, ходили в походы, встречались с героями гражданской войны и партизанами. У костра пели, читали стихи.

Мы были очень дружны, но вечер встречи (первый и единственный) состоялся у нас через 40 лет — в мае 1981 г. Было нас очень мало: многие погибли на фронте, были уничтожены в гетто, умерли в тылу. Это была встреча братьев и сестер.

Школу мы окончили 17 июня 1941 г. 19 июня состоялся выпускной вечер, где вручали аттестаты. Свой, «с отличием», я получила только 27 июня. Общегородской бал выпускников проходил 21 июня в парке им. Горького на Валу. В воскресенье, 22-го, собирались провести пикник в Печерском лесопарке. Но тут выступление Молотова — все были в шоке.

В здании школы организовали госпиталь. Мы выносили мебель, запаковывали оборудование кабинетов и документы. Работой руководила директор школы **Ида Александровна Цукерман**.

В начале июля вместе с семьей я эвакуировалась в Западно-Казахстанскую область. В апреле 1942 г. добровольцем ушла на фронт. Окончила школу радиоспециалистов. Участвовала в военных действиях с Германией и Японией в Закавказье, на Курской дуге, Белорусском, Украинском и Дальневосточном фронтах. Награждена орденами и медалями.

В августе 1946 г. вернулась в Могилев. В 1950 г. окончила физико-математический факультет Белорусского государственного университета. С 1950 по 1979 г. работала учителем математики в школе № 2. Когда я начала работать в школе,

часто советовалась с мамой, особенно в вопросах воспитания. Если я говорила что-либо плохое о каком-нибудь ученике, мне попадало: «Мая, уходи из школы, ты не любишь детей, ты любишь лишь свою математику. Учитель — это воспитатель, а лишь потом предметник». Это правда, что после войны мой характер стал жестче. Но мама ошибалась: я любила своих учеников, старалась им привить любовь к предмету и к науке вообще. Надеюсь, что мне это удавалось.

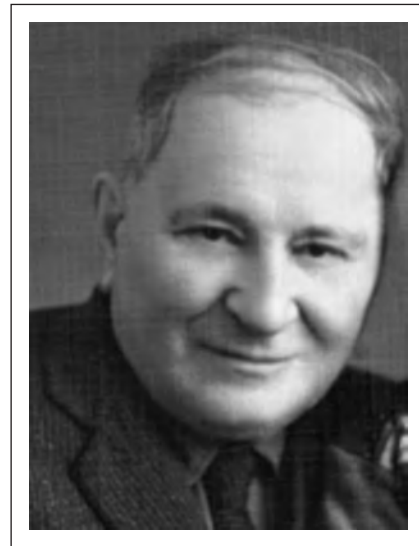
С декабря 1992 г. по 2001 г. я жила в Израиле, а сейчас — в США, в г. Баффало» (из воспоминаний **Рожанской Май Иосифовны**).

ШАПИРО Аба Абрамович
(1888—1972)

«Мой папа, **Аба Абрамович Шапиро** (второе имя, которое ему дали при рождении, было **Исаак**), родился в местечке Копаткевичи Минской губернии. Год его рождения я и сейчас точно сказать не могу, т. к. официально в бумагах стоит 1888, но, по рассказам, настоящий год его рождения — 1892. О его родителях я ничего никогда не слышала, предполагаю, что он был сиротой. Вся папина довоенная жизнь связана с Любанью под Минском. Там он познакомился со своей будущей женой и моей мамой (она умерла очень рано, в 1934 г., от туберкулеза), там родились я в 1923 г. и мой брат **Яков** в 1925 г.

О дореволюционной жизни отца я знаю еще, что он служил в царской армии (он был очень рослым и крепким) и учился в какой-то ешиве в Литве, как это говорили: «ел дни», т. е. питался каждый день в разных еврейских семьях.

С приходом советской власти жизнь его сильно поменялась: он, возможно, окончил какие-то курсы, т. к. работал учителем, а в 1925 г. его направили директором еврейской школы в Копыль, что в 30 км от Слуцка. В 30-х гг. папа окончил заочно Белорусский государственный университет, вступил в партию, состоял членом районного исполнительного комитета. У папы был брат, о котором было известно лишь то, что он жил в Польше. Никакой связи с ним у нашей семьи не было, но в годы ре-

Аба Абрамович Шапиро.
Фото из семейного архива Шапиро А.А.

прессий папа ждал ареста каждую ночь. Я помню, что, когда я однажды вернулась из пионерского лагеря, весь костел, стоявший рядом с нашей школой, был полон репрессированных. Родители многих моих подруг были там. А поскольку само местечко было во многом еврейским, то, соответственно, и среди репрессированных было много евреев.

Когда началась война, многие в местечке остались. Но отец решил уезжать. Он посадил на подводу мою бабушку по маме, сына Яшу, очень большого маминного брата, тоже учителя, с женой и их маленького сына **Мишу**. А все, кто остались, погибли.

Выпускники курса усовершенствования учителей 1949 г.

Папа попал в деревню Туголуково Тамбовской области. Здесь с братом мамы произошло буквально чудо. Возможно, от перемены климата он буквально возродился, и его призвали в армию. Он погиб в Синявских болотах под Ленинградом.

Отец работал или заведующим, или инспектором РОНО в Туголуковском районе, но все лето трудился в колхозе. Кони уставали, и их меняли, а папа пахал целый день. А в 1944 г. их с Яшей вызвали в Минск, где папа получил направление в Могилев. Здесь он все годы работал завучем института усовершенствования учителей. В последние годы перед пенсией он еще параллельно несколько часов в неделю вел литературу в школе № 4. Ушел он на пенсию в конце 50-х. Папа был очень талантливым и умным педагогом, очень обязательным и честным человеком. Его уважали коллеги и друзья.

Его отношение с еврейством, традициями и религией были очень сложными. Я хорошо помню антирелигиозные мероприятия в институте усовершенствования, которые отец непосредственно организовывал. И они должны были ярко свидетельствовать о его взглядах. Но на самом деле он всю жизнь, по-видимому, был человеком религиозным, и особенно это проявилось после выхода на пенсию. В конце жизни он говорил, что во время войны дал своеобразный обет соблюдать традиции,

Аба Абрамович Шапиро.

Фото из семейного архива Шапиро А.А.

когда не знал, что стало со мною, жива ли я. Долгие годы свое еврейство он тщательно скрывал, но в предпенсионные годы оно стало проявляться все отчетливее. Тогда он, с утра помолившись, отправлялся на занятия в школу. Не знаю, ходил ли он куда-то на моления еще, но у него были религиозные книги, а на Пасху он всегда приносил мацу. На этой почве он очень сблизился с учителем химии **Розиной**. Хорошо помню, что она покупала на базаре кур и они с отцом ходили к шейхету **Грабовщину**. Мечтал уехать в Израиль, но в

ЛЮДИ

ШАПИРО Яков Абович (1925—1994)

*«Брат **Яша** был отличным баянистом. В детстве во время игр его ударили по ноге. Мама болела, папа был все время занят, и никто на это не обратил внимание, а через некоторое время нога распухла. Поставили диагноз остеомиелит, сделали не очень удачную операцию, после которой рана постоянно открывалась при малейшем напряжении. От этого брат страдал всю жизнь. Тем не менее, в 1942 г. его призвали в армию, он работал на оружейном заводе. Но долго он там не пробыл, в очередной раз рана открылась, его комиссовали, и он вернулся в Туголуково. Яша стал работать в местном клубе и райкоме комсомола. В 1944 г. он с отцом поехал в Минск и был направлен в двухгодичную совпартшколу. После ее окончания он приехал в Могилев и работал инструктором обкома комсомола, потом лектором обкома партии. А в 1954 г. был объявлен лозунг: «30-тысячники — в колхозы». Яшу отправили в колхоз им. Молотова (сейчас «Заря»). Что на самом деле было причиной — сказать трудно, ведь в это время из партийных органов убирали всех евреев. Застал он в колхозе одни развалины, хозяйство было совершенно запущенное. Центр размещался в деревне Речки, а Яша построил себе дом в Софиевке. Постепенно под его руководством колхоз превратился в один из лучших в области. Была построена дорога, проведен газ. Работал он до середины 80-х гг. Был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета». Отзывались о нем очень хорошо не только начальство, но и подчиненные. И сейчас его поминают добрым словом. Когда уходил на пенсию, не хотели отпускать. Да и сам Яша ощущал себя на этом месте достаточно комфортно, чувствовал, что это его» (из воспоминаний **Шапиро Анны Абовны** (1923—2008)).*

«Копыль — родина известного еврейского писателя Менделе-Мойхре Сфорима. Когда мне было года четыре, почтить его память в местечко приехала группа еврейских писателей, в том числе и Изи Харик. Впоследствии все они были репрессированы. Сохранилась фотография в журнале «Советиш геймланд», на которой запечатлены учителя Копыля и приезжие еврейские писатели. Там же есть и отец, и я — сижу на руках у одного из учителей» (из воспоминаний Шапиро Анны Абовны).

те времена это было практически неосуществимо. Он умер в 1972 г.

Я родилась в Любани в 1923 г. В 1940 г. окончила школу в Копыле и поехала учиться в Ленинград по стопам двух своих двоюродных сестер. Одна из них — Анна Яковлевна Черток (тоже из Любани) — после войны работала в Могилеве заведующей краеведческим отделом в областной библиотеке. Она окончила Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, и ее отправили работать на Дальний Восток, где она познакомилась со своим будущим мужем и уже с ним приехала в Могилев. Я поступила в Ленинградский университет на истфак. Остальные мои подруги уехали учиться в Минск, и, когда началась война, многие из них вернулись домой в Копыль и погибли. Я тоже получила письмо от отца, в котором он просил немедленно вернуться домой. Анна к этому времени уже завершила учебу и успела уехать, а мне суждено было пережить Ленинградскую блокаду. В марте 1942 г. нас, оставшихся в живых, переправили в Саратов. Ректор добился, чтобы месяц мы находились почти в санаторных условиях, а летом нас всех отправили на работы в деревни высланных в Поволжье немцев — убирать оставленные ими поля. В 1943 г. в отпуске я смогла навестить нашедшего меня папу. В Саратове мы продолжали учебу, пока не освободили Ленинград.

В 1945 г. я окончила университет и меня направили на работу в Мурманск. Папа очень расстроился, когда узнал об этом. Он поехал в Минск, в министерство, и договорился о моем перераспределении. Так я и оказалась в Могилеве. В облоно мне дали направление в педучилище, которое располагалось тогда возле Быховского рынка, где сейчас областной лицей № 1. Работали в училище тогда еще несколько евреев. Отличным преподавателем математики был бывший фронтовик Петр Исакович Альшиц. Это был веселый остроумный человек, прекрасно рассказывающий анекдоты. Еще одним учителем истории была Сима Ефимовна Гальпер, с которой мы были очень дружны. Позже она перешла в школу № 4. В середине 50-х гг. училище было закрыто,

и я получила работу в совпартшколе. Но в конце 50-х гг. пришло указание убрать оттуда евреев. Формальным предлогом стало то, что я не являюсь членом партии. Мне даже предложили в партию вступить, но я отказалась, сказала, что уже поздно. И сама предложила, чтобы меня поменяли с кем-то из партийных школьных учителей. Так, в 1961 г. я попала на работу в школу № 22, а через два года перешла в новую — № 25, где отработала до самой пенсии в 1978 г.» (из воспоминаний Шапиро Анны Абовны (1923—2008)).

АГРЕСТ Ирина Иллична (р. 1932)

«Я родилась в деревне Жаровка под Шкловом в 1934 г. Семья была многодетная, я была младшим седьмым ребенком. Как раз перед моим рождением отца и мать раскулачили, так они там и оказались. Мама работала дояркой, а папа был заведующим фермой колхоза «Шнаровка». Трудились в нем и белорусы, и евреи. В 1937 г. мы переехали в Шклов. Поселились в очень старом доме, на ремонт которого требовались большие деньги, и, чтобы получить дополнительно 2 тысячи рублей, мне приписали два года. Теперь по документам я числюсь 1932 г.р. Папа, Эля Абрамович, был очень красивым (высоким, голубоглазым) и добрым человеком, а мама, Лида Либина, — маленького роста, длинноволосая (косы носила в карманах), очень смелая и остроумная, за словом в карман не лезла. Она сама родом из очень зажиточной шкловской семьи. Семейное предание гласит, что ее отец, мой дедушка, был до революции владельцем ювелирного магазина, который он передал маме вместе с озерами, точнее водохранилищами, на речке Серебрянке, где водилось много рыбы. Мама влюбилась в красавца Элю и рано вышла за него замуж. Было у них пять дочерей и два сына.

Когда началась война, мы уехали на своей лошади. Помню, началась бомбежка, люди стали кричать, прятаться кто куда. Мы забежали в какой-то огород, все залегли, а я хожу между грядками и морковочки выбираю — есть очень хотелось. Папа меня схватил в охапку и положил со всеми. Приехали мы в какой-то колхоз в Тамбовской области, а оттуда ехали в товарняках в Узбекистан. Ехали долго и тяжело, питались как придется, естественные надобности справляли в дырку в центре вагона. Все завшивели. Запомнилось, как на одной из станций один мужчина избавлялся от гнид в пиджаке. Он клал его на буфер между расцепленными вагонами, и ждал, когда они сойдутся. Отца призвали на фронт еще в дороге, и он погиб в 1942 г. Приехали мы в Андижанскую область в очень бедный колхоз

им. Кагановича. Ели жмых, ничего другого не было. Я часто падала в обморок. Но сразу пошла на заработки нянкой к маленькой девочке в богатую узбекскую семью. Кроме того, каждое утро я должна была выметать и поливать землю возле дома из арыка, который протекал тут же во дворе. За все это мне разрешалось пойти в сад, подобрать с земли упавшие ягоды и фрукты и нарвать конского щавеля, из которого мы варили борщ. Я быстро выучила узбекский язык, так что даже взрослым переводила указания начальства. Мама там сильно заболела малярией и практически не работала. У нее был брат **Яков** — врач, который в свое время окончил

Могилевский медицинский техникум, а тогда был начальником госпиталя (перед войной он со своей семьей жил в центре Москвы на Арбате и перетащил туда многих своих братьев и сестер). Он узнал о нашем плачевном положении и вызвал к себе в Челябинскую область в город Кыштым. Он нам очень помог, всех устроил на работу. А я даже жила у него долгое время. Моя двоюродная сестра, его дочь, сейчас замужем за сыном знаменитого кинооператора Романа Кармена.

Когда Могилев был освобожден, дядя Яков поручил маме сопровождать раненого до Белоруссии и заодно выяснить, что стало с нашим домом в Шклове. В то время еще и поезда от Орши до Шклова не ходили. Но мама в Шклов все же попала и нашла наш дом хотя и поврежденным, но стоящим на прежнем месте. Она вернулась с одним желанием — сразу ехать домой. Но дядя сказал, что он купит дом под Москвой и поселит там маму. Мама не согласилась. Так в 1944 г. мы оказались в Шклове.

Надо сказать, что все годы войны учиться мне не пришлось, но по возвращении я пошла сразу в 4 класс. Сидели за грубыми партами из наскоро сбитых досок, ходила в школу в сапогах брата 43-го размера. Но я очень любила учиться, и для меня это все не было преградой. Начинала я очень тяжело, писала очень плохо, но уже к 7 классу в аттестате у меня были только пятерки, а школу окончила с двумя четверками. Было это в 1950 г. Подала я документы в Могилевский пединститут

О педучилище

*«В стране в те годы разгорались антисемитские пожары — пока (подземные), но довольно страшные, как горят торфяники: нигде ничего не видно, но в воздухе носится запах дыма, а нет-нет да где-то вырвется наружу язык пламени, его стыдливо притушат, а огонь себе тлеет и тлеет под землей, жар его жжет подошвы, и кто-то невидимый явно не хочет всерьез тушить, кому-то этот зазданный пожар нужен, как злой пес на цепи: ...пусть себе рычит и гавкает пока, чтоб помнили жида, кто они есть и где, и не зарывались, а то ведь пса и спустить можно. ...В училище (педагогическом. — А.Л.) примерно третья часть преподавателей была евреями, среди остальных открытым антисемитом был лишь один, преподаватель плакатного дела, художник-шифтовик, то есть он умел писать лозунги — и только. А это, как я уже сказал, основной предмет для будущих культпросветработников. И на педсоветах он всем нам: литераторам, математикам, историкам, прочим библиотекарям и естественникам — яростно доказывал нашу ненужность и дармоедство. И уж, конечно, самыми злостными дармоедами, паразитами-пиявками на государственной шее, были всеобщая любимица историк **Тамара Романовна Шальман**, библиотековед и библиограф **Мирра Самойловна Гуревич-Ерманок**, словесники **Вера Ефимовна Рубинштейн**, **Лиля Пекельная**. Слава Богу, **Павел Николаич (П.Н. Конин — директор училища) обрывал его по-офицерски резко, а Прокофий Сергееч (П.С. Контровский — завуч училища) отпускал какую-нибудь ядовитую хохмочку, и весь инцидент сразу выглядел нечаянной глупостью вечно полупьяного живописца»** (из эссе **Шульмана М.И. «Старики»**).*

на филологический факультет, прекрасно сдала экзамены. Преподаватели даже удивлялись, что такие знания я получила в шкловской школе. Но, как это ни странно, в списках поступивших я себя не нашла. Перед всей приемной комиссией я обратилась к ректору института с вопросом: «Почему вы меня не зачислили?» Он не нашел ничего лучше, как сказать, что у меня хорошее материальное положение. И это при том, что наша многодетная семья выживала без отца, а по баллам я с лихвой проходила. Я потребовала, чтобы он написал мне справку, по какой причине меня не зачислили. Мои в Шклове забеспокоились моим долгим отсутствием, и сестра Маша прислала выяснять, что случилось, своего мужа **Лазаря Ильича Гофмана**. Я, плача, описала ему ситуацию. Он был коммунистом, инвалидом войны, вернулся с фронта без правой руки. Он сам пошел к ректору и сказал, что будет с ним говорить как коммунист с коммунистом. Тогда это впечатляло. Он тоже потребовал письменного обоснования, чтобы с ним идти в обком партии. И сказал, что без этой справки я из института не выйду. Я стояла под дверями кабинета до середины ночи, пока не вывесили окончательные списки, в которых была и моя фамилия.

Училась я очень хорошо и окончила институт лишь с одной четверкой по истории партии. Позже я еще окончила курсы в Киеве по иностранному языку. Мне предлагали и в аспирантуре остаться, но надо было на что-то жить, и я пошла работать учителем в деревню Браково. На первую зарплату

я купила себе шубу, т. к. всю учебу обходилась даже без пальто. В 1958 г. я перешла работать в младшие классы могилевской школы № 7, сначала на замену. Здесь я познакомилась со своим будущим мужем-однофамильцем **Бомой Агрестом**, родители которого родом из Княжиц. Потом я перешла в школу № 4, а через некоторое время — в школу № 23, где отработала 11 лет учителем литературы. Муж в это время работал в училище № 33, а мне было очень далеко добираться от Струшни до школы. Тогда и я перешла работать в это же училище, где преподавала русский и английский языки. Здесь я отработала 18 лет. Мой общий преподавательский стаж составляет 35 лет.

Кроме нас с мужем, в училище работали еще евреи. **Александр Исакович Баскин** вел спецдисциплины, физику преподавал **Геннадий Наумович Ягудин** (он сейчас в Израиле), мастерами работали **Изааксон, Исаак Свидлер, Семен Самуилович Сагал, Захар Бацев**. Интересно, что фамилия матери нашего завуча **Симы Акимовны Тихоновой** оказалась тоже **Агрест** (из воспоминаний **Агрест Ирины Илиничны**).

КАГАН Роза Самуиловна (1901—1993)

«Моя мама, **Роза Самуиловна Каган**, родилась в 1901 г. Она была из очень простой семьи из местечка Бобр Минской области. До войны мы жили в Борисове.

После окончания войны муж маминой младшей сестры **Зины** (а всего у мамы было 6 братьев и сестер), **Исаак Каплан**, получил назначение в Могилев начальником следственного отдела областной прокуратуры. Тогда мама решила ехать к сестре, т. к. считала, что надо держаться вместе. После войны их осталось только трое (из шести человек — еще сестра и брат), остальные погибли.

Мама с отцом окончили Белорусский государственный университет по специальности «Преподаватель русского и белорусского языка». Мама была очень энергичной женщиной. Когда она стала директором вечерней школы, то сразу вступила в партию, и сделала это, по ее словам, для того, чтобы прийти в обком или горком, стукнуть по столу и сказать, что мне нужно для школы то-то, то-то и то-то. Мать была старшей сестрой в семье, а кроме нее — еще двое братьев и три сестры. Четыре года во время учебы в университете с 1922 г. они с подругой жили на частной квартире. Сестры и братья по очереди жили с ней. После войны, когда собирались те родственники, что остались живы, один из дядюшек как-то сказал мне: «Твою мать мы называли патриархом нашей семьи». Женщиной она была, конечно, очень властной, и дома командовала именно она. Для нее важно было чувствовать себя хозяйкой положения.

Был один интересный эпизод в ее жизни. Один раз поручили маме составить и зачитать приветственное письмо на имя товарища Сталина от общественности Могилева. Было это на каком-то торжественном собрании по поводу то ли 1 Мая, то ли 7 Ноября. Она была очень красивой женщиной, и голос у нее был хорошо поставлен. В молодости часто выступала в художественной самодеятельности. Причем даже в старости ее голос сохранил прежнюю звонкость, так что по телефону ее часто называли девушкой. В общем, составила мама письмо и вставила туда стихотворение классика белорусской литературы: «Жыве між нас геній, як зорка вялікай зямлі...» И вот наступает время собрания. А надо сказать, что мама никогда не простужалась, никогда у нее не было насморка. И вдруг во время чтения этого письма напал на нее кашель, и чтение письма получилось весьма скромным. Уж не знаю, что там чувствовала мама, но мы над ней дома подшучивали: «Жди мама, за тобой скоро придут...» Шутки шутками, а закончиться это могло в той обстановке весьма плачевно. Слава богу, последствий не было, но до «дела врачей» и разоблачения космополитов оставалось еще некоторое время. Тогда еще и в партийных, и хозяйственных органах было много евреев, например, наш сосед **Клугман** был начальником областного управления милиции.

Расскажу еще один интересный эпизод. В Минске собрали совещание для обслуживания работы вечерних школ рабочей молодежи, которые только пару лет как образовались. И маму, как директора, тоже туда отправили. Министром просвещения был Зимянин. Он прошел путь от секретаря ЦК комсомола БССР до кандидата в члены политбюро СССР. Сидел в президиуме совещания. Мать вышла на трибуну и стала зачитывать свой доклад, делиться опытом работы. Зимянин прервал ее один раз, второй. Мать не выдержала, собрала свои конспекты и собралась уходить с трибуны. Зимянин ее останавливает: «Куда Вы уходите? Ведь Вы не закончили?» Она говорит: «А Вы мешаете мне выступать». Думаю, мама ничего не выдумала, да и потом эту историю подтверждали другие педагоги. А министр тогда извинился и попросил продолжить.

Позже мама перешла в дневную школу № 3, которую я потом заканчивал. Она пользовалась большим уважением коллег, входила в методический совет и т. д. Это я говорю не потому, что она была моей мамой. Просто она действительно была талантливым человеком и получила очень хорошее образование.

Свои еврейские корни в то время уже не особенно афишировали, но и Песах, и еврейский Новый год в семье отмечали. Готовились еврейские блюда. Молитвы, конечно, не произносились, но кое-что еще в сознании оставалось от дедушек и бабушек. Что касается знания идиша, то разговаривала мама хорошо, но читать и писать не могла» (из воспоминаний **Розовского Абрама Соломоновича** (1933—2002)).

ГАЛЬПЕР Фаина Ефимовна (р. 1934)

«Моя мать и шесть ее братьев и сестер — выходцы из украинского городка Коростень. Дед там имел свою мельницу. От первого брака у бабушки моей, насколько я знаю, было две дочери — **Шифра** и **Соня**, а у деда — сын **Гриша**. Так что для обоих это был второй брак, в котором родились еще четверо детей. Сразу после революции, когда Украину оккупировали белополяки, во время одного из еврейских погромов деда и бабушку расстреляли. Дети остались живы. Старшей была моя мама **Шифра Яковлевна Гитерман**, ей было тогда 12 или 13 лет (она родилась в 1910 г.). Всех детей тогда разбросали по разным детским домам. А мама, тетя Соня и их брат Гриша попали в детский дом в Могилев. С 14 лет мама пошла работать на небольшую фабрику. Естественно, ни о каком образовании речи не шло.

Мама была очень красивой девушкой. Как они познакомились с моим отцом, точно не знаю, но поженились в довольно молодом возрасте.

Отец родился в 1908 г., звали его **Хаим Менделевич Робкин**. У его родителей был дом на Луполово, где молодые, по-видимому, и поселились. Отец был очень активным молодым человеком в смысле общественной жизни. В то время это означало, что он был активным то ли комсомольцем, то ли коммунистом. Каких либо подробностей их жизни я не знаю. Первый ребенок **Марик** у них умер от менингита. Вторым ребенком была я, третьим — брат **Яша**. Мне рассказывали, что назвали меня в честь брата моего отца — **Файвы**, который был застрелен на каком-то митинге в Могилеве. Отец продолжал заниматься общественной работой. В 30-е гг. его отправили в Минск учиться в Институт Советского права. Не могу сказать точно, что это было за учебное заведение, но после возвращения он был назначен заместителем директора кожзавода. Из моих личных детских воспоминаний могу назвать только очень красивую новогоднюю елку, на которую меня привели родители. Помню, что там выступал отец, а больше ничего в памяти не сохранилось.

В 1945 г. после окончания войны мы вернулись в Могилев фактически на пепелище. Все было разграблено. Но жить надо было.

Я пошла в 4-й класс. Нам дали комнатку над нынешней аптекой № 4 по ул. Первомайской, 3. Мне очень хотелось учиться, и я училась очень хорошо. Кроме того, я хотела заниматься и в музыкальной школе. Меня там прослушал директор школы и училища **Лазарь Маркович Зисман**. Он очень хотел, чтобы мама отдала меня на скрипку. Лазарь Маркович говорил: «Мадам Робкина, вы никогда не сможете купить вашей дочери пианино, а скрипка не стоит так дорого». Но я была очень упрямым ребенком и хотела только на фортепиано. Меня зачислили, и я окунулась в

Фаина Ефимовна Гальпер

новую жизнь. Каждый день в 6 утра я стояла на пороге музыкальной школы. Вместе с уборщицей открывали дверь, и я занималась до 8 часов, пока не приходили остальные ученики. Можете себе представить такую целеустремленную и работоспособную ученицу четвертого класса, какой была тогда я? В то же время по всем предметам в обычной школе у меня тоже были одни пятерки. Особенно увлекалась немецким языком и математикой. Меня ничем нельзя было оторвать от учебы. Четыре класса музыкальной школы я занималась у **Лазаря Исааковича Каганова**. Он сейчас живет в Израиле. Мне предложили поступать на фортепианное отделение музыкального училища. Но я же еще в школе тогда училась и бросать ее не хотела. Сколько меня ни уговаривали, я отказывалась. Тогда в виде исключения меня зачислили на 1 курс музыкального училища и разрешили продолжать учебу в общеобразовательной школе. В училище я попала в класс к **Нине Соломоновне Менделеевской**. Училась я и там, и там очень хорошо. Окончила школу с серебряной медалью и решила поступать в Минскую консерваторию. Мы поехали втроем: **Ася Гольдштейн**, **Абраша Розовский** и я. Абраша был очень талантливым музыкантом. Позже бытовала такая поговорка: «Абрам Розовский — Цфасман Могилевский». А Цфасман в те времена — это была очень известная личность в музыкальном мире. Он был концертмейстером ансамбля Эди Рознера в Минске. Так вот, Абраша был ничуть не хуже. Он с ходу гармонизировал на слух любую мелодию и тут же мог ее исполнить уже с аранжировками, со вставками.

Вообще, необыкновенный слух и способности. А мы с Асей были хорошими «педантами»: что нам давали сыграть, то мы старались исполнить очень профессионально. Так вот, в консерваторию нас так и не приняли, сказали: окончите училище, тогда и приезжайте. Но мне кажется, дело было не в этом, ведь шел 1952 г. Абраша сразу же подал документы в мединститут и поступил. А доктор Гольдштейн, отец Аси, повез ее в Ленинград. Я решила тоже податься туда. Маме сказала, что поеду навещу тетю Софу, а на самом деле у меня был свой план. Сама набрала чемодан книжек и отправилась в Ленинград.

К этому времени мама второй раз вышла замуж. В 1945 г. она познакомилась с очень хорошим человеком **Абрамом Яковлевичем Гореликом**. Он был на 16 лет старше нее. До войны работал председателем колхоза под Рогачевом, где немцы убили его жену и троих детей. Он приехал после войны в Могилев к брату, и они с мамой поженились. Абрам Яковлевич очень меня любил. Был очень добрым, заботливым человеком, и я питала к нему самые теплые чувства.

У отца Аси были знакомые в Ленинградской консерватории, и она поступила туда. Я же подала документы в институт иностранных языков. Сдала блестяще немецкий язык. Мне даже сказали, что, если бы можно было поставить «6», поставили бы и «6». Потом уже прислали из иняза на школу № 1, которую закончила, благодарностью за такую подготовку. Я позвонила в Могилев и сказала матери, что поступила в институт. Когда мама услышала об этом, закричала в трубку: «Что ты натворила? Кто тебя будет там содержать? На какие средства ты там будешь жить? Ты, наверное, забыла, из какой ты семьи? Возвращайся, кончай училище, и этого будет достаточно. Но если уж ты хочешь, поступай в пединститут на физико-математическое отделение». Я же ответила, что ни за что не вернусь. Я была очень амбициозна и независима. Тогда трубку взял Абрам Яковлевич и сказал: «Доченька, все, что я смогу заработать, я буду тебе высылать. Если ты хочешь учиться — учись». Когда я вернулась домой за вещами и пошла попрощаться в училище, Лазарь Маркович тоже очень обижался. Он говорил: «Что ты наделала, как это так? Три курса музучилища. Ты отличная пианистка. Ты должна быть музыкантом». Я ответила, что музыку я, конечно, очень люблю и не собираюсь ее бросать. Но коль уже поступила, то буду учиться. И вернулась в Ленинград.

Лучшим абитуриентам предложили пойти на английский. И я пошла тоже, хотя английский не знала совершенно. Жила, конечно, очень тяжело. Времени было очень мало, т. к. приходилось много работать. Да и материально было непросто. Я играла в театральной институтской студии, где ставились спектакли на английском языке. Там узнали, что я еще и играю на фортепиано, и предложили мне музыкальное оформление спектаклей. И даже

немного за это доплачивали — около 5 рублей. А стипендия сначала была 25 рублей 50 копеек, потом стала 32 рубля, когда нас присоединили к университету. Потом я стала концертмейстером в студенческом оркестре. Кроме того, я решила продолжить свое музыкальное образование в Ленинградском музучилище и подала туда документы. Мне предложили поступить, только на 2-й курс вместо 4-го. Я согласилась, хотя все это было ошибкой. Не было инструмента, времени не хватало, так что я выдержала только полгода. Но и в университете жизнь была очень бурная: театр, музыка, музеи, сам Ленинград. Конечно, пришлось ужимать свои потребности, но старалась использовать эти годы с наибольшей пользой. В это же время мы встречались с моим будущим мужем **Ефимом Тимофеевичем Гальпером** и он сделал мне предложение. Я помню, что во время зимних каникул на 5-м курсе, уже в Могилеве, мы пошли в театр. С нами были родители Ефима и его сестра, а я была уже в качестве невесты. И надо прямо сказать, что многие ему завидовали, что он отхватил такую девушку. После окончания университета все, естественно, хотели остаться в Ленинграде. Но Ефим получил распределение в Коми, и решили ехать вместе. Я получила место ассистента в пединституте в Сыктывкаре на кафедре иностранных языков. Он работал хирургом и акушером-гинекологом в районной больнице. Как ни странно, в Коми оказалось очень много интересных людей. Туда была сослана еще перед самой войной масса образованных людей из Прибалтики, родители которых были в свое время очень состоятельны. Были это в основном евреи, и занимали они достаточно высокие посты: в прокуратуре, директор музучилища, преподаватели и пр. Позже они почти все эмигрировали. Я опять пошла в музыкальное училище, и опять на 2-й курс. Здесь мне тоже везло с преподавателями, ведь во время кампании борьбы с космополитизмом сюда высылали очень много талантливых евреев. Правда, в этом был и один отрицательный момент — каждый год я занималась у разных преподавателей. Но все были выдающимися музыкантами. После окончания училища я получила даже направление на учебу в Горьковскую консерваторию, но Ефим Тимофеевич решил в это время поступить в аспирантуру, и я отказалась от этой мысли.

После неудачной попытки поступления муж принял решение вернуться домой в Могилев. И хоть мне не очень хотелось ехать назад, мы вернулись. К сожалению, в это время вакантного места ассистента в пединституте не было. Мне предложили пойти в культпросветучилище, дали 4 часа английского, 18 часов немецкого плюс фортепиано и концертмейстерские. Итого 2 ставки. Через год школа № 3 стала специализированной по английскому языку. Методистов, которые могли бы организовать учебный процесс, было немного, и меня пригласили туда. Директор дал мне раз-

решение на совмещение, и я начала заниматься организацией спецпрограммы в школе № 3. Это было очень хорошее и насыщенное время. Мы устраивали вечера, английские праздники, ставили спектакли на английском языке. Так я разрывалась между культпросветучилищем и школой. 12 лет, до 1972 г., я проработала в школе. В 1974 г. родилась дочка Лена, которая, конечно, поменяла немножко ритм жизни. Но без работы я не могла сидеть. Мои родители помогали воспитывать дочку, а я пришла в пединститут как почасовик, но и в училище работала по-прежнему. Как педагог я всегда работала очень увлеченно, т. к. любила свою специальность. И дети меня тоже очень любили и с удовольствием приходили на мои занятия. Может быть, это было связано еще и с тем, что я всегда просила классную комнату, где стояло фортепиано. И всегда включала в английский музыкальные паузы. Мы делали зарядку, пели песни на английском, играли в музыкальные игры. В общем, в 1988 г. меня очень торжественно провожали на пенсию, хотя очень не хотели отпускать. Через полгода меня опять пригласили в школу № 3, где я проработала еще пять лет» (из воспоминаний **Гальпер Фаины Ефимовны**).

ТЕМИНА Дора Абрамовна (р. 1937)

«Мои родители были выходцами из бедных мстиславских еврейских семей.

Дедушка по маминой линии, **Янкель Нафак**, умер очень рано, в 36 лет, и бабушка осталась вдовой. У мамы было 12 братьев и сестер, но я знала только четверых: трех сестер и брата. Брат мамы **Абрам** после войны жил в Ленинграде, а сестры — все в Белоруссии: **Сара**, **Двейра**, **Соня** (моя мама) — в Могилеве, а **Циля** — в Минске. Из всех братьев и сестер получила образование одна Циля. Бабушка как-то выделяла ее среди всех, может быть, потому, что она подавала больше надежд. Мама начала очень рано, в 11 лет, работать белошвейкой. Она была самой старшей и вынуждена была помогать бабушке поднимать остальных детей. Так что образования она никакого не получила.

Папина семья жила недалеко от маминой, и, кстати, мама и папа, **Абрам Семенович Темин**, родились в один день — 23 мая 1890 г. И так по жизни получилось, что папа всегда очень помогал маминой семье. Так что знакомы родители были с самого детства.

Папа тоже особого образования не получил. Он окончил три класса еврейской школы. Но и сейчас еще живут в Мстиславле люди, которые помнят отца и отзываются о нем с большим уважением. В свои 30—40 лет он уже, фактически, выполнял

функции старейшины, к нему ходили за советом и помощью. Потом в Могилеве после войны было то же самое, и я лично это наблюдала. Гораздо позже был такой эпизод в нашей семейной жизни. Моя старшая сестра **Екатерина** (по мужу **Кролик**) после окончания института работала педиатром, заведующей поликлиникой. Когда ей было 26 лет, предложили должность главврача детской городской больницы. Катя посоветовалась с отцом. Папа сказал ей что-то типа: «Лучше быть маленьким начальником, чем большим подчиненным». И сестра решилась в таком молодом возрасте пойти на эту должность, где работала до пенсии. Сам папа начал работать с 14 лет. Он рассказывал, что начинал трудовой путь у помещика в качестве счетовода. Он все нам говорил: «Я в 14 лет сам уже телку купил! А вы?» Вообще, он по жизни был тружеником. Мамин дядя, чтобы помочь их семье, забрал маму в Витебск, где жил сам, и устроил ее на фабрику. Однажды мама ехала в отпуск домой, и бабушка попросила своего соседа **Абрама** (будущего своего зятя) встретить маму на вокзале в Ходасах. Это рассказывал потом сам папа. Он взял телегу и поехал встречать дочку соседки, которую давно не видел. И он нам признавался, что момент, когда мама сходила с поезда, запомнил на всю жизнь — такая она была красивая. Так они полюбили друг друга и поженились. Было это в 1922 г. По-моему, то, как жили мои родители, должно быть образцом. Они так берегли, так поддерживали друг друга всю жизнь, что этому можно было только позавидовать. Мне кажется, что сейчас уже такого нет. У меня у самой дети и внуки, и все хорошо, но таких отношений все же не вижу в наших семьях.

До войны папа работал председателем еврейского колхоза в Мстиславле. Когда началась война, его и всех его друзей забрали на фронт. В 1943 г. после многочисленных ранений его комиссовали. У него было прострелено легкое. Работать после войны он уже не мог, занимался домашним хозяйством. Ну а мама была великолепной швеей. Я помню, что кроила она всегда на глаз, без мерок, и всегда попадала в точку, все было на месте. После войны она продолжала работать.

Я сама 1937 г.р., так что момент начала войны, конечно, не помню.

Во время эвакуации мы попали в Чкаловскую область. Мама работала в колхозе. В это время одна сестра училась в 7-м или 8-м классе, другая — в 4-м, а брат — в 5-м. Мама смогла девочек устроить где-то в районе в школу. А брат работал на лошади с мамой в колхозе. В 1943 г. туда приехал папа и его поставили директором колхоза им. Демьяна Бедного. Вернулись мы только в 1947 г., т. к. маму не отпустили сразу. В это время старшая сестра уже училась в Куйбышевском медицинском институте. Но она уехала вместе с нами и перевелась в Минский мединститут. Я пошла в

3-й класс школы № 4. Это была белорусская школа, а я белорусский, естественно, не знала. Так что мне приходилось не очень легко.

Потом я перешла в школу № 11. Училась я всегда хорошо, с этим проблем не было.

Жили мы на Менжинке. У нас был свой дом, огород, корова — большое хозяйство. Так что приходилось много работать, помогать взрослым. Катя тогда училась уже в Минске, потом туда в медицинский институт поступила Женья, брат уехал учиться в Ленинград.

Когда я окончила школу, родители думали, что я пойду в мединститут. Но я сказала: «Зачем в нашей семье столько врачей? Врачом я быть не хочу». А до этого в школьном сочинении как-то я написала, что хочу работать в сельском хозяйстве. Не могу сказать, что это было так уж серьезно. Но сочинение прошло на республиканский конкурс, и его кругом зачитывали, я была такой завзятой комсомолкой, что отступить было некуда. И я вопреки воле родителей подала документы в Горьковскую академию и поступила. Между прочим, никогда не жалела, что училась именно здесь. Уровень преподавания был очень высоким. Окончила педагогический факультет академии и в 1962 г. получила направление в Буйничское сельскохозяйственное училище, где проработала всю жизнь. Окончила заочно педагогическую академию им. Скрябина в Москве, факультет химии и биологии.

Каждый день рано утром я ехала с Юбилейного в Буйничи и поздно вечером возвращалась назад. Всю себя отдавала работе. Своим детям не могла уделить должного внимания.

В училище, кроме меня, евреев было немного. **Лев Ефимович Певзнер** вел сначала электротехнику, а потом, после окончания филфака пединститута, еще русский язык и литературу. Работала его двоюродная сестра **Любовь Абрамовна Певзнер**. Но и директором училища был еврей — **Александр Виссарионович Львов**. Это был очень интересный человек, хороший руководитель. Но он, по-видимому, всегда боялся, что его обвинят в покровительстве евреям, и поэтому старался относиться к нам чуть хуже, чем к другим. Но я сама предъявляла к себе такие требования, что руководству совершенно не к чему было придрачаться. Практически каждый год я на месяц выезжала в колхоз — не могла позволить себе достать медицинское освобождение (что для меня труда не представило бы). А у меня были маленькие дети, лежала парализованная мама. Но я не могла отказаться. Еще был случай, когда проходила аттестация в училище. Как раз перед этим мой ученик занял по биологии первое место на олимпиаде соцстран. Но на училище спустили разнарядку, по которой мне присваивалась только первая категория. Собственно, на большее я и не рассчитывала и считала нормальным, что высшая категория мне не положена, и директор мне ее все

равно не даст. Но в тот раз, благодаря моему ученику, я все же высшую категорию получила.

Вообще, надо сказать, я очень любила свою работу. И хоть очень уставала, считала, что ничего лучше быть не может. Но вот жизнь распорядилась так, что место работы я изменила (из воспоминаний **Теминой Доры Абрамовны**).

Продолжение воспоминаний Д.А. Теминой см. на с. 483.

ТИРКЕЛЬТАУБ Израиль Моисеевич (1920—2000)

«Я родился в 1920 г. Окончил белорусскую школу № 2, хотя большинство предметов там читали на русском языке, т. к. белорусскоязычных преподавателей не хватало. Находилась школа на углу Ленинской и Миронова в здании, где раньше была гимназия Залесской. Помню, что в кабинетах оставалось еще много наглядных пособий с гимназическими бирками. После седьмого класса к нам приходило много ребят, в основном евреев, из школы № 3, которая была семилеткой. Они очень хорошо знали математику и физику, но совсем плохо русский и белорусский языки.

Я в школьные годы очень увлекался стрельбой и много времени проводил в тире. Был я очень приличным спортсменом, капитаном могилевской команды, рекордсменом республики. Освоил не только винтовку, но и ручной пулемет и станковый пулемет, так что в стрельбе был неплохим специалистом.

После окончания школы поступил на исторический факультет пединститута. Он был открыт на базе Ленинградского университета. В день начала войны в институте объявили митинг. Там выступали многие студенты, в том числе и я, и объявили о том, что идут добровольцами в армию. Я в то время исполнял обязанности секретаря комитета комсомола. Выступал на этом митинге и сталинский стипендиат **Гиршик**, еврей. Он был секретарем комитета комсомола, по-моему, филологического факультета. Гиршик сказал, что идет в отряды народного ополчения. Знаю, что он погиб в первые дни войны. Я же собрал все свои знаки отличия, значки и пошел в военкомат. Стал просить, чтобы меня забрали в армию, не хотел пользоваться положенной отсрочкой. Там рассмотрели все мои документы и согласились меня взять, только сказали, чтобы я решил все свои дела с институтом. Я досдал в институте новейшую историю и получил документ об окончании трех курсов. Собственно, это была не какая-то справка, а зачетная книжка, и она была моим единственным подтверждением учебы в институте. И позже, во время форсирования Десны, зачетная книжка уплыла вместе с паспортом. Переpravлялись вплавать, не было ни лодки, ни плота. У кого что было ценного, при-

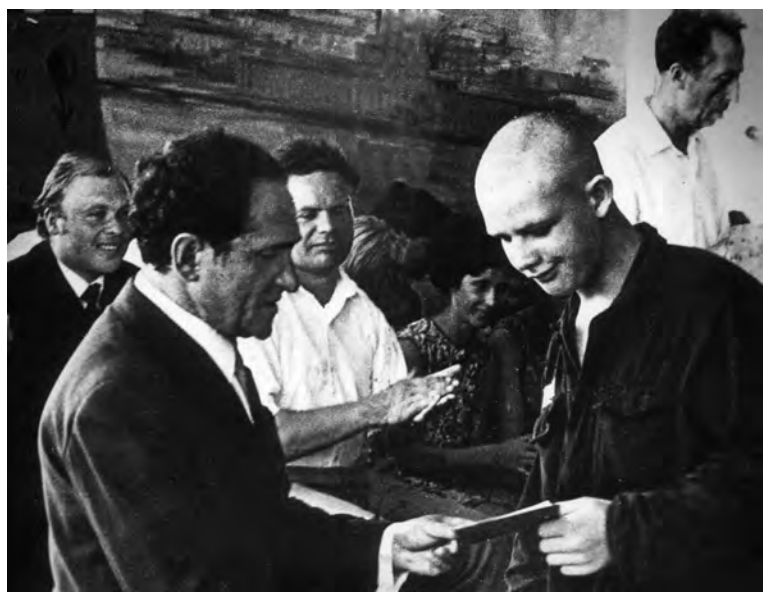
вязали к голове ремнем. Мои документы до другого берега со мной не доплыли.

В это время мои мать и сестра **Берта** были уже в эвакуации. Муж сестры был военным врачом, и он смог эвакуировать свою жену и двоих детей. Вместе с ними удалось эвакуироваться нашей маме. Было это через два дня после начала войны. Отца, **Моисея Семеновича Тиркельтауба**, уговаривал эвакуироваться тоже, но он остался в Могилеве.

Меня сначала взяли служить в полевой эвакупункт 13-й армии в отдел эвакуации оружия. Но пробыл я здесь недолго. Особого толку здесь от меня не было. Я попросился в действующую 307-ю стрелковую дивизию, которая располагалась рядом, и меня туда перевели. Здесь я как бы прижился, начал расти; с этой дивизией связаны все годы войны, все мои успехи и неудачи. Когда война закончилась, я был капитаном 307-й Краснознаменной ордена Ленина, Кутузова, Суворова Новозыбковской Кенигсбергской дивизии. В то время я был командиром батареи. Так получилось, что перед самым освобождением Могилева мы стояли на реке Проне. Над нами пролетали самолеты, направляющиеся бомбить Могилев, и я все говорил друзьям: «Вы подумайте, они летят на мой родной город. У меня там дом, родственники живут. А я им сам указываю маршрут движения». Очень хотелось, конечно, знать, что там сейчас в Могилеве делается, какие результаты бомбежек, но это было трудно. Единственное, узнал, что разбомбили «дом Буденного»... А больше ничего.

В дивизии все начальство знало, что я сам могилевчанин и очень рвусь домой. В то же время я мог быть очень полезен при наступлении, т. к. хорошо знал местность. Так я попал в батальон Рославльской дивизии, который первым форсировал Днепр. Когда мы подошли к Днепру, увидели, что деревянный мост сожжен полностью, а железнодорожный взорван. В Подниколье, где была линия обороны немцев, и на Луполово почти все дома были сожжены. Целыми остались Никольская церковь и смотровая пожарная башня (бывшая ратуша). Как я позже узнал, Никольскую церковь тоже пытались дважды взорвать, но из этого ничего не вышло.

Был один интересный случай во время войны, связанный с моей национальностью. Евреев в нашей дивизии служили, но было их немного. Как-то к нам приехал Илья Эренбург, а чуть позже меня отозвал мой сослуживец **Зайцев**, тоже еврей,

Директор школы **Израиль Моисеевич Тиркельтауб** (слева) вручает аттестаты своим ученикам.
Фото из семейного архива Геллер Б.В.

и сказал, что он написал Эренбургу письмо. Я спросил: «О чем?» Он объяснил, что как-то после боя слышал разговор о том, что убили еврея, в том смысле, что хорошо, что еще одного убили. Об этом и написал Эренбургу и получил ответ примерно такого содержания: «Не огорчайтесь. Чума заразна». Этот момент врезался мне в память на всю жизнь.

Наши сразу построили переправу, и я устремился в город. Побежал в институт, который был последним пристанищем перед войной. Но здание на Ленинской тоже смотрело пустыми окнами. Оно полностью выгорело внутри. Я, честно говоря, просто не знал, что делать, и головешкой написал на стене здания большими буквами: «Я здесь был 28 июля 1944 года» и подписался. Надеялся, что эту надпись кто-то увидит и будут знать, что я жив. И действительно, многие мне потом говорили, что эта надпись не осталась незамеченной.

А я стал выяснять судьбу отца. Все же надеялся застать его в живых. Нес ему в рюкзаке самые ценные по тем временам вещи: сало, спички, мыло, тушенку. Нашел я лишь друга отца **Ивана Климовича Рыжкова**, который был нашим соседом. Он мне смог рассказать, что в первые дни оккупации немцы в районе Дубровенки создали гетто и согнали туда всех оставшихся евреев. Отец мой тоже попал туда. Вначале режим там был довольно свободный, и отец часто появлялся. Принес даже мои добротные вещи, которые я смог купить перед самой войной на деньги, заработанные на подготовке ворошиловских стрелков (учась в институте, я также вел занятия стрелковых кружков). По-видимому, отец понимал, что в гетто их

не ожидает ничего хорошего. Так и было. Режим входа и выхода ужесточался, но отец еще несколько раз появлялся у Рыжкова в сопровождении полицейского, чтобы взять немного картошки. Потом всех уничтожили. К своему стыду, я не смог выяснить где, найти место расстрела, хотя и вошел в Могилев одним из первых. Называли и Польшковичский Лог, и район завода им. Кирова. Но точного места гибели отца так и не узнал.

Когда закончилась война, я служил в городе Конотопе в Киевском военном округе. Передо мной встал вопрос: «Что делать дальше?» Тогда функционировал такой Комитет по делам высшей школы. Я туда написал письмо и получил ответ, что бывшие студенты сохраняют свои права в течение пяти лет. Если перерыв больше, нужно начинать на общих основаниях. Мне это, естественно, не подходило, а времени оставалось совсем мало. Тогда начал ходатайствовать об увольнении из армии. Обратился к своему командиру дивизии. Он согласился с моими доводами и сказал, что надо ехать в округ. В это время командовал войсками Киевского округа генерал Гречко, будущий маршал СССР. Я поехал к нему в Киев и с большим трудом попал на прием. Объяснил ситуацию, что хочу определить свою судьбу, что, когда я был полезен, пошел в армию добровольцем, а сейчас война закончилась, и мне надо получить специальность. Ведь мне уже было 26 лет. Гречко меня выслушал, посмотрел бумаги и порекомендовал идти в местные институты. Я ответил, что для учебы в Киеве или Львове нужно знание украинского языка. А я украинского не знаю совершенно. В общем, получил я все же разрешение на демобилизацию. Тогда я написал письмо на имя ректора Могилевского института с вопросом о возвращении. Так я в конце 1946 г. вернулся в Могилев, нашел нескольких человек, которые дали мне письменное подтверждение об окончании мною трех курсов, и восстановился в институте. Была очень интересная группа — первый послевоенный выпуск. Много было демобилизованных и партизан. Мне предложили работу в Центральном историческом архиве Белоруссии, который тогда находился в Могилеве в здании костела. Шефом моим был **Константин Петрович Петров**, который преподавал историю Белоруссии. Проработал я с ними два года. Работа мне нравилась. Я увлекался, работал очень активно. В итоге через полтора года Константин Петрович защитил диссертацию, а я ушел преподавателем в школу рабочей молодежи, где проработал до 1965 г. Как-то меня вызвал заведующий облоно Осмоловский и предложил стать директором школы для заключенных в исправительно-трудовой колонии, которая базировалась на Славгородском шоссе. Меня утвердили в обкоме партии и МВД, и так я стал директором этой еще несуществующей школы. Здесь я проработал до ухода на пенсию в 1988 г. Когда я впервые появился в колонии, мне показали на вырытый котлован и сказали: «Вот

здесь будет Ваша школа». Так что можно сказать, что я заложил здесь первый кирпич и шаг за шагом сделал из нее образцовую школу, базовую школу МВД БССР. И закрылась она сразу после моего ухода. Это было мое детище, которым я вполне могу гордиться. Сколько труда и здоровья в нее вложил — трудно даже передать. Я фактически жил там.

Занималось в школе 500 человек, работали в две смены. Вначале были все классы с 1-го до 9-го. Как ни странно, были в то время и неграмотные, в основном выходцы из западных областей Белоруссии. А у нас же тогда, по крайней мере, 4 класса должны были закончить все. Первыми в Белоруссии мы внедрили кабинетную систему обучения, первым ввел я в школе и институтскую систему. Обучение не часами, а парами. А оборудование по тем временам было на самом высоком уровне. Вообще, школа была на хорошем счету и ее частенько ставили в пример остальным. Кстати, и с заключенными — учениками школы — у меня сложились хорошие отношения и я получал от них много теплых писем после выхода на свободу.

Вот такая у меня была жизнь. Как видно, национальность моя не сыграла в моей судьбе какую-либо определяющую роль. Может быть, потому что я никогда особенно наверх не рвался, а меня никуда особенно и не выдвигали. Я был хорошим студентом, хорошим солдатом и хорошим преподавателем. Даже смутное время 50-х, когда началась кампания борьбы с космополитизмом, меня напрямую никак не коснулось. Единственное, что я как раз в это время сдал кандидатский минимум, но мысли о защите сразу отбросил как совершенно нереальные. Можно только удивляться, почему предложили именно меня на пост директора этой школы, но в итоге школа получилась что надо. Был один случай в 70-х гг. во время II съезда учителей, на котором я был делегатом. Ко мне подошли коллеги из России и напрямую сказали: «У вас в Белоруссии что-то не то с антисемитизмом. Ваша школа одна из лучших в Союзе. У нас Вы давно бы были заслуженным учителем, а Вас даже не представляют к этому званию». Может быть, именно потому, что я не предъявлял таких претензий, и не чувствовал проявления антисемитизма.

С женой моей мы учились до войны в одной школе. Когда я вернулся после войны в Могилев, случайно с ней встретился. Поздоровались, я стал спрашивать, где она, чем занимается. Я знал, что до войны она училась в музыкальном училище, а тогда заканчивала БГУ. Поженились мы в конце 1947 г. У нас сын и дочь, внук и внучка. Сын инженер, работает в институте физики. Дочь закончила консерваторию и работает в Гродненском музыкальном училище. Жена же всю жизнь проработала в музыкальной школе, заведовала фортепианным отделением до выхода на пенсию в 1980 г.» (из воспоминаний **Тиркельтауба Израиля Моисеевича**).

О МОГИЛЕВСКОМ СТРОИТЕЛЬНОМ ТЕХНИКУМЕ

МАХЛИНА Роза Ильинична
(р. 1921)

«Могилевский строительный техникум основан был сразу после войны. Первыми его студентами были солдаты, пришедшие с войны и не успевшие еще получить специальность.

В 1949 г. состоялся первый выпуск техникума гражданского строительства. В этом же году сюда пришла и я на должность преподавателя английского языка. Кстати, тогда иностранный язык попросту игнорировали, хотя часы в плане и стояли.

В техникуме в то время работали два преподавателя-еврея: я и **Анна Абрамовна Титова (Сычик)**. Еще была библиотекарь и по совместительству организатор самодеятельности **Мария Исааковна Касьянова** — любимица всех учащихся.

Среди первого выпуска было также много евреев, которых и потом все ставили в пример: **Фоля Брыскин, Илья Альтшулер, Давид Махлин** (впоследствии — преподаватель техникума), **Циля Катлер, Маня Шапиро**.

После объединения с гродненским и витебским техникумами число преподавателей-евреев уве-

Директор техникума **Виктор Константинович Рабцевич** и преподаватель физики **Исай Маркович Эпельфельд**.
Фото 80-х гг. XX в.
из семейного архива Вайман Р.И.

личилось. Пришли **Д.И. Дворкин, И. Лифшиц, Ф.Д. Астрова, И.М. Эпельфельд**. Очень большим авторитетом пользовались **Исай Маркович Эпельфельд** и **Фаина Даниловна Астрова**. Их знали и любили как преподаватели, так и ученики. Но, в принципе, в то время мы совершенно

Преподаватели и студенты строительного техникума возле старого здания на ул. Пионерской.
Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Вайман Р.И.

не задумывались о национальности: вместе работали, вместе отдыхали.

Был только один период, о котором нельзя не вспомнить. Когда началось «дело врачей» всюду проводились собрания с их осуждением. Провели подобное и у нас. А на следующий день одна из преподавательниц белорусского языка потребовала на педсовете осудить «черную деятельность» еврейки Махлиной (т.е. мою), которая направлена на подрыв ее авторитета и натравливание против нее коллектива преподавателей и студентов. Педсовет был создан. Выслушав ее истерические аргументы, все единогласно решили, что она больна. Слава богу, на этом все и закончилось.

Я с 1993 г. живу в Израиле.

Выпускники техникума **Оля Гинзбург** и **Рая Закашанская** организовали встречу выпускников за 50 лет. Собралось очень много народу. Все с благодарностью вспоминали родной техникум, преподавателей, благодарили за полученные знания. Многие уже закончили институты, были хорошо устроены в бывшем Союзе, да и в Израиле не пропадают» (из воспоминаний **Махлиной Розы Ильиничны**).

ВАЙМАН Рива Ицковна (Римма Исааковна) (р. 1922)

«До войны я окончила школу № 3, которая до 1937 г. была еврейской. Потом я даже пыталась поступать в Ленинграде в институт иностранных языков. Но учиться там так и не довелось, а в Могилеве перед войной окончила первый курс пединститута.

Когда началась война, наша семья (кроме брата Миши) оказалась в Коканде. Миша эвакуировался отдельно с училищем, где учился. Мы вначале всей семьей работали в колхозе «Юксаль», жили в маленькой комнатке в узбекской семье. Затем папа пошел молотобойцем в местный промкомбинат, а мама — на фабрику «Итюфак». Я же шила для фронта теплые меховые вещи на овчинно-шубной фабрике. В эвакуации в 1942 г. поступила в Кокандский учительский институт на второй курс. Правда, после его окончания учителем в Коканде устроиться не смогла и пришлось пойти кассиром в швейную мастерскую. Жизнь была голодной, труд-

Лазарь Ефимович Литин и Римма Исааковна Вайман
со своими студентами.

Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Вайман Р.И.

ной, но трудности преодолевали сообща, помогая друг другу.

Вернулись мы в Могилев в октябре 1945 г. Поселились сначала в кухне своего дома, т. к. там уже жили другие люди. Правда, комната за комнатой, дом постепенно освободился. В ноябре 1945 г. в семье моей подруги **Баси Ванилер**, которая была замужем за **Исааком Дудкиным**, я познакомилась с **Лазарем Литиным**, который жил в семье своего друга и земляка после возвращения с фронта. Вскоре мы поженились, свадьба состоялась в ночь с 31 декабря 1945 г. на 1 января 1946 г. Прожили мы в любви и согласии до 1974 г. — смерти мужа. Воспитали двух сыновей — **Ефима** и **Александра**.

Преподаватели строительного техникума
Фаина Даниловна Астрова, Лазарь Ефимович Литин,
Римма Исааковна Вайман.

Фото 50-х гг. XX в. из семейного архива Вайман Р.И.

Сразу после возвращения в Могилев Лазарь устроился сначала преподавателем в школу, а затем в 1946 г. — в строительный техникум, где проработал до самой пенсии в 1970 г. Точнее сказать, в 1946 г. техникум только начинал свое существование и назывался техникумом колхозного и сельского строительства. Тогда это учебное заведение не имело еще своего помещения. Было только несколько комнат в помещении медучилища, а затем педучилища. Параллельно восстанавливали силами преподавателей и учащихся здание на углу улиц Виленской и Циолковского. В подвале оборудовали несколько комнат и кухню для общежития. Еще под одно общежитие приспособили барак на ул. Ленинской около Советской площади.

Я пришла в техникум преподавателем белорусского языка и литературы в 1947 г. Уже тогда здесь, кроме мужа, преподавало много евреев. Математику вела **Циля Абрамовна Злотина**, физику — **Семен Яковлевич Гусин**, химию — **Мария Ароновна Беркова**, библиотекарем работала **Дора Ильинична Ковалева**. В том же году, что и я, преподавателем истории пришел **Лев Яковлевич Злотников**. Позже, когда наш техникум слили с техникумом гражданского строительства и, собственно, образовался строительный техникум, преподавателем философии стала работать **Фаина Даниловна Астрова**, пришел великолепный физик **Исай Маркович Эпельфельд** и многие другие.

В нашем доме по 2-му Крутому переулку сразу после войны проводились даже партийные

Урок белорусского языка ведет **Римма Исааковна Вайман**.
Фото 70-х гг. XX в. из семейного архива Вайман Р.И.

собрания, так что я уже в 1946 г. знала многих сотрудников. Особенно близко я сошлась с Цилей Абрамовной Злотинной, дружба с которой прошла через всю мою жизнь и жизнь всей нашей семьи. Так что я считаю своим долгом рассказать именно об этом человеке.

Циля Абрамовна была выпускницей Московского пединститута, который во время войны эвакуировали на Дальний Восток. Оттуда она приехала в Могилев, на свою родину. Кстати, она перед войной окончила ту самую школу в Костюковичах, где директором был мой муж. Родители Циля, ее братья и сестра были расстреляны фашистами в деревне Силичи под Костюковичами. В Могилеве ее сначала приютили семьи родственников. Затем

она получила маленькую комнатку в общежитии. Циля Абрамовна была любимицей всех учащихся, несмотря на требовательность и строгость. Она ежедневно помогала им не только в учебе, но и в обустройстве быта. Судьба Циля была не из счастливых. Она вышла замуж за **Михаила Герчакова**. В 1953 г. у них родился сын Аркаша. С мужем жизнь не сложилась. Так что она одна воспитывала сына, который после четырех лет тяжело заболел. Он требовал постоянной заботы и внимания. Циля все силы отдавала сыну, разрываясь между ним и работой. Так продолжалось 19 лет. За это время Аркаша экстерном окончил школу и поступил на математический факультет пединститута, где успешно учился, несмотря на свои проблемы. Циля не теряла оптимизма, силы воли. Всегда была очень общительна, готова помогать всем нуждающимся. Несмотря ни на что, продолжала участвовать в общественной жизни техникума. Все эти годы она

Р.И. Вайман и преподаватель английского языка **Циля Абрамовна Лившиц**.
Фото из семейного архива Вайман Р.И.

Преподаватель белорусского языка
Римма Исааковна Вайман и
преподаватель математики
Циля Абрамовна Злотина.
Фото 60-х гг. XX в. из семейного архива
Вайман Р.И.

боролась за жизнь сына, но болезнь взяла верх, и в возрасте 24 лет Аркаша умер. Впоследствии сама Циля Абрамовна тяжело заболела, перенесла операцию в Москве. Умерла в Израиле. Вот такая непростая судьба моей подруги.

А я проработала в техникуме до 1980 г.» (из воспоминаний **Вайман Ривы Исааковны**).

ЛЮДИ

ЦЫРЮЛЬНИКОВ Борис Лазаревич

«Борис Лазаревич Цырюльников окончил в 1937 г. географический факультет Могилевского пединститута и был оставлен на кафедре ассистентом. Я его помню в 1939 г. уже преподавателем географии и методики преподавания. Кажется, он параллельно занимал и какой-то пост в обкоме комсомола.

*В годы войны он попал в плен и смог выжить, т. к. не был похож на еврея. После войны вернулся в Могилев и был принят в областной институт усовершенствования учителей, который находился в Пожарном переулке. Все его очень уважали и как специалиста, и как человека. Через некоторое время его оттуда убрали. Позже я узнал, что кто-то из бывших военнопленных пытался вступить в партию и во время очередной проверки, после предъявления ему каких-то претензий, сослался на Цырюльникова. Начались проверки, и выяснили, что он был в лагере каким-то начальником среди заключенных (что, возможно, и позволило выжить). Тогда его тут же убрали из института. Фактически это означало «волчий билет», но нашелся нормальный смелый человек, директор дошкольного техникума **Логашев**, который взял Цырюльникова к себе, и там тот проработал до пенсии. Умер он лет 10 назад» (из воспоминаний **Лярского Петра Алексеевича** (р. 1917)).*

ПЕДАГОГИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И УЧЕНЫЕ-МОГИЛЕВЧАНЕ

РУБИНШТЕЙН Давид Хаймович (1920—1999)

Профессор, кандидат физико-математических наук, известный ученый-методист.

Родился 16 января 1920 г. в г. Витебске в семье потомственного рабочего-шорника **Хайма Рубинштейна**. Дома царил запах хомутов, седел, конской сбруи — запах всего того, чем из века в век занимались шорники. В 1930 г., когда глава семьи был приглашен на работу на новый, только что построенный кожзавод в качестве технорука, переехали в Могилев.

В школьные годы хиленький и щупленький парнишка, никогда никаким спортом не занимавшийся, только одно делал с удовольствием — решал задачи. После окончания могилевской школы Давид поступил на физико-математический факультет Белорусского государственного университета. В 1938 г. в Могилеве по обвинению в антисоветской деятельности был арестован его отец. Давид ждал, что вот-вот его выгонят из университета, как это было тогда принято. Но по какой-то неведомой причине, а скорее всего, по обычной расхлябанности, энкаведэшники в университет ничего не сообщили — Давида тогда так и не тронули.

«...Правда, ездить домой на праздники или каникулы он перестал: незачем «дразнить гусей»,

лишний раз мозолить глаза «доброжелателям». Пришлось жить по-новому. Скажем, самому штопать носки. Проколоть несколько новых дырок в брючном ремне, дабы привести их в соответствие с возможностями студенческой стипендии. На одну стипендию не прожить, студенты покрепче ходили по ночам разгружать вагоны, Давид же подрабатывал тем, что делал... курсовые задания, продавал мозги за кусок хлеба...

Война сразу же опрокинула и без того не очень устойчивый мирок студента 4-го курса. Давид кое-как выбрался из горящего Минска, пешком под бомбами дотопал до Могилева, и вместе с мамой и сестренкой они, прихватив самое

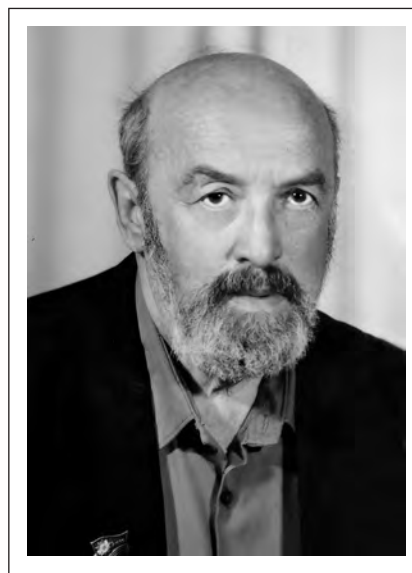
необходимое, устроились в идущий на восток товарняк. ...Наконец, их прибило к какому-то берегу. Берег этот назывался деревней Ивантеевкой Пугачевского района Саратовской области.

В Ивантеевке до приезда семьи Рубинштейнов никогда не видели живого еврея, вся деревня сбегалась поглазеть на пришельцев, дивилась и ахала — ни рогов, ни хвостов, люди как люди, и почему их кличут какими-то евреями, непонятно. И думаете, у мужиков изменилось мнение о евреях? Ничуть не бывало, просто они не поверили, что приехавшие — настоящие евреи».

В 1942 г. Давида призвали в армию. Окончил он офицерские артиллерийские курсы и в звании младшего лейтенанта был отправлен на фронт. Правда, воевать ему долго не пришлось. Условно говоря, на фронте он побывал три раза и за все три раза воевал в общей сложности от силы час. Когда первый раз выпускников офицерских курсов везли на фронт, их эшелон разбомбили налетевшие «юнкерсы» в 50 километрах от передовой. Давида взрывной волной выбросило из вагона — отделился несколькими переломами — два ребра и ключица. А эшелон сгорел...

После госпиталя побывал и в Сталинграде. Привезли их ночью, после представления командир полка был назначен командиром огневого взвода, фактически, командиром орудия, но покомандовать не успел: первый же снаряд попал в боевой расчет. Очнулся Давид уже по ту сторону Волги в медсанбате. Он единственный из батареи остался в живых, правда, почти полгода провалялся в госпиталях, и уже под самый конец войны оказался в Венгрии.

Машина, на которой он ехал к месту назначения, наскочила на мину: Давиду оторвало ногу.

Давид Хаймович Рубинштейн

Так что «...младший лейтенант Давид Хаймович Рубинштейн пришел с войны без орденов и медалей — сама жизнь была наградой и, надо сказать, немалой... Незавидной была его роль на войне — служить мишенью и только. Видимо, войне нужны не только герои-воины, но и просто пушечное мясо. И никто не знает наперед, кем ему назначено быть».

После войны продолжил учебу в Минске. После окончания был направлен в Могилевский пединститут. Начальство института не очень благоволило к молодому преподавателю, были сложности в работе над диссертацией, и Давид подал

«После войны в Могилевском педагогическом институте методику преподавания физики читал Давид Рубинштейн. Где-то в конце 40-х — начале 50-х гг. он выступил на одном из политзанятий перед географами и математиками: читал лекцию, посвященную юбилею Эйнштейна, рассказал о его жизни и научных достижениях. Как раз начиналась кампания по борьбе с космополитизмом, а в университете с этим делом «отстали»: везде их уже выявили, а у нас еще нет. Это выступление Рубинштейна подоспело вовремя. Декан геофака Лашкевич решил отыскать космополита и в среде преподавателей. Он выразился в том духе, что Рубинштейн не знает, что есть физика пролетарская и физика буржуазная, у него — просто физика. Раздули этот случай до невероятных размеров. Вынесли на совет, на котором Ларченко (он был долго ректором, а потом деканом геофака, хороший, в принципе, человек) спросил, сознательно ли Рубинштейн пропел дифирамбы Эйнштейну или не сознательно. Решили, что сознательно. Только два человека нашлись, которые проголосовали против. Один — профессор Гергард Густавович Шемберг, немец (интересно, что в личном деле у него стояла национальность «еврей»). В свое время, в 20-е годы, после того, как он перевел с немецкого труд великого ученого Гетнера, Шемберга тоже обвинили в подобном грехе, но ему повезло: он успел отсидеть в Ленинграде в какой-то тюрьме, а затем была ссылка в Серверный Казахстан, где он провел три года сторожем на бахче. В Ленинград ему дорога была закрыта, так он и оказался в Могилеве. Он умер в 1955 г. Вот он и выступил против, сказав: «Ну что вы говорите, какой тут космополитизм? Это же один смех! Кто же вы — люди?» Второй была Свирская — ботаник, агроном, занималась картофелем. Очень способный специалист. Она проголосовала против без всяких объяснений.

К счастью, никаких мер против Рубинштейна предпринято тогда не было, а он от греха подалее уехал на Дальний Восток» (из воспоминаний Лярского Петра Алексеевича (р. 1917)).

на конкурс и где-то в середине или конце 50-х гг. переехал в Комсомольск-на-Амуре. Там в пединституте долгие годы возглавлял кафедру физики, защитился в Москве, в Академии педагогических наук. Он был известным в России методистом, имел более 70 научных работ. Целью его было создание универсального методического пособия для учителей физики всех уровней, в том числе и для вузов. Его разработки были направлены на то, чтобы даже самый бездарный ученик смог усвоить основы физики.

На защите докторской все высказывания были исключительно положительными — ни одного «против» — так он и не стал доктором, хотя звание профессора ему было присвоено. После Комсомольска он многие годы работал в Новосибирском пединституте, заведовал кафедрой.

В начале 90-х гг. Давид Хаймович уехал с женой в США, а оттуда — в Израиль. Последние годы прожил в городе Нацерет-Илите — городе в двух уровнях: внизу — арабы, на горе — несколько современных многоэтажек, заселенных, в основном, «русскими». Умер в декабре 1999 г. (по воспоминаниям **Шульмана Михаила Иосифовича** и по его рассказу «Везунчик Додя»).

Софья Михайловна Гольдштейн

ГОЛЬДШТЕЙН Софья Михайловна (р. 1936)

Доцент кафедры математического анализа Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова.

«По линии мамы деды были купцами. Моим прадеду и деду принадлежали два дома, которые так и называли — дома **Ривлиных**. Располагались они рядом с Быховским рынком. Сегодня в

одном из них находится магазин «Спарта», а второй стоит чуть ближе к рынку. Когда была жива мама, она часто повторяла, что это были бы до сих пор наши дома, если бы не революция.

Мама все время жила в Могилеве. Звали ее **Раиса Моисеевна**. Она с 1902 г., всю жизнь работала зубным врачом. Умерла в 1993 г.

Я после войны училась в школе и музыкальной школе, а потом и в музыкальном училище по классу скрипки. Пожалуй, для меня это были самые яркие воспоминания детства. Все говорили, что у меня были большие музыкальные способности, а мой педагог **Александр Федорович Евстрахов**

Об Иосифе Левине

*«У дедушки и бабушки было 8 детей. Старшая сестра мамы, красавица Берта, влюбилась в **Иосифа Левина** из бедной семьи. Родители были категорически против этого брака не столько из-за бедности Иосифа, сколько из-за того, что он был революционером. Тем не менее, они поженились и Левин забрал ее из Могилева в Москву. Впоследствии Иосиф Левин стал очень известным советским архитектором, одним из авторов здания МИД на Смоленской площади. Кстати, во время строительства этого здания он и умер прямо на стройке. По рассказам, он был вхож и к Сталину. Так вот, следы его и маминной сестры после их переезда в Москву потерялись, а как мы все это узнали — довольно любопытная история. Это было уже сравнительно недавно — в 1975 г. Когда я уже работала на кафедре математики пединститута, к нам из Москвы приехал читать лекцию некто Левин. Его привез профессор **Столяр**. Я слушала эту лекцию, была ей очарована. Пришла домой и поделилась своими впечатлениями с мамой. Когда сказала, что его зовут **Виктор Иосифович Левин**, мама буквально «подхватила». Это же мой племянник! Мы сразу стали выяснять, где он сейчас находится, и нагнали его буквально на вокзале. Это была очень трогательная встреча. После этого он вскорости приехал в Могилев с сыном и первое, что сделал, — попросил сводить к «домам **Ривлиных**». Оказывается, Виктор хорошо знал, что родом из Могилева. Но никто не мог найти здесь Ривлиных» (из воспоминаний **Гольдштейн Софьи Михайловны** (р. 1936)).*

(я у него проучилась 8 лет), которого я очень любила, другой карьеры, кроме музыкальной, для меня не представлял. Но я хотела быть медиком и собиралась даже поступать в мединститут. Папа сказал «нет». Он считал, что если быть врачом, то только хирургом. А хирургия и семейная жизнь совершенно несовместимы, особенно для женщины. И вот когда мы с ним поехали в Минск подавать документы, я до последнего мгновения не знала, куда пойду учиться. А сдала документы в университет на математический факультет. После окончания его с отличием я возвратилась в Могилев и обратилась в гороно. Как ни странно, первое предложение — учитель пения в школе. Я даже не поняла юмора ситуации. Говорю: «Простите, у меня диплом университета с отличием. Даже если говорить о музыке, то я скорее скрипач, чем певец». Все же меня взяли в вечернюю школу, где я отработала чуть меньше года. А в 1960 г. профессор Столяр забрал меня к себе на кафедру математики в пединститут, где я работаю по сей день. Я страшно люблю свою работу и считаю, что мне очень повезло в этом смысле, меня окружают прекрасные, талантливые люди. В первую очередь хотелось бы отметить заведующего кафедрой, который меня долгое время опекал, — **А.А. Мазаника**. Это был талантливый педагог, ученый, организатор и прекрасный человек. Собственно, он и создал эту мощную кафедру, где я была одно время единственной женщиной. Среди моих учеников — нынешний министр образования, академик АН РБ **А.М. Радьков**, профессор БГУ **В.В. Амелькин**.

С моим будущим мужем, **Феликсом Шубом**, мы познакомились еще в школе в 7-м классе. Было это в 1950 г. Да и жили мы в соседних подъездах. Наше знакомство переросло в любовь. Поженились, еще будучи студентами, в 1957 г. В 1959 г. после окончания университета у меня родилась дочь. Сейчас это уже взрослый человек. Вот она смогла реализовать и свою, и мою мечту, пошла по стопам моего отца и стала врачом. Мама моя говорила, что она очень похожа на деда и по характеру. Она очень хороший, талантливый врач-гастроэнтеролог и великолепный диагност. Сейчас живет в Израиле» (из воспоминаний **Гольдштейн Софьи Михайловны**).

СТОЛЯР Абрам Аронович
(1919—1993)

Доктор педагогических наук, профессор Могилевского педагогического института.

Абрам Аронович Столяр родился 20 февраля 1919 г. в деревне Торутино (теперь Одесская область) в рабочей семье. Свою педагогическую деятельность начал в Узбекистане во время войны,

Абрам Аронович Столяр

преподавая математику в школе. Работу учителя он совмещал с учебой на заочном отделении Бухарского педагогического института, который окончил в 1947 г.

Работая в школе, а затем в Саратовском военноморском подготовительном училище (1948—1950), А.А. Столяр заинтересовался ролью логики в воспитании культуры мышления учеников. Итогом работы в этом направлении стала кандидатская диссертация «Воспитание логического мышления учеников на уроках математики», которую он защитил в 1951 г.

В том же году Столяр переезжает в Белоруссию и продолжает свои исследования, работая сначала учителем в школе № 11 г. Могилева, а затем в Могилевском педагогическом институте преподавателем, заведующим кафедрой, проректором по научной работе. Здесь он завершает исследование проблем, связанных с ролью логики в изучении математики, и в 1970 г. защищает докторскую диссертацию «Логические проблемы преподавания математики».

По инициативе А.А. Столяра в институте была создана научно-исследовательская лаборатория «Обучение и умственное развитие», в рамках которой было проведено комплексное психолого-педагогическое исследование проблем интенсификации влияния обучения на умственное развитие студентов. Теперь эта лаборатория преобразована в межкафедральную, которая продолжает исследования в направлениях, заложенных профессором.

Абрам Аронович был душой многих авторских коллективов, которые разработали учебники и учебные пособия для средней и высшей школы. Его исследования оказали большое влияние на становление кафедр, занимающихся преподаванием дидактики математики во многих высших учебных заведениях Советского Союза.

Все годы Столяр был преподавателем-практиком, активно работал не только со студентами, но и со школьниками. В 1986 г. он в возрасте 67 лет начал преподавать в школе новый предмет — информатику.

В 1992 г., после 41 года работы в Могилеве, он переезжает в Москву, где до последних дней жизни работает в Московском педагогическом институте.

А.А. Столяр оставил богатое творческое наследие, которое будет еще долго влиять на дальнейшее развитие методики преподавания математики, для всей педагогической науки. С его именем связывают становление методики преподавания математики как научной дисциплины.

Выдающийся ученый А.А. Столяр умер 6 мая 1993 г.

Л.А. Латотин

ГЕЛЛЕР Борис Эммануилович (1926—2009)

Доктор технических наук, профессор, почетный химик Министерства химической промышленности СССР и концерна «Белнефтехим».

Родился в 1926 г. в Минске. В 1948 г. **Борис Эммануилович Геллер** окончил Ивановский химико-технологический институт с присвоением квалификации «инженер химик-технолог по производству искусственных волокон». На протяжении следующих 10 лет в своей научной деятельности он был тесно связан со Всесоюзным научно-исследовательским институтом искусственного волокна. Активно занимался технологией получения синтетического волокна на основе хлорированного поливинилхлорида и промышленного производства волокна на основе полиакрилонитрила. При его непосредственном участии были созданы такие новые виды волокна, как хлорин и нитрон.

В 1958 г. он был направлен в Ташкент для организации подготовки специалистов в области технологии химического волокна и оказания научно-технического содействия в развитии производства химволокна в Средней Азии. В Ташкентском институте текстильной и легкой промышленности Б.Э. Геллер организовал кафедру и создал проблемную лабораторию химической технологии

Борис Эммануилович Геллер

высокомолекулярных соединений (ХТВМС), превратившуюся в один из центров науки о полимерах в Узбекистане.

В 1984 г. Борис Эммануилович был приглашен на работу в Могилевский технологический институт, где также организовал кафедру ХТВМС.

В течение последующих лет им и его сотрудниками в тесном контакте со специалистами МПО «Химволокно» был реализован ряд важнейших проектов и исследовательских работ для нужд объединения. Профессор Б.Э. Геллер осуществлял регулярные научные консультации специалистов крупнейших химических предприятий республики. На возглавляемой им кафедре было подготовлено более 1,5 тысячи инженеров-технологов по различным специальностям, многие из которых успешно работают на предприятиях Беларуси (в том числе и на МПО «Химволокно»), в академиях и отраслевых НИИ, вузах Узбекистана, России, Украины и других странах ближнего и дальнего зарубежья.

Под его непосредственным руководством было защищено более 50 кандидатских и 6 докторских диссертаций. Итогом его плодотворной научной деятельности явились более 500 научных работ, ряд монографий. На его научные разработки по технологии искусственных и синтетических волокон было выдано свыше 40 авторских свидетельств и патентов.

Профессор Геллер избирался членом Правления Республиканских научных обществ Узбекистана и Белоруссии, являлся организатором и членом оргкомитетов республиканских и международных научных конференций, симпозиумов и совещаний. Он являлся действительным членом Нью-Йоркской Академии Наук с присвоением почетного звания «Соросовский профессор».

ФАБРИКАНТ Анатолий Львович
(р. 1951)

Доктор физико-математических наук, радиофизик.

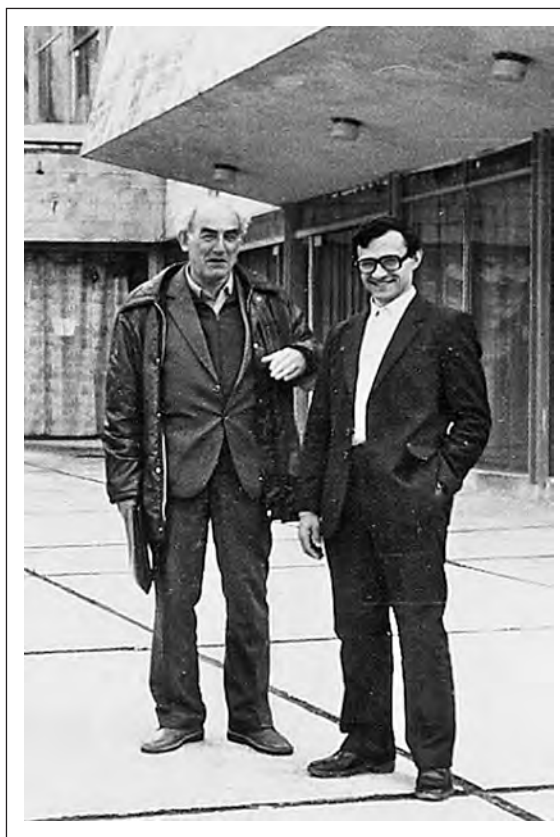
Анатолий Львович Фабрикант родился в Могилеве. В 1968 г. поступил в Горьковский университет на радиофизический факультет. В 1973 г. окончил его с отличием и был принят на работу в Научно-исследовательский радиофизический институт, а потом в Институт прикладной физики АН СССР (ИПФАН), руководимый академиком **А.В. Гапоновым**. В течение 20 лет работал в отделе теоретической физики и физики плазмы под руководством профессора **В.В. Железнякова**. Вырос в самостоятельного ученого, доктора физико-математических наук. К числу его научных интересов относились гидродинамика и акустика, электроника и физика плазмы, теория колебаний и волн, физика атмосферы и океана, научное программирование и др. Ему принадлежат более 100 научных статей, книг и авторских свидетельств.

В 1992 г., посетив с научным визитом университет Калифорнии в Сан-Диего, США, он получил работу в НАСА, в лаборатории реактивного движения (Jet Propulsion Laboratory). В марте 1993 г. вместе с семьей покинул Россию и поселился в Калифорнии. В 1994 г. работал ученым-исследователем в университете штата Пенсильвания.

В 1997 г. Анатолий Фабрикант оставил университетскую науку и перешел работать в Силиконовую долину, в Калифорнию, где начал новую карьеру индустриального ученого. Быстро продвигаясь по карьерной лестнице, в 2000 г. он уже работал старшим научным сотрудником в большой компании, производящей метрологическое оборудование для полупроводниковой промышленности. Работа эта требовала знания физики, прикладной математики и инженерного искусства. К настоящему времени имеет 8 патентов в этой области, и его опыт и знания продолжают расти.

**Краткая история творческой жизни
Анатolia Фабриканта,
рассказанная им самим**

Анатолий Львович Фабрикант родился в городе Могилеве. Его родители были «интеллигенты в первом поколении»: мать, **Белла Яковлевна**, работала участковым врачом, отец, **Лев Самуилович**, — техником в метрологической лаборатории. Они получили образование в 30-х гг., большую часть жизни прожили впроголодь в нищенских условиях, как, впрочем, и большинство советских людей. Это была обычная советская семья — никаких отклонений от советского стандарта. Отец

Анатолий Львович Фабрикант (справа) и академик **В. Гинзбург** (его отец родом из Могилева), г. Горький.

Фото из семейного архива Фабриканта А.Л.

достаточно ясно понимал сущность коммунистической системы, но даже малейшие намеки на критику советской власти в семье были строго запрещены. Прожив полвека при социализме, он сознавал, чем такие разговоры могут грозить. В результате Анатолий в течение многих лет имел весьма успешно «промытые» мозги и в области социальных наук оставался где-то на уровне питекантропа. Естественным образом вся нерастраченная энергия молодого и любопытного ума устремилась на точные науки, где партия и правительство не успели навести должный порядок.

Родители рассматривали высшее образование как ключ к успеху в жизни и не жалели ничего, чтобы дать его своим детям.

В раннем детстве Анатолий много болел. Вынужденный долгое время оставаться в постели, он нашел себе замечательное развлечение — читал старые детские журналы. Таким образом, он научился читать в возрасте около трех лет и чтение на всю жизнь осталось его любимым занятием.

В 9 лет самостоятельно изучил основы алгебры и увлекся радиолюбительством. Учился в средней школе № 1 г. Могилева, затем перешел в школу № 23.

Младшие классы школы были для него периодом непрекращающихся мучений. Его первая учительница интеллектом не блистала, но была очень требовательна к чистописанию. Последнее вызывало у Анатолия своего рода аллергию, и он рассматривал эти уроки как особо изощренный вид пыток. В результате такой несовместимости его успеваемость была очень близка к минимальной. Тот факт, что он свободно и много читал, а по математике его интересы и способности опережали средний уровень на 4—5 лет, с точки зрения учительницы никакой роли не играл.

Начиная с пятого класса, когда чистописание кончилось и работа мозгов стала цениться несколько выше, жизнь стала полегче. К сожалению, семья скоро переехала в новый район с очень плохой школой. Атмосфера грубого физического насилия, густо приправленная зоологическим антисемитизмом, сделала жизнь застенчивого подростка просто невыносимой. Книжки, особенно научная фантастика, были единственной отдушиной, позволяющей уйти от омерзительной действительности.

Жизнь Анатолия резко изменилась к лучшему, когда в Могилеве стали проводиться олимпиады школьников и в средней школе № 1 открылся физико-математический класс, где собрались ребята, готовые углубленно изучать эти науки. На первой же математической олимпиаде в 1966 г. Анатолий занял положение лидера и с тех пор, в течение всех оставшихся лет в школе, прочно его удерживал. Он участвовал во всех доступных районных, областных, республиканских и всесоюзных олимпиадах по математике, физике и химии, где неизменно занимал первые места.

С 1967 по 1968 г. Анатолий учился в специализированном физико-математическом классе при школе № 1, которую окончил с золотой медалью. Учеба в этом классе, где проходили уроки математического анализа, булевой логики, программирования, а алгебра, физика и химия преподавались лучшими учителями города, была для него просто наслаждением. На всю жизнь Анатолий сохранил благодарную любовь к его замечательным, талантливым и самоотверженным учителям: **А.А. Мазанику**, **А.А. Столяру**, **М.М. Приборкину**, **Д.Г. Гинзбург**, **Г.М. Сквородник**, **Р.И. Симкиной** и другим.

После школы было две дороги — в армию либо в вуз. Первая возможность вызывала у Анатолия панический ужас. Его более поздний опыт кратковременного общения с Советской армией, наряду с рассказами знакомых, испытавшими это удовольствие в полной мере, подтвердили полную обоснованность этого страха.

Анатолий хотел стать физиком-теоретиком. Где же еще учиться этому, как не в главном вузе СССР — Московском университете? Такова была наивная логика неопытного подростка. Откуда же он мог знать, что физический факультет МГУ был (и, говорят, до сих пор остается) антисемитским

гнездом. В результате Анатолий получил высший балл на письменном экзамене по математике, где проверка была анонимной (фамилии абитуриентов не раскрывались), и двойку на устном экзамене, где проверяющий видел абитуриента (и его личное дело).

Получив столь недвусмысленный «удар ниже пояса», Анатолий, тем не менее, ничего не понял и ничему не научился. Человек с «промытыми» мозгами неадекватно воспринимает реальность. Только спустя несколько лет, обдумывая и сопоставляя факты и выслушивая рассказы других «инвалидов пятого пункта», поступавших в МГУ, он стал осознавать истинный смысл случившегося.

Но в тот раз беда была невелика. В 1968 г. Анатолий поступил в Горьковский университет на радиофизический факультет. Уровень этого заведения был весьма высок, и Анатолий никогда не жалел, что судьба поселила его в Горьком (ныне Нижний Новгород). К тому же вся атмосфера в этом городе радикально отличалась от той, в которой он вырос. Уровень антисемитизма был удивительно низок: прожив там более 20 лет, Анатолий едва ли мог вспомнить что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее антисемитские эпизоды, которыми было густо «наперчено» его детство в Белоруссии. Очень важным было также, что в Горьком было несколько научных школ высокого класса с творческой и демократичной атмосферой. В результате Анатолий был вполне счастлив в этом городе. Он учился в университете весьма успешно: был круглым отличником, ездил в Москву сдавать экзамены по физике «теоретического минимума Ландау», занимался по индивидуальному плану на факультете. В 1973 г. окончил университет с отличием и, несмотря на официальные ограничения по «пятому пункту», был принят на работу в один из лучших исследовательских институтов России — Научно-исследовательский Радиофизический Институт (а потом в Институт Прикладной Физики АН СССР — ИПФАН) в отдел теоретической физики и физики плазмы.

Надо сказать, что Анатолию повезло с учителями в науке. У него было два научных руководителя: **М.И. Рабинович** и **А.А. Андронов** (сын основателя горьковской научной школы и сам талантливый ученый). Анатолий занимался с ними обоими, но совершенно разными задачами. К тому же оба эти научных направления отличались от того, чем занимались в его отделе. Эффект такого разнообразия был положительным — Анатолий приобрел опыт в весьма широком научном поле. К числу его научных интересов относились гидродинамика и акустика, электроника и физика плазмы, теория колебаний и волн, физика атмосферы и океана, научное программирование и другие области. Такая гибкость в выборе тем имела свои положительные стороны, и это помогало ему впоследствии. В частности, оказавшись через много лет в США, ему было гораздо легче на

рынке рабочей силы в науке, чем многим из его более «узких» коллег.

За 20 лет работы в отделе теоретической физики и физики плазмы Анатолий вырос в самостоятельного ученого, доктора физико-математических наук. В отделе, да и во всем институте, царила атмосфера творческой свободы и исследовательского энтузиазма. Расставаться с этим «гнездом» было трудно; годы эти он вспоминал потом как потерянный рай.

Научная карьера Анатолия развивалась достаточно успешно — более 100 публикаций и достаточно интересные перспективы дальнейшей работы. Но вот грянула перестройка, СССР зашатался и рухнул, а вместе с ним и вся налаженная жизнь. Анатолий не очень жалел об этой уходящей советской жизни, считая, что лучше быть голодным на свободе, чем сытым в тюрьме. Обидно было, конечно, терять такую «синекуру» — доктору наук в СССР жилось достаточно комфортно.

Но жизнь шла вперед, и надо было как-то в ней устраиваться. Тем более, к тому времени у Анатолия было двое детей, и их судьба волновала больше, чем собственное благосостояние. А время тогда — 1992—1993 гг. — было очень нервное. «Революция» подняла на поверхность много грязной пены, и русский фашизм рос на глазах. Было ощущение приближающихся неприятностей, особенно для «жидо-масонов». Теперь, задним числом, видно, что наихудший сценарий не состоялся, но шанс еще есть...

В 1992 г. Анатолий первый раз в жизни оказался за границей — поехал в командировку в США в университет Калифорнии, в Сан-Диего. Прожив там два месяца, он сумел договориться о работе в НАСА, лаборатории реактивного движения (JPL). И вот в марте 1993 г. Анатолий вместе со всей семьей покидает Россию и поселяется в Калифорнии. Работа в НАСА была только на год. После этого, пробыв несколько месяцев безработным (какая музыка для советского уха!), он нашел работу ученого в университете штата Пенсильвания. В течение трех лет жил в Пенсильвании, а его семья — в Калифорнии. Раз в три месяца летал к семье через всю Америку.

Необходимость такой странной и мучительной для всех жизни была связана с процедурой получения вида на жительство в США. Поскольку Анатолий приехал не как беженец, а по научному обмену, то вид на жительство («Green card») получить было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Надо было доказать, что его пребывание в США необходимо для национальных интересов этой страны. Как ни странно, это удалось. После трех лет напряженной борьбы с американской бюрократией у Анатолия оказались следующие официальные справки:

1. Удостоверение, что Анатолий Фабрикант умнее Эйнштейна.

2. Заявление Российского правительства о том, что оно не нуждается в Анатолии Фабриканте.

3. Признание Американского правительства о том, что если Анатолий покинет эту страну, то Америка очень много потеряет.

Разумеется, слова в этих бумагах были другими, но сущность именно такой. С этими документами Анатолий в 1996 г. наконец смог официально и постоянно жить в США.

В 1997 г. Анатолий бросает университетскую науку и начинает новую карьеру «индустриального ученого» в Силиконовой долине Калифорнии. Конец 90-х гг. был периодом процветания компьютерной индустрии. Анатолий быстро продвигается по карьерной лестнице и в 2000 г. становится старшим научным сотрудником в большой компании, производящей метрологическое оборудование для полупроводниковой промышленности. Работа эта достаточно интересная — смесь физики, прикладной математики и инженерного искусства. Анатолий имеет уже семь патентов в этой области, и его опыт и знания продолжают расти. На этой работе он остается и по сей день, надеясь прожить остаток своей жизни без новых приключений.

Жена **Галина** работала инженером в «закрытом» исследовательском институте в Горьком, а в настоящее время — менеджер крупного банка в Сан-Франциско.

Анатолий и Галина не без оснований считают, что теперь очередь их детей «вершить великие дела» в науке. Сын **Александр** — аспирант университета Калифорнии, Беркли, занимается компьютерной математикой. Дочь **Елена** учится в Калифорнийском технологическом институте (в том самом, где преподавал великий физик Фейнман) и специализируется в биологии и математике. Оба они являются одними из лучших студентов на своих курсах, получают престижные премии, и есть надежда, что их научная карьера также будет успешной (Калифорния, март 2005 г.).

РИЕР Григорий Яковлевич (1912—1982)

Кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Могилевского педагогического института в 1957—1960, 1963—1973 и 1976—1978 гг.

«Отец, **Григорий Яковлевич Риер**, родился в 1912 г. в Червене, который тогда назывался Игумен. Но уже через год семья переехала в Минск. Отец его был кузнецом. Семья была большая. Из двенадцати детей выжило десять.

Отец в Минске сначала работал фотографом, потом поступил во ВГИК на операторское отделение. Но судьба распорядилась иначе: по возвращении в Минск ему предложили два варианта

Григорий Яковлевич Риер

продолжения учебы «по комсомольской путевке» — в медицинский или педагогический вуз. Он выбрал исторический факультет педагогического института, благополучно окончил его в 1939 г. и поступил в аспирантуру. Оттуда его забрали в армию. Как аспиранта (с образованием «выше высшего») его направили в Москву. Там он и встретил войну, пережил первые дни паники и безвластия, обороны и контрнаступления. Отец прослужил до 1946 г. и вернулся в Минск. Он продолжал учебу в аспирантуре. Темой его была «Советская делегация в ООН», и он успел поработать в тогда еще неразграбленных архивах Восточной Пруссии в Кенигсберге. А в Минске в период расцвета борьбы с космополитизмом ни защититься, ни устроиться на работу было нереально. До репрессий дело не дошло, но придумали «усиление научной базы областных вузов». Так что кандидатскую степень отец получил уже после смерти Сталина, успев поработать в Пинском пединституте. Во второй половине 50-х гг. он переехал в Могилев и устроился в местный пединститут на кафедру истории. И здесь постепенно получил звание доцента, стал заведующим кафедрой, вел практически все учебные курсы, которые преподавались на истфаке. Вопреки устоявшемуся мнению, практической археологией Григорий Риер не занимался. Его как ученого интересовали лишь археологические данные. Был очень хорошим лектором, популярным среди студентов. Вышел он на пенсию в 1981 г. в возрасте 70 лет. После себя оставил своих учеников и привил любовь к истории мне.

Что касается его еврейства, то надо сказать, что в основном оно заключалось в хорошем владении идишем. Отец не был религиозным человеком,

как и вся его семья, но вспоминал, что, когда в детстве они с ребятней привязали к двери дома раввина дохлую мышь, получил от своего отца по полной программе. Как и подавляющее число молодежи того времени, был и пионером, и активным комсомольцем. Один раз даже в составе отряда участвовал в раскулачивании, но от вида того, как в зимнюю стужу «виновных» вместе с детьми и пожитками вытаскивали ночью из домов, сажали в телеги и отправляли неизвестно куда, ему стало плохо. Больше его на такие «мероприятия» не брали. В партию вступил в июле 1941 г., когда решил, что с фашизмом ему необходимо бороться в составе той силы, которая сможет его одолеть. Он шел в ногу с эпохой, не был диссидентом, но по всем вопросам имел свое мнение, которое не афишировал. И меня приучил критически осмысливать действительность и рекомендовал заняться той областью истории, которая меньше подвержена идеологии и партийности. В период охлаждения отношений между СССР и Израилем, когда случилась первая война с арабами, отцу поручили написать статью по этому поводу. Он очень переживал, т. к. отказать, как и высказать свою позицию, было невозможно. В итоге была все же написана статья, в которой не расставлялись акценты, а просто приводились конкретные факты. Так он смог выйти из этого положения. Умер отец в 1982 г., только год проработав пенсионером» (из воспоминаний **Риера Якова Григорьевича** (р. 1947)).

РИЕР Яков Григорьевич (р. 1947)

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой общей истории Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова.

«Я родился в 1947 г. в Минске, но вырос в Могилеве. С детства проявил интерес к исторической науке, хотя никакого давления отца на меня в этом направлении не было. Дома была богатая библиотека, и мне нравились исторические книги больше, чем художественные. Потом отец стал приносить домой литературу уже по моему заказу. Я учился в школе № 1, и моя учительница Шкляревская позже рассказывала моим родителям, что уже в 7-м классе я определенно заявил, что буду археологом или астрономом. Учился я без особого желания, и, кроме истории и географии, пятерок у меня особенно и не было. Уже в институте, куда я поступил в 1965 г., у меня отметок ниже пятерки не было. Но археологом я стал достаточно случайно. С одной стороны, повлияли наставления отца о том, что надо быть подальше от современной истории и партийности. С другой, в пединституте появился неординарный, открытый и очень деятельный преподаватель-археолог **Г.И. Ионе**, который смог

Яков Григорьевич Риер

нас заинтересовать этой профессией. Он просто излучал энергией и любовью к своему предмету.

После окончания института я некоторое время проработал в областном краеведческом музее, потом был призван в армию и после службы вновь вернулся в музей. Занимался археологией и охраной памятников. Тогда же выбрал себе тему и стал писать кандидатскую диссертацию. В 1975 г. пришел в институт, защитил кандидатскую диссертацию по археологии Белоруссии (1980 г.), а докторскую — по проблемам европейской средневековой истории и археологии (в 1993 г.). С 1989 г. стал заведующим кафедрой. Мои научные интересы лежат в области средневековой мировой истории, ее влияния на происхождение современных процессов в обществе и государстве, различия между странами, народами, цивилизациями. Не было у меня проблем с публикациями, которые, например, были у моего отца. Вышло 10 книг и порядка 160 статей. Основными своими трудами я считаю две монографии. Одна, выпущенная по итогам докторской диссертации, посвящена средневековому аграрному миру Центральной и Восточной Европы. Другая — о средневековых цивилизациях, в которой я провожу структурный анализ, сопоставления разных путей развития в мире, чтобы определить, почему цивилизации развиваются теми или иными путями, почему одни опережают другие в своем развитии. Выпущена и серия учебников.

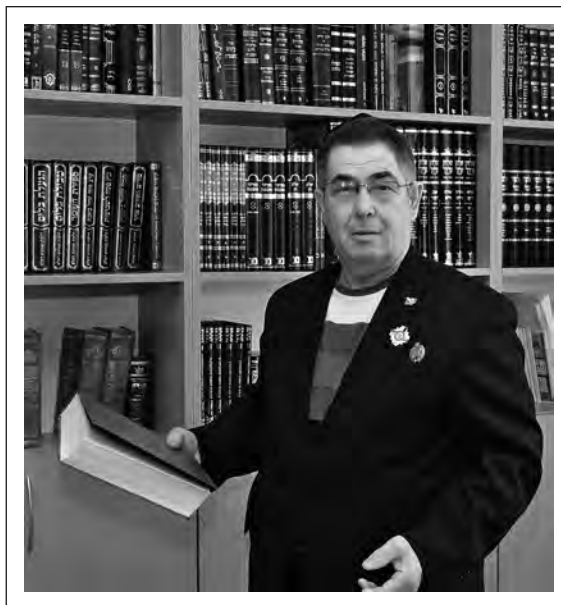
Еврейской историей, как ни странно, я стал интересоваться серьезно лишь в последнее время, но, опять-таки, больше как специалист по

средневековой истории. Слежу за литературой, внимательно ее изучаю, включаю эти сведения в свои лекции. Надо сказать, что эта информация хорошо усваивается современными студентами и в этом плане с ними достаточно легко работать. Но, когда в свое время мне предложили заниматься еврейской историей и традициями с детьми в воскресной школе, я отказался. И причина здесь в том, что я не привык находиться в узконациональной среде. Я настолько привык за свою жизнь общаться с людьми разных национальностей, что при погружении в мононациональную среду мне становится в определенный момент некомфортно. Я даже считаю, что еврейской историей должны заниматься неевреи. У них это получится более объективно. А мне интереснее заниматься историей Беларуси и других европейских народов. По своему внутреннему ощущению я считаю себя именно европейцем. Может быть, если бы мое детство проходило по-другому, то и я стал бы другим, но сейчас я на еврейскую жизнь смотрю как бы со стороны» (из воспоминаний **Риера Якова Григорьевича**).

ЦЕЙТИН Калман Файвович

(р. 1945)

Доктор технических наук, профессор Российского государственного социального университета, академик РАЕН (2000 г.), полковник, заслуженный эколог России (1999 г.), зам. начальника управления по организации обезвреживания и переработки отходов производства и потребления

Калман Файвович Цейтин
в могилевской синагоге общины «Ковчег».

Роза Давидовна Ципоркина —
мать **Калмана Цейтина**.
*Довоенное фото из семейного архива
Белуосовой Б.Ф.*

«Экотехпром» Правительства Москвы (с 2005 г.), заместитель начальника отдела экологической безопасности Министерства природных ресурсов и экологии Московской области, заместитель председателя экспертного совета Московской городской думы по экологической политике, заместитель генерального директора по экологии холдинговой компании «Стройинженерсервис-2», автор Государственной Программы «Радиационная безопасность Московской области». Кавалер ордена Почета, награжден многими правительственными наградами; за вклад в области экологии награжден серебряной медалью РАЕН и медалью «За заслуги».

Калман Файвович Цейтин родился 3 марта 1945 г. в Могилеве.

Семья жила на ул. Белинского возле железнодорожной больницы. Отец, **Файва Калманович Цейтин**, родился в г. Чаусы в 1915 г. в многодетной семье. Дед, **Калман**, работал на мельнице, хозяином которой был дед **Юлия Гусмана**, того самого капитана Бакинской команды КВН. Все родственники погибли во время войны. Файва Цейтин работал паровозным машинистом (у клуба ЖД стоит паровоз, на котором он трудился до ухода на пенсию). Он был одним из немногих евреев на всю белорусскую железную дорогу. Отец чувствовал себя обиженным властью. Всю войну он провел на паровозе, перевозил солдат, боеприпасы, не раз попадал под бомбежки, был ранен, его паровоз горел, пятки у него были обгоревшие, а ему после ухода на пенсию даже не дали «Заслуженного

железнодорожника», не считался он и участником войны, никаких льгот не было.

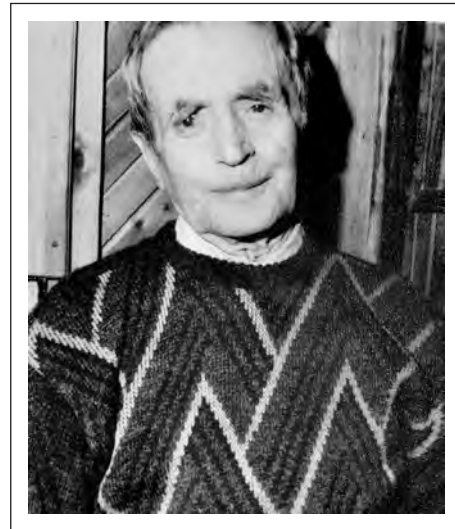
После ухода на пенсию помогал общине. В конце своей жизни он уехал с младшей дочерью в Израиль, куда всегда стремился. Но прожить там ему довелось совсем недолго, немногим больше года. Умер в 1995 г. от скоротечного рака легких — последствий своей работы. У него были брат и две сестры.

Мама, **Роза Давидовна Ципоркина**, родом из д. Княжицы, работала швеей, занималась воспитанием троих детей и хранила домашний очаг. В дружной семье, где кроме Калмана воспитывались еще две его сестры, отмечали Песах. Родители обожали национальную кухню, постоянно готовили традиционные блюда. Много евреев Могилева собиралось у них дома. У Цейтиных была русская печка, глава семейства пек мацу для еврейской общины Могилева.

Калман учился в школе № 22, потом в школе № 24. После окончания школы в 16 лет устроился на кроватный завод фрезеровщиком. Любил футбол, теннис, был спортивным молодым человеком.

Всегда мечтал походить на своего двоюродного брата, капитана 2-го ранга, морского офицера, служившего на Дальнем Востоке. Глядя на него, у Калмана появилась мечта тоже стать офицером, и в 1962 г. он поступил в Вильнюсское радиотехническое училище, которое окончил с золотой медалью.

В 1965 г. уехал служить в Москву, потом в Ярославль, Вологду, затем в Котлас, потом в тайгу. Лейтенантскую службу начинал командиром взвода связи, хотя никакого отношения к связи не имел, изучал новейшую военную технику. После служил в Мурманской области. В 1968 г. впервые

Файва Калманович Цейтин —
отец **Калмана Цейтина**.
*Фото 70-х гг. XX в. из семейного архива
Белуосовой Б.Ф.*

Калман Файвович Цейтин

столкнулся с оголтелым антисемитизмом. Тогда всем лейтенантам, работавшим вместе с ним, присвоили звание старшего лейтенанта. А Калману — «забыли». Хотя был отличником «боевой и политической», «висел» на Доске почета.

Как-то во время военных учений Калман рассказал одному из генералов о своей идее — разработке нового противогаза, в котором можно было бы разговаривать. Генерал предложил заняться этим вопросом. Калман Файвович написал рапорт о поступлении в академию, однако его не отпустили. Попытки продолжались три года. Но безуспешно. Отец даже предложил ему поменять имя и отчество, но тот отказался. Пришлось обратиться к министру обороны. Было разбирательство, дело поставили «на контроль».

С большим опозданием все-таки присвоили звание старшего лейтенанта, и он поступил в Военную Краснознаменную академию химической защиты им. маршала Тимошенко, стал профессиональным инженером-химиком.

В академии сдержал обещание, данное генералу, и создал опытный образец противогаза, в котором можно было говорить по линиям связи, но работать в академии не дали. И в 1974 г. Цейтин уехал в Ростов-на-Дону, где руководил химико-радиометрической лабораторией гражданской обороны. С этого года начал служить в гражданской обороне на различных должностях вдали от Москвы.

В момент аварии на Чернобыльской атомной электростанции Цейтин занимал должность начальника отдела радиационной и химической защиты штаба гражданской обороны Калужской области. Перед ним была поставлена задача ни одного человека, ни одну машину из зоны радиоактивного заражения не допустить в Москву. Для этого была создана целая сеть постов

дозиметрического контроля и мочных пунктов. В течение нескольких лет Цейтин занимался этим вопросом. И защита от попадания радиоактивной пыли на территорию московского региона была обеспечена.

Впервые он лично побывал на Чернобыльской атомной электростанции в 1987 г. для прохождения курса обучения дезактивации транспорта и людей. В 1989 г., после особого инструктажа в Киеве, Калман Файвович был назначен начальником химической службы оперативной группы особой Чернобыльской зоны. Командный пункт находился на первом энергоблоке ЧАЭС. Его задача как начальника службы состояла в обеспечении безопасности всех, кто продолжал ликвидационные работы. Служба осуществляла радиационный контроль и следила за тем, чтобы люди не получили опасной дозы радиации. Каждому работнику был выдан личный дозиметр, и у некоторых рабочий день длился всего 15 минут. За это время человек успевал получить максимальную суточную дозу. Два месяца, с 8 января по 8 марта 1989 г., К. Цейтин работал там ежедневно. Начинал в 6 утра, а в 11 утра рабочий день уже заканчивался. Жили спасатели в Чернобыле. Функционировали магазины и даже кинотеатр. Два раза в день ходили в баню.

В 1990 г., к огромному удивлению, его перевели в Москву, присвоили звание полковника и поручили ликвидировать крупнейшую аварию на Подольском заводе цветных металлов. Поставлена была задача обеспечить дезактивацию завода, сделать его безопасным для окружающей среды и здоровья людей.

Калман Цейтин защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. В 2010 г. им в соавторстве было подготовлено и издано двухтомное учебное пособие «Отходы производства и потребления. Экологическая безопасность» (по воспоминаниям **Цейтина Калмана Файвовича** и **Белоусовой Брониславы Файвовны**).

МОВНИН Михаил Савельевич (1905—1991)

Доктор технических наук, профессор.

Родился 23 декабря 1905 г. в местечке Пропойск (ныне г. Славгород) Могилевской области в семье совладельца кустарного канатно-веревочного производства. Учился в гимназии и Леменской школе-коммуне. В 1927 г. окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Трудовую деятельность **Михаил Савельевич** начал техноруком, затем стал заместителем директора лесопильного завода, а после — заведующим учебной частью школы ФЗУ. Отслужив в армии, М.С. Мовнин работал преподавателем в школе

Один из самых популярных учебников по технической механике под редакцией **М.С. Мовнина, А.Б. Израилита и А.Г. Рубашкина** претерпел многочисленные переиздания

младших специалистов Красной армии и в Боровском лесотехникуме.

С 1932 по 1936 г. — доцент и заведующий кафедрой Московского лесотехнического института, по совместительству — заведующий методическим бюро Наркомлеса СССР и ученый секретарь Государственной квалификационной комиссии Наркомлеса СССР (потом — Высшая аттестационная комиссия); с 1936 по 1978 г. — профессор и заведующий кафедрой теории механизмов и машин Ленинградской лесотехнической академии (ЛЛТА). По состоянию здоровья с 1978 до 1983 г. работал сначала профессором, а затем профессором-консультантом ЛЛТА.

Будучи крупным специалистом-механиком, талантливым организатором и педагогом, Михаил Савельевич внес неоценимый вклад в науку, подготовку научных и практических работников для лесного комплекса. Им написано более 270 научных работ, в том числе 52 учебника для высших и средних специальных учебных заведений, изданных на русском, английском, латышском и литовском языках, 5 монографий, 110 научных статей, методических руководств по курсам теоретической механики, деталей машин, теории механизмов и машин, технической механики; получено 47 авторских свидетельств на изобретения, многие из которых внедрены в производство. Написанный много лет назад учебник по технической механике издается и востребован до сих пор.

Его педагогическая и учебно-методическая деятельность продолжалась ровно 50 лет.

Умер Михаил Савельевич 22 апреля 1991 г.

КАГАНОВ Израиль Львович (1902—1985)

Специалист в области промышленной электроники, доктор технических наук.

Родился в 1902 г. в местечке Климовичи Могилевской губернии. По окончании в 1925 г. Московского высшего технического училища (МВТУ) работал инженером на Харьковском электро-механическом заводе, затем в Москве в государственном электротехническом тресте, участвовал в строительстве и наладке первых тяговых подстанций с ртутными выпрямителями для трамвая и электрифицированного транспорта. В 1929 г. — главный инженер по электрооборудованию Кинофабрики (позже «Мосфильм»), преподавал в МВТУ, с 1931 г. — в Московском энергетическом институте (МЭИ). В 1931—1940 гг. — заместитель заведующего кафедрой электротехники, В 1933—1934 гг. впервые в стране начал читать курс по электронным и ионным преобразователям, издал учебник по этому курсу (1937 г.). Одновременно в 1934—1947 гг. работал во Всесоюзном электротехническом институте им. В.И. Ленина (ВЭИ) в Москве. Во время Великой Отечественной войны возглавил группу сотрудников ВЭИ на Урале, которая обеспечивала бесперебойную работу выпрямительных подстанций на оборонных предприятиях. В 1943 г. по его инициативе в МЭИ создана кафедра и начата подготовка специалистов по ионным приборам и преобразователям тока, которой он заведовал до 1974 г. **И.Л. Каганов** был председателем Научно-методического совета по промышленной электронике при Минвузе СССР в 1961—1976 гг. В 1962 г. был отмечен Ленинской премией.

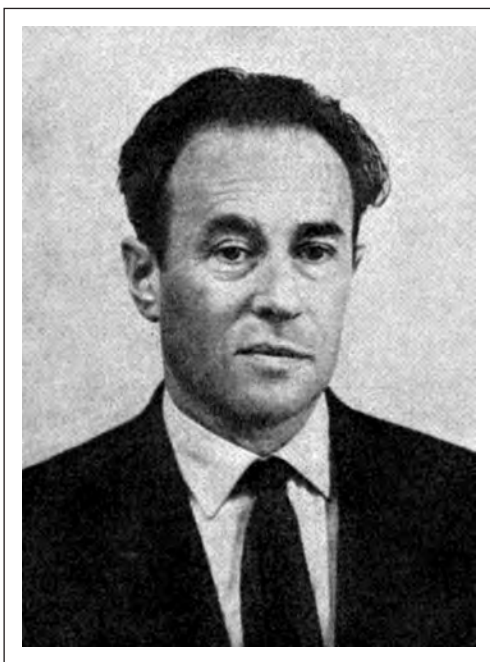
Умер в Москве в 1985 г.

РЫВКИН Соломон Меерович (1918—1981)

Физик, основоположник ряда новых направлений физики полупроводников. Доктор физико-математических наук (1956), профессор.

Родился в местечке Хотимск Климовичского уезда Могилевской губернии. В 1941 г. окончил Ленинградский политехнический институт. С первого до последнего дня войны был на фронте.

Придя в 1945 г. в Физико-технический институт АН СССР (Ленинград), он, благодаря незаурядному таланту физика и огромному трудолюбию, за короткий срок стал крупным ученым, пользующимся заслуженной мировой известностью. Здесь он работал заведующим лабораторией и одновременно преподавал в ЛГУ.

Соломон Меерович Рывкин

Основные научные интересы **С.М. Рывкина** лежали в области исследования физики полупроводников. Им были заложены основы единой феноменологической теории фотопроводимости. Последовательное изложение эта теория получила в монографии С.М. Рывкина «Фотоэлектрические явления в полупроводниках», ставшей настольной книгой целого поколения исследователей.

Вместе с другими учеными он создал первые советские фотодиоды, внес вклад в разработку детекторов ядерных излучений. Исследования взаимодействия ядерного излучения с полупроводником, предпринятые С.М. Рывкиным еще в 50-х гг., послужили основой становления новой отрасли полупроводникового приборостроения — производства широкого класса детекторов ядерных излучений.

Исследовательский талант С.М. Рывкина гармонично сочетался с педагогическим. Он создал большую научную школу по физике полупроводников. Научное наследие С.М. Рывкина составляют 280 работ, под его руководством вошли в науку более 50 докторов и кандидатов наук.

Его богатая научная интуиция позволила безошибочно определять наиболее перспективные направления работы. Это качество наиболее плодотворно проявилось в руководстве журналом «Физика и техника полупроводников» (с 1967 г.). За работы, связанные с созданием полупроводниковых квантовых генераторов, в 1964 г. С.М. Рывкин был удостоен Ленинской премии.

Умер в Ленинграде в 1981 г.

ДРУКАРЕВ Григорий Филиппович (1919—1986)

Талантливый физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор физического факультета ЛГУ.

Родился 15 апреля 1919 г. в Могилеве в семье ремесленника-шляпочника. В 1936—1941 гг. учился в Московском университете на физическом факультете, слушал знаменитые лекции по квантовой механике академика **И.Е. Тамма**. Во время войны **Г.Ф. Друкарев** участвовал в народном ополчении, но был демобилизован из-за сильной близорукости. В 1945 г. он поступил в аспирантуру к **Я.И. Френкелю** в Ленинградский физико-технический институт. Защитил кандидатскую диссертацию.

В 1947 г. он начал работать в Ленинградском университете на кафедре теоретической физики, где за почти сорок лет прошел по всем ступенькам служебной лестницы от лаборанта до профессора. Друкарев читал курсы квантовой механики и теории столкновений и был руководителем многих дипломников и аспирантов. Несколько его учеников защитили докторские диссертации. Григорием Филипповичем были опубликованы две монографии (посвященные теории столкновений электронов с атомами и молекулами) и написан учебник по квантовой механике, который он закончил незадолго до смерти (был опубликован в Ленинграде в 1988 г.). Он был автором нескольких десятков научных работ.

Григорий Филиппович по праву может считаться основателем хорошо известной в мире

Григорий Филиппович Друкарев

научной школы по теории электронно-атомных столкновений в Риге, которой руководил его ученик **В.Я. Вельдре**.

На своей кафедре Григорий Филиппович был организатором семинара по теории атомных столкновений, который объединял специалистов с других факультетов, институтов и городов, и стал прекрасной школой для молодежи. Коллеги всегда отмечали активность и живость Григория Филипповича, охотно откликавшегося на любые новые проблемы, его постоянный интерес к самым новым и актуальным проблемам атомной физики. Также отмечались его отзывчивость, доброжелательность, готовность поддержать товарища в трудную минуту. В то же время он умел быть твердым и непримиримым, когда речь шла о людях беспринципных.

Скончался 7 октября 1986 г. в Ленинграде.

КОРМЕР Самуил Борисович (1923—1982)

Известный советский физик, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1981).

Родился 1 января 1923 г. в местечке Костюковичи в семье служащего. В 1928 г. семья переехала в Оршу. После окончания средней школы в 1940 г. **Самуил Кормер** поступил в Высшее техническое училище им. Баумана, где проучился с перерывами, связанными с войной, до мая 1942 г. В августе 1941 г. юноша был призван в ряды Красной армии, где служил в зенитном артиллерийском полку. В сентябре 1942 г. в числе бывших студентов МВТУ Самуила Борисовича направили в артиллерийскую академию им. Дзержинского. Он окончил факультет боеприпасов академии. Продолжал служить офицером Советской армии. В августе 1947 г. Самуил Борисович, уволившись из рядов Вооруженных Сил СССР, был направлен на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики, где работал до конца своей жизни.

С расширением работ по лазерной тематике в 1970 г. было создано самостоятельное отделение оптико-физических исследований, руководителем которого стал С.Б. Кормер. Он занимался созданием мощных йодных лазеров для исследований в области лазерного термоядерного синтеза. С.Б. Кормер стал видным специалистом в области физики высокого давления, физики твердого тела, оптических квантовых генераторов. За работы в области физики Кормер удостоен звания лауреата Ленинской премии СССР в 1959 г., трижды лауреата Государственной премии СССР в 1949 (за разработку прибора для исследований плотности

Самуил Борисович Кормер
Фото из фондов МОКМ

и максимальных давлений в центральной части первой атомной бомбы), 1953, 1980 гг. Самуил Борисович был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями.

Умер в августе 1982 г.

Т. Сычева

АГРЕСТ Матес Менделевич (1915—2005)

Математик, доктор физико-математических наук, основоположник теории палеоконтактов.

Родился в 1915 г. в местечке Княжицы под Могилевом. Его жизнь полна неожиданных поворотов судьбы и во многом уникальна. В 5 лет, как и все еврейские дети, он был записан в хедер, который посещал за счет общины. Послереволюционные годы, гражданская война и нэп стали для него временем познания еврейской религиозной науки. В 1929 г. Матес закончил Любавичскую ешиву и стал «дипломированным» раввином. Но что было делать раввину в советской стране, да еще в годы «великого перелома»? Юноша остался совершенно не у дел, и волею судьбы без средств к существованию и даже знания языка попал в Ленинград.

Трудно даже представить, как жил такой «не от мира сего» правоверный иудей в «колыбели революции». Как это ни покажется странным, но Матес, работая разнорабочим, чтобы как-то про-

кормиться, стал готовиться для поступления на знаменитый мехмат Ленинградского университета. Юноше без аттестата о среднем образовании и даже без начальных математических знаний потребовалось на подготовку меньше года. Он блестяще сдал все экзамены, но провалил русский язык. Тем не менее, талантливый молодой человек был принят в университет именно как еврей, для которого русский язык не был родным. Тому, кто помнит нравы послевоенного советского образования, такое может показаться совершенно немыслимым, но дело в те времена обстояло именно так. После окончания университета Матес «прошел» аспирантуру Государственного астрономического института им. Штернберга. В это же время он женился на еврейской девушке, также придерживавшейся религиозных традиций.

Во время войны командовал взводом аэростатов заграждения. По ложному доносу был разжалован и попал в штрафной батальон. Остался в живых чудом. Был демобилизован после тяжелого ранения инвалидом второй группы. Все это время оставался очень религиозным человеком. По воспоминаниям его друга, известного астрофизика **Иосифа Шкловского**, на вопрос, исполнял ли он на передовой предписания еврейского закона, ответил серьезно, что Талмуд в таких случаях дает послабления. Необходимо добавить, что вся его семья — родители, братья и сестры — была уничтожена фашистами в Княжицах.

Сразу после войны Матес Менделевич защитил кандидатскую диссертацию, но в конце 40-х гг. бывшему фронтовику найти работу было трудно.

Все же талантливого молодого ученого привлекли в качестве математика-расчетчика в знаменитый атомный проект — он трудился на самом секретном объекте Советского Союза, руководимом **Ю.Б. Харитонов**, под началом **Андрея Дмитриевича Сахарова** — над созданием термоядерного оружия. Агрест высоко котирировался в среде признанных авторитетов физики, но был изгнан из проекта, когда начальство обратило внимание на его религиозное образование: работники режима пришли в ужас, когда ознакомились с анкетными данными. Поступило распоряжение в 24 часа удалить Агреста с объекта (по другим версиям, причиной увольнения стало наличие родственников в Израиле (об этом писал в своих воспоминаниях А.Д. Сахаров) или то, что Агрест в 1951 г. сделал «брит-милу» (обрезание) своему сыну). Живое участие в судьбе Агреста приняли ученые **Д.А. Франк-Каменецкий**, **Н.Н. Боголюбов**, **И.Е. Тамм**, **Ю.Б. Харитон** и **А.Д. Сахаров**. Они добились того, что срок пребывания на объекте был продлен до недели, а Агрест получил назначение на менее секретный объект — в Сухуми... Андрей Дмитриевич Сахаров поселил Агреста с его большой семьей на своей московской квартире. Там он и жил несколько месяцев до отъезда на новое место работы в Сухумский физико-

Матес Менделевич Агрест

технический институт. Все эти и последующие годы Матес Агрест ежедневно, накинув талес и наматыв на обнаженные руки тфилины, совершал традиционную молитву, а в пятницу вечером зажигал субботние свечи.

Агрест известен своими работами в области теории неполных цилиндрических функций, а также гипотезой о палеоконтактах. В 1960 г. появилась детально аргументированная гипотеза Агреста, предложившего материальные доказательства пребывания на Земле посланцев иных миров в далеком прошлом. Будучи глубоко засекреченным ученым, вследствие своей работы над ядерным оружием, Агрест в течение нескольких лет не имел возможности изложить свою гипотезу самостоятельно. И авторами первого ее изложения оказались два московских журналиста, опубликовавших 9 февраля 1960 г. в «Литературной газете» сенсационную статью. Выдвигая интересные идеи в отношении палеоконтактов, прекрасный знаток иврита опирался во многом на оригинальные тексты Библии. Агрест высказал весьма оригинальную гипотезу о том, что в Библии, в Ветхом Завете, есть свидетельства посещения Земли инопланетянами. Ученый исходил из идеи Шлимана о том, что древние книги содержат упоминания реальных фактов. И в этом смысле особенно хороша Библия, так как она догматизирована и долгое время не подвергалась переработке. Упоминание об инопланетянах Матес Менделевич находил в описании разрушения Содома и Гоморры, в истории жены Лота. Все это, по его словам, напоминало описание ядерного или термоядерного взрыва или

взлета межзвездного корабля. Оправдывая пришельцев, он пытался трактовать происшедшее как трагическую ошибку. Многие ученые отмечают сугубо научный подход Агреста к этой фантастической гипотезе. Им продуманы методы и способы ее проверки: следы им предложено искать в районе Мертвого моря. Гипотеза Агреста приобрела широкую популярность и в СССР, и за рубежом. Популярность эта была не вполне безопасна для ее автора, хотя, в чем усматривали ее опасность для советской идеологии, понять трудно. Может быть, в том, что она привлекала внимание к Библии. Агресту опять грозило увольнение... Спасение пришло с неожиданной стороны. Стало известно, что попытка связать библейский текст с инопланетянами возмутила руководство католической церкви, и Папа Римский объявил гипотезу Агреста ересью. Это спасло Матеса Менделевича от грозивших репрессий со стороны советских властей. Тем не менее, имя Агреста, и до этого больше известное в узких кругах, совершенно исчезло со страниц научно-популярных изданий, о палеоконтактах перестали говорить, а это направление исследований было признано антинаучным.

С 1992 г. М.М. Агрест жил в США в г. Чарльстоне (штат Южная Каролина) и поддерживал связи с американскими учеными — возможность, которой он был лишен в период его работы над сверхсекретными проектами в СССР (по статьям: **Шкловский Иосиф**. Наш советский раввин // Независимая газета. — 1993; **Раз Цви**. На помощь пришел академик Сахаров // Новости недели. — 2001 (4 января); **Каганов Моисей**. Экстрасенсы, фокусник, инопланетяне // Вестник. — 2003. — № 17(328); **Агрест Михаил**. Встреча с американскими учеными // Вестник. — 2003. — № 20(331); **Амнуэль Песах**. Человек-легенда // Русский израильчанин. — 2005. — № 17).

Физики ШИФРИНЫ

Известные физики Фридрих, Кусиель и Яков Шифрины — выходцы из Мстиславщины. Они недолго жили в Мстиславле, но всегда с добрым чувством вспоминали и вспоминают о городе своего детства.

Семья Шифриных жила в каменном доме на улице, выходящей на базарную площадь. Их

Кусиель, Фридрих и Яков Шифрины.
Фото 1946 г. из семейного архива Шифрина Я.С.

отец, **Соломон Нисанович**, работал заготовителем и экспедитором, а после революции владел небольшой бакалейной лавкой в районе базара и был активным деятелем Мстиславской хасидской синагоги. Соломон Шифрин всего несколько лет учился в начальной школе и поэтому был счастлив, что его сыновья смогли получить высшее образование. Все трое закончили физический факультет Ленинградского университета и стали выдающимися учеными.

Старший из сыновей, **Фридрих** (1915 г.р., его уже нет в живых), всегда интересовался физикой и химией и имел большие способности к изучению иностранных языков. С началом войны он ушел в действующую армию и принимал активное участие в подготовке частей к отражению возможного использования немцами химического оружия. После окончания войны он защитил диссертацию, написал несколько серьезных работ по методике преподавания физики и стал блестящим педагогом. Многие годы он успешно работал доцентом на кафедре теоретической физики Ленинградского педагогического института им. Герцена.

Второй сын, **Кусиель Соломонович Шифрин**, родился в 1918 г. Он окончил сразу два факультета Ленинградского университета — физический и математико-механический. Ученик **Я.И. Френкеля** в 1940 г. был принят в аспирантуру Ленинградского физико-технического института, пройдя жесткий конкурс (десять человек на место) перед комиссией, которую возглавлял Курчатов. В аспирантуре после начала войны, кроме подготовки диссертации, занимался различными оборонными вопросами.

В 1943 г., после окончания аспирантуры и защиты диссертации, Кусиель был призван в

армию. Служил в Военно-воздушной академии им. Можайского, а затем преподавал физику в Казанском авиационном институте. Более 20 лет он проработал заведующим лабораторией радиационных процессов в атмосфере в Главной геофизической обсерватории им А.К. Воейкова. В 1951 г. К. Шифрин защитил докторскую диссертацию, посвященную рассеянию электромагнитных волн различными примесями в атмосфере.

С 1969 г. он стал заведующим лабораторией, а затем отделом оптики океана Института океанологии им. П.П. Ширшова Академии наук СССР. Разработал методику изучения атмосферы и океана приборами, установленными на искусственных спутниках Земли. К.С. Шифрин — автор 10 монографий и более 300 статей, глава широко известной в мире школы по оптике атмосферы и океана, действительный член Американского оптического общества.

В 1992 г. он был приглашен профессором в группу оптики океана Орегонского университета США, где трудится и сейчас.

Младший сын, **Яков Соломонович Шифрин**, родился 23 апреля 1920 г. В 1941 г. с отличием закончил физический факультет Ленинградского государственного университета, а затем и Ленинградскую академию связи. Он участник Великой Отечественной войны. В 1943 г. принимал активное участие в боях за освобождение Украины, а с 1944 г. после окончания кратких курсов по радиолокации до конца войны командовал отдельной батареей станции орудийной наводки, которая активно участвовала в боевых действиях. После войны Яков Соломонович стал профессиональным преподавателем и крупным ученым в области радиофизики и прикладной электродинамики (теории радиоантенн и распространения радиоволн). Он автор и соавтор более 300 печатных работ и ряда изобретений, доктор технических наук, профессор, президент Украинской национальной ассоциации «Антенны», заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат премии им. А.С. Попова, почетный академик Академии наук прикладной радиоэлектроники. Им подготовлены 15 докторов и более 40 кандидатов наук. Заслуги Я.С. Шифрина перед страной и наукой отмечены более чем двадцатью орденами и медалями. Яков Соломонович и сейчас полон сил и энергии. Совсем недавно, в сентябре 2003 г., он руководил проведением в Севастополе большой конференции по теории радиоантенн. Профессор Шифрин обладает и незаурядным литературным даром. Сейчас он с увлечением работает над воспоминаниями о своей большой и интересной жизни, выпустил недавно книгу о своем брате. Она называется: «Кусиель Соломонович Шифрин. Ученый, Учитель и человек».

Проживает в Харькове.

В. Цыпин

АХИЕЗЕР Наум Ильич (1901—1980)

Математик, член-корреспондент ВУАН (1934 г.), специалист по конструктивной теории функций.

Родился в местечке Чериков Могилевской губернии в семье земского врача в 1901 г. Отец — **Илья Александрович Ахиезер** (1876—1938). Мать — **Наталья Григорьевна** (1874—1964). После окончания гимназии в 1918 г. преподавал математику и физику в средней школе.

Окончил Киевский институт высшего образования в 1924 г. и там же аспирантуру в 1928 г. Доктор физико-математических наук с 1936 г., профессор с 1940 г.

В 1928—1933 гг. работал в Киевском университете, в 1928—1933 гг. — в Киевском авиационном институте, в 1933—1941 гг. — в Харьковском университете, в 1941—1943 гг. — в Алма-Атинском горном институте, в 1943—1947 гг. — в Московском энергетическом институте, с 1947 г. — в Харьковском университете, где заведовал кафедрой теории функций, а впоследствии кафедрой математической физики, профессором которой работал до конца жизни (1980). Ему принадлежит заслуга в создании харьковской математической школы. В течение 25 лет он был бессменным председателем Харьковского математического общества и редактировал его журнал, руководил различными математическими семинарами, которые привлекали талантливую молодежь и ученых. Н.И. Ахиезер был автором 150 научных работ, в том числе 10 монографий, 9 из которых

Наум Ильич Ахиезер

переведены и изданы во многих странах мира. Основные труды — в области теории наилучших приближений, теории функций, функционального анализа, теории интегральных уравнений, аэродинамике, истории математики.

Н.И. Ахиезер был замечательным педагогом и блестящим лектором. Его классические лекции и сейчас вспоминают ветераны инженерно-физического факультета. Он постоянно совершенствовал свои курсы и учебники. В последние годы жизни Н.И. Ахиезер подготовил для публикации «Лекции об интегральных преобразованиях», которые были изданы у нас и за рубежом уже после его смерти.

В Харькове основан Фонд имени Н.И. Ахиезера, целью деятельности которого провозглашена поддержка молодых математиков («Российская еврейская энциклопедия»).

АХИЕЗЕР Александр Ильич (1911—2000)

Физик, академик АН УССР (1964 г.), заслуженный деятель науки УССР (1986 г.), лауреат Государственной премии в области науки и техники Украины, один из создателей знаменитой харьковской школы теоретической физики.

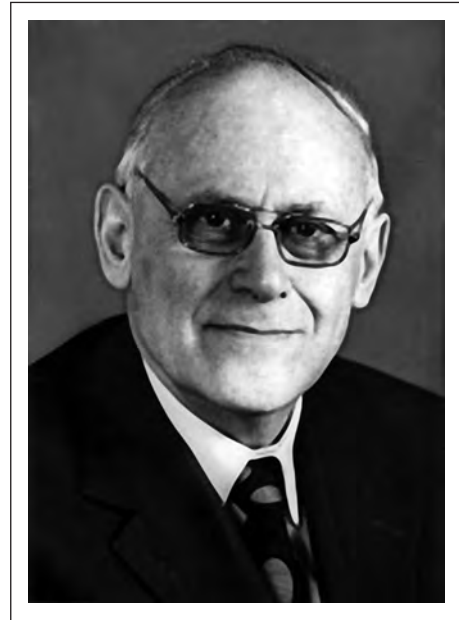
Родился в местечке Чериков Могилевской губернии в семье земского врача. Младший брат Наума Ильича Ахиезера.

После окончания Киевского политехнического института в 1934 г. поступил в Харьковский физико-технический институт (в то время УФТИ), в теоретический отдел, которым руководил **Лев Ландау**. Любовь и признательность к своему учителю А.И. Ахиезер пронес через всю жизнь.

В 1938 г. он становится заведующим теоретическим отделом ХФТИ и руководит им до 1988 г. Во время Великой Отечественной войны А.И. Ахиезер продолжал работать в ХФТИ, эвакуированном в Алма-Ату. В 1944 г. он был вызван в Москву, где до 1952 г. работал в лаборатории у И.В. Курчатова.

Более полувека он преподавал в Харьковском университете. Начав в 1936 г. преподавательскую деятельность в должности доцента, он после защиты докторской диссертации в 1940 г. работал в должности профессора, заведя кафедрой теоретической физики. А.И. Ахиезер был одним из организаторов отделения ядерной физики при физико-математическом факультете: создателем кафедры теоретической ядерной физики, которой руководил до 1973 г.; одним из основателей физико-технического факультета.

Некоторые из его учеников сами являются основателями научных школ. Среди учеников А.И. Ахиезера 33 доктора и 72 кандидата физико-

Александр Ильич Ахиезер

математических наук, 7 членов Национальной академии наук Украины.

Основные труды по ядерной физике, квантовой электродинамике, физике элементарных частиц, физике плазмы, магнитной гидродинамике, теории твердого тела, магнетизму. Особое место в многогранной деятельности А.И. Ахиезера занимал интерес к философским и фундаментальным вопросам мироздания, что, в частности, нашло выражение в последней из написанных им книг — «Развивающаяся физическая картина мира». В 1948 г. ему была присуждена премия АН СССР им. Л.И. Мандельштама («Российская еврейская энциклопедия»).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

АХИЕЗЕРА Александра Ильича

«...Мы жили в Черикове. Это в Белоруссии, в Могилевской области. Отец был земским врачом, мама занималась домашним хозяйством, и у них было трое детей: **Наум**, **Давид** и я.

Давид молодым умер. Пожар был, он начал на себе бочку тянуть, у него случился разрыв аппендикса, и спасти его не смогли. Это была трагедия.

В Черикове гимназии не было. Гимназия была в Мстиславле. Там была классическая гимназия. Между прочим, в царское время в гимназии обучали на очень высоком уровне, причем и в Петербургской гимназии и в Мстиславской вы получали одинаковое образование. Гимназические учителя обязательно должны были иметь университетское

образование, огромное внимание уделялось изучению языков. И вот, Наума и Давида перевезли туда, сняли им домик отдельный. Для присмотра за детьми у нас была бонна (и это при том, что папа был земский врач и ничего у него не было). Меня бонна уже не учила, обо мне работница Феня (была такая у мамы) говорила:

— Ну что Шуручка? Шуручка у нас советский...

А старшие — то еще «царские», что ли, дети. Поэтому немецкий язык и Наум, и Давид знали, как русский, — никакой разницы для них не было, на каком из них говорить. Кроме того, Наум хорошо знал и французский, который он изучал уже в гимназии, прекрасно знал и латынь. Греческого они уже не учили, а мой дедушка знал и греческий. Вы посмотрите, какая культура, — немецкий, французский, латынь. Прекрасно поставлена была и математика. Но началась революция, и братья снова переехали в Чериков к родителям, и очень скоро у нас в Черикове возникла замечательная вещь: в помещичьем дворце польского помещика Василенкова, километрах в пятнадцати-двадцати от Черикова, по инициативе Модеста Лепешинского открылась первая в России школа-коммуна.

[...] Туда набирались дети, хотевшие учиться, но они должны были и работать. Они занимались сельским трудом и зарабатывали для себя еду и т. д. Это было удивительное образовательное учреждение!

[...] Наум Ильич тоже попал в эту школу, только не учеником, а преподавателем. Преподавал он там математику, физику и химию. Он смеялся, что химию он знает только до хлора. Почему? Потому что, когда он доходил до хлора, начинались сельхозработы, и дальше уже ему не давали преподавать. Модест Николаевич (Лепешинский. — А.Л.) договорился в Москве, что Пантелеймон (тоже Лепешинский. — А.Л.) ему поможет — приборами, оборудованием, реактивами, — но для этого нужно было, чтобы туда поехал кто-нибудь. Жребий пал на Наума. Экипировали его — будь здоров! Валенки раздобыли, бекешу ему сделали — Наума любил весь город. И на подводе поехал он на станцию (то ли в Смоленск, то ли в Оршу, я уже не помню), чтобы сесть на поезд. Но на полдороге они остановились попить чаю у какой-то бабки. Через несколько минут прибыли бандиты, которым дала знать бабка. Всем, кто там ехал, велели раздеться, теплые вещи отобрали, дали какие-то тряпки и повезли на расстрел. А дальше произошло чудо. Прибыл главарь этой банды — Червонец. Посмотрел на них и у каждого спросил фамилию. «Ахизер... ага... твой отец врач? Он, вроде, хороший человек... Он, вроде, в военной комиссии не сидит... Планида у тебя хорошая — отпустить!» И всех их отпустили. И вот они на тех же санях приехали обратно домой, и ни в какую

Москву он не попал. Вернулся домой, постучал ночью (я помню, как сейчас) в окошко спальни, где папа спал:

— Наум? Ты? Что случилось? Ты жив? Ну, слава Богу!

О том, что ограбили, ни слова не говорилось. Любопытно, что через некоторое время этого Червонца в перестрелке ранили, и его привезли к нам в Чериков в больницу к моему отцу. Он боялся, что папа будет ему мстить или что-нибудь в этом духе... Вот такая история.

А до того, как была Лемень, уже после гимназии, встал вопрос, где Науму учиться дальше. Поехал он в Петроград (после 14 года Петербург стал называться Петроградом) и там приняли его в университет. Наум рассказывал, что экзаменовал его Смирнов Владимир Иванович, автор знаменитого многотомного «Курса высшей математики». Его приняли очень хорошо, и он очень хорошо учился, но там нечего было есть — было очень голодно. Поэтому вернулся он назад, но в Петрограде времени зря не терял. Он ходил на лекции Анатолия Федоровича Кони. Это была личность потрясающая!

[...] В общем, вернулся он из-за голода назад домой, и возник вопрос, что дальше делать. А тут получилось так, что Лемень уже начала распадаться, воздействовал на Наума и авторитет отца, думали, рядили — и Наум поехал в Киев. Перед этим его будущая жена, Зоя Львовна, ходила к академику Граве (в Киеве тогда было два столпа — академик Граве и академик Крылов) и рассказывала ему о Науме. Граве сказал: «Пусть он приезжает». Короче говоря, Наум Ильич поехал в Киев и начал учиться в университете. Он очень быстро его кончил — то ли за год, то ли за два, сдал все экзамены и некоторое время там преподавал. Потом он преподавал в Политехническом институте и в Нежине. В это время возрастало значение и влияние Харькова, который был тогда столицей Украины, и много было людей, которые хотели, чтобы Наум Ильич переехал из Киева в Харьков, в Харьковский университет. В частности, этого хотел Орлов, завотделом науки в ЦК КПУ. Его пригласили в Харьковский университет, и он переехал в Харьков. Благодаря ему, в Харькове оказался и я.

Когда пришло время учиться мне, то мою судьбу решили фактически двое — Наум Ильич и Зоя Львовна. Зоя Львовна была очень интересным человеком. Образованнейшая женщина, историк, царство ей небесное. Но она считала, что занятия математикой «сушат мозги» и что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Шура пошел по стопам Наума, хотя меня математика интересовала тогда больше всего и именно благодаря Науму Ильичу. Тогда мы жили в Гомеле, папа переехал из Черикова в Гомель в железнодорожную больницу, где и работал до конца своих дней. И вот возник вопрос:

как же со мной быть? Мама хотела, чтобы я тоже стал математиком, а Зоя Львовна сказала: «Нет, это сушит мозги, ни в коем случае, — Шура должен жить, как человек. Это значит, что он должен быть инженером». Сказано — сделано. Надо поступать в Киевский политехнический институт.

[...] Надо было устроить меня в институт. Это сделал Наум Ильич. Это было не просто! Потому что в те далекие времена попасть в институт простому человеку уже нельзя было — нужно было иметь соцпроисхождение. Но у меня оно оказалось хорошим, потому что оказалось, что земские врачи приравнены к рабочим. Но — опять трудность. Дело в том, что в ту эпоху (1929 год) была украинизация. Я приехал в Киев, и мне надо было экзаменоваться. Но экзамены — на украинском языке! Мне пригласили какого-то учителя, но от меня украинский просто отскакивал. И вот тут уж я не знаю как, может быть, Наум кого-то попросил, но меня, как приехавшего из Белоруссии и в какой-то мере представляющего братский белорусский народ, проэкзаменовали на русском языке и приняли в Политехнический институт, который к этому времени статус императорского потерял, но все равно это было очень крупное учреждение и очень важное (сейчас это Национальный институт, к вашему сведению), и поступил я на энергетический факультет...» («О доблести, о подвигах, о славе...». Воспоминания **А.И. Ахiezера**. Записал **Валерий Тьрнов**, 2000 г. // «Университетъ», научно-популярный журнал Харьковского университета. — 2005. — № 4).

УРЬЕВ Наум Исаакович

(р. 1926)

Доктор технических наук (1969), профессор (1970).

Родился в 1926 г. в Мстиславле. Окончил с отличием факультет приборостроения МВТУ им. Н.Э. Баумана по специальности «Электромеханические приборы» (1949). Работал инженером, старшим инженером СКБ-385 (г. Златоуст Челябинской обл., 1949—1952), старшим инженером филиала № 1 НИИ-88 (г. Осташков Калининской обл.), начальником группы, отдела, лаборатории КБ «Южное» (1955—1991), директором Днепропетровского филиала Киевской межрегиональной академии управления персоналом (с 1994 г.). Разработал быстродействующий электронный осциллограф для наблюдения кратковременных процессов (1955). Курировал создание системы управления и радиоуправления ракет «СС-1», «СС-2», «СС-3», «СС-7» (1949—1963). Разработал бортовые анализаторы спектра для измерения высокочастотных вибраций при их летных испытаниях (1957—1959). Организовал самый мощный

в Украине по своей технической оснащенности вычислительный центр в КБ «Южное» (1959—1962). Осуществил научно-техническое руководство разработкой семи комплексов радиотехнической защиты боевых блоков ракет от системы противоракетной обороны, включая элементы космического базирования (1963—1991). Старший преподаватель, доцент, профессор на физико-техническом факультете Днепропетровского государственного университета (1957—1999). Автор 370 трудов по ракетной технике, в т. ч. 56 изобретений, из них 32 внедрено в производство ракет. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1982) и «Знак Почета» (1961), многими медалями (Энциклопедия космонавтики).

РОДНЫЙ Неemia Иосифович (1908—1972)

Геохимик, специалист в области углехимии, один из основателей новой отрасли знания в СССР — науковедения.

Родился в 1908 г. в местечке Чериков Могилевской губернии в семье школьного учителя. В 16 лет начал преподавать в школе-семилетке и занимался комсомольской работой. В 1926 г. поступил учиться на химическое отделение Ленинградского политехнического института, которое в 1930 г. было слито с Ленинградским Химико-технологическим институтом. После окончания института в 1931 г. поступил в аспирантуру АН СССР, которую окончил в 1934 г. До 1937 г. работал научным сотрудником, потом старшим научным сотрудником Института горючих ископаемых АН СССР. 27 декабря 1937 г. во время отпуска на Кавказе особым совещанием НКВД СССР арестован и осужден «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» на 8 лет лагерей. В северные лагеря он отправился в легком бостоновом костюме и белых парусиновых туфлях, в которых прошел этапом из Котласа в Чибью по непролазной грязи и снежным заносам. Из Ухтпечлага в 1938 г. прибыл в Воркуту с направлением в ЦУХЛ (Центральная углехимическая лаборатория) лагпункта «Рудник», где занимался изучением состава и качества печорских углей. В августе 1945 г. истек срок его заключения, но он попал в число «пересидчиков», освобожден был лишь в марте 1946 г. и продолжал работать в Заполярье: главным инженером Центральной углехимической лаборатории, с 1949 г. — начальником углехимического отделения Центральной научно-исследовательской базы комбината «Воркутауголь», а затем треста «Печорауглегеология». Все воркутинские годы он проводил систематические кропотливые исследования углей разных месторождений Печорского угольного бассейна: Воркутинского, Хальмерьюского,

Неемия Иосифович Родный

Интино-Кожимского, Верхне-Сырьягинского, Воргашорского и др. В результате этой многолетней работы были составлены схематические карты марочного состава углей. Опубликованные в центральных геодезио-физических изданиях, они не потеряли своего значения до настоящего времени. Для углей Печорского угольного бассейна Родный предложил новый проект ГОСТа по определению химико-технологических характеристик углей. Кроме того, его работы содержали практические рекомендации для их технологического использования. За исключительную эрудированность коллеги называли Н.И. Родного «интеллектуальным трестом».

После полной реабилитации в 1956 г. ученый вместе с женой **Галиной Протодяконовой** (она приехала в Воркуту молодой выпускницей института) и сыном Сашей переехал в Москву. Работал в Главгеологии РСФСР, защитил в 1958 г. диссертацию по теме «Угли Печорского бассейна», где были проанализированы связи между различными свойствами углей, дана их промышленная классификация и предложения по рациональному использованию в народном хозяйстве страны. По глубоким обобщениям и широкому практическому внедрению диссертация явно выходила за рамки обычных кандидатских работ, защищенных после аспирантуры. Специалистам было ясно, что речь должна идти о докторской. Но, несмотря на реабилитацию, сыграла свою роль гугаговская биография.

В 1961 г. Неемия Иосифович прошел по конкурсу на должность заведующего сектором истории химии и химической технологии в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Здесь реализовался его давний интерес к философским и историко-научным проблемам естествознания, который, естественно, невозможно было реализовать

в лагерных условиях. Им было опубликовано много интересных работ по данной тематике. Н.И. Родный считается одним из основателей новой отрасли знания — науковедения.

Скончался Неемия Иосифович Родный внезапно, в 1972 г. в возрасте 64 лет, из которых 20 лет провел в Воркуте. Его сын Александр Родный — кандидат химических наук, работает в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова и в рамках проекта «Наука в Воркутлагге» занимается репрессированными учеными (Мартиролог «Покаяние». Т. 2. — Сыктывкар, 1993; **Маркова Е.В.** Воркутинские заметки каторжанки «Е-105». — Сыктывкар, 2005; Автобиография и справка об отбывании наказания, предоставленные Воркутинским отделением общества «Мемориал»).

РАТНЕР-ШТЕРНБЕРГ

Сара Аркадьевна

(1870—1942)

Известный советский этнограф-американист, жена и помощница одного из основоположников русской школы этнографии, одного из видных деятелей русской, а затем и советской этнографии, члена-корреспондента АН СССР Л.Я. Штернберга (был народником, был в ссылке на Сахалине).

Родилась 30 июня 1870 г. в Могилеве в еврейской купеческой семье. Получив гимназическое образование и окончив в 1890 г. естественно-историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, в 1891 г. переехала в Москву, где занималась педагогической деятельностью и сотрудничала в издании настольного «Энциклопедического словаря» Граната (готовила статьи по географии и этнографии). В 1895 г. заведовала четырехклассным еврейским женским училищем. 27 июня 1900 г. она вступила в брак со **Львом Яковлевичем Штернбергом**, и с этого времени супруги жили в Петербурге. Здесь первые 10 лет Сара Аркадьевна занималась переводом этнографической литературы с немецкого, французского и английского языков; некоторые из вышедших книг изданы под редакцией Л.Я. Штернберга. В эти годы она состояла членом культурно-просветительской комиссии при Обществе распространения просвещения между евреями. Тогда педагогическая деятельность разрешалась только среди единоверцев, и она работала на вечерних курсах для взрослых работников, учрежденных при этом обществе. На основании собранных материалов ею была подготовлена статья «Ремесленный и земледельческий труд среди евреев Северо-Западного края». Сначала

она работала как помощница Л.Я. Штернберга, а с 1916 г. — самостоятельно, как штатный работник, возглавила отдел Северной Америки МАЭ (Музея антропологии и этнографии). С 1917 г. С.А. Штернберг — научный сотрудник МАЭ 1-го разряда. В 1925 г. участвовала в реконструкции отдела Сибири и восстановлении отдела Северной Америки. В 1929 г. переведена на должность ученого хранителя, а через 4 месяца назначена этнографом МАЭ. В феврале 1933 г. после создания Института антропологии и этнографии АН СССР Сара Аркадьевна стала старшим этнографом. В 1935 г. президиум АН СССР присудил С.А. Штернберг без защиты ученую степень кандидата этнографии. В 1934 г. она назначается заведующей отделом Северной Америки музея. 8 февраля ей присваивается ученое звание старшего научного сотрудника.

Вплоть до самой кончины Л.Я. Штернберга 14 августа 1927 г. она всемерно помогала ему во всех его делах, а впоследствии много сделала для издания трудов своего покойного супруга: в издательстве Института народов Севера вышла в 1933 г. его монография «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии», а в 1935 г. — «Первобытная религия». С.А. Штернберг — автор ряда статей и мемуаров о Л.Я. Штернберге, некоторые из них до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве. Было запланировано издание пятитомного собрания научных трудов Льва Яковлевича, в подготовке которого Сара Аркадьевна играла ведущую роль, но война сорвала эти планы, хотя работа по подготовке текста уже приблизилась к концу.

С.А. Штернберг — автор более 30 работ по этнографии народов Северной Америки. Значителен ее вклад в научное изучение богатейших коллекций МАЭ по северо-американским идеям. Для двухтомника по этнографии народов зарубежных стран, подготовленного в довоенные годы в Институте этнографии АН СССР, ею были написаны две статьи: «Индейцы Центральной Калифорнии» и «Индейцы Северо-Запада — глинкиты и хайда».

Несмотря на тяготы военного времени и возраст, С.А. Штернберг упорно продолжала трудиться.

Характерный штрих к образу героини: во время блокады Сара Аркадьевна передала военным мемориальные вещи мужа, дорогие для нее как память: цейсовский бинокль и подзорную трубу. Таков был ее посильный вклад в условиях блокады в оснащение бойцов-защитников города.

Очевидцы рассказывали, что зимой 1942 г. С.А. Штернберг особенно тяжело болела, не могла сдерживать стон. Не желая причинять беспокойство окружающим коллегам, с которыми

она жила в подвальной комнате музея, она выбрала момент, когда все ушли на свои служебные посты, и подожгла себя. Ожоги только ускорили кончину. 28 февраля она ушла из жизни. Через 4 месяца после этого трагического случая на имя директора Института этнографии АН СССР пришла заказная почтовая открытка следующего содержания. «Не откажите сообщить о судьбе моей матери, Вашей сотрудницы, Сары Аркадьевны Штернберг. Если, как я предполагаю, она умерла, то от какой причины, при каких обстоятельствах и прочее. Адрес мой: Кисловодск Орджоникидзевского края. Вокзал. До востребования. Штернбергу Аркадию Львовичу. 28 июня. А. Штернберг». Эта открытка написана сыном Л.Я. и С.А. Штернбергов. Судьба автора этой открытки неизвестна (**Решетов А.М.** Отдание долга // ЭО. — 1995. — № 2).

БАЕВСКИЙ Соломон Исаакович (р. 1923)

Востоковед, специалист по Ирану, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук (1954 г.).

Родился в Могилеве в 1923 г.

С 1956 г. — на научной работе в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Основным направлением исследований С. Баевского являются проблемы средневековой персидской лексикографии.

Его перу принадлежат шесть книг и свыше 80 статей по вопросам иранской филологии.

Российская еврейская энциклопедия в числе трудов С. Баевского указывает «Описание таджикских и персидских рукописей» в четырех томах, персидские толковые словари (фархан-

Соломон Баевский с матерью.

Фото военного времени из семейного архива Баевского С.И.

Соломон Баевский.
Фото военного времени
из семейного архива Баевского С.И.

ги) (М., 1962), «Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии» в пяти томах, двуязычные словари (М., 1968), переводы с персидского «Собрание редкостей или четыре беседы» Низами Арузи Самарканди» (М., 1963) совместно с З.Н. Ворожейкиной (Российская еврейская энциклопедия, т. 1). Последняя книга издана в Англии на английском языке в 2007 г.

Участник Великой Отечественной войны.

С 1993 г. живет в Америке. Он и там продолжает научные занятия, выступает с сообщениями и докладами. Опубликовал в американских научных изданиях ряд статей и рецензий.

Вот что Соломон Исаакович вспоминает о своей жизни, о своих родственниках.

«Я родился 24 июля 1923 г. на улице Ленинской, напротив музыкальной школы. Жил там до 1935 г., потом мы переехали в Ленинград.

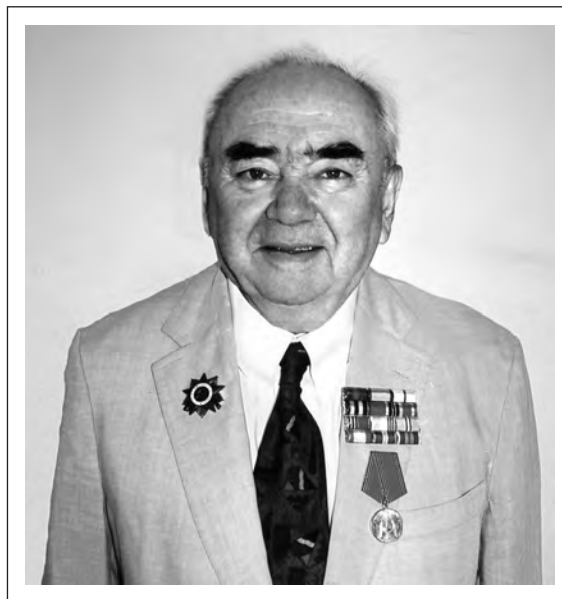
Мой дедушка, **Зелик Баевский**, 1870 г.р., был кузнецом. Кузница деда располагалась на горе Костерне, а ближе к Подвальной улице находился его дом. Верхнюю часть дома занимали дедушка и бабушка, а в нижней снимали жилье чужие люди. Бабушка **Ритля** вела домашнее хозяйство. Они были людьми религиозными, сами ели и меня старались кормить кошерной пищей. Бывало и так, что дедушка надевал талес и тфиллины и молился, а в соседней комнате их сын (брат моего отца) **Меня Баевский** кормил меня яичницей со свиным салом. **Меня-Мендл (или Миша) Баевский**, активный комсомолец, работал на авторемзаводе в заводской газете. Во время войны он служил офицером и погиб на фронте. Бабушку и дедушку убили фашисты во время оккупации в Могилеве.

Отец, **Исаак Зеликович Баевский**, гравер, работал в типографии, умер в 1933 г. Мама, **Мера Соломоновна Певзнер-Баевская**, работала в книжном магазине и в библиотеке Дома Красной армии (ДКА), который находился около Вала (парка). Она была беспартийной, но очень активной, выбиралась депутатом горсовета. Бывало на праздники ей надо было присутствовать на торжественном собрании в городском театре, а меня не с кем было оставить. Тогда мама брала меня с собой, и я высиживал все заседание от начала до конца.

В летнем парке на Валу играл духовой оркестр. По улице Первомайской от Вала до вокзала и обратно ходил один автобус, который всегда был переполнен. В городе было много извозчиков. Стояли они у железнодорожного вокзала, на Первомайской у театра и у цирка. Достопримечательностью города был принципиальный и строгий милиционер Глазов, который извозчиков и штрафовал.

Четыре класса я окончил в единственной русской школе № 7 в Лютеранском переулке. Идиш не изучал, но разговаривать могу, т. к. бабушка и дедушка всегда говорили на еврейском, хотя русский язык тоже знали. Папа с мамой большей частью говорили по-русски, соседи в доме — на идиш, на улицах же еврейская речь была слышна повсеместно.

Мои родители воспитывали меня без религиозного влияния. В Могилеве я был октябренком, пионером, в Ленинграде вступил в комсомол. Учился и в музыкальной школе по классу скрипки. Моим учителем был еврей **Басов**. Мы выступали в театре, на радио.

Соломон Исаакович Баевский

В 1935 г. наша семья переехала в Ленинград. Мне было непросто в новом городе, в новой школе, с новыми одноклассниками, учителями. Продолжал заниматься в музыкальной школе, ходил в исторический кружок при «Эрмитаже».

В 1940 г. поступил в военно-морскую школу, а в июне 1941 г., после ее окончания, был направлен в высшее военно-морское училище. Сперва был в Севастополе, потом училище перевели под Астрахань. У нас была практика на военных кораблях на Каспийском море. С 4 апреля 1942 г. до конца июля 1942 г. мы были все время в море. Защищали воздушное пространство от налетов немецкой авиации на Астрахань, Дербент, Баку. Когда вернулись в Астрахань, нам объявили приказ Верховного командования, что всех военно-морских курсантов переводят во 2-е Астраханское военно-пехотное училище. Переодели нас в пехотную форму и — на военные занятия в степи под Астрахань. Краткосрочная переподготовка закончилась в начале сентября. Мы сдали экзамены и стали офицерами. В один из дней нас подняли по тревоге и 500 лейтенантов направили на Сталинградский фронт. Я получил назначение в 651-ю армию, которая обороняла Сталинград с южных подступов. За военные заслуги награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и др.

После серьезного ранения вынужден был покинуть армию. Окончил Ленинградский университет (Восточный факультет), аспирантуру и в 1954 г. защитил диссертацию. С 1956 по 1992 г. работал старшим научным сотрудником в Институте востоковедения Академии наук СССР. Мною опубликовано 5 книг, в т. ч. монография «Ранняя персидская лексикография, XI—XV вв.» (М., 1989), и свыше 70 статей по проблемам иранской филологии; ряд работ опубликован на английском и персидском языках» (из воспоминаний **Баевского Соломона Исааковича**).

РИВКИН Роберт Маркович
(1925—2004)

Кандидат исторических наук.

«Я, **Роберт Маркович Ривкин**, родился в городе Рогачеве бывшей Могилевской губернии в 1925 г. В 1935 г. наша семья переехала в Могилев. Отец, **Марк Абрамович Ривкин**, работал в Могилеве до войны председателем обкома профсоюза, а мать, **Бася Менделевна**, была домохозяйкой. У них было три сына: я, **Владимир** и **Эдуард**.

В 1941 г. отец ушел на фронт, а мама с тремя детьми эвакуировалась в г. Куйбышев, откуда на фронт ушли мы с Владимиром. Мы с отцом прош-

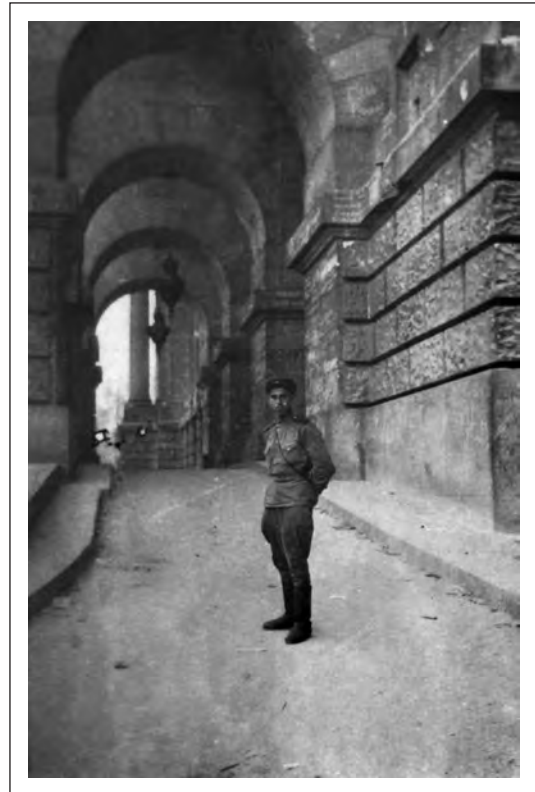
ли до конца войны, победу встретили в Берлине у Рейхстага. Имеем множество наград. Я больше всего дорожу орденами Славы и Отечественной войны. У отца было 5 дорогих ему наград.

После войны родители вернулись в Могилев, где прожили до своей смерти.

Я после войны поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова на специальность «Политэкономия». Вернулся в Могилев в 1951 г. после окончания университета и был направлен на конторскую работу в банк. В Могилевском пединституте на кафедре политэкономии были вакансии, но меня не утверждал на эту работу обком КПСС. Руководство института зачисляло меня на внештатную должность с почасовой оплатой на 10 учебных месяцев в году, увольняя в июле и вновь зачисляя в сентябре.

Моя жена, **Анна Павловна Зайденберг**, родилась в г. Борисове Минской области в 1926 г. На третий день войны ее мать с двумя детьми ушли из города и добрались пешком до Смоленска, откуда с пересадками на поездах попали в Киргизию. Анна тоже окончила МГУ и приехала в Могилев по направлению в пединститут в 1951 г. Она работала в МГПИ старшим преподавателем кафедры математики до 1957 г.

В 1952 г. мы поженились, а в 1953 г. у нас родился сын Павел.

Роберт Маркович Ривкин

В период «оттепели» я написал в Москву в Министерство высшего образования заявление с просьбой направить меня на работу в любой вуз Союза преподавателем политэкономии. Нас с женой направили в г. Томск. Затем институт был переведен в г. Омск. В Сибири мы защитили кандидатские диссертации и получили звания доцентов.

В 1976 г. всей семьей переехали в г. Калугу, а в 1997 г. вместе с семьей сына Павла эмигрировали в США» (из воспоминаний **Ривкина Роберта Марковича**).

БРАЙНИН Леонид Беркович (р. 1935)

Кандидат химических наук (1972), специалист по химии высокомолекулярных соединений.

«Родился в г. Могилеве в 1935 г. Отец, **Берк Орликович Брайнин** (1905—1964), потомственный столяр-краснодеревщик, родился в Могилеве в многодетной семье (семеро детей). Окончил хедер. Воевал с июня 1941 по октябрь 1945 г. рядовым.

Мать, **Татьяна Лазаревна Брайнина** (урожденная **Звагельская**) (1906—1990), родом из Гомеля, тоже из многодетной семьи (девять — десять детей). По профессии учитель русского и немецкого языков. В эвакуации работала в детском саду. Была награждена золотым значком «50 лет в партии».

Когда началась война, в семье было трое детей: кроме меня, сестры **Римма** (9 лет) и **Инна** (10 месяцев). Помню, что 22 июня 1941 г. вся семья работала на участке с картофелем. Приехал посыльный на лошади, и отца забрали на призывной пункт.

Мать обладала решительным, сильным характером и настояла на эвакуации, хотя дед и бабушка были за то, чтобы остаться. Вся семья — бабушка, дедушка и мать с тремя детьми — в первые дни войны вышла пешком из Могилева в направлении Орши. В пути колонну беженцев бомбили. В Орше военные помогли нам сесть на поезд. Зиму провели в деревне в Воронежской области и оставались там до июня, пока не подступили немцы.

Потом эвакуировались в деревню Новолуговое Тамбовской области, где пробыли до поздней осени 1942 г. Оттуда добирались до Урала, сначала на телегах, потом эшелонам. Прибыли в г. Серов Свердловской области, в 500 км к северу от Свердловска, где и прожили до конца войны.

Вернулись в Могилев в августе 1945 г. Наш дом на ул. Виленской был разрушен при бомбежке. Поселились в одной комнате в частном доме на краю кладбища.

Леонид Беркович Брайнин

После войны еврейское население значительно сократилось. Но еврейская жизнь продолжалась. Знаю, что существовали тайные моленные дома, где собирались религиозные евреи. Родители, правда, религиозными не были. Они были убежденными коммунистами — «партийными ортодоксами».

Я поступил в 3-й класс мужской школы № 3 и окончил ее в 1954 г. После школы пытался поступить в Харьковский политехнический институт, но неудачно. В этот же год был призван в армию: служил 3 года в Бресте в артиллерии.

Демобилизовался в 1957 г. и поступил в Ленинградский институт киноинженеров.

В возрасте 28 лет по окончании института был направлен по распределению в Казань. С 1963 г. работал в филиале НИИКФИ (Научно-исследовательский институт кинофотоизделий) на территории объединения «ТАСМА» (нынешнее название КазНИИ «ТехФотопроект»). Прошел путь от старшего инженера до заведующего лабораторией. Занимался научными исследованиями, научно-производственной деятельностью, руководил научно-производственным коллективом и параллельно дипломными и диссертационными работами студентов и аспирантов. Имею 120 опубликованных работ, из которых 23 — авторские свидетельства.

С 1993 по 1994 г. работал заместителем директора патентно-инновационного ТОО «Мысль», затем заведующим отделом инновационных исследований ассоциации «Ината», с 1995 г. по настоящее время — заместителем директора по новым производствам ЗАО «Альтон» (из воспоминаний **Брайнина Леонида Берковича**).

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В послевоенные годы Могилев по-прежнему оставался музыкальным городом. В период немецко-фашистской оккупации музыкальные учебные учреждения продолжали некоторое время работать (см. «История Могилевского еврейства. Документы и люди. Кн. 2, ч. 2).

Среди евреев-музыкантов Могилева были и знаменитые деятели музыкального искусства, известные всей стране, и те, кто сделал много для развития музыкальной культуры города и стал известен почти каждому его жителю, и скромные музыканты-труженики.

Возобновились занятия в единственной тогда музыкальной школе города и музыкальном училище, которое было открыто в 1937 г. В эти учебные заведения приехали работать и те музыканты, которые, оставшись в живых, смогли вернуться в родной город из эвакуации и с фронта, и направленные на работу после окончания консерваторий Москвы, Ленинграда, Минска и других городов — уроженцы Могилева и приезжие, многие из которых работали здесь до конца своей жизни. Музыкальная культура города в значительной мере была представлена музыкантами-евреями, все имена которых перечислить трудно.

МОГИЛЕВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ им. Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

(ныне — Могилевский государственный колледж им. Н.А. Римского-Корсакова)

В Могилевском музыкальном училище им. Н.А. Римского-Корсакова в послевоенные годы стали преподавать и музыканты нового поколения, среди которых было много музыкантов-евреев, некоторые из них работали затем в этом учебном заведении на протяжении нескольких десятилетий. **Ева Израилевна (Борисовна) Минькович (Сергеева)**, выпускница Витебского музыкального училища, учившаяся также в Белорусской государственной консерватории, была преподавателем сольфеджио, теории и гармонии музыки, у нее учились очень многие ныне известные в Беларуси музыканты разных специальностей. **Лазарь Исаакович Каганов**, окончивший факультет военных дирижеров Московской консерватории, не только преподавал игру на фортепиано и дирижирование, но и на протяжении ряда лет возглавлял оркестр Могилевского областного драматического театра, руководил народным оркестром музыкального училища, был завучем училища. **Нина Соломоновна Мендзелевская**,

Агитбригада музыкального училища.
Фото конца 40-х гг. XX в. из архива Мысова А.Г.

Сара Самуиловна Гуревич.
Фото из архива музучилища

выпускница Московской консерватории, ученица выдающегося пианиста и педагога Г.Г. Нейгауза, обучила очень многих талантливых пианистов, окончивших потом консерватории и ставших исполнителями, преподавателями, концертмейстерами. Среди них — **В. Брахли, А. Гольдштейн, А. Левина, А. Райхлина, С. Розенович, Л. Тиркельтауб (Ушакевич)** и другие. Отделение хорового дирижирования в училище возглавляла **Сара Самуиловна Гуревич.**

С начала 1950-х гг. в музыкальном училище стали преподавать пианистка **Елизавета Моисеевна Каплан**, скрипач **Иосиф Борисович Геллер**, виолончелист **Ефим Семенович Долгин**, трубач **Зяма Григорьевич Михалевич**, также воспитавшие за годы своей плодотворной работы очень многих музыкантов. Среди преподавателей училища в эти годы были также пианисты **Софья Львовна Файнштейн, Лидия Давыдовна Соркина, Раиса Семеновна Азарх, Борис Григорьевич Гарт**, гобоист **Л.З. Сычик.**

В 1960-е гг. в училище начали работать преподаватели — бывшие выпускники Могилевского музыкального училища, окончившие Ленинградскую, Белорусскую, Вильнюсскую, Таллинскую консерватории, Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных: пианисты **Мера Яковлевна Ковалерчик, Алла Зиновьевна Левина, Софья Израилевна Раскина, Адель Яковлевна Райхлина,**

Раиса Израилевна Минькина, виолончелист **Владимир Соломонович Лапидус**, скрипач **Владимир Аронович Родов**, кларнетист **Аркадий Исаакович Толкачев**, музыковеды **Ленина Юльевна Малаховская, Наталья Ефимовна Гандлина.**

В 1970-е гг. преподавали пианисты **Самиил Шапсович Розенович, Мария Иосифовна Гуревич, Анна Яковлевна Довлекаева, Леонид Геселевич Каран, Светлана Семеновна Кундянок (Плутес)**, тромбонист **Михаил Наумович Михлин**, валторнист и дирижер **Геннадий Иванович Богомолов**, музыковед **Ольга Петровна Морозова.**

С 1980 до 1984 г. в училище работал выпускник Московской консерватории, композитор **Владимир Вениаминович Браиловский**, в 1990-е гг. — кандидат искусствоведения, доцент **Аркадий Яковлевич Двилянский** (тогда же им была написана книга «Еврейский музыкальный фольклор Беларуси», выпущенная могилевским издательством «Белфорт» в 1996 г.).

Все эти музыканты-педагоги воспитали в Могилевском музыкальном училище более 500 музыкантов-евреев самых разных специальностей, которые работают в музыкальных школах, училищах, консерваториях, общеобразовательных школах, детских садах, руководят профессиональными и самодетельными музыкальными коллективами у нас в республике и за рубежом.

О. Морозова

Лазарь Исаакович Каганов.
Фото из архива музучилища

МЕНДЗЕЛЕВСКАЯ Нина Соломоновна (1918—1999)

*Известная в Беларуси пианистка и педагог Нина Соломоновна Мендзелевская проработала в Могилевском музыкальном училище 35 лет, из них 18 лет — в должности заведующей отделением специального фортепиано. Она внесла неоценимый вклад в развитие фортепианной школы Беларуси, обучив более 100 пианистов, многие из которых поступили затем в различные консерватории (Московскую, Ленинградскую, Белорусскую, Кишиневскую, Вильнюсскую, Рижскую, Саратовскую, Горьковскую) и другие музыкальные вузы страны. Все они работают педагогами и концертмейстерами в консерваториях и институтах искусств, оперных театрах, в музыкально-педагогических институтах, в музыкальных училищах и школах разных стран. Замечательной пианистке, педагогу и любимой маме посвятила книгу ее дочь, тоже музыкант, **Маргарита Волкова-Мендзелевская**, отрывки из которой мы приводим в этой главе.*

«Мой дедушка, отец моей матери, **Соломон Маркович Мендзелевский**, родился в Польше в городе Радзимине, что находится недалеко от Варшавы.

Спасая свою жизнь во время еврейских погромов в Польше, дедушка бежал в Россию. Здесь он женился на дочери учителя, очень красивой девушке **Хасе Наумовне Лейвиковой**. Моя мама — вторая дочь в этой большой семье. Дедушка был очень музыкален, прекрасно пел. Он страстно мечтал о том, чтобы его дети получили музыкальное образование. Моя мама начала заниматься на рояле в Могилевской музыкальной школе, образованной после революции **Лазарем Марковичем Зисьманом*** и **Рахилью Львовной Блюман**. Первой ее учительницей была **Ида Лазаревна Меркина**, которую она всю жизнь глубоко уважала. Вот такую счастливую судьбу имела моя мама: она сразу, с первых шагов в музыке, поняла, что рояль — это ее призвание. Никаких сомнений, колебаний, желаний что-то менять на жизненном пути у нее никогда не было. Сразу полное слияние с музыкой, многочасовые занятия за инструментом, в ущерб детским играм и шалостям. Уже в 12 лет она сопровождала своими импровизациями сеансы модного в ту пору немого кино. Зал всегда был полон. Могилевчане с удовольствием бежали в Дом Красной Армии, который находился на Валу, у входа в парк имени Горького, чтобы насладиться фильмами с участием любимых актеров. Мама была очень горда, когда приносила домой немного заработанных денег.

* В большинстве воспоминаний и документов его фамилия пишется без мягкого знака. — *А.Л.*

С 12 до 14 лет лет мама работала в еврейском театре, который существовал тогда в Могилеве. Она с легкостью играла все по слуху... Посмотрев один раз ноты, знала их наизусть... С этой труппой она уже в раннем возрасте объехала всю Белоруссию. Вот с тех ранних лет и началась невероятная любовь к театру. Я бы даже сказала, театральная страсть. [...]

В середине пятого класса директор школы, **Лазарь Маркович Зисьман**, пригласил моего дедушку к себе и предложил ему отправить дочь в Москву учиться дальше. Он говорил о ее необычно счастливом сочетании таланта, одержимости, полном погружении в музыку с самого раннего детства, о ее редкой трудоспособности и трогательной увлеченности. [...]

Моя мама сразу получила благословение Всевышнего. Ее путь был ярким, но тернистым, с огромным количеством взлетов и падений, надежд и препятствий, счастливым и трагическим... [...]

Надо сказать, что мама очень любила своих родителей, братьев и сестер, свою музыкальную школу и свой родной Могилев.

Л.М. Зисьман направил свою любимую воспитанницу к **Рахили Львовне Блюман** (коренная могилевчанка, после создания вместе с **Зисьманом** музыкальной школы уехала в Москву. — *А.Л.*), которая была в то время директором **Мерзляковского** музыкального училища при консерватории в Москве. Он благословил девушку и дал ей рекомендательное письмо. [...] Это произошло летом 1933 года. [...]

(По окончании **Мерзляковского** музыкального училища по классу фортепиано **Н. Мендзелевская** поступила в **Московскую государственную консерваторию**, где училась сначала у талантливого педагога **Э. Гроссмана**, а затем в классе великого пианиста **Г. Нейгауза**. — *А.Л.*)

Ворвавшаяся в жизнь страны и каждого человека в отдельности война с фашизмом спутала все планы, перечеркнула все стремления, перевернула вверх дном налаженную человеческую жизнь.

Московская консерватория приостановила свою работу. Она была эвакуирована в Саратов. [...]

Маме чудом удалось эвакуироваться осенью 1941 года в **Камское Устье**. Это небольшое татарское село, стоящее на берегу широкой полноводной реки **Камы**, стало прибежищем семьи **Мендзелевских** в военные годы. С радостью встретили дочь родители и два младших брата, **Григорий** и **Рува**. Старшие братья **Михаил** и **Наум** были призваны в армию в первые же дни войны. Сестра **Бела** с мужем и маленькой дочерью **Ларисой** застряли в **Ленинградской блокаде**. [...]

В конце января 1942 года мама получила письмо из консерватории с приглашением приехать в Саратов и продолжить учебу. [...]

В Саратове мама жила недолго — с февраля до июня 1942 года и с октября 1942-го по январь 1943 года. Об этих месяцах известно мало. Она не любила их вспоминать, наверное, это было голодное, холодное и безрадостное время. [...]

В 1943 году Московская консерватория возобновила свою работу в Москве. Мама сразу поехала туда. Но Г.Г. Нейгауза еще не было. Ему как немцу въезд в Москву был запрещен. Его студенты занимались, в основном, с его ассистентами **Яковом Израилевичем Заком** и **Теодором Давидовичем Гутманом**. С ними маму затем долгие годы связывали тесные творческие отношения. [...]

Мама окончила Московскую консерваторию в июне 1945 года.

Распределение мама получила в Алма-Ату — в качестве педагога консерватории на кафедре специального фортепиано и солистки Алма-Атинской филармонии. Но как же жить дальше, так далеко от Москвы? Города, в котором прошла ее юность и началась ее молодость. Города, с которым связано все самое светлое в ее жизни. Города, частичкой которого она стала.

Мама пребывала в глубоких раздумьях, не зная, какой же путь ей выбрать. Позже она говорила мне, что, если бы тогда был рядом человек, который помог бы ей правильно оценить перспективы, ожидающие молодую талантливую пианистку в Алма-Ате, возможно, ее выбор был бы другим. Но в тот момент она растерялась и не смогла использовать замечательную возможность, подаренную ей судьбой. Кто знает, может быть, работая там, в филармонии, мама стала бы известной пианисткой или профессором консерватории. Очевидно одно: все ее друзья и соученики, которые отправились по распределению в советские республики, очень быстро сделали превосходную карьеру в периферийных консерваториях, получили звания, талантливых учеников, пользовались большим авторитетом. [...]

Мама была не в силах покинуть Москву. Она продолжала работать как концертмейстер в Мерзляковском музыкальном училище и как заведующая музыкальной частью в Ногинском областном театре под Москвой. [...]

В 1948 году началась новая волна репрессий. Над бабушкой нависла угроза ареста. Он был польским евреем. Семья была в панике. Дедушка был единственным кормильцем. Родители, сестра и братья стали «бомбить» маму письмами, уговаривая ее вернуться в Могилев. После долгих мучительных раздумий, не придя еще ни к какому решению, мама поехала на летние каникулы в Могилев навестить родных. Эта поездка коренным образом изменила ее жизнь. Поддавшись уговорам, просьбам и всевозможным аргументам со стороны родителей, мама решила все же вернуться в Могилев.

Нина Соломоновна Мендзелевская.
Фото из архива музучилища

На протяжении всей своей жизни она сожалела о принятии этого решения. Она сокрушалась, что давление семьи в тот момент оказалось сильнее, чем ее воля. Всю дальнейшую жизнь мама тосковала по Москве. Ностальгия по так горячо ею любимому городу и его необыкновенной музыкальной атмосфере мучила ее долгие-долгие годы.

Семья Мендзелевских к тому времени уже занимала свой довоенный дом с маленьким палисадником. Он находился прямо на том месте, где сейчас напротив любимого могилевчанами магазина «Лявониха» разбиты цветочные клумбы и скверик.

Директор музыкального училища и школы **Лазарь Маркович Зисман** встретил свою любимицу с распростертыми объятиями. Он сразу все ей доверил, все разрешил и никогда не мешал. Мама была его кумиром! Лазарь Маркович сразу поднял ее на пьедестал, назначил заведующей отделом специального фортепиано. Работая под его руководством, мама была счастлива. Она чувствовала себя на работе свободно и уверенно, «как в родном доме, настоящей хозяйкой» — говорила она часто. Лазаря Марковича мама тоже очень любила. Это был человек необыкновенной доброты. Он не смог выучиться музыке профессионально, но был великолепным директором, самоотверженным человеком. Он многим молодым людям, пришедшим после войны голодными, холодными, без образования, сиротами и т. д., дал путевку в жизнь. Обогрел их, дал в руки музыкальные инструменты, позаботился о жилье и стипендиях. Всегда приходил на помощь, если студент во время учебы сталкивался с проблемами. А после окончания

Выпуск музыкального училища 1952 г. Класс **Н.С. Мендзелевской**.
Фото из архива музучилища

училища — всех устраивал на работу. Для каждого своего студента и для каждого сотрудника он был настоящим отцом.

Преподавал Лазарь Маркович народные инструменты: домру и цимбалы, а также руководил народным студенческим оркестром, им же организованным. Жена его, **Ревекка Моисеевна**, красивая женщина с золотым сердцем, была мужу под стать. Она преподавала сольфеджио в школе. Училище и школа находились в одном здании (ныне — здание лицея). С одной стороны его была расположена маленькая служебная квартира.

Здесь и жили Зисьманы с двумя сыновьями — **Михаилом**, ставшим профессиональным скрипачом, и **Марком**, несостоявшимся пианистом. (С третьего курса музыкального училища Марк ушел, поступил в институт иностранных языков и стал военным переводчиком. Дослужился до звания полковника). Ревекка Моисеевна чудесно готовила. Запахи ее кулинарного колдовства растекались по всему зданию, и мама частенько после работы бежала «на огонек», посидеть в этой небольшой, но уютной и «вкусной» квартирке. [...]

На фортепьянном отделении училища работали всего три педагога. Мама стала четвертой.

Фортепьянное отделение Могилевского училища в 1950 году пополнилось новыми молодыми интересными музыкантами. Двух из них мама очень ценила — **Бориса Григорьевича Гарта**, москвича, окончившего институт имени Гнесиных, который попал в Могилев по распределению, и **Бориса Погосова**, окончившего Бакинскую консерваторию.

С приездом в Могилев **Б.Г. Гарта** связано появление в училище нового предмета — методики обучения игре на рояле. Он мастерски вел предмет, обладая незаурядным интеллектом, глубокими теоретическими знаниями и артистичной манерой изложения. На его лекции сбегались не только студенты-пианисты, но и студенты других отделений, а также педагоги музыкальных школ. Каждая лекция **Б.Г. Гарта** была настоящим событием в городе!

К сожалению, проработав в училище всего несколько лет, оба пианиста переехали в Минск. **Б.Г. Гарт** защитил диссертацию о белорусской

фортепианной музыке, успешно работал много лет в консерватории. Потом, попав в «отказники», потерял работу, сильно нуждался. Сейчас он со своей семьей счастливо живет в США. [...]

Виолончель — один из самых любимых маминых музыкальных инструментов. Тогда в Могилеве виолончель преподавал **Ефим Семенович Долгин**, в классе которого мама тоже работала концертмейстером. Так родилось их — сначала творческое — содружество. Мама и Долгин репетировали у нас в доме. Играли сонаты Бетховена, Рахманинова, Вариации на тему Рококо Чайковского, пьесы Шумана. Вся семья полюбила **Е.С. Долгина** — доброго, заботливого человека. Свое большое чувство к маме он не в состоянии был больше скрывать. [...]

...Когда мама стала женой **Е.С. Долгина**, вокруг молодой пары образовался круг друзей, музыкантов-единомышленников, частенько собиравшихся в гостинице «Днепр».

Примыкали к этому веселому кругу... **Дора** и **Яша Резниковы**, молодые журналисты, тогда тоже проживавшие в «Днепре». Впоследствии Яша стал заведовать одним из отделов в «Могилевской правде», а Дора работала в Главлите. Их младшая дочь **Ира** не без маминой помощи стала музыкантом. [...]

К сожалению, брак мамы с Долгиным распался. [...]

Мама работала целыми днями. Но я думаю, что поначалу главной причиной такой самоотверженности было желание погрузиться «выше головы» в работу, чтобы заглушить тоску, ностальгию по Москве. [...]

В это время в классе Мендзелевской учились очень интересные творческие личности.

Абрам Розовский начал заниматься у мамы в первый год ее приезда. Скромный, застенчиво улыбающийся юноша обладал редким, ярким талантом импровизации. Он выделялся среди всех студентов своим удивительным слухом. Если бы в то время в нашей стране был интерес к джазу и искусству импровизации, то я думаю, что А. Розовский был бы в числе лучших мастеров этого жанра. Феноменальность его заключалась в том, что он не просто подбирал по слуху, а каждая его импровизация была как законченное музыкальное произведение — с богатейшей объемной фактурой, с особо интересным использованием басов и нижнего регистра. Его пышные модуляции вытекали одна из другой «как по маслу». А гармонию он слышал как никто. Когда А. Розовский импровизировал, вся клавиатура рояля, от самых низов до самых верхов, была задействована. Мама очень его любила, ценила и бережно развивала его уникальный, редкий дар. После окончания музыкального училища А. Розовский поступил в медицинский институт и стал врачом-невропатологом. Всю жизнь он проработал в Могилевской городской первой поликлинике. Но страсть к музыке не покидала его. Все вечера и выходные дни были отданы его второй профессии — импровизации.

Много лет аккомпанировал он в самодеятельном театре, созданном талантливым режиссером Барановским во Дворце культуры фабрики шелкового волокна. [...]

Дружба мамы с А. Розовским не прекращалась всю жизнь. Если мама заболела, не важно чем, она тут же звонила Розовскому:

— Абраша, я заболела.

И следовал неизменный ответ:

— Не волнуйтесь, Нина Соломоновна. Это не страшно. Мы все вылечим. Я скоро приеду.

Действительно, через пятнадцать-двадцать минут Розовский стоял на пороге нашего дома. С мягкой обаятельной улыбкой, добрыми глазами, в слегка сдвинутом на бок берете.

Ученик и настоящий друг! [...]

Из своих студентов того времени мама выделяла **Любовь Гольнскую, Ларису Шелепину (Проценко), Лилию Сальникову, Инессу Гольдштейн.**

Инесса Гольдштейн, или, как мама называла ее, Ася, унаследовала рафинированную интеллигентность, музыкальность и редкий интеллект от своего отца — знаменитого врача, заведующего хирургическим отделением Могилевской городской больницы **Михаила Исааковича Гольдштейна.** Благодаря чуткому маминому воздействию и своим редким способностям Ася всего за шесть лет

Певческий праздник в Печерске.
Фото 50-х гг. XX в. из архива музучилища

занятий на рояле смогла подготовиться и поступить в Ленинградскую консерваторию.

Большими мамиными успехами в педагогике восхищались ее коллеги. Многие из них посылали своих детей к маме в класс: **С.С. Гуревич** — дочь **Аду Райхлину**; **А.Г. Мысов** — двух дочерей **Светлану** и **Тамару**, **Б.В. Геллер** — дочь **Люсю Тиркельтауб**, **Э. Коткович** — сына **Юрия**, **Канашенко** — дочь **Светлану**, **Л.И. Каганов** — дочь **Инну** и двух племянниц — **Инну Мендельсон (Лернер)** и **Лену Шуб (Меламед)**. [...]

Заниматься в мамином классе было непросто: она не терпела лени, недисциплинированности, пассивности. Дополнительные уроки были в порядке вещей. Студента, которому был назначен урок по специальности в восемь утра, мама могла пригласить в семь и заниматься два часа. Вечером она засиживалась до поздней ночи, не считая, сколько часов переработала. Если надо было репетировать в зале, ее не смущало, ночь ли это, раннее утро или поздний вечер. Работа и ее студенты были превыше всего. Она могла вызвать ученика в выходной день и посвятить ему все свое свободное время. [...]

Мама стала устраивать по примеру Москвы в Могилевском музыкальном училище классные концерты-вечера, в которых принимали участие студенты одного педагога. Программу этих концертов она тщательно продумывала. [...] Мама не только выискивала нужные произведения, но и компоновала программу так, чтобы она была разноплановой, стройной, яркой и подходила бы той или иной индивидуальности. Это редко кто умеет. [...] Концерты класса **Н.С. Мендзелевской** — это особая и очень яркая страница в могилевской культурной жизни. Они принесли могилевчанам много радости.

Каждый концерт класса **Н.С. Мендзелевской** в городе был источником восторгов и многодневных обсуждений не только среди музыкантов, но и среди городской интеллигенции. Наш дом был завален цветами. В эти дни он превращался в настоящую пеструю, дышащую красотой и свежестью оранжерею. [...]

Мама всегда говорила мне, что без жесткой организации и порядка в занятиях любая творческая личность обречена на гибель. Она никогда не расслаблялась сама и не давала это делать своим ученикам. Каждого из них она любила по-своему и отдавала ему без остатка свой талант и мастерство. [...]

Авторитет мамы был огромен. Все стремились к ней, хотели услышать ее профессиональное «слово». Мама никогда не играла в политику и дипломатию. Свое мнение она высказывала корректно, но ясно, четко и открыто. Она не терпела никакого лицемерия и виляния вокруг темы. [...]

К маме обращались все: педагоги музыкальных школ Могилева и области с просьбой о кон-

сультации по занятиям с конкретными учениками или по методическим вопросам; друзья, знакомые и незнакомые люди просили посоветовать, послушать, помочь. Мама никогда и никому не отказывала. Слава ее с каждым годом росла. Мамины выпускники легко поступали в консерватории, удастаивались премий и поощрений на конкурсах, блистали на открытых концертах и, имея за плечами ее «школу», успешно работали. [...]

Мама всегда имела много частных учеников. Все хотели учиться у знаменитого педагога. Родители знали, что, если их ребенок попадет в мамины руки, будет толк. К большому списку маминых официальных выпускников можно добавить еще такой же — ребят, которые не смогли попасть в ее училищный класс, но которые тоже могут себя считать учениками **Мендзелевской**. Многих из них подготовила она к поступлению в училища, консерватории, музыкально-педагогические институты. Многим помогла подготовить дипломную программу к окончанию училища или консерватории. Многие, не находя понимания и поддержки у своих педагогов, находили все это у моей мамы (по книге **Волковой-Мендзелевской М.** **Нина Мендзелевская: жизнь, посвященная музыке.** — СПб.: Алтейя, 2005).

КАГАНОВ Лазарь Исаакович (р. 1922)

«Мало кто знает, что благодаря **Лазарю Исааковичу Каганову** сразу после войны в городе появилась масса музыкальных инструментов. Как это было?

Каганов воевал, был награжден медалями. Будучи специалистом и профессионалом, он прекрасно понимал, что в разоренной Беларуси и в Могилеве в частности возрождать культуру и музыку после войны будет крайне сложно. Когда он был в Германии, у него появилась возможность привезти в Могилев музыкальные инструменты, и этой возможностью он воспользовался. Говорили, что Каганов смог привезти в город чуть ли не несколько вагонов роялей, пианино, духовых инструментов, аккордеонов и многого другого. Я знаю об этом от **Вадима Александровича Евстратова**, бывшего завуча музыкального училища, педагога-теоретика, друга **Лазаря Исааковича**. Так в свое время в Доме культуры автозавода появился прекрасный рояль XIX в. — чудный инструмент, на котором мне довелось учиться играть. Потом пришли другие люди, рояль этот им стал мешать, и они его выбросили. **Ефим Борисович Дворкин**, который руководил Центром детского технического творчества, остатки рояля забрал себе для изготовления моделей. Он с удивлением сообщил мне, что рояль был сделан из красного дерева. В музыкальное

училище тоже попало много немецких пианино, да и в частном секторе появились инструменты. Так, на ул. Ленинской пианино стояло во многих квартирах.

В период моей учебы Л.И. Каганов исполнял обязанности заведующего отделением дирижирования музыкального училища. В начале 70-х гг. попала в опалу **Нина Соломоновна Мендзелевская**, профессионал высочайшего уровня. А ведь это только промысел Божий привел ее в наш город. Она, можно сказать, возвысила Могилев с точки зрения музыкальной культуры своим интеллектом и своим музыкальным уровнем. Вот тогда Лазарь Исаакович забрал ее в свой класс концертмейстером. Тогда я и учился у них.

Когда в начале 70-х я поступил в музыкальное училище, дирижирование у нас вел один не очень обязательный «товарищ». Для него было нормой пропустить одно, два, три занятия, так что ученики были плохо подготовлены. Когда приближались экзамен, я начал усиленно готовиться самостоятельно, ходил в библиотеку, занимался. Группа сдавала очень плохо. Один за другим ученики выходили с двойками. Я сдавал последним. Бросил свою зачетку в сумку в полной уверенности, что и я получил «пару». После этого несколько дней мучился, не знал, что делать. Пришел к Каганову в кабинет с вопросом, когда смогу пересдать экзамен. А он отвечает вопросом на вопрос: «А что ты собираешься пересдавать? Ты в зачетку-то смотрел?» Оказалось, что он мне поставил пятерку. И следующий семестр я уже занимался у Лазаря Исааковича.

Он был прекрасным дирижером, дирижером от Бога! Но есть дирижеры, которые красуются перед публикой своим дирижерским жестом. Каганов был абсолютно свободен от этого, но его показ был совершенно ясен, отчетлив, великолепен. Важна была скрупулезность в подходе Каганова к дирижированию. И педагогом он был отличным, учил не красоваться, а четкому и ясному показу. Он требовал, чтобы партитура была тщательно проработана в плане нюансировки, темпа, вступления инструментов и пр.

Кроме того, Каганов вел у меня инструментальное, аранжировку. И настолько успешно, что я эти уроки до сих пор помню. Мне потом очень помогли те знания, которые он мне передал.

Лазарь Исаакович был строгим учителем, но очень понимающим. Тогда были большие пробле-

Лазарь Исаакович Каганов с учениками.

Фото из архива музучилища

мы с транспортом, и я старался встать пораньше, чтобы не опоздать на уроки Каганова и Мендзелевской, чтобы не огорчать этих замечательных людей, украшавших наше училище.

Он очень любил своих учеников и старался уделить им как можно больше внимания, готовил серьезно и скрупулезно, понимая, что учит человека его профессии.

Последний раз мы с ним виделись незадолго до его отъезда в Израиль. У меня о нем сохранились воспоминания как о человеке в высшей степени порядочном и очень образованном специалисте» (из воспоминаний **Хохрякова Александра Борисовича**, директора Могилевского областного художественного музея им. П.В. Масленикова).

СЕРГЕЕВА (Минькович)

Ева Борисовна (Израилевна)

(1919—1994)

Ева Борисовна (Израилевна) Сергеева (Минькович) родилась в Витебске. В три года она уже играла по слуху, в четыре — сопровождала в театре спектакли вместе со своим старшим братом. В Витебское музыкальное училище ее приняли сразу на второй курс. Окончив его с отличием, она поступила в Белгосконсерваторию. В годы учебы она работала в Витебске в ансамбле Красноармейской песни, в Минске — преподавателем музыкальной школы и училища.

Учебу прервала война. В эвакуации Сергеева проживала с семьей под Уфой, работала начальником клуба туберкулезного госпиталя, ставила

Ева Борисовна Сергеева (Минькович).
 Фото из архива музучилища

спектакли, аккомпанировала певцам. В 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил ее первой медалью — «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Сергеева пришла в училище в 1946 г. и проработала в нем 47 лет, завоевав огромный авторитет и горячую любовь своих многочисленных учеников.

В училище Ева Борисовна преподавала теорию музыки, гармонию, сольфеджио, музыкальную литературу и фольклор, чтение партитур, аккомпанировала хору. Многие годы она работала классным руководителем, с 1966 по 1971 г. заведовала отделением теории музыки.

«У меня очень теплые воспоминания сохранились о **Еве Борисовне Сергеевой** и как о педагоге, и как о человеке.

Она была педагогом классической школы и учила нас по тем незыблемым канонам гармонии, которые в ней были приняты. Она досконально объясняла каждый штришочек, любой момент в гармонии. Если кому-то что-то не было понятно, все раскладывала по полочкам, если нужно, десять раз повторяла и объясняла. Ева Борисовна обладала безупречным авторитетом, ей не нужно было ни

перед кем трепетать, потому что ее интеллект, ум, опыт были непревзойдены. Когда шел экзамен, она ходила по рядам и внимательно смотрела за работой учеников. Для нее не составляло проблемы подойти на глазах у комиссии к ученику и сделать необходимые поправки в его решении» (из воспоминаний **Хохрякова Александра Борисовича**, директора Могилевского областного художественного музея им. П.В. Масленикова).

МИХАЛЕВИЧ Зяма Григорьевич (1912—1989)

Зяма Григорьевич Михалевич — участник Великой Отечественной войны, имел боевые награды.

Начал работать в Могилевском музыкальном училище с 1953 г. С его именем связано фактически создание и развитие могилевской школы трубачей. З.Г. Михалевич с трубой не расставался. Играл вместе со своими учащимися в духовом и симфоническом оркестрах. Личным примером прививал им любовь к коллективной игре.

Зяма Григорьевич был добрым и отзывчивым человеком, талантливым педагогом. Умело подбирал учебную программу, доводил ее до совершенства, и даже слабые по своим музыкальным данным учащиеся на зачетных концертах и экзаменах выглядели всегда убедительно.

С именем З.Г. Михалевича связаны успехи могилевских трубачей на республиканских конкурсах, где учащиеся его класса неоднократно занимали призовые места.

Зяма Григорьевич Михалевич с учениками.
 Фото из архива музучилища

ЛАПИДУС Владимир Соломонович
(1939—2007)

Владимир Соломонович Лapidус окончил Могилевское музыкальное училище по классу виолончели в 1954 г.

С 1954 по 1959 г. учился в Таллинской консерватории.

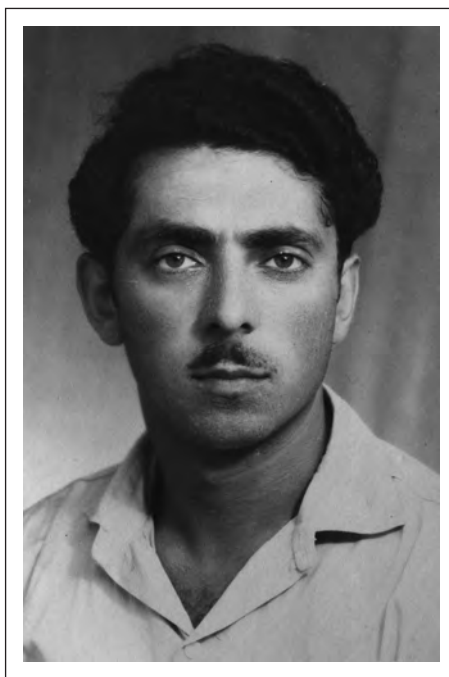
С 1960 по 1993 г. работал в Могилевском музыкальном училище.

Прекрасный педагог и музыкант, Владимир Соломонович за долгие годы работы подготовил не одну плеяду замечательных виолончелистов. За отличную работу неоднократно поощрялся и награждался грамотами. Его ученики стали лауреатами 1-го и 2-го республиканских конкурсов молодых дарований.

«Особое место в маминой жизни занимала дружба с **Володей Лapidусом**. Несмотря на большую разницу в возрасте, они находили идеальный контакт. Володя не только талантливый виолончелист, музыкант от Бога, но и мастер на все руки. Началось это творческое содружество, когда Володя был еще студентом класса **Е.С. Долгина**. Мама аккомпанировала ему. Затем, когда Володя, окончив Таллинскую консерваторию, вернулся в Могилев, они с мамой стали многолетними творческими партнерами. [...]

Более десяти лет существовал в Могилевском музыкальном училище ансамбль виолончелистов, созданный В. Лapidусом, сумевшим вписать яркую страницу в культурную жизнь Могилева. Выступая на различных сценах, он стал неоднократным лауреатом республиканских и всесоюзных фестивалей. Мама была его бессменным концертмейстером. [...]

М.Л. Ростропович, гастролируя в Могилеве, случайно услышал репетицию ансамбля и пришел в восторг. Несколько раз приглашал он коллектив выступать с ним вместе. Такие концерты были всегда незабываемо яркими. Но особенно запомнилось выступление с М.Л. Ростроповичем на концерте в Кремлевском Дворце съездов в Москве. Ансамбль виолончелистов из Могилева был специально приглашен великим музыкантом для участия во всесоюзном фестивале. Это ли не признание! Мама, вернувшись из Москвы, воодушевленно рассказывала обо всех репе-

Владимир Соломонович Лapidус.
Фото из архива музучилища

тициях и концерте в Кремлевском Дворце съездов. Она привезла оттуда именной подарок — наручные часы, которыми очень гордилась. [...]

Мама очень доверяла Володе как музыканту. Всегда говорила, что, когда он берет виолончель в руки, невозможно спокойно сидеть. Инструмент

Правительственный концерт к 50-летию революции с участием **М.Л. Ростроповича**. Во втором ряду справа — **В.С. Лapidус**. Минск, 1967 г.

так поет, так рыдает и так веселится, как может звучать только у музыканта высочайшего класса! Не помню, кому она сказала: «Если вы не слышали, как играет Лapidус, то вы не знаете, на что способна виолончель!» [...]

Володя обладал редким чувством юмора: переделывая на ходу слова, фразы, переставляя буквы в словах, он всегда вызывал безудержный смех. Как только он появлялся у нас, я, только посмотрев на него, начинала безостановочно смеяться. [...]

Володя имел репутацию блестящего настройщика роялей и пианино. Он и здесь был мастером высочайшего класса. Убедился в этом и **Э. Гилельс**: гастролируя однажды в Могилеве, он заметил, что рояль блестяще приведен в порядок. Великий пианист сразу захотел познакомиться с мастером. И с тех пор, когда бы Э. Гилельс ни приезжал в Белоруссию, он неизменно вызывал Володю подготовить рояль к концерту.

Володя был первым, кого мама захотела навестить после переезда в Германию. Мы мчались, несколько раз пересаживаясь в другие поезда, в маленький курортный городок Герольдштайн, где Володя жил со своей семьей уже несколько лет. Надо было видеть эту встречу — двух друзей, двух единомышленников — в чужой стране! Все будто отступило на задний план, и казалось, что они сидят, как и раньше, в нашей могилевской квартире, обсуждая успехи своих учеников и впечатления от «вместе пережитого» (по книге: **Волкова-Мендзелевская М.** Нина Мендзелевская: жизнь, посвященная музыке. — СПб.: Алтейя, 2005).

***

«В здании, где с 1960 года размещалось музыкальное училище, хотя оно было очень тесным и малоприспособленным к занятиям, был маленький концертный зал и даже крохотная сцена. Благодаря инициативе молодого директора, сразу оживилась концертная жизнь города. Силами преподавателей и студентов училища каждую весну (апрель — май) проводилась целая серия концертов. У меня хранятся все афиши отчетных концертов моего класса, моих сольных концертов, а также тех, в которых мы играли трио, квартеты вместе с **В.С. Лapidусом**, прекрасным виолончелистом, обладавшим красивым сочным звуком и хорошей виолончельной школой. Он как раз приехал в Могилев после окончания Таллинской консерватории и на одном из концертов играл «Вариации на тему рококо» П.И. Чайковского. Мне очень понравилось его исполнение, и я сразу поняла, что он хороший профессионал и талантливый музыкант.

Работали мы вместе в одном учебном заведении более двадцати лет. Часто ссорились, конкурировали, но уважали друг друга как музыканты. И хочу сказать, что в игре, в творческом процессе, будь то оркестр, трио, квартет или совместное исполнение двух ансамблей, скрипачей и виолончелистов, мы всегда находили взаимопонимание. Играть вместе нам было удобно, спокойно, надежно, и мы могли быть уверены, что не подведем друг друга, и это будет хорошо, тем более что в манере исполнения у нас было много общего. С Владимиром Соломоновичем, который был концертмейсте-

В.С. Лapidус с ансамблем учеников. Фото из архива училища

ром виолончелистов симфонического оркестра, у нас всегда был прекрасный ансамбль. Мы вели за собой всю струнную группу и были надежной опорой дирижеру» (из книги: **Солдатова С.П.** Радость бытия. — Молодечно, 2010).

КАПЛАН Елизавета Моисеевна
(р. 1924)

«Непосредственно концертмейстерской работой у нас, в основном, были заняты молодые девочки после окончания училища. Но более опытные ведущие преподаватели, такие, как **Мендзелевская Н.С.**, **Каплан Е.М.**, чтобы не терять игровую форму, кроме своей основной педагогической нагрузки — специалистов, работали в качестве концертмейстеров. **Елизавета Моисеевна Каплан** играла у меня в классе по специальности и аккомпанировала ансамблю скрипачей. Это была энергичная полная женщина небольшого роста, очень преданно относившаяся к своей работе. Прекрасная пианистка, она все аккомпанементы, даже самые сложные, всегда честно выучивала. Никогда не позволяла себе никаких сокращений и облегчений текста, а играла всегда так, как было задумано автором.

Помню, в пьесе Ф. Мендельсона «На крыльях песни», которую мы играли ансамблем скрипачей,

Елизавета Моисеевна Каплан.
Фото из архива музучилища

в партии фортепиано на нескольких страницах были написаны сложные пассажи во всю клавиатуру, имитирующие арфу. Она их выучила наизусть и добросовестно все выигрывала своими

маленькими ручками, мы только диву давались. Какая умница! Все фортепианные проигрыши и сложное сопровождение сольных партий во второй части Четвертого концерта А. Вьегана, в соло из балета «Лебединое озеро» и в третьей части скрипичного концерта П. Чайковского — все всегда было исполнено очень качественно. И вообще, она любила свою работу и относилась к ней с большим уважением, не допуская никакой «халтуры». Помимо этого, если кто-нибудь из моих студентов позволял себе прийти на урок недостаточно подготовленным, чтобы играть с аккомпанементом, Елизавета Моисеевна распекала и отчитывала его на повышенных тонах, как будто это был ее собственный ученик. Она проработала со мной восемь лет. С ней мы ездили в Брест, Бобруйск, Минск, Москву, и я всегда была уверена, что она никогда не подведет и на нее можно положиться» (из книги: **Солдатова С.П.** Радость бытия. — Молодечно, 2010).

Софья Петровна Солдатова и Елизавета Моисеевна Каплан
с учениками.

Фото из архива музучилища

РОДОВ Владимир Аронович (р. 1947)

«Я родился в Могилеве в 1947 г. Мои родители встретили друг друга после войны. Отец, **Арон Львович** (по паспорту **Лейбович**) **Родов**, родился в Лапичах (сейчас Осиповичский район Могилевской области) в 1907 г. Местечко было еврейское, и он посещал хедер, где выучился писать, читать и говорить на иврите, хотя дома этот язык не употреблялся, потому что больше никто его не знал. Мать, **Клара** (по паспорту **Хая**) **Наумовна**, 1909 г.р., уроженка городка Сморгонь. Знаю только, что в молодости она любила петь еврейские песни, имела хороший голос, участвовала в самостоятельных музыкальных постановках.

Учился я в детской музыкальной школе № 1 (теперь лицей музыки и хореографии) у педагога **Иосифа Борисовича Геллера** — выпускника Ленинградской консерватории. В 1961 г. поступил в Могилевское музыкальное училище в класс преподавателя **Софии Петровны Солдатовой**. По окончании (в 1965 г.) был оставлен в училище. В 1966 г. поступил в Белорусскую государственную консерваторию, одновременно работая в музыкальном училище. Здесь проработал почти 41 год — до марта 2006 г. С открытием в Могилеве педагогического факультета Белорусской академии музыки вел там класс скрипки.

За время работы выпустил 87 учеников. Среди них есть лауреаты различных конкурсов. Так, **Александр Бутенко** (в 1976 г.), **Геннадий Гуревич** (в 1982 г.), **Кирилл Кристя** (в 2000 г.) стали лауреатами республиканских конкурсов. Впо-

следствии, обучаясь в консерватории, Геннадий Гуревич стал лауреатом второй премии на первом Международном конкурсе им. Д.Ф. Ойстраха. Лауреатами региональных конкурсов стали **Инна Селиванова**, **Анна Полухина**, **Рита Шишкова**, **Владимир Бодунов**. В 2004 г. дипломантом Международного конкурса скрипачей в Белгороде стала **Анна Пукинская**, которая к тому времени уже была лауреатом других конкурсов и стипендиатом специального фонда Владимира Спивакова по поддержке талантливой молодежи.

В настоящее время мои выпускники работают педагогами-скрипачами в детских музыкальных школах и училищах, артистами различных оркестров, руководителями учебных заведений. Жизнь раскидала их по всему свету. Многие из них в Могилеве, Минске, других городах Беларуси, России, ближнего и дальнего зарубежья. Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Германия, Израиль, США, Канада, Бразилия, Австралия, Англия. Это примерная неполная география мест жительства и творческой деятельности моих учеников.

В 1973 г. я организовал при училище ансамбль скрипачей, который просуществовал до окончания моей работы там. Ансамбль учувствовал в различных концертах, фестивалях и конкурсах и был лауреатом многих из них. В 2000 г. в училище мною был организован камерный оркестр, который стал лауреатом второй премии на республиканском конкурсе оркестровых коллективов ссузов (средних специальных учебных заведений).

Одновременно, примерно с 1990 г., руководил камерным оркестром в Могилевском лицее музыки и хореографии. Мы много выступали на концертах, фестивалях, были лауреатами первой премии на республиканском конкурсе ссузов, завоевали Гран-при на фестивале в Витебске, несколько раз посетили Германию с концертами.

С 2006 г. проживаю в США. Здесь вся моя семья — жена **Ирина**, которая поддерживала и помогала не только в семейной жизни, но и в педагогической и творческой работе, за что я безмерно благодарен ей и своей судьбе, которая соединила нас. Здесь наши дети и, конечно, чудные внуки. Их у нас трое: два мальчика и девочка.

С открытием в Могилеве еврейской воскресной школы я и члены моей семьи помогали в становлении этого первого послевоенного центра еврейской культуры. Со своей стороны я помогал в музыкальном оформлении детских спектаклей, участвовал в концертах по популяризации еврейской и классической музыки, обучал детишек

Владимир Аронович Родов.
Фото из семейного архива Родова В.А.

игре на скрипке. Моя дочь **Юлия**, будучи студенткой по классу фортепиано Могилевского музыкального училища, а затем педфакультета Академии музыки, также принимала участие в музыкальной жизни еврейской воскресной школы. Сын **Александр** еще школьником активно участвовал во всех мероприятиях, проводимых в этом центре. Обладая артистическими и организаторскими способностями, был замечен руководством центра и в дальнейшем ему поручили руководство Клубом еврейской молодежи в г. Могилеве. Надо сказать, что он занимался этой работой с большим энтузиазмом» (из воспоминаний **Родова Владимира Ароновича**).

В.А. Родов за дирижерским пультом.
Фото из семейного архива Родова В.А.

МИХЛИН Михаил Наумович
(р. 1946)

Михаил Наумович Михлин учился в Могилевском музыкальном училище с 1967 по 1973 г. по классу тромбона и тубы.

Окончил Белорусскую государственную консерваторию.

Преподает в училище с 1977 г. С 1982 по 2000 г. — заведующий предметно-цикловой комиссией духового отделения.

Им организован единственный в Беларуси квартет тромбонов — дипломант Международного и лауреат республиканского фестивалей камерной музыки. Организованный им «Брасс-квинтет» стал лауреатом фестиваля в Польше и фестиваля «Джаз Московии». Им подготовлено 10 лауреатов республиканских конкурсов, лауреат Всероссийского конкурса молодых исполнителей, победитель Дельфийских игр стран СНГ. Многие его ученики достигли больших высот в творческой и административной деятельности.

Михаил Наумович Михлин.
Фото из архива музучилища

МОГИЛЕВСКОЕ КУЛЬТПРОСВЕТУЧИЛИЩЕ

(ныне — Могилевский государственный колледж искусств)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КОСТЮШКО Галины Леонидовны
(хоровик, председатель профкома)
(р. 1945)

«В 60-х гг. специальность музыканта была уважаема и высоко ценилась и среди музыкантов было довольно много евреев. В 1965 г., когда организовывалось музыкальное отделение в культпросветучилище, сюда пришло много преподавателей-евреев, примерно одного возраста, выпускников музучилища. Директором тогда работал **Михаил Васильевич Усиков**. Очень хороший человек, прекрасный организатор. Он как-то привечал евреев-преподавателей. И при нем создавалась очень теплая и дружеская атмосфера. Завучем была **Лиля Гильевна Пикельная**. Очень умная, интеллигентная женщина, прекрасный преподаватель литературы. Она занималась приемом на работу и сразу окружала тебя добротой, теплом и вниманием. Такая спокойная, аккуратная — образец учителя. Сейчас она живет в Израиле.

Литературу вела **Инна Сухаревская**. В 1966 г. пришла в училище **Ида Левит**. Она недолго проработала концертмейстером, год или два, потом уехала в Ленинград, и дальше ее следы затерялись. Заведующей отделением была **Фаина Ефимовна Гальпер**. Она внесла очень большой вклад в развитие нашего училища. У нее, кроме музыкальной, была вторая специальность, так что параллельно она вела иностранные языки и проработала в училище очень долго. Специальность «Музыкальное оформление спектаклей» вела **Элла Кузьминична Толкачева (Израильская)**. В свое время она окончила консерваторию в Кишиневе, хотя сама коренная могилевчанка. Отец ее, **Кузьма (Кусиель) Израильский**, был известным в городе адвокатом. Сейчас он уже умер. Ее брат, очень квалифицированный врач, работал в городской больнице. Элла Кузьминична много сделала для училища. Сейчас она тоже в Израиле.

Все время до отъезда в США после окончания музучилища работала здесь преподавателем **Ольга Израилевна Лишанская**. Очень эрудированная, грамотная пианистка, прекрасный концертмейстер. С ней было очень приятно общаться, работать. Мы и до сих пор с ней переписываемся. Наверное, не было в училище человека, с которым Ольга была бы в плохих отношениях.

На фортепианном отделении работали в это время такие пианисты, как **Ольга Мазарская**, **Ирина Баскина**, **Ирина Кучеренко**, **Клара**

Лиля Гильевна Пикельная,
многoletний завуч училища культуры

Марголис, **Лена Олевская**, **Зина Дмитрачкова**, **Элла Левитас**, **Елена (Неля) Дли**, **Лариса Гельфер**. Кроме Нели, остальные уехали — кто в Израиль, кто в США.

На хоровом отделении работали **Лиза Грознер**, **Рая Кладницкая**, **Рая Лисковская (Мясникова)**. Они сейчас тоже в Израиле. А **Геня Моносова** уехала в США.

Елизавета Яковлевна Грознер была ведущим хормейстером города. У нее было прекрасное консерваторское образование (училась у профессора Ровды). Очень грамотный специалист. В 80-х гг. лучшего хормейстера в городе, наверное, и не было.

На хоровом отделении работали еще такие прекрасные специалисты, как **Неля Григорьевна Свердловва (Качан)** и **Евгения Ефимовна Пушнякова-Гришина**.

Надо еще остановиться на «народниках». Там трудились **Миша Немчин** (он был заведующим отделением), **Борис Рубин**, **Арон Израйлевич Серебренник** (долгое время был председателем профкома), **Алик Лapidус**, **Гена Сахрай**. Очень хороший оркестр Сахрай создал и в училище. Сам ездил по районам, подбирали музыкантов. Те его и боялись, и любили. Он был очень требовательным, но за ним его ученики буквально «гужем» ходили. Тогда наш оркестр народных инструментов был ведущим в городе, занимал первые места на всех конкурсах с конца 70-х гг. до 1990 г., и хор в училище был прекрасный (а Геннадий основал еще известный женский оркестр в универмаге).

Вообще, надо сказать, что училище в то время было на подъеме. Можно назвать это периодом

творческого расцвета. Открывались и новые отделения. Художник **Хасман** был организатором и первым заведующим художественным отделением. Именно он начинал все с нуля, когда не было ни опыта, ни практики, ни учебного материала, ни программ.

Конечно, нужно добрым словом вспомнить **Симу Львовну Раевскую**. Сейчас она уже на пенсии, а пришла в училище в конце 50-х гг. на хореографическое отделение. Фактически она и была одним из его создателей. С ней и был связан, наверное, единственный случай в училище, когда

сыграла роль еврейская национальность. Ей за год до достижения пенсионного возраста предложили выйти на пенсию из-за того, что ее родной брат, живущий в Москве, решил уехать в Израиль. Для нее это было, конечно, большим ударом, но перенесла она все это стойчески, можно сказать, философски, понимала, где и в какое время живет.

На отделении «Режиссура клубных мероприятий» работала **Мира Романовна Джалишвили (Шапиро)**. Очень творческий и любящий свое дело человек. Часто была ответственной за многие городские мероприятия. Мы даже смеялись

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КАЗАЧКОВОЙ Фаины Львовны (концертмейстер, пианист)
(р. 1947)

*«Я была в Израиле десять лет назад. К этому времени там уже было много наших: кто-то прожил там год, кто-то три. Приехала к своим родственникам и позвонила **Мише Немчину**, у которого долго работала концертмейстером. Его в Израиле называют «Всесоюзным старостой». Он поддерживает там контакты со всеми. Так вот, он собрал в город Йокме, где живет, всех бывших работников училища. Это была незабываемая встреча, которая состоялась как раз в наш День учителя, 1 октября. Тогда Миша и сказал: «Отныне и впредь этот праздник будем отмечать здесь, в лесочке». И действительно, с тех пор, кто бы туда ни приехал, они встречаются под Йокме. Приезжают с детьми, друзьями. Когда в 1997 г. в Израиле были **Женя Пушнякова** и **Гая Костюшко**, на встречу приехало уже 105 человек. Специально подсчитали. Это действительно стало хорошей традицией. Есть даже специальная система оповещения. **Миша Немчин, Дина Олевская, Света Дмитрачкова** — каждый имеет свой список, и при необходимости они всех обзванивают, выбирают день и встречаются. Вспоминают Могилев, училище. А мы, когда едем туда, специально снимаем видеofilm об училище и Могилеве с добрыми пожеланиями нынешних преподавателей и фрагменты выступлений наших ансамблей. Помню, что, когда смотрели такую кассету, у многих на глазах были слезы. Конечно, ностальгия стала не так остра, но все равно она есть. Сюда, в Могилев, звонят иногда просто поговорить или поздравить с праздником даже те, с кем особенно не были дружны».*

Встреча бывших преподавателей культпросветучилища в Израиле.
Фото из семейного архива Костюшко Г.Л.

Неля Дли, Фаина Львовна Казачкова,
Галина Леонидовна Костюшко

иногда, что, наверное, не было таких культурных акций в городе, в которых она не принимала бы участие. После выхода на пенсию она руководит клубом в обществе «Хэсад Барух». Проводит встречи, вечера, руководит еврейским театром. Не дает скучать ни себе, ни другим.

Прекрасными пианистами были **Марина Лукьянова** и **Ирина Баскина**. Невозможно было представить культпросветучилище без библиотекаря **Арона Павловича Симкина**. Он знал любую книгу и любую пьесу, мог найти и передать ее нам только по нашему описанию. Хотя музыкального образования у него не было. Вообще, он был удивительный человек, всегда встречал нас в библиотеке с улыбкой, вниманием и желанием помочь. В конце 90-х гг. концертмейстером (по совместительству) работал молодой и очень талантливый музыкант **Владимир Михайлович Расин**. Основным местом его работы был кукольный театр (музыкальный руководитель). Сейчас он живет в Израиле.

Из тех, кто уехал, конечно, не все смогли устроиться по специальности. Например, **Элла Толкачева** по приезде в Израиль работала на общественных началах в культурном центре «Цфата». Сейчас она уже пенсионерка. **Оля Лишанская** работает музыкантом, **Коля Рубин** — в музыкальной школе, **Миша Немчин** — в религиозной школе заместителем директора по хозяйству, имеет и несколько часов пения, **Инна Сухаревская** тоже преподает в школе. В музыкальной школе преподавателем работает **Марина Лукьянова**. **Алик Лапидус** подрабатывает настройщиком роялей.

Всего в училище работало от 150 до 200 преподавателей, из них 30—40% были евреями, и атмосфера была очень хорошая, теплая и творческая. Многие евреи были заведующими отделениями, руководили музыкальными коллективами, выступали, и очень успешно, на фестивалях и конкурсах, поддерживали авторитет училища. И сейчас атмосфера в колледже хорошая, хочется надеяться, что так будет и дальше.

В то же время этот дух дружбы и взаимопомощи, который был заложен у нас еще в училище, живет сейчас в тех, кто уехал. Они собираются вместе на дни рождения, свадьбы детей, праздники, помогают друг другу».

МОГИЛЕВСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ

(ныне — Социально-гуманитарный колледж учреждения образования «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова»)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ИСАЧЕНКО Майи Михайловны
(р. 1946)

«Могилевский педагогический колледж (ранее — педучилище) — старейшее педагогическое учебное заведение в нашем городе. В нем было

Владимир Браиловский, Лилия Сендерова и Майя Исаченко.
Фото конца 80-х гг. XX в. из семейного архива Исаченко М.М.

много отделений, на которых готовили учителей и воспитателей. Школьное отделение — учителей начальных классов, дошкольное отделение — воспитателей детских садов, физкультурное отделение — учителей физической культуры. Десять лет просуществовало музыкальное отделение, которое готовило музыкальных работников для детских садов. Поэтому самой большой секцией была секция музыки, т. к. все учащиеся должны были проходить индивидуальное обучение игре на инструменте (фортепиано, баян, аккордеон по выбору). Раньше много внимания уделялось культурному развитию молодежи. В училище были хоровые коллективы на каждом отделении и большой общеучилищный хор. Был народный оркестр, много вокальных кружков.

Каждый год в городе проводились смотры художественной самодеятельности. К смотрам готовились все — и учащиеся, и педагоги. Коллектив преподавателей был большой и очень дружный. Преподавателей-евреев было много, но никогда вопрос национальности у нас не возникал. Главным был профессионализм. Среди преподавателей-евреев были: **Анна Марковна Каплун**, **Елена Кузькина**, **Эсфирь Михайловна Пицкель**, **Сима Израилевна Айзикович**, **Алла Семеновна Двоскина**, **Лев Михайлович Геллер**, **Геннадий Григорьевич Геллер**, **Наталья Сергеевна Толпыго**, **Раиса Гимельштейн**, **Майя Каштельян**, **Нина Шапиро**, **Дина Колина**, **Фаина Прибор-**

кина, **Дина Львовна Лиова**, **Майя Михайловна Исаченко**, **Савелий Айзикович Либерман** и **Лиля Борисовна Сендерова**. Может, я кого-то и забыла, пусть они меня простят.

Среди преподавателей немусыкальных дисциплин тоже были евреи: **Дина Ефимовна Хамельянская** (психолог), **Софья Анатольевна Гомозова** (методика ИЗО), три сестры **Пальчик**: **Майя Иосифовна** (белорусский язык), **Роза Иосифовна** (русский язык), **Тамара Иосифовна** (педагогика); **Елена Давыдовна Космачева** (педагогика), **Борис Лазаревич Цирульников** (география) и **Полина Григорьевна Полякова** (заведующая заочным отделением).

Каждого из преподавателей музыки можно чем-то выделить. Пицкель и Айзикович имели сильные голоса (сопрано, меццо-сопрано). Хорошими пианистами были Кузькина, Толпыго, Каштельян и Колина. Либерман был прекрасным руководителем общеучилищного хора, которому было присвоено звание «народного».

Особенно хочу отметить Лилю Сендерову (р. 1950). Она великолепно играла на фортепиано и аккордеоне. Прекрасно справлялась с руководством вокальными ансамблями и кружками. Она организовала из преподавателей музыки вокальный ансамбль «Ретро». Между прочим, с этого ансамбля началась работа областного музыкального общества, которым руководил тогда композитор **Владимир Вениаминович Браиловский**. Мы

Преподаватели педучилища (слева направо) стоят: **Л. Геллер**, **Н. Семенова**, **А. Лишанская**, **М. Исаченко**, **А. Двоскина**, **Г. Геллер**; сидят: **Н. Толпыго**, **Р. Яблокова**, **Л. Сендерова**, **Л. Киселева**, **А. Каплун**, **С. Либерман**. Фото конца 80-х гг. XX в. из семейного архива Исаченко М.М.

Ансамбль «Ретро». Слева направо: Л.Б. Сендерова, А. Лишанская, Р. Яблокова, Л. Киселева, М. Исаченко, А. Двоскина.
 Фото конца 80-х гг. XX в. из семейного архива Исаченко М.М.

выступали на многих городских мероприятиях и вместе с В. Браиловским объездили всю Могилевскую область. Лиля написала для ансамбля несколько песен и делала для него великолепные аранжировки. Одна из песен была представлена на конкурс о Могилеве и была отмечена наградой. Слова она тоже писала сама. Сейчас Лиля Сендерова живет в Израиле, и там ее очень ценят за ее профессионализм. Она преподает музыку в нескольких школах, у нее два хоровых коллектива: детский и хор ветеранов.

Годы работы в педколледже все вспоминают как лучшие в своей профессиональной жизни.

Надо сказать, что с начала 90-х гг. XX в. постепенно практически все евреи выехали — кто в Израиль, кто в США. В начале 2000-х колледж был преобразован в подразделение Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова. Но мы и сейчас общаемся, перебиваемся, ездим друг к другу в гости, стараемся не терять друг друга из виду. А живущие в Израиле объединены в своеобразное землячество преподавателей педучилища».

ПЕДАГОГИ-МУЗЫКАНТЫ

ШАЦЕВ Роман Ефимович
 (р. 1928)

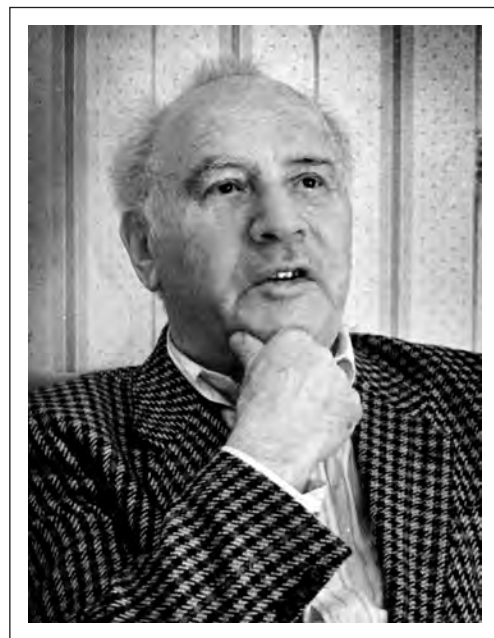
«Я бы не состоялся как музыкант, если бы не директор музыкальной школы, потом училища, Лазарь Маркович Зисман. Он создал музы-

кальную школу на базе кружков еще после гражданской войны, был прекрасным организатором, дал путевку в жизнь многим удивительным музыкантам, поддерживая их и морально, и материально, и организационно. Его сын-скрипач играет в ансамбле «Хорошки».

До войны я играл на скрипке, но война прервала учебу, и я уже не смог к ней вернуться. После окончания школы я учился в Минском госуниверситете на географическом факультете, но меня все время тянуло к музыке. Лазарь Маркович, вопреки всем правилам, в середине учебного года принял меня в свое

училище в Могилеве на вокальное отделение. Я учился на стационаре и там и там, что было запрещено. Так я стал музыкантом. Лазарь Маркович был невысокого роста, с бельмом на глазу и выглядел на сцене довольно смешно. Но был человеком уважаемым, много преподавал, был душой школы, училища, часто буквально спасал людей.

В 1949 г. я начал работать в Доме пионеров, который тогда находился на улице Ленинской.

Роман Ефимович Шацев

Это было небольшое помеще-
ние с хорошим залом (мест на
60—80), несколько классов.
Завучем в то время был **Наум
Самуилович Балантер**. Потом
он стал директором, и в течение
40 лет работал директором Дома
пионеров, а затем Дворца пио-
неров. Это был человек своей
эпохи. Главным его качеством
была преданность делу. Он
практически не знал выходных
дней и отпусков, был хорошим
хозяйственником. Он был очень
авторитетным в партийных
и комсомольских кругах. Его
высоко ценили не только в Мо-
гилеве, но и в республике. Его
знали все работники внешколь-
ного просвещения области. Дом
пионеров был организатором
многих областных мероприятий:
смотров-конкурсов самодеятельности, конкурсов
по технике, авиамоделизму, туристических сорев-
нований. Благодаря Н.С. Балантеру нам отдали
в 1956 г. уютное двухэтажное здание партархива,
в котором сегодня Театр кукол. Там можно было
расширить сеть кружков. В то время директору-
еврею очень сложно было набирать работников-

Оркестр духовых инструментов под руководством
Михаила Львовича Закашанского на сцене Дворца пионеров.
Фото 80-х гг. XX в. из семейного архива Закашанского М.Л.

евреев. Не то чтобы он боялся, но негласно это
не приветствовалось. Однако у нас работали **Ти-
мофей Миронович Гуревич, Анна Марковна
Ванилер, Наталья Сергеевна Толпыго**.

У нас был очень дружный коллектив, и антисе-
митизма там не чувствовалось. Я работал художе-
ственным руководителем ансамбля песни и танца.

Коллектив сотрудников могилевского Дворца пионеров. Среди них: **Р.Е. Шацев, Т.М. Гуревич,
Л.А. Закашанская, М.Л. Закашанский, Б.М. Вортман, А.Я. Гуревич, М.С. Сандлер,
Ф.А. Макаренко, Э.С. Ясвина, Д.С. Каплан, М.С. Мирвода.**
В центре — директор **Н.С. Балантер**.

Фото конца 80-х гг. XX в. из семейного архива Закашанского М.Л.

Этот ансамбль мы начали создавать в 1953 г. В 1955 г. он уже существовал как большой коллектив, был оркестр, хор, танцевальная группа (всего около 90 человек). Давали большие концерты. Мы много экспериментировали, искали. В 1970 г. ансамбль первым среди детских коллективов получил звание «народный».

Много было способных еврейских детей. Сейчас трудно всех вспомнить. Например, **Марик Фарберов** (поет сейчас в Америке), **Инна Печерская**. Ее мать, **Софья**, тоже занималась у меня, у нее было прекрасное лирико-колоратурное сопрано, но она не выучилась, а дочь участвовала во многих смотрах, в телевизионных конкурсах. Потом она вышла замуж за нашего музыканта-трубача **Сашу Розенберга** из оркестра, и они уехали в Израиль. К сожалению, она там быстро умерла от рака. Для нас это было большим горем.

В последние годы национальный состав ансамбля изменился. Если раньше евреев было 10—12%, то теперь — 1—2%, меньше стало евреев в городе.

Тимофей Миронович Гуревич пришел к нам из армии, где много лет служил. Он был ветераном войны и, к сожалению, не смог получить музыкального образования, но был музыкантом от природы. У него была дирижерская хватка, умение сплотить коллектив. Он работал в трех местах: у нас, в Доме культуры «Строммашинь», в трудколони. И везде были очень хорошие оркестры.

В Могилеве создавали свои коллективы его бывшие ученики, среди которых было много евреев: **Михаил Львович Закашанский**, **Борис Моисеевич Вортман**, **Михаил Наумович Михлин** и другие. Духовой оркестр Михлина

был вторым в республике после бобруйского оркестра **Цирлина**. Коллективы получили звание «народных».

Нам удалось объехать, несмотря на застойное время, много стран. Я со своим ансамблем был на гастролях 19 раз: в Польше, Болгарии, Югославии, Германии, Венгрии, Чехословакии и т. д. Много ездили по Союзу. Объехали все военные части, участвовавшие в освобождении Могилева и носящие имя Могилева.

Когда мы отправлялись на гастроли за границу, то не могли брать весь состав ансамбля. Мы оформляли документы на детей через соответствующие организации. Несклько раз было так, что еврейских детей не брали. Причем выдумывали всякие причины. Один раз и меня не взяли в Польшу, причем безо всякого объяснения.

Сейчас ансамбли песни и пляски, как форму эстетического воспитания, в основном заменили фольклорные ансамбли.

Михаил Львович Закашанский — человек очень способный, трудолюбивый, целеустремленный. Он стал руководить оркестром после того, как Гуревич уехал в Израиль. Вместе со своей женой, **Людмилой Александровной** (она преподаватель по классу домры), они создали очень дружный коллектив: вместе ходили в походы, ездили в другие города, ходили в музеи. Их очень любили дети. Прошло 7 лет с тех пор, как они оставили Дворец пионеров и уехали в Израиль, но отношения с учениками до сих пор поддерживают. Они были не только хорошими музыкантами, но и воспитателями.

Тимофей Миронович Гуревич не очень любил «черновую» работу — ее делал **Борис Моисеевич Вортман**, который был большим тружеником. Он передал свое трудолюбие десяткам, если не сотням людей, прошедшим через оркестр. На нем держался костяк оркестра.

Еще во Дворце пионеров работал **Наум Анатольевич Трегубов** (потом он работал в областной спортивной школе). Он воспитал целую плеяду мастеров спорта — радиооператоров, разработал целую методику их подготовки. Хотя сейчас говорят, что это умение уже устарело и с развитием компьютерной и спутниковой связи не нужно, но в военном деле оно имеет большое практическое значение. Сейчас он тренер национальной сборной по этому виду спорта.

Людмила Закашанская со своими ученицами, победительницами городского и республиканского конкурсов музыкантов-школьников сестрами **Юлей** и **Наташей Аленковны**.

Фото 80-х гг. XX в. из семейного архива Закашанского М.Л.

Михаил Закашанский с учеником на занятиях по кларнету. Фото 80-х гг. XX в. из семейного архива Закашанского М.Л.

Уже в 32 года я получил знак «Отличник просвещения БССР», а на звание «заслуженного» документы подавали четырежды, и каждый раз отказывали. Только в пятый раз утвердили. Это самое неприятное воспоминание. Да и не только мне было тяжело, многим моим коллегам-евреям было трудно утвердиться, несмотря на самоотверженную работу. Тем не менее, Гуревич получил звание «Заслуженный работник культуры БССР», Трегубов — «Заслуженный тренер БССР», я получил звание «Заслуженный деятель культуры БССР».

Мы занимались тем, что интересно всем детям во всем мире. Старались приобщить их к прекрасному. Старались, чтобы дети стали хоть чуть-чуть лучше, прикоснувшись к искусству.

По совместительству я работал в училище культуры. У меня там был класс, вокальный ансамбль. Многие мои ученики стали профессиональными музыкантами.

Я не знаю еврейской культуры, музыки, о чем очень жалею. Но не так давно занималась у меня девочка из воскресной школы, **Оля Могилевская**, и для нее я обработал еврейскую песню «Куст сирени». Оля с еврейской песней заняла 1-е место на республиканском конкурсе «Беларусь — наша песня». Сейчас она тоже уехала в Израиль.

Так судьба распорядилась, что почти все покинули родину. Я тоже собираюсь переехать в США. С болью в сердце говорю об этом. Мне не на что обижаться, но жизнь заставила» (из воспоминаний 1999 г. **Шацева Романа Ефимовича**, США).

МЯСНИКОВА Раиса Мееровна (р. 1943)

«Родилась я 8 марта 1943 г. Мама и мой старший брат, родившийся в марте 1941 г., были в этот момент в эвакуации в Казахстане. Папа был на фронте. Маминых родителей я не знала. Мама осталась сиротой в 16 лет. Получить образование ей помог старший брат **Саша**. Вся их семья погибла во время войны. Я помню свою бабушку, папину маму, звали ее **Фани Исаковна**. Это была очень полная и властная женщина. Часто она сидела на крылечке со своими подругами и разговаривала на идиш. А я, если проходила мимо, втягивала голову в плечи. Почему-то я ощущала чувство стыда. Нас, детей, не учили разговаривать на своем языке. Если родителям надо было посекретничать, то они говорили на идиш.

Я помню годы, когда мама говорила по-русски с акцентом, ведь она училась в еврейской школе. Когда я узнала, что я еврейка (это было лет в 6—7), не хотела в это верить и повторяла: «Я не еврейка! Я не еврейка!» А бабушка не церемонилась: «Ты говняная еврейка!» Я понимала своим детским умом, что отношение к евреям не самое лучшее. Взрослые, наверное, чувствовали то же самое и меняли свои еврейские имена на русские. Мой папа, **Меер Файтелевич**, всю жизнь назывался **Михаилом Федоровичем**, а его родной брат **Моисей** — **Михаилом Филипповичем**. А я всегда была **Раиса Михайловна**. Уже когда устраивалась на работу хормейстером в школу № 33, в районо меня просили написать заявление от имени Раисы Михайловны, а не Мееровны.

Раиса Мееровна Мясникова

Пока я училась в школе, все время была на «руководящих должностях»: председателем пионерского отряда, комсоргом, редактором стенной газеты. Одно время помогала в учебе моей однокласснице Галке, ее мама за это покупала нам иногда мороженое. Когда мама Галки узнала, что я еврейка, она запретила дочке заниматься со мной. Было очень обидно, но теперь я понимаю, что она была просто малообразованной женщиной.

Мне запомнился один случай из моего детства. К Пасхе бабушка всегда заказывала мацу. Маца лежала высоко на печке. Однажды к нам в гости пришел какой-то важный партийный гость. Папа в это время работал директором кирпичного завода. И надо же мне было именно в это время спросить: «Что там лежит на печи?» Папа больно сжал мне руку, и я поняла, что сказала что-то не то. Папа был коммунистом, а понятия «партия» и «маца» плохо совмещались.

Запомнились мои учителя из музыкальной школы. Учительница фортепиано **Лидия Давыдовна Соркина** была очень интеллигентной. Я помню ее внимательное лицо в глубоких морщинах, старенькие добрые руки. Она жила одна и часто приглашала меня к себе. Мы занимались в квартире ее соседей, т. к. пианино у нее не было. **Ева Борисовна Минькович (Сергеева)** учила нас теории музыки и сольфеджио. Хор и оркестр цимбалистов вел у нас директор музыкальной школы **Лазарь Маркович Зисман**. Можно было выбирать что-то одно и, как девочка рациональная, я выбрала оркестр. Хотелось чему-то еще научиться. А петь, я считала, и так умею.

В 1959 г. я поступала в Могилевское музыкальное училище им. Римского-Корсакова. Когда пришло время поступления, оказалось, что для

фортепианного отделения подготовки моей недостаточно. Мне предложили хоровое. Я очень расстроилась, плакала. Хотела стать пианисткой. Но согласилась и занималась потом на этом отделении с огромным увлечением. Моя учительница фортепиано **Елизавета Моисеевна Каплан** давала мне программу фортепианного отделения. Так что я занималась практически на двух отделениях. Завучем музучилища был **Лазарь Исаакович Каганов**. Дирижирование и хоровую литературу преподавала у нас заведующая хоровым отделением **Сара Самуиловна Гуревич**. Она была выпускницей Минской консерватории и фактически одна вела все хоровые предметы на отделении. Почему-то все приезжие педагоги здесь надолго не оставались. Так, одно время руководил хором **Николай Николаевич Ворошилов**. Петь в хоре под его руководством было очень интересно. Но вскоре он уехал. Потом говорили, что Ворошилова выжили евреи.

Все годы в училище я занималась с раннего утра и до позднего вечера. Даже когда у меня появился жених, **Самуил Борисович**, расписание не изменилось. Ему отводились вечерние часы в субботу и воскресенье. А в 1963 г. мне вручили диплом «с отличием».

Я мечтала поступить в консерваторию. Ездил в Минск на 3-м и 4-м курсах, чтобы присутствовать на работе с хором абитуриентов. Директор училища, **Михаил Николаевич Солдатов**, предупреждал, что в Минскую консерваторию мы не поступим, но я не послушала. Я была уверена в себе.

В Минск поступать в консерваторию мы поехали втроем. Заведующим кафедрой тогда был **В.В. Ровдо**. Увидев нас, он изрек: «А, могилевские крысы!» Одна из нас, **Лиза Колодина**,

тут же забрала документы и поехала поступать в Кишинев. Там она окончила консерваторию. А я отправилась сдавать экзамен. Устный экзамен длился около 50 минут. Я с легкостью справилась со всеми вопросами «на засыпку». Вторая часть — практическая, работа с хором радио и телевидения. К хору меня не допустили. Вынесли листок, на котором стояла «2». Для меня это было потрясением. Ровдо мне потом снился несколько лет.

Но все же я не смирилась и поехала поступать в Вильнюсскую консерваторию. Туда, на прослушивание к профессору **Кавяцкому**, меня пригласила **Светлана Петровна Шадуро**, которая раньше работала в нашем музучилище. К тому времени у меня уже была дочь, и я почти год не занималась. Конкурс был большой — 60 человек на 25 мест. На вступительном

Р.М. Мясникова и ее ученики.
Фото из семейного архива Мясниковой Р.М.

экзамене по дирижированию было поставлено всего две «пятерки», одна из них — моя. Так как у меня был красный диплом, меня сразу зачислили.

Я попала в класс знаменитого **Германа Годовича Перельштейна**, заслуженного деятеля искусств, руководителя известного хора мальчиков. Это была огромная удача. Он не боялся давать сложные произведения, развил мой музыкальный вкус. Студенты и дети обожали его. Это были самые счастливые годы в творчестве. Он предлагал мне остаться в Вильнюсе и работать с хором мальчиков. Но я ответила, что в Могилеве тоже есть дети и с ними некому работать.

Как-то Герман Годович приехал со своим ансамблем в Минск. После концерта он представил меня как свою любимую ученицу тому самому профессору Ровдо. Тот подошел ко мне и спросил, где мог меня видеть раньше. Я не выдержала и рассказала, как он поставил мне «двойку» на вступительном экзамене. Он вспомнил, поцеловал мою руку и, надеюсь, раскаялся. Но нет худа без добра. В Вильнюсе я прошла настоящую школу добра, интеллигентности, ощущения чувства собственного достоинства.

В 1970 г. я окончила консерваторию, и буквально на той же неделе в нашем доме появился директор Дворца пионеров **Наум Самуилович Балантер** и предложил мне работу хормейстера. За 5 лет работы был создан хор, способный петь достаточно сложную программу. Сейчас я часто встречаю своих певцов на концертах. Мы объездили с концертами много городов: Москву, Ленинград, Ригу, Кронштадт, Минск и другие. Выступали на Минском телевидении. А вот на городские концерты попасть было трудно.

В это время открылся Дворец культуры химиков. Его директором стал **Валерий Залманович Будняцкий**. Там я и смогла осуществить свою мечту — организовать хор мальчиков. Это было сделано на базе школы № 5, где директором работал мой дядя **Михаил Филиппович Мясников**. Это была очень тяжелая работа.

Будняцкий добился через Минск для меня должности дирижера первой категории. Художественным руководителем Дворца культуры тогда была **Лилия Михайловна Ткаченко**. Она помогала мне ставить оперу «Муха-Цокотуха». Потом на место Будняцкого пришли другие, и я ушла работать преподавателем в пединститут,

Детский хор **Раисы Мясниковой**.
Фото из семейного архива Мясниковой Р.М.

где проработала 10 лет. Именно здесь меня стали называть Раиса Мееровна, а не Михайловна. Одновременно я работала с детьми в еврейском классе школы искусств. Мне нравится, что сейчас не надо стыдиться своей национальности, и я думаю, что процветание Израиля играет в этом не последнюю роль.

Сейчас я вместе с детьми и внуками живу в Израиле» (из воспоминаний **Мясниковой Раисы Мееровны**).

ЕСЕЛЕВСКИЙ Гари Гиршевич (р. 1950)

«Родился я в Могилеве на улице Леваневского в собственном доме. Папа, **Гирша Залманович Еселевский**, ветеран войны, работал бригадиром слесарей на заводе им. Куйбышева. Мама, **Нехама Гирковна**, домохозяйка. Старший брат **Олег** служил на нефтепроводе «Дружба» главным механиком одной из станций. Он удостоился в свое время трех медалей ВДНХ СССР. Сестра **София** работает медсестрой в детской больнице.

С детства у меня было три увлечения: гитара, труба и история. Всем им по мере возможностей я пытался отдать частичку себя с тем или иным успехом.

Но сначала окончил профтехучилище по специальности «Контрольно-измерительные приборы», а потом Заочный университет искусств в Москве по классу гитары. Учиться музыке заочно было очень тяжело. Нужно было записывать пьесу на бобинный магнитофон и отправлять для проверки в Москву. Еще и истфак нашего

Гари Гиршевич Еселевский
в студии «Ренессанс»

пединститута окончил, работая киповцем на заводе «Строммашина», а потом на желатиновом. Здесь дослужился до старшего мастера. Играл в местном духовом оркестре. Параллельно преподавал гитару больше десяти лет во Дворце культуры завода им. Куйбышева, потом пятнадцать лет — во Дворце пионеров. В это же время работал воспитателем в спецшколе. Во Дворце культуры им. Куйбышева у нас был ансамбль «Аквилон» (две гитары, скрипка, гобой и рояль), который получил Гран-при на республиканском конкурсе исполнителей на народных инструментах.

Тридцать лет я работал в Доме пионеров Октябрьского района. Там был организован ансамбль «Ренессанс». С 1999 г. работаю в Доме детского и юношеского творчества «Эверест». С ним связано превращения ансамбля в студию классической гитары «Ренессанс», которая в 2003 г. получила звание «образцовой». Это сегодня единственный образцовый коллектив среди гитаристов в стране. У истоков этого звания стояла и моя дочь **Ирина**, которая сейчас сама ведет занятия в студии. У нас занимаются 80 детей от семи лет. Мы преподаем шесть дисциплин: испанскую гитару, электрогитару, сольфеджио, вокал и т. д. Кроме меня, здесь работают еще несколько педагогов. Мы стали лауреатами фестиваля «Золотая пчелка» в Климовичах, международного конкурса «Ренессанс гитарь» в Гомеле, трижды были лауреатами фестиваля «Магутны Божа» в Могилеве. Еще наш коллектив получил в 2008 г. премию специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи) (из воспоминаний **Еселевского Гари Гиршевича**).

ПЕДАГОГИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛ

Огромную роль в воспитании новых поколений музыкантов в послевоенные годы и в наши дни играли и играют преподаватели-евреи музыкальных школ города, и забыть об этом было бы непрослительно. Многие из них преподавали и в музыкальном училище и были упомянуты выше**.

В частности, большой вклад в подготовку юных музыкантов в последние три десятилетия внесли преподаватели Детской музыкальной школы № 1 (сейчас «Могилевская государственная гимназия-колледж искусств»): по классу фортепиано — **Нина Соломоновна Мендзелевская**, **Берта Вениаминовна Геллер**, **Белла Соломоновна Шелепина** (живет в Германии), **Раиса Семеновна Азарх**, **Елизавета Моисеевна Каплан**, **Наталья Иосифовна Миронович**, **Елена Киновна Меломед** (живет в Израиле), **Евгения Тимофеевна Долгопольская** (живет в Израиле), **Инна Лазаревна Каганова** (живет в Израиле), **Рима Масловская** (живет в Израиле), **Алла Борисовна Певзнер**, **Станислава Бенициановна Ежова**, **Лидия Давыдовна Соркина**, **Светлана Александровна Мысова**, **Лариса Александровна Мысова**, **Мара Михайловна Дубникова** (живет в Израиле), **Елизавета Львовна Хайтович (Плотникова)** (живет в Израиле), **Гега Абрамовна Коганович (Муравчик)**, **Роза Яковлевна Лapidус** (живет в Германии); по классу скрипки — **Иосиф Борисович Геллер**, **Леонид Михайлович Яхнович**, **Давид Иосифович Шевехман** (живет в США), **Иосиф Исаакович Пятницкий**; по классу дирижирования — **Лазарь Исаакович Каганов** (живет в Израиле), **Сара Самуиловна Гуревич**; по классу виолончели — **Раиса Черномордик**, **Раиса Соловейчик**; по классу трубы — **Зяма Григорьевич Михалевич**, **Михаил Иосифович Басин** (воспитал лауреатов международных конкурсов, стипендиатов специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи, руководит городским духовым оркестром); по классу аккордеона — **Александр Григорьевич Мысов**; по классу кларнета и флейты — **Зиновий Саулович Хаимов** (живет в США), **Инна Давыдовна Карпелёва** (лауреат республиканских конкурсов); по классу ударных инструментов — **Леонид Семенович Муравчик** (воспитал лауреатов конкурсов различного уровня), по классу теоретических дисциплин — **Галина Станиславовна Зейферт**, **Майя Сендеровна Тубина**.

Преподаватели детской музыкальной школы № 2: по классу фортепиано — **Анна Григо-**

** Преподаватели, работавшие в разные годы в разных школах, упомянуты один раз.

рьевна Миклина (живет в Израиле), Мария Григорьевна Крюкова (живет в США), Святослав Александрович Шкляр (живет в Израиле), Клара Наумовна Соловейчик (живет в Израиле), Галина Владимировна Шацкая (живет в Израиле), Марта Львовна Мильхикер (живет в Израиле), Юлия Львовна Кривичкина (живет в Израиле); по классу скрипки — Лазарь Мотович Яхнович (живет в Израиле), Наталья Львовна Поддячая (живет в Израиле), по классу виолончели — Александр Самуилович Бич (живет в Израиле); по классу теоретических дисциплин — Анна Айзиковна (Аркадьевна) Ваксман (живет в Израиле), Софья Яковлевна Минькова (живет в Израиле).

Преподаватели детской музыкальной школы № 3 (сейчас Школа искусств им. М.Н. Солдатова): по классу фортепиано — Регина Ефимовна Капельян (живет в Израиле), Раиса Исааковна Карапетян (живет в Израиле), Елена Кимовна Шуб (живет в Израиле), Маргарита Евгеньевна Волкова-Мендзелевская (живет в Германии), Лилия Генриховна Бывшева; по классу скрипки — Игорь Иосифович Шапиро (живет в США), Софья Соломоновна Фельдман (заведующая отделением), Аркадий Михайлович Догопольский (живет в Израиле), Алла Кимовна Басина; по классу альты — Римма Ефимовна Финкельштейн (живет в Канаде); по классу цимбал — Мая Исааковна Моцкина (живет в Израиле); по классу трубы — Михаил Вульфович Меламед (живет в Израиле); по классу баяна — Александр Зиновьевич Хаймов (живет в Израиле), Галина Иосифовна Муравчик (живет в США); по классу виолончели — Эмма Евелевна Вигдорчик (живет в Израиле); по классу вокала — Светлана Семеновна Пенько; по классу теоретических дисциплин — Светлана Ефимовна Табачникова (живет в Израиле), Дина Александровна Бер (живет в Минске).

Преподаватели детской музыкальной школы № 4: по классу скрипки — Владимир Исаакович Пятницкий, Наталья Викторовна Гусаревич, по классу хоровых дисциплин — Ирина Яковлевна Парховник (живет в Израиле), по классу трубы — Геннадий Матвеевич Сахрай (живет в Израиле).

Преподаватели детской музыкальной школы № 5: по классу фортепиано — Клара Наумовна Соловейчик (умерла в Израиле), Виктория Аркадьевна Толкачева (живет в США).

Преподаватель школы искусств № 1 по классу кларнета и саксофона — Александр Михайлович Суренкин (подготовил двух учеников-стипендиатов специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи).

ГЕЛЛЕР Берта Вениаминовна (р. 1920)

С 1949 г. в Могилевской музыкальной школе им. Н.А. Римского-Корсакова (позже — Детская музыкальная школа № 1) работала ее выпускница пианистка Берта Вениаминовна Геллер. Она была принята в Могилевское музыкальное училище в год его открытия, а потом, как одна из самых одаренных учащихся, направлена на учебу в Минск, где окончила музыкальное училище, и в 1941 г. поступила в Белорусскую государственную консерваторию. Но война помешала учебе в консерватории, после войны Б.В. Геллер окончила филологический факультет Белорусского государственного университета и вернулась в Могилев. Почти все лучшие пианисты Могилева начинали свой путь в классе Берты Вениаминовны, около ста ее учеников стали профессиональными музыкантами. Среди них — И. Гринглаз, Р. Масловская, Л. Нихамкина, В. Стукмейстер, М. Шнитман, Е. Шуб, Л. Батунер и др.

«Я родилась в Могилеве в 1920 г. До войны разница между евреями и русскими не ощущалась совершенно. Мне казалось, я счастливый человек, что живу в такое время. Хотя в 1937 г. у семи детей из нашего класса забрали родителей, глобальных выводов я, естественно, не делала и не могла делать. Училась в школе № 7. Вместе со мной занимались дети привилегированных родителей: военных, партийного и советского руководства города. Было среди них и много евреев. Но, как я уже сказала, мы все дружили и не делали различий по национальности.

Очень тяжелые для меня воспоминания связаны с эвакуацией. Война застала меня в Минске. Как-то так получилось, что собралась небольшая группа людей, среди которых были старики и дети, которые не смогли попасть ни на один транспорт. Я захватила с собой только дорогие мне сердцу фотографии. Мы пешком преодолели путь от Минска до Москвы. Об этом, наверное, можно было бы написать отдельную книгу: о встречах и расставаниях, о плохих и хороших людях, о смешном и трагическом. Даже во время пути я думала о том, что все виденное надо записать. Но было очень мало надежды, что мы выживем, а сейчас об этом вспоминать уже трудно.

Чудом можно назвать встречу с мамой, которая эвакуировалась из Могилева и связь с которой была потеряна. В городе Энгельсе Саратовской области я заболела и попала в больницу, где лежала с одной артисткой из Эстонии. Мы разговаривали, я показала ей фотографии. Позже она выписалась, а я осталась. В это время в Саратов попали мама с теткой. Они пошли на базар что-то купить и там совершенно случайно столкнулись с этой женщиной. Завязался разговор. Естественно, спросили,

Берта Вениаминовна Геллер.
Фото из архива музучилища

кто, откуда. Когда артистка узнала, что мама из Могилева, рассказала обо мне. Мама схватилась за голову и начала выяснять, где я. Нашла она меня в одном совхозе, куда я попала после больницы. Конечно, это было счастье, а для меня, кроме всего прочего, возможность выжить. Я была истощена и практически раздета. Одежда истлела, на ногах были огромные струпья. К счастью, все это я пережила и смогла вернуться в Могилев.

Родители у меня были совершенно советские люди, и еврейства в них оставалось очень мало. Так получилось, что я стала даже больше понимать в этом, чем родители. И «виноваты» были в этом мои религиозные тетки — сестры отца **Мира** и **Тайба**. Кстати, до революции для ставки Николая Второго они варили варенье, часто там бывали, и их очень уважали (так они мне об этом рассказывали), так что в императорской семье вовсе не брезговали еврейским вареньем. Знаю еще, что для них очень важен в человеке был «ихес», т. е. родословная. Для меня это было всегда пустым звуком, и я даже злилась на них за то, что они относились к этому так серьезно, но когда я познакомилась с моим будущим мужем **Израилем Тиркельтаубом**, с которым мы прожили 53 года, то пришла к тетке с вопросом, кто это. Тетка сказала: «О! Тиркельтауб — это известная фамилия!» и «дала добро».

Забегу немного вперед. Уже когда у меня была маленькая дочка, я как-то вернулась с работы домой и увидела, что она жует что-то скрипящее. Это было стекло. Я очень перепугалась. Все вытащила, но боялась последствий. Тетки мне сказали: «Что-

бы ничего не случилось, ты должна соблюдать пость». И вот с тех пор я строго пощусь, хотя никто в семье кроме меня этого не делает. Родители, как я сказала, тоже были совершенно нерелигиозными. Но идиш знали хорошо и между собой дома говорили на еврейском. Со мной же — на русском. Тем не менее, я идиш тоже хорошо понимаю.

Школу я закончила до войны и также успела окончить музыкальное училище по классу фортепиано. Во время войны не было возможности продолжить музыкальное образование. Я в эвакуации начала учиться в Алма-Атинском университете, а закончила уже в 1948 г. после войны БГУ (специальность — филология).

Я работала всю жизнь в музыкальной школе № 1, так что у меня только одна запись в трудовой книжке, не считая благодарностей и поощрений, а их было, конечно, много. Нескольким раз меня представляли к званию «заслуженного», но на каком-то этапе все характеристики отклонялись и из списков фамилию мою вычеркивали.

За все время я подготовила очень много учеников, и среди них много талантливых. Теперь они расселились по всему свету. Живут и в Израиле, и в Америке.

Хочу немного остановиться на тех преподавателях-музыкантах, которых я лично знала и которые внесли существенный вклад в развитие музыкального искусства Могилевщины. Первым директором и создателем музыкальной школы был **Лазарь Маркович Зисман**. Мой отец был с ним хорошо знаком, хотя я не знаю, как и почему произошло это знакомство. Тем не менее, он был вхож в круг музыкантов. Так вот, папа меня еще совсем маленькой девочкой привел к Лазарю Марковичу, который стал для меня, по сути, вторым отцом. Это был гуманный, очень справедливый, очень талантливый человек, музыкант и организатор. Как ни странно, он по профессии был столяром, а музыкального образования, как такового, у него не было. Фактически он был самоучкой. Великолепный педагог **Ида Лазаревна Меркина**, совершенно одержимая музыкой, к сожалению, погибла во время войны. Из евреев еще преподавали **Ксения Григорьевна Хурина**, молодой скрипач **Басов**, **Лиля Соркина**, **Юлиан Дрейзин** и другие» (из воспоминаний Геллер **Берты Вениаминовны**).

ХАИМОВ Зиновий Саулович

«Я, **Александр Михайлович Суренкин**, родился в Могилеве в 1957 г. В 1970 г. поступил в музыкальную школу. Отец очень хотел, чтобы я играл на аккордеоне. Но конкурс был очень большой: на аккордеон я не прошел. Мне предложили

заниматься на кларнете. Я не имел никакого представления об этом инструменте. Но когда передо мной преподаватель положил инструмент, сказал, что это кларнет, я, недолго думая, согласился. Это был мой будущий педагог **Зиновий Саулович Хаимов**, у которого я проучился пять лет. Ему было тогда около пятидесяти. Это был человек, который ни к чему и ни к кому не относился предвзято, а просто делал свое дело, и делал его прекрасно, всего себя отдавая своим ученикам. На тот период начала 70-х гг. это был один из ведущих педагогов города. А по кларнету он фактический был единственным. Кроме того, он преподавал флейту. Я учился вместе с будущим флейтистом **Михаилом Закашанским** (он потом всю «могилевскую» жизнь до отъезда в Израиль проработал во Дворце пионеров у **Тимофея Мироновича Гуревича**). Среди его учеников еще были флейтисты **Александр Шимановский**, **Владимир Науменко**, который после окончания могилевского училища, Белорусской консерватории и Гнесинского училища в Москве одним из первых в республике попал на стажировку во Францию. Еще **Владимир Степанович Карпенко**, который и сейчас преподает в музыкальном училище. Очень многие из учеников Хаимова после окончания могилевского училища поступали на факультет военных дирижеров. Я тогда только начинал учебу и помню, что они приезжали в Могилев, приходили к учителю, поддерживали с ним тесные отношения. Можно сказать, что почти все, кто потом в Могилеве играл на деревянных духовых инструментах, были ученики З.С. Хаимова.

Помню такой момент. Зиновий Саулович отсутствовал несколько месяцев, когда у него были проблемы со здоровьем. Его все это время заменяли другие педагоги. Весь класс ждал его возвращения, так как нам его очень не хватало, а когда он вернулся, ребята искренне радовались. Еще хочу отметить его тактичность. Конечно, мы иногда приходили на урок неподготовленными, баловались, и он ругал нас, но всегда мягко, в интеллигентной форме. Замечания в дневник писал, но больше для профформы, чтобы родители поняли, что их отпрыск что-то не так делал, не был готов, но чтобы и «порки» особой не было. Вот к старшим ребятам, которые собирались поступать в музучилище, он подходил очень серьезно и требовал с них гораздо больше. Он пытался задействовать их в своем оркестре, создавал из нас какие-то ансамбли: дуэты, трио. На зачетах все ученики класса слушали друг друга и мы видели, что он всегда отстаивал своих учеников перед комиссией, зная их реальный уровень и понимая, что из-за волнения они могли проявить себя не в полную силу.

Я ему очень благодарен, и не только за те знания и умения, которые он в меня вложил, но и за отношение к своим ученикам, которому я у него тоже научился.

Среди его учеников было много лауреатов и дипломантов городских и республиканских конкурсов. В то время такое «лауреатство» было очень важно для учеников и высоко котировалось.

Зиновий Саулович был скромным человеком, никогда себя не выпячивал, но, надо сказать, и его никто не старался «выпячивать».

Кроме преподавательской деятельности, он руководил духовым оркестром в Доме культуры фабрики им. Володарского. В то время в Могилеве было еще несколько оркестров: в клубе завода «Строммашина» оркестром руководил **Григорий Гольдштейн**, во Дворце культуры химиков — **Михаил Николаевич Солдатов**, в Доме культуры КПТ — **Яков Романович Ашкинадзе**.

У Зиновия Сауловича было два сына. Один из них, **Саша**, после школы окончил музыкальное училище по классу баяна и преподавал в одной из школ города. Второй не связал свою жизнь с музыкой. Вначале 90-х они уехали в США.

Я сейчас преподаю в могилевской школе искусств и по совместительству — в лицее музыки и хореографии. Долго мне приходилось завоевывать себе авторитет, и сейчас приятно, когда дети и родители приходят и просят именно ко мне в класс.

Сейчас один из моих учеников работает в Минске в духовом оркестре «Немига», еще один ученик после окончания консерватории принят в Президентский оркестр. Моя ученица на конкурсе в Бресте получила Гран-при, а два моих ученика стали стипендиатами Специального Президентского фонда (из воспоминаний **Суренкина Александра Михайловича** (р. 1957)).

ВАКСМАН Анна Аркадьевна

«**Анна Аркадьевна Ваксман** преподавала в детской музыкальной школе № 2, которая располагалась во Дворце культуры завода им. Кирова.

Она была удивительным, добрейшей души человеком. Я счастлив, что мне довелось учиться именно у нее. Анна Аркадьевна преподавала у нас сольфеджио. И была действительно великолепным педагогом.

Ученики и учителя могут быть антагонистами, а может быть, и наоборот. Так вот, у нас была только любовь, такая теплота и забота исходили от нее» (из воспоминаний **Хохрякова Александра Борисовича**).

КОМПОЗИТОРЫ

БРАИЛОВСКИЙ**Владимир Вениаминович**

(р. 1947)

Владимир Вениаминович Браиловский родился 4 января 1947 г. в Москве. В 1971 г. окончил Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского по классу композиции. По распределению был направлен в Киргизский институт искусств (тогда город Фрунзе), где работал преподавателем, затем заведующим кафедрой теории и истории музыки. С 1975 г. — член Союза композиторов СССР.

В 1980 г. переехал в Могилев. Работал преподавателем музыкального училища имени Н.А. Римского-Корсакова, затем заведующим музыкальной частью Могилевского драматического театра. В 1987 г. возглавил созданное в то время областное отделение республиканского музыкального общества, стал инициатором открытия его отделений во всех райцентрах области. С основанием в 1990 г. Могилевской областной филармонии назначен ее директором, а в 1997 г. — художественным руководителем-директором. За это время проявил себя как талантливый, инициативный организатор, яркая творческая личность, вел большую просветительскую деятельность, организовал в Могилеве музыкальный салон, более 15 лет возглавлял объединение самодеятельных композиторов области. Вместе со своей женой, **Людмилой Евгеньевной Браиловской**, выпускницей Московской консерватории по классу сольного пения, руководил студией классического вокала, среди воспитанников которой известные профессиональные певцы, лауреаты республиканских и международных конкурсов.

Наиболее полно творческий и организаторский талант В.В. Браиловского проявился в период его руководства областной филармонией. Настойчивость и профессионализм позволили ему за сравнительно небольшой срок собрать в ее стенах талантливый артистический персонал, организовать работу самодеятельных творческих коллективов. Благодаря неутомимой деятельности и авторитету в музыкальных кругах он смог наладить гастрольно-концертную деятельность не только на Могилевщине, но и по всей Беларуси, в том числе в Минске, и жители республики получили возможность познакомиться с искусством всемирно известных артистов.

По инициативе и под руководством В.В. Браиловского в Могилеве и области стали регулярно проводиться международные фестивали с участием популярных белорусских и зарубежных исполнителей: «Могилевская музыкальная весна»,

«Беларусь собирает друзей», «Рождественский фестиваль». Он внес значительный вклад в организацию и проведение первых международных пленэров по живописи имени В.К. Бялыницкого-Бирули, стал инициатором Международного конгресса цимбалистов, состоявшегося в Могилеве в 1997 г. В.В. Браиловский является основоположником музыкального фестиваля «Золотой шлягер», в течение восьми лет был его руководителем. Этот фестиваль получил широкое признание у белорусской публики и во многих странах мира, а в 1998 г. был принят в Международное сообщество фестивалей ФИДОФ.

Имя В.В. Браиловского-композитора хорошо известно любителям музыки и профессионалам. Им написано большое число симфонических, инструментальных и вокальных сочинений, вошедших в репертуар как молодых, так и известных белорусских и зарубежных музыкантов. Он является автором более 40 песен и музыки к 25 спектаклям. В 1996 г. награжден медалью Международного фонда имени Гапонова «За укрепление дружбы между народами». Имеет ряд крупных публикаций по истории и теории музыкального творчества, в том числе в Большой советской энциклопедии.

Владимир Браиловский — единственный в истории города профессиональный композитор, постоянно проживающий и работающий в г. Могилеве, произведения которого входят в репертуар многих исполнителей и коллективов нашей области и республики.

«Мой отец, **Вениамин Аронович Браиловский**, родился в 1907 г. в Ростове-на-Дону в большой еврейской семье. У его отца, как у патриарха Иакова, было 12 детей. Он был известным в городе портным и в то же время проявлял незаурядные таланты в искусстве: издал несколько сборников стихов на идиш и русском, играл на разных музыкальных инструментах. О бабушке со стороны отца информации у меня не сохранилось, но, судя по числу детей, она была настоящей еврейской мамой. Почти все они со временем перебрались в Ленинград и стали известными людьми. Старший, дядя **Яша**, был профессиональным большевиком, одна из улиц в Махачкале даже носила его имя, он устанавливал советскую власть в Дагестане, в 1937 г. был репрессирован, прошел войну, затем реабилитирован. Дядя **Абрам** был скульптором, несколько его работ до сих пор украшают улицы города на Неве. Дядя **Моисей** до войны был знаменитым в Ленинграде музыкантом — дирижером Театра оперетты. Между прочим, он первый «открыл» Клавдию Шульженко и какое-то время с ней работал. В первый месяц войны погиб на фронте. Дядя **Миша** был композитором. Спасаясь от фашистского геноцида, эвакуировался в Пятигорск, где его все-таки постигла трагическая участь — вместе с тысячами других евреев он и его семья

были расстреляны. Имена того и другого занесены на памятные доски в Союзах композиторов: дяди Миши — в Москве, дяди Моисея — в Ленинграде. Другие братья тоже посвятили себя искусству, были среди них и литераторы, например, дядя **Володя**, который дожил до 90-х гг., выехал в Израиль, где недавно умер.

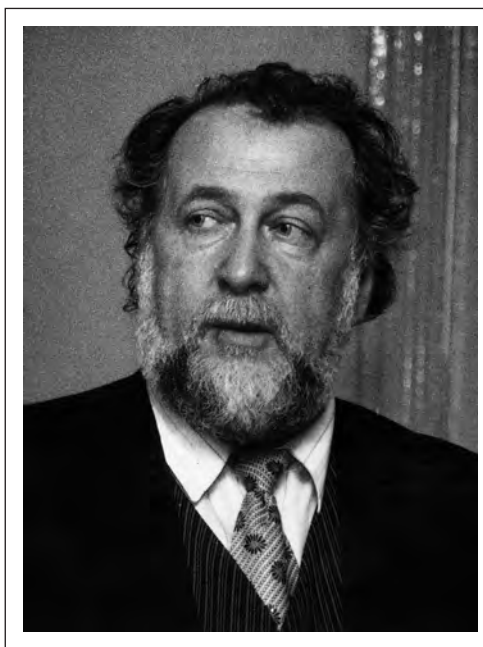
Отец был одним из младших братьев в семье, он пошел по стопам старших, Михаила и Моисея, — окончил Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано. Как и многие, когда началась война, добровольцем пошел на фронт. Его военная судьба сложилась непросто. В звании лейтенанта он командовал артиллерийским взводом, в одном из боев его подразделение было полностью уничтожено, а он чудом остался жив, но попал в штрафбат и продолжил войну рядовым. Был дважды ранен, в 1944 г. оказался в военном госпитале, где познакомился с моей мамой, **Тамарой Николаевной**. Она служила там в звании старшего лейтенанта. В июне 1941 г., окончив Московский фармацевтический институт, в числе других выпускников со студенческой скамьи сразу пошла на фронт.

Мама родилась в Киеве в 1919 г. и вскоре с родителями переехала в Москву. Это была простая рабочая семья, в которой она была единственным ребенком. Бабушка, урожденная **Неха Давидовна Шпайлман** (соседи звали ее баба Надя), и дедушка, **Николай Павлович Акимов**, трудились на одном из заводов метрополитена: бабушка гардеробщицей, дедушка — мастером. Мое раннее детство прошло в одном из московских барачных метростроевских городков.

В 1945 г. в Москве родился мой старший брат **Валерий**, а через два года — я. После этого родители вместе с нами переехали в Кемерово, куда отца и еще некоторых специалистов с высшим образованием направили для открытия местного музыкального училища. Отец вел там активную преподавательскую и общественную работу, руководил фортепианным отделением. Мама работала в аптеке.

Я периодически жил в Москве у маминых родителей, однако после скоропостижной смерти отца в 1957 г. меня отдали в кемеровский интернат. В том интернате, куда меня определили, была удивительно музыкальная атмосфера, хотя это был обычный интернат со слесарным уклоном. Там был уникальный музыкальный руководитель, игравший, кажется, на всех инструментах, организовавший силами воспитанников хор, духовой и народный оркестры. Я ходил за ним по пятам и умолял взять меня в духовой оркестр, бывший тогда главной гордостью школы. Наконец, он сжалился и сказал: «У тебя губы тонкие, будешь играть на валторне». Так определилась моя судьба. Помимо валторны он преподавал мне азы теории музыки, игры на фортепиано и научил играть на балалайке.

После окончания восьми классов я поехал на каникулы к бабушке с дедушкой и, набравшись

Владимир Вениаминович Браиловский

наглости, попытался поступить не куда-нибудь, а в самое элитарное учебное заведение Москвы — Центральную музыкальную школу при консерватории. Мне несказанно повезло: в ЦМШ, где до того обучались лишь особо одаренные московские дети либо дети особо важных родителей (например, Никита Михалков), именно в этот год произошли серьезные изменения: открыли интернат, в школу стали принимать иногородних учащихся, и начало работать духовое отделение. Ранее там были только классы фортепиано, скрипки, виолончели и теории музыки. Не пройдя полноценного обучения в музыкальной школе, я имел слабую подготовку по теоретическим дисциплинам, да и общее эстетическое развитие явно отставало. Меня спасло то, что в Московской консерватории в те времена во главу угла ставили основную специальность, а на валторне я играл хорошо, особенно «с листа», что и подкупило прослушивавшего меня профессора **Арсения Александровича Янкевича**. Впоследствии у меня с ним сложились дружеские отношения, он относился ко мне как к сыну.

Несмотря на отставание по теоретическим предметам, меня приняли в 9-й класс. ЦМШ была тогда одиннадцатилеткой, и этот класс соответствовал третьему курсу музыкального училища. Так что, по сути, я получил своеобразный аванс и отчаянно кинулся на борьбу со своей неграмотностью и провинциализмом. Благо, окружение и обстановка мне помогали: школа и интернат находились в самом культурном центре Москвы, а меня окружали образованные, талантливые и интеллигентные друзья. Особенно я тянулся к скрипачам, среди которых были такие будущие знаменитости, как **Владимир Спиваков**, **Гидон**

Стоят: мама **Тамара Николаевна**, дедушка **Николай Павлович Акимов**.
Сидят: **Владимир**, бабушка **Неха Давидовна Шпайзман**, брат **Валерий**.
Москва, 1951 г. Фото из семейного архива Браиловского В.В.

Кремер и Олег Каган (к великому сожалению, рано ушедший из жизни). Между прочим, все они были евреи, хотя для нас тогда это не имело значения. Что же касается музыкальной теории, то тут я двигался семимильными шагами и к окончанию школы обошел всех своих одноклассников. Особое удовольствие мне доставляла гармония, я даже выполнял домашние задания за других учащихся, а наш педагог, **Лев Михайлович Калужский**, бывало, говорил: «Звучит как-то браиловсковато». Знание гармонии способствовало и моим первым композиторским шагам, хотя записывать свои

Мама **Тамара Николаевна**, папа **Вениамин Аронович Браиловские**. Кемерово, 1954 г.
Фото из семейного архива Браиловского В.В.

музыкальные фантазии я пытался еще в Кемерово. Когда в ЦМШ решили организовать кружок композиции, я рискнул показать свои опусы и, к моей великой радости, в числе трех учеников был рекомендован для его посещения. Занятия с нами проводили молодой в то время аспирант консерватории Игорь Якушенко и профессор, известный композитор Евгений Кириллович Голубев, в классе которого я впоследствии окончил консерваторию.

В 1964 г. я поступил в консерваторию по классу валторны, а через четыре года перешел на композиторское отделение, которое окончил в 1971 г., проучившись в консерватории в общей сложности семь лет. За эти годы я получил опыт

игры в профессиональных симфонических оркестрах, что помогло мне в дальнейшем освоить искусство инструментовки. Это десятилетие заложило основы моей творческой личности. В 60-е гг. Москва была фактически Меккой мировой классической музыки, чему способствовала начавшаяся хрущевская оттепель, здесь побывали практически все выдающиеся музыканты той эпохи. Мне посчастливилось видеть и слышать композиторов Шостаковича, Стравинского и Хачатуряна, дирижеров Мравинского, Светланова и Караяна, пианистов Рубинштейна, Клиберна и Рихтера, скрипачей Стерна, Менухина и Ойстраха, виолончелистов Ростроповича, Казальса и Шафрана, Нью-Йоркский, Филадельфийский и Лондонский симфонические оркестры, спектакли театра Ласкала и Метрополитен-опера, оперы и балеты Большого и Мариинского театров. Этот уникальный эстетический багаж остался со мной на всю жизнь.

Если же вернуться к еврейской теме, то надо сказать, что моя семья, как и семьи братьев моего отца, были типично советскими. Отец был членом партии, и никаких разговоров о еврействе, а тем более о сионизме, я не слышал. Лишь бабушка имела привычку спрашивать про разных людей, евреи они или нет, что мне не очень нравилось. Помню, меня в московском дворе дразнили евреем, а я воспринимал это слово как ругательство, не соотносил тогда еврейство с собой и никак не мог понять, какая здесь связь. Но когда получал паспорт (это было во время учебы в ЦМШ), я все-таки решил записаться евреем. Однако все родственники дружно против

Вручение диплома об окончании ЦМШ.
Москва, 1964 г.
Фото из семейного архива Браиловского В.В.

этого ополчились, доказывая, что можно быть кем угодно, но при этом не портить себе карьеру. Оглядываясь на мировую историю и прошлое нашей семьи, их можно понять. Таким образом, в моем паспорте появилась запись «русский», как и у моей мамы, позже я узнал, что такое же давление было оказано на старшего брата. Однако на самом деле ни мне, ни ему эта запись практически не помогла: нас все равно воспринимали как евреев и в быту, и в соответствующих органах.

Подлинный интерес к еврейству у меня стал проявляться в результате знакомства с Библией, которая была у моего соседа по консерваторскому общежитию. Он был православным, хотя и наполовину евреем. Я тогда активно интересовался различными философскими и религиозными концепциями, и библейское толкование устройства мира показалось мне наиболее убедительным. Впоследствии, изучая Тору, это мое убеждение окончательно окрепло. Но более определенно национальное самосознание у меня, как и у многих советских евреев, пробудилось после «шестидневной войны» 1967 г. (тот год был отмечен и печальным событием для нашей семьи — в возрасте 48 лет от сердечной недостаточности умерла моя мама.) Надо сказать, что евреев в то время в Московской консерватории было довольно много — как среди педагогов, так и среди студентов, — но еврейства, по сути, не было. Я не помню, чтобы кто-нибудь читал Тору, придержи-

живался законов кашрута или ходил в синагогу. Впрочем, это было просто опасно, можно было «вылететь» из комсомола, а значит, и из консерватории. Помню, я как-то посетил единственную тогда в Москве синагогу на улице Архипова, но все время оглядывался по сторонам, боясь, что меня обнаружат «музыковеды в штатском». В те годы в среде советского еврейства усилились эмигрантские настроения. Но меня они не коснулись, и я поехал не в Израиль, а по распределению за своей супругой в Киргизию, где мы прожили 10 лет и где в 1973 г. родился наш сын **Илья**.

В моей жизни это был очень активный период: я преподавал, заведовал кафедрой в только что открывшемся Институте искусств, выполнял обязанности ответственного секретаря Союза композиторов, сделал несколько сот обработок и оркестровок, изучал киргизский фольклор и написал на его основе ряд инструментальных и вокальных сочинений. Хотя поначалу местные корифеи встретили меня не очень дружелюбно: мол, денег в Министерстве культуры мало, а композиторов много. Тем не менее, в 1975 г. мне удалось завоевать звание лауреата республиканского конкурса, посвященного 30-летию Победы, за вокально-симфоническую поэму «Двадцать восемь» о героях-панфиловцах и стать членом Союза композиторов СССР.

В 1979 г. мое положение неожиданно, а может, и закономерно, изменилось. На очередном съезде Союза я оказался «проброшен» по всем статьям. Меня не только не переизбрали ответственным секретарем, но и не ввели в правление и не включили в состав делегации на Всесоюзный съезд в Москве. И хотя я пострадал не столько как еврей, сколько как некиргиз, да и по молодости был слишком радикален, решил, что «ехать надо»,

В.В. Браиловский с профессором Московской консерватории **Е.К. Голубевым**. 1968 г.
Фото из семейного архива Браиловского В.В.

Первое исполнение концерта для валторны на сцене Могилевского музыкального училища. 1987 г.
Фото из семейного архива Браиловского В.В.

причем именно в Израиль. Этим настроениям способствовал и отъезд из Ленинграда в США моего двоюродного брата Миши — тоже музыканта с консерваторским образованием. Впрочем, тогда я считал, что евреи должны ехать только в Израиль. А так как из Киргизии выезд был закрыт во всех направлениях, я принял решение переехать туда, откуда выпускают. И выбор пал на Белоруссию. Я дал объявление об обмене квартиры, и единственное предложение поступило из Могилева. Таким образом, мое появление в этом городе можно считать случайностью.

Итак, 4 января 1980 г., в день своего 33-летия, я с семьей заселился в типовую двухкомнатную квартиру в городе, в котором никогда до этого не был, но в котором мне оказалось суждено остаться на долгие годы. Выезд на историческую родину не состоялся. В 80-е гг. эмигрантский поток был практически перекрыт, и я попал в категорию «отказников», а затем у меня в Могилеве открылись такие пер-

спективы, что мысли об отъезде отодвинулись на задний план. В 1990 г. на волне демократической эйфории, имея планы коренного преобразования государственной культуры, я баллотировался депутатом в Верховный Совет республики, но, к счастью, безуспешно (как поется у А. Галича: «Ой, не шейте вы ливреи, еврей!»).

По приезде я устроился в музыкальное училище, где преподавал все предметы, которые мне были предложены: гармонию, сольфеджио, оркестровку, чтение партитур, а также вел класс валторны. В этот период я сблизился со многими местными музыкантами, с удивлением обнаружив, что и в провинции работают прекрасные профессионалы, истинные сподвижники музыкальной культуры. Среди них было немало евреев. Я сотрудничал, например, со скрипачом **Владимиром Родовым**, виолончелистом **Владимиром Лапидусом**, кларнетистом **Аркадием Толкачевым**, дирижером и композитором **Геннадием Богомоловым**, пианистками **Маргаритой Менделеевской**, **Светланой Кундянок** и другими замечательными музыкантами-евреями.

В 80-е гг. я написал несколько новых произведений, в том числе на еврейские темы, решив, что имею право быть не только русским, киргизским или белорусским композитором, но и еврейским. В частности, первое крупное сочинение для своего родного инструмента — концерт для валторны с оркестром — я написал именно на еврейские темы. Не игнорировал я и местный фольклор, в моем портфеле появились песни на белорусском языке. Одновременно мы с супругой организовали во Дворце культуры «Химволокно» студию классического вокала, где она была руководителем, а я концертмейстером. Впоследствии я взял эту студию под крыло филармонии, где она существует по сегодняшний день. Мы до сих пор гордимся выпускниками этого самостоятельного коллекти-

В.В. Браиловский (крайний слева с тубой) на съемках художественного фильма «Паруса моего детства». Могилев, ул. Лазаренко 1985(?) г.

Фото из семейного архива Браиловского В.В.

Студия классического вокала ДКиТ «Химволокно». Могилев, 1984 г.
 Стоят: второй слева — **В.В. Браиловский**, крайний справа — **Сергей Франковский** (сегодня солист ГАБТ РБ, народный артист РБ).
 Сидят: вторая справа — **Л.Е. Браиловская**, третья справа — **Нина Шарубина** (сегодня ведущая солистка ГАБТ РБ).

ва, ставшими прекрасными профессионалами: **Ниной Шарубиной**, **Сергеем Франковским**, **Татьяной Бедуленко**, **Олегом Ковалевским**, **Еленой Материнко** и др.

Проработав четыре года в училище, не оставив студии, я перешел в областной драмтеатр на должность заведующего музыкальной частью. С консерваторских времен это была, пожалуй, самая интересная в творческом отношении работа. Я старался не ограничиваться подбором чужой музыки к спектаклям, а писать свою, в чем меня поддерживал бывший тогда главным режиссером Александр **Дольников**. За три сезона я написал музыку к 25 спектаклям, в том числе к нескольким музыкальным, один из которых — сказка «Волшебник Изумрудного города» — не сходит с афиш театра до сих пор.

В 1987 г. мне предложили возглавить областное отделение созданного тогда республиканского музыкального общества, на что я дал согласие. Я собрал несколько концертных бригад и разъезжал с ними по области, проводя «культурно-просветительскую работу», иногда приглашая про-

фессиональных артистов из Минска. Под эгидой общества впервые в Белоруссии были проведены несколько знаковых мероприятий: концерты православной и протестантской духовной музыки, рок-фестиваль, фестиваль авторской песни и, разумеется, гастроль еврейских музыкальных и театральных коллективов.

В 1990 г., после неудачной попытки стать «народным избранником», меня неожиданно пригласил на прием первый секретарь Могилевского обкома партии **Василий Севастьянович Леонов**. С первым лицом области в его просторном кабинете я тогда встретился трижды, и он произвел на меня приятное впечатление. Подкупила уже первая его фраза: «Я хотел бы знать ваше мнение о нашей культуре, а то мои бабы-дуры ни-

чего в ней не понимают (он имел в виду партийных секретарей), а сам я, вообще-то, колхозник»(!). В результате этих бесед он предложил мне открыть областную филармонию. Будучи по своей природе первооткрывателем, я согласился. Не откладывая дело в долгий ящик, Василий Севастьянович провел совещание с органами культуры и без

В.В. Браиловский в качестве представителя Фонда Владимира Спивакова в РБ вручает специальные награды юным могилевским музыкантам на сцене музыкального колледжа (второй слева — **Павел Кундянок** (сегодня солист-гобоист оркестра Мариинской оперы в Санкт-Петербурге)). Могилев, 1999 г. *Фото из семейного архива Браиловского В.В.*

С **Владимиром Спиваковым** во время гастролей «Виртуозов Москвы» в Беларуси в концертном зале «Минск», 1997 г.
Фото из семейного архива Браиловского В.В.

обняков заявил: «С завтрашнего дня открываем филармонию, директором назначается Браиловский. Кто-нибудь возражает?» Разумеется, никто не возражал, хотя многим это решение было не по душе: во-первых, управление культуры уже несколько лет давало в обком информацию, что в Могилеве открытие филармонии невозможно ввиду отсутствия кадровой и материальной базы (к тому времени в других областях филармонии уже существовали), во-вторых, учитывая мою «идеологическую неустойчивость», не все испытывали ко мне симпатию.

Работа в филармонии оказалась самой долгой и шумной за все годы моей трудовой деятельности. Я был ее директором, а затем и художественным руководителем в течение 14 лет. Мне удалось на какое-то время сделать Могилев более музыкальным, насытить его интересными гастрольями, создать собственные профессиональные коллективы и обозначить этот, в общем-то, провинциальный город на фестивальной карте мира. Отмечу некоторые моменты моей филармонической деятельности.

...Весной 1990 г. я оказался на лавочке перед обкомом партии с приказом об открытии филармонии и моем назначении. Ни помещения, ни штата, ни бюджета. Вскоре после этого партия приказала долго жить и Василий Севастьянович переехал в Минск. Он успел лишь позаботиться о начальном финансировании филармонии и хлопотал о нашем временном размещении в подвальных комнатах Дома политпросвещения. В это время велась отчаянная борьба за недвижимость партии, но нам все-таки удалось сохранить за собой два верхних этажа этого здания. Однако самой острой оказалась кадровая проблема, сохраняется

она и сегодня. Хорошие музыканты не желали менять свои многочисленные «жалтуры» на низкооплачиваемую профессиональную работу, а административный персонал пришлось обучать с нуля, да и у меня не хватало опыта. В тот период мы набрали много шишек, но все-таки заняли оказавшуюся свободной после развала советской системы нишу — проводили гастрольные «звезды» бывшего СССР практически по всей Белоруссии.

Проблему собственного творческого персонала я решал следующим образом: прибрал к рукам «бесхозные» могилевские эстрадные коллективы и некоторых оставшихся без работы минских артистов, в том числе получившего вскоре звание «заслуженного» певца **Олега Тиунова** со своей эстрадной группой. Много упреков тогда звучало в мой адрес о «легкомысленности» пропагандируемых филармонией жанров,

предлагали взять под свое крыло самостоятельные камерные хор и оркестр. Однако я придерживался принципа: лучше качественная эстрада, чем плохая классика, кроме того, учреждения культуры тогда призвали самим зарабатывать на себя деньги. И мы это, как умели, делали. Даже открыли коммерческий отдел и торговали. (Это не анекдот. Нам звонили и спрашивали: «Филармония? А почем у вас макароны?»). Но, честно говоря, торгаши мы были плохие, нас часто обманывали, и вскоре мы это дело прекратили. Решая проблему академических коллективов, я исходил из того, что следует привлекать составы, не имеющие аналогов в Белоруссии, так как слишком ограничено концертное пространство. Однако для того, чтобы филармония стала по-настоящему отвечать своему предназначению, не хватало базового коллектива, и я несколько лет уговаривал дирижера **Леонида Иванова**, руководившего тогда Могилевским факультетом Белорусской академии музыки, взяться за организацию на базе студенческого коллектива профессионального оркестра русских народных инструментов при филармонии. В 1995 г. мне, наконец, это удалось и в нашем штатном расписании такой коллектив появился. За короткое время он окреп, а его руководитель, первым из могилевских музыкантов, получил звание народного артиста Республики Беларусь (после кончины Иванова в 2009 г. оркестру было присвоено его имя. — *А.Л.*). Продолжал я поддерживать и могилевских эстрадных исполнителей: в наших стенах выросли известные сейчас в республике певцы **Искуи Абальян**, **Павел Усович** и сделавшая успешную карьеру в Москве **Наталья Подольская**.

С момента открытия филармонии меня постоянно преследовала мысль — сделать Могилев

фестивальным городом, как соседний Витебск. После удачной организации в 1993 г. фестиваля «Беларусь собирает друзей» я убедился, что это возможно. Оставалось придумать оригинальную концепцию всенародного музыкального праздника и заинтересовать этим проектом государство. И то и другое мне удалось: появилась идея «Золотого шлягера» и распоряжение Президента Александра Лукашенко о его проведении. Первый «Золотой шлягер» состоялся в 1995 г. и вызвал небывалый ажиотаж, особенно у старшего поколения. Люди со слезами на глазах встречали кумиров своей юности и дружно подпевали им шлягеры прошлых лет. Между прочим, это был первый ретропроект на постсоветском пространстве, лишь после нашего фестиваля на московском

телевидении возникла программа «Старые песни о главном» и на экранах стали мелькать, казалось бы, навсегда ушедшие в небытие артисты.

Впоследствии концепция фестиваля уточнялась и постепенно формировалось его оригинальное лицо: на «Золотом шлягере» получили право выступать либо артисты с «золотыми» именами, либо молодые исполнители с «золотым» репертуаром. Фестиваль «оброс» международными конкурсами молодых исполнителей: эстрадной песни, русского романса (как региональный этап московской «Романсиады»), вокально-инструментальных ансамблей, после смерти Владимира Мулявина получивший его имя. Я старался не превратить «Золотой шлягер» в вотчину одних и тех же артистов, как это нередко бывает. Его отличительной чертой стало также проведение концертов в других областных и районных центрах и Минске.

Фестиваль постепенно разрастался, рос его престиж. Самый грандиозным стал «Золотой шлягер-2000», который таким и должен был быть на пороге нового тысячелетия. Состоялось более сорока концертов в двенадцати городах, в том числе в Москве в Кремлевском дворце. Могилев, наконец, завоевал право считаться по-настоящему фестивальным городом.

К сожалению, завоеванные фестивалем высоты удержать не удалось, а я через четыре года вынужден был прервать свою бурную организаторскую деятельность. Но, как говорится, нет худа без добра — период затишья я использовал для осмысления произошедших событий и изложения своего жизненного опыта на бумаге. А незавидная дальнейшая судьба фестиваля еще раз подтвердила давно известную истину: деньги в

С Тamarой Синявской и Муслимом Магомаевым в Могилевском областном художественном музее им. П.В. Масленикова во время проведения I Международного пленэра им. В.К. Бялыницкого-Бирули. 1996 г. Фото из семейного архива Браиловского В.В.

искусстве — элемент необходимый, но недостаточный. Об этом я и написал в своей книге «Сколько стоит музыка».

Сейчас основное время я уделяю творчеству: готовлю авторские программы, работаю над новыми сочинениями, есть задумки по организации некоторых культурных акций, в том числе в области еврейской культуры. А еще у меня есть мечта — написать книгу «Я — еврей», ведь все взлеты и падения в моей жизни связаны с принадлежностью к этой древней, противоречивой и удивительной нации» (из воспоминаний Браиловского Владимира (Зеева), Могилев, ноябрь 2010 г.)

РЫВКИН Михаил Григорьевич (1919—1986)

Родился в г. Шклове в 1919 г.

Окончил Московский государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных, преподавал в шкловской музыкальной школе сольфеджио, народные инструменты. Заслуженный деятель культуры Беларуси.

МАГАЛИФ Борис Яковлевич (1926—2006)

Известный на Могилевщине музыкант, композитор, педагог и переводчик. Родился в Берлине в 1926 г. В конце 1940-х гг. поступил во ВГИК в

класс режиссера Сергея Герасимова. Снялся в фильмах «Молодая гвардия», «Часы остановились в полночь» и «Человек не сдаётся». В январе 1949 г. Магалифа арестовали как сына врага народа и как человека, недовольного советской властью, осудили на десять лет, отправили в Архангельскую область на лесоповал. В лагере он, хорошо играющий на фортепиано и аккордеоне, научился играть на трубе, тромбоне, флейте (там, кроме уголовников, сидели музыканты оркестра Большого театра).

После возвращения из лагеря окончил музыкальное училище, в зрелом возрасте поступил в Белорусскую государственную консерваторию, где учился в одной группе с **И. Лученком** и **А. Кортесом** в классе профессора **А. Богатырева**. Дипломной работой стала оратория «Я — человек». Получил «неуд». Стал бороться. Поехал к известным композиторам и функционерам Союза композиторов. Встретился с Шостаковичем, Кабалевским и председателем правления Союза композиторов СССР Хренниковым. Все они дали положительные отзывы на ораторию, «двойку» исправили и выдали диплом. Но отношения с правящей верхушкой Союза композиторов Белоруссии были испорчены навсегда, и в Союз композиторов он так и не был принят.

Преподавал в музыкальных училищах, сочинял музыку к спектаклям, руководил хорами. С 1980 г. жил в Горках, работал в музыкальной школе. Писал песни на собственные стихи, выступал с авторскими концертами (по материалам Интернета).

КОРОПОВ Игорь Ильич (р. 1936)

Родился в г. Могилеве в 1936 г. Окончил культпросветучилище по специальности «Руководитель хора». Затем получил еще два высших образования: почвовед в Горецкой сельхозакадемии и учителя иностранных языков в Институте иностранных языков на Украине. Работал учителем в школе № 31 г. Могилева. Здесь руководил школьным хором. Написал более 100 песен. Лучшим своим произведением считает «Буйничское поле» на стихи **Ивана Пехтерева**, написанное в начале 80-х гг. В 1990 г. переехал в Израиль.

ЖОРОВА Светлана Абрамовна (р. 1936)

«Я родилась в Минске в 1936 г. в семье скульптора **Абрама Ильича Жорова** и детского врача **Фани Евелевны Плоткиной**.

В детстве я жила в мире музыки, хорошо рисовала, сочиняла стихи, танцевала и пела. Думаю, что и гены моего отца сыграли в этом немаловажную роль. Он был очень музыкальным человеком, пел под гитару старинные русские романсы, любил слушать классическую музыку. Я же в школьные годы принимала активное участие в художественной самодеятельности, посещала кружок вокала Дома пионеров, где моим педагогом был **Роман Ефимович Шацев**. На первом общегородском смотре художественной самодеятельности школьников в 1952 г. получила грамоту за лучшее исполнение песни И. Дунаевского «Моя Москва».

Когда мне исполнилось 10 лет, мама решила отдать меня учиться в музыкальную школу № 1, так как мне очень хотелось играть на скрипке, как мой дедушка **Евель Плоткин**. Основным его делом была работа в кузнице, а в свободное время он играл на свадьбах и праздниках.

В музыкальной школе моим учителем по скрипке был **Иосиф Геллер** — талантливый и чуткий педагог. Игра на скрипке развила у меня музыкальный слух и вкус, сделала меня более чуткой к окружающему миру и к людям.

Самыми любимыми предметами в школе были русский и белорусский языки и литература. И когда нужно было решать, куда поступать после школы, сомнений не было — филологический факультет Могилевского педагогического института. Однажды я увидела афишу о том, что состоится конкурс для поступающих в вечернюю

Светлана Жорова и Лев Закашанский
в театральной студии. Фото 1958 г.

Светлана Абрамовна Жорова во время авторского концерта в Могилевском областном художественном музее им. П.В. Масленикова, посвященного 100-летию со дня рождения своего отца, скульптора **Абрама Жорова**.
Фото 2009 г.

двухгодичную театральную студию. Несмотря на большой конкурс, я успешно сдала вступительные экзамены. Учиться одновременно в институте и в студии было нелегко. Но это были лучшие годы моей жизни. Педагогами в студии работали прекрасные артисты нашего театра: **З.И. Молчанова**, **А.П. Раевский**, **С.Л. Раевская**, **Ю.С. Гальперина**, **М.С. Березкин**, **Е.М. Кашина** и др.

Много лет я работала в Могилевском медицинском училище и все свои силы и способности отдавала художественному и эстетическому воспитанию учащихся, но сцена по-прежнему оставалась важной частью моей жизни. Я пела в театре оперетты завода искусственного волокна. Здесь на сцене Дома культуры я сыграла в оперетте **И. Дунаевского «Вольный ветер»** и в оперетте **И. Кальмана «Марица»**. Создателями оперетты были прекрасный музыкант **Лазарь Исаакович Каганов** и режиссер **Анатолий Владимирович Пушняков**.

Особое место в моем музыкальном творчестве заняла студия вокала Дворца культуры и техники МПО «Химволокно», в которой я пела 6 лет. Руководила вокальной студией **Людмила Евгеньевна Браиловская**, а концертмейстером был композитор **Владимир Вениаминович Браиловский**. В 1987 г. я стала лауреатом II Всесоюзного фестиваля народного творчества.

Сочинять песни и романсы я начала после выхода на пенсию. Моим большим увлечением всегда была поэзия. Однажды, читая стихи лю-

бимого поэта **Владимира Фирсова «Некрасивых на свете немало встречается»**, я вдруг запела первые строки и поняла, что со мной произошло что-то очень важное. Я могу сочинить мелодию, могу создать песню! После этого я сочинила более 60 романсов и песен.

У меня есть песни на стихи **Ривы Балясной**, в том числе песня на идиш, которая называется «Тик-так». В исполнении женского ансамбля «Хэсэд Барух» она была тепло принята слушателями.

В 2006 г. издан мой песенный сборник «Сиреневый май», в котором представлены 22 песни на стихи различных поэтов как для мужского, так и для женского голоса, для ансамбля и для хора.

Я являюсь членом клуба самодеятельных композиторов Могилевщины. Награждена дипломом «За верность песне и музыке». Принимала участие в республиканских песенных конкурсах. В 2009 г. состоялся мой авторский концерт, посвященный 65-летию освобождения Могилева от немецко-фашистских захватчиков и 100-летию со дня рождения моего отца, скульптора **Абрама Жорова**, погибшего в годы войны.

Начался новый виток моей творческой жизни. Хочу верить, что он будет счастливым! (из воспоминаний **Жоровой Светланы Абрамовны**).

КОЖУРИН Александр Егорович

(р. 1942)

Родился в 1942 г. Отец, **Георгий Исаакович Кожурин**, родом из-под Горок, пропал без вести во время войны. По воспоминаниям родственников он очень хорошо играл на баяне и гармонии.

Александр учился в могилевской музыкальной школе, когда директором был **Лазарь Маркович Зисман**. Талантливый мальчик окончил ее за два года вместо пяти положенных. Затем музыкальное училище по классу баяна (самыми теплыми словами вспоминает своего преподавателя **Н.С. Менделеевскую**), после которого — поступление в Белорусскую консерваторию в класс **Анатолия Богатырева**. Но проучился здесь Александр только один год, после чего перевелся на военно-дирижерский факультет Московской консерватории. Параллельно с основной учебной посещал занятия у знаменитого органиста **Леонида Исааковича Ройзмана**, который разрешал присутствовать на своих уроках и играть на консерваторском органе.

По распределению попал в гарнизонный оркестр в Туркмению, где прослужил 15 лет. Сейчас эти годы вспоминает как самые нерадостные в своей жизни. Музыка здесь играла в его жизни далеко не первое место. Хотя по приказу министра обороны музыканты не должны были ходить в

наряды, местное начальство на это внимание не обращало, так что будни молодых музыкантов составляли во многом патрули и караулы. Несколько раз делал попытки перевестись поближе к большой матери в Белорусский военный округ, но рапорта оставались без ответов. В конце 70-х гг. ему удалось демобилизоваться и устроиться на работу в Большой дворец культуры под Челябинском. Пять лет вел занятия по музыке (баян, фортепьяно), занимался местной самодеятельностью. Работой и своим положением там был очень доволен, но тянуло на родину, и в 1981 г. Александр Егорович вернулся в Могилев. Устроиться здесь на работу было большой проблемой. Несколько лет он руководил музыкальными мероприятиями в санатории мясокомбината. Затем, благодаря **Валерию Будняцкому**, директору Дворца культуры химиков, был принят сюда аккомпаниатором.

Еще в Минске стал писать музыку для эстрадных коллективов. Во время учебы в Москве одно из произведений было отмечено на конкурсе. Пытался писать и в армии, но армейская жизнь к этому не очень располагала. Вернулся к музыкальному творчеству уже в Могилеве. Написал музыку к песням на свои стихи и несколько полифонических музыкальных произведений для органа. Известный минский органист **Константин Шаров**, исполняющий произведения Кожурина на известных органах Гродно, Полоцка, Риги, Москвы, называет Кожурина «нашим белорусским Бахом».

Особое место в творчестве Кожурина занимают произведения на еврейскую тему. Им написан марш «Тель-Авив», посвященный 50-летию государства Израиль, романс на еврейскую тему «Родной мотив», ода Израиллю для женского хора на свои стихи. Все эти произведения были переданы послу Израиля в Беларуси во время его посещения Могилева в 2010 г.

23 января 2010 г. в Могилеве в Академии музыки состоялся творческий вечер композитора А. Кожурина, где его произведения исполняли оркестр народных инструментов и образцовый духовой оркестр Министерства обороны (по воспоминаниям **Кожурина Александра Егоровича**).

БОГОМОЛОВ Геннадий Иванович (р. 1946)

Родился в Могилеве в 1946 г. Окончил 7 классов могилевской школы № 11 и Могилевское музыкальное училище в 1964 г. В 1969 г. окончил Минскую консерваторию.

По 1980 г. работал преподавателем Мозырского музыкального училища.

Вернулся в Могилев. Работал дирижером оркестра Дворца культуры объединения «Химволокно». С 1981 г. по сегодняшний день работает в

Могилевском музыкальном училище. Преподает валторну (приобщил к этому инструменту дядя, валторнист **Яков Соркин**, солист Вильнюсской филармонии) и дирижерское мастерство. С 1982 г. руководит оркестром училища (сейчас колледжа), которым прежде руководил **М.Н. Солдатов**. Этот оркестр трижды становился победителем республиканского конкурса хоровых и оркестровых коллективов ссузов.

Писать музыку стал с 4-го класса музыкальной школы. Первое произведение — квартет для четырех валторн. Занимался аранжировками, потом стал писать песни. Всего написано около 40 песен. В основном на военную тематику и о Могилеве, в том числе «Три сестры». Песни исполнялись на различных конкурсах и всегда получали награды.

На международном конкурсе вокалистов в Москве в 2009 г. в номинации «Народное пение» ученица училища **Юлия Новикова** с песней Г. Богомолова «Деревенская свадьба» получила Гран-при.

ОРГАНИЗАТОРЫ КУЛЬТУРЫ

БУДНЯЦКИЙ Валерий Залманович (р. 1940)

«Родился **Валерий Залманович** в Могилеве в последний предвоенный год. Отец в первые дни войны ушел на фронт. Мама с маленькими детьми на руках, а их было пятеро, эвакуировалась в Ярославскую область в город Тутаев.

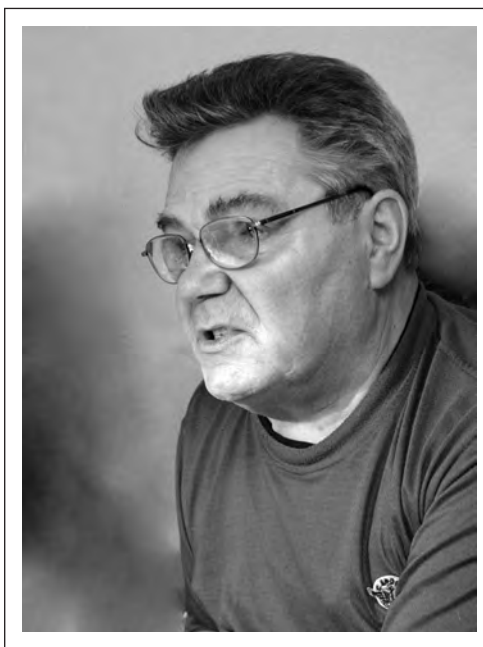
После войны семья Будняцких вернулась в Могилев. Вместо дома их ждали руины. До получения квартиры жили в красном уголке Могилевского клеевого завода, где глава семейства работал директором еще до войны.

Валерий никак не мог определиться со своим будущим. Поступил на физмат пединститута, но быстро разочаровался в точных науках. Ненадолго задержался и в сельскохозяйственной академии: не лежала душа к выбранной профессии. Вернулся вновь в Могилев. Выдержал экзамены в машиностроительный институт, но вскоре и его бросил. Пошел работать рабочим на клеевой завод. Поступил в Высшую профсоюзную школу в Ленинграде. Здесь учился с удовольствием, был в числе лучших студентов института. Более того, как набравшего самое большое количество баллов по итогам учебы, научной и общественной деятельности, его рекомендовали в аспирантуру Высшей школы профдвижения, но областной совет профсоюзов Могилевской области по просьбе директора автомобильного завода, где Будняцкий

был в это время секретарем комитета комсомола, не подписал рекомендацию на учебу.

Однажды на одном из совещаний подверг резкой критике работу дворца культуры. После чего секретарь парткома сказал: «Вот мы вам и поручим руководство дворцом». Так Будняцкий и стал директором Дворца культуры автозавода. Надо сказать, что работал он блестяще на этом посту. Он был очень авторитетным человеком, к которому все относились с огромным уважением. Умел отстаивать интересы своего учреждения и совершенно не боялся идти на конфликты с руководством, отстаивая интересы культуры, которую любил и понимал. Он выбивал квартиры тем специалистам, которые, как он считал, смогут поддержать или поднять ее уровень в городе. Так возник во многом благодаря его усилиям ансамбль танца «Веснянка», который стал очень известным коллективом и получил звание «народного». Потом уже коллектив заметили в Минске и перетащили туда. При нем во Дворце работал прекрасный духовой оркестр, им поддерживались театр и эстрада. Он в то нелегкое время доставал инструменты, реквизит, добивался выделения жилья людям. В отношении работы был очень фанатичным человеком. Совершенно случайно попав на такую должность, он очень быстро стал заметной фигурой. Его отметили наверху и предложили возглавить Дворец культуры «Химволокно», когда его еще и не было. А Дворец строился, образно говоря, его кровью. Он ругался, спорил, правдами и неправдами выбивал материалы, сам мотался в командировки. Не всем он был удобен. Многие хотели тихого, «мягкого и пушистого» директора, а Валерий Залманович таким совсем не был. Он был принципиальным, может быть, иногда жестким человеком, желавшим добиться своей цели, делавшим все качественно и надежно.

Потом уже обстоятельства сложились так, что он был вынужден уехать на север. 15 лет он прожил в Ханты-Мансийском автономном округе и работал заведующим окружного отдела культуры, председателем творческого союза работников культуры Ханты-Мансийского округа, директором Западно-Сибирского филиала киновидеообъединения «Акво», директором нижевартовского Дворца культуры «Октябрь». Под его руководством был построен по типу могилевского ДК химиков Дом техники объединения «Нижевартовскнефтегаз». На протяжении своей деятельности он находился в дружеских отношениях со многими деятелями культуры, писателями, поэтами, художниками, актерами, искусствоведами, политическими деятелями. Перед уходом на заслуженный отдых он был представлен к званию «Заслуженный работник культуры России», но вмешалась болезнь, которая многое изменила в его жизни. Он вернулся в Могилев.

Валерий Залманович Будняцкий

И могилевчане вправе считать, что главным делом его все же было создание самого Дворца культуры химиков» (по статье **Хитриковой Г.** «Я благодарен судьбе...» // Трудовая слава. — 2005. — № 6—8; по воспоминаниям **Хохрякова Александра Борисовича**).

ОНИ РОДИЛИСЬ НА МОГИЛЕВЩИНЕ

ЛУРЬЕ Артур (1891—1966)

Композитор, пианист, музыкальный критик, один из крупнейших деятелей музыкального футуризма и русского музыкального авангарда XX в. родился в Пропойске (г. Славгород) Быховского уезда Могилевской губернии в семье инженера **Израиля Хацкелевича Лурья** и его жены **Анны Яковлевны** (в девичестве **Левитиной**). Настоящее имя музыканта — **Наум Израилевич Лурья**. В честь Шопенгауэра и Ван Гога он сменил имя и фамилию на **Артура Винцента Лурье** и перешел из иудаизма в католицизм. Известен также под именем **Артур Сергеевич Лурье**.

С 1909 г. будущий музыкант жил в Одессе и учился в коммерческом училище. В 1909—1916 гг. учился в Петербургской консерватории, тогда же сблизился с поэтами и живописцами футуристического направления, стал завсегдатаем художественно-артистического кабаре

«Бродячая собака», где познакомился с А. Ахматовой. К А. Лурье обращены некоторые стихотворения поэтессы.

С 1918 по 1921 г. он являлся начальником музотдела Наркомпроса (МУЗО), отвечая за музыкальное строительство молодого советского государства. В 1922 г. эмигрировал за границу: жил сначала в Германии, потом во Франции, а с весны 1941 г. до конца жизни — в США (Нью-Йорк, в 1960-х гг. — Принстон).

Музыка А. Лурье испытала воздействие самых разных художественных стилей. По словам одного из критиков, он, «по существу, экспериментировал всю свою музыкальную жизнь, и при этом всегда шел против течения». Среди сочинений композитора — вокальные произведения на стихи А. Ахматовой и А. Блока, опера-балет «Пир во время чумы».

Музыкально-критические исследования Лурье представлены разными жанрами: это и собственные авангардистам манифесты, и воспоминания, и эссе, и серьезные музыковедческие статьи. Главным образом Лурье увлекали современные явления музыкального творчества, теоретические вопросы искусства XX в., проблемы исполнительства, одним из первых он ввел в употребление термин «неоклассика».

Забывтое в советские годы творчество Артура Лурье в настоящее время вызывает большой интерес у музыкантов и слушателей.

О. Морозова

КОГАН Григорий Михайлович (1901—1979)

Советский пианист, музыковед и музыкальный педагог, доктор искусствоведения (1940). Человек экстраординарной учености, он говорил на многих языках, также был историком искусства, писателем и лектором, непосредственно повлиявшим на целое поколение советских музыкантов, в том числе Гилельса, Рихтера, Нейгауза и др., через свои лекции, книги, обзоры, статьи и концерты.

Григорий Михайлович Коган родился в семье, принадлежавшей к кругу социал-демократов, последователей Г.В. Плеханова. С Могилевом маленького Григория связывало лишь несколько лет жизни. После 1907 г. семья эмигрировала в Бельгию, где началось музыкальное образование Г.М. Когана. Когда Григорию было 10 лет, семья возвратилась в Россию. В течение 15 лет, до 1926 г., он жил в Киеве. В 1914 г. поступил в Киевскую консерваторию и после окончания ее в возрасте 19 лет защитил докторскую диссертацию. В 1920 г. начал преподавать здесь же и выступать с концертами.

С 1926 по 1943 г. работал в Московской консерватории, где впервые в мире читал разработанный им курс истории и теории пианизма (с 1936 г. заведовал кафедрой этой дисциплины). Его методика стала олицетворением русско-советской школы пианизма. В 1932 г. возглавил комиссию по подготовке Первого Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей, однако в дальнейшем вышел из ее состава из-за разногласий с Сектором искусств Наркомпроса РСФСР. В 1940 г., после восстановления системы научных званий и степеней, одним из первых получил степень доктора искусствоведения по совокупности заслуг, без защиты диссертации.

В 1941 г. эвакуировался вместе с основным составом Московской консерватории в Саратов. В 1943 г. уволился из Московской консерватории в знак протеста против того, что в Москве начали набирать новый штат консерватории, тогда как значительную часть прежнего профессорско-преподавательского состава предполагалось оставить в Саратове. Среди учеников Когана периода его штатной работы в Московской консерватории — А.Д. Алексеев, С.Т. Рихтер и другие известные музыканты.

В 1948 г. Г.М. Коган принял активное участие в организации Союза советских композиторов. Возглавил в нем Комиссию по музыкальному образованию, которая разработала рекомендации по развитию широкой сети музыкальных школ в стране.

После печально известной резолюции Компартии 1948 г., осуждающей художников за формализм в искусстве, подвергался преследованиям. Уже его ссылки на зарубежные издания, авторов, книги и статьи о зарубежных мастерах были достаточным основанием для обвинений и увольнения. Вынужден был покинуть Москву и жить в Казани, фактически в ссылке. Был принят в штат Казанской консерватории и быстро стал центральной фигурой в музыкальной и духовной жизни города.

Как пианист выступал с концертами в СССР и в Болгарии (в капиталистические страны власти его не выпускали), имея широкий репертуар и пропагандируя музыку малоизвестных композиторов, а также современные советские сочинения.

Сфера научных интересов Когана-музыковеда охватывала проблемы психологии исполнительства и работы пианиста, связи техники и стиля. Также ему принадлежат исследования о пианистах и клавесинистах, критические статьи и ряд книг. Григорий Михайлович был активным пропагандистом творчества С.В. Рахманинова, в рукописи осталась его неизданная книга об этом музыканте. Неизданными остаются также книга мемуаров «Роман моей жизни» и книга афоризмов «Жизнь в мыслях», а также около 60 часов магнитофонных записей: сольная фортепианная

игра, курсы лекций и отдельные выступления, интервью, показательные уроки.

До конца дней Григорий Михайлович Коган оставался убежденным марксистом, понимая это учение именно в плехановской трактовке. В 1970 г. в большой статье «О теории ленинизма и практике строительства социализма в Советском Союзе», распространявшейся в самиздате анонимно или под псевдонимами, провел последовательный марксистский анализ положения в СССР и предсказал неминуемый скорый крах советской власти и реставрацию капитализма.

О. Морозова

КОЛМАНОВСКИЙ

Эдуард Савельевич (1923—1994)

Эдуард Савельевич Колмановский родился 9 января 1923 г. в Могилеве.

В 1936—1941 гг. учился в музыкальной школе и Музыкальном училище им. Гнесиных в Москве у **О.Ф. Гнесиной** и **С. Деметьевой** (фортепиано), **Е.О. Месснера** и **Ф.Е. Витачека** (композиция).

С 1941 г. Колмановский учился сначала в Свердловской консерватории, а затем обучение продолжилось в Московской консерватории, и в 1945 г. он окончил ее по классу композиции у **В.Я. Шебалина**. В студенческие годы Колмановский написал несколько романсов на стихи А.С. Пушкина, Р. Бернса, которые исполнялись З. Долухановой и А. Доливо.

С 1945 по 1955 г. молодой композитор работал в музыкальной редакции Радиокomiteта СССР, сочинял камерные и симфонические произведения, пьесы для эстрадного оркестра, романсы на стихи А.С. Пушкина. В это время родились и первые песни Колмановского: 1951 г. — «Песня матери» (на стихи М. Матусовского), «Зачем, почему?..», «Мы увидимся с тобой» (В. Бахнов и Я. Костюковский), «Марианна» (Т. Сикорская), «В вечерней тишине» (В. Типота)...

Первый большой успех пришел к Э. Колмановскому в 1955 г. благодаря музыке к спектаклю МХАТа «Двенадцатая ночь» по пьесе В. Шекспира. Жизнь песен из этой постановки на стихи П. Антокольского вышла за пределы театра. Особую любовь слушателей завоевала «Песня Шута», зазвучавшая на концертных площадках и в радиозфире в исполнении В. Трошина, подарившая и ему широкое признание в качестве эстрадного певца. Так, через год им были исполнены сразу ставшие популярными песни Колмановского «Перекресток» (слова В. Орлова) и «Товарищ мой» (слова Е. Долматовского).

В 1958 г. были написаны песни, получившие всенародную известность: «Тишина» (на стихи В. Орлова) и «Я люблю тебя, жизнь» (на стихи К. Ваншенкина). Проявилось удивительное умение Колмановского поведать о самом возвышенном с видимой простотой, без вычурности и излишней патетики, как бы размышляя вслух. Четкий ритм песен гармонично сочетался с мягким мелодическим рисунком, полным сердечной теплоты.

Много и плодотворно Э. Колмановский работал для ведущих театров страны — МХАТа, Театра

«Эдуард Колмановский не был русским — он был евреем. Но композитором он был истинно русским, как до него — Дунаевский, Блантер, Фрадкин, Френкель. Все вместе взятые антисемиты не сделали такого вклада в русскую музыкальную культуру, как эти великие песенники.

...Были люди, которые не только верили в социализм с человеческим лицом, но сами этим человеческим лицом и были. Эти люди во многом обманулись, но сами обманщиками не были.

Именно к этим людям и принадлежал Эдуард Колмановский, и его песни... [...] Когда Вавилонская башня СССР рухнула, многие песни Колмановского выжили.

Почему? Да потому что лучшие из них переросли временные и психологические границы только советской эпохи. Будучи неотделимы от нее исторически, они, тем не менее, художественно слились с национальной песенной песенностью, не рассекаемой на периоды. [...] Он фольклор не имитировал — он его создавал. Песня не писалась с расчетом на «народность» — она стала народной.

Колмановский был прирожденным золотоискателем мелодий... Но Колмановский был и золотоискателем стихов. Он терпеть не мог ни официальной риторики, ни пошлости, заискивающей перед плохим вкусом. [...]

Он обладал даром восхищения перед искусством, людьми, природой — этот дар есть первый признак истинного таланта. Он был настолько переполнен прекрасными мелодиями, что в его душе не оставалось места для зубовного скрежета зависти. Но он, русский композитор, родившийся евреем, глубочайше страдал, видя животный антисемитизм. Это оскорбляло его любовь к Родине, но не смогло ее убить или уменьшить. Он не уехал.

Он никогда не участвовал ни в каких политических акциях, но равнодушен к политике не был. Есть вид и такой гражданственности — неучастие в грязи. Без этой врожденной чистоплотности нет интеллигенции. Музыка Колмановского чистоплотна.

Она несет в себе веру в то, что у жизни есть смысл, а в такой вере мы все нуждаемся (Евгений Евтушенко «Мелодия жизни»).

им. Вахтангова, «Современника», Театра сатиры.

В 1961 г. была написана еще одна из главных песен Колмановского — «Хотят ли русские войны» (на стихи Е. Евтушенко) — песня-манифест, призыв к миру, но без ораторского пафоса. Искренность, проникновенность стихов подчеркивается строгой, приближенной к естественной речи мелодией, суровым ритмом. Вслед за первым исполнителем и автором идеи этой песни — Марком Бернесом — песню записали многие. Она зазвучала на английском, французском, немецком, испанском языках в исполнении солистов и хоров. В 1962 г. победитель Международного конкурса им. П.И. Чайковского Джон Огдон импровизацией на тему этой песни завершил свой сольный концерт.

В том же 1961 г. родилась песня «В нашем городе дождь» (на стихи Е. Евтушенко), ставшая одной из вершин советской песенной лирики. Как и «Тишина», эта песня подвергалась критике со стороны официальных структур, видимо, озабоченных тем, что столь высокое мастерство досталось вовсе не любимым властями произведениям гражданской тематики, но на любовь к песням Колмановского в народе эта критика влияния не имела.

И в дальнейшем песенном творчестве композитора присутствовала естественность выразительных средств, характерная для лучших народных мелодий, совершенствовавшихся веками. Тради-

Эдуард Колмановский во время одного из двух выступлений в Могилеве.

Фото из архива Могилевского музыкального училища

ции народной музыки органично дополнялись чертами камерно-романсового стиля, что позволяло создавать как бы простые и в то же время неповторимые произведения. Важнейшим фактором всенародной любви к песням Колмановского было и то, что все они написаны на прекрасные стихи Е. Евтушенко, К. Ваншенкина, Л. Ошанина, В. Орлова, Л. Дербенева, М. Танича, И. Шаферана, И. Гофф, Р. Гамзатова, Н. Доризо, Е. Долматовского, Г. Поженяна, К. Кулиева и др.

Исполнение песен Колмановского стало честью для мастеров эстрады и вокала, именно с его произведениями связаны самые крупные удачи М. Бернеса, В. Трошина, К. Шульженко, Г. Отса, А. Эйзена, Г. Великановой, М. Кристаллинской, И. Кобзона, Л. Зыкиной, Э. Хилья, М. Пахоменко, Л. Лещенко, В. Толкуновой, Л. Серебренникова и многих других.

50—60-е гг. жизни страны были наполнены песнями гражданского звучания, и создавали их выдающиеся композиторы. Но именно Колмановский сумел придать таким песням очень личностные, человеческие эмоциональные краски, что сделало эти песни популярными не только в торжественной обстановке праздничных залов, но и в застольном исполнении простых людей. Такими стали «Я вернусь к тебе, Россия» (1963), «Мы

Сергей Колмановский во время встречи-концерта памяти своего отца **Эдуарда Колмановского**, прошедшей в Могилевском музыкальном колледже в ноябре 2010 г.

вас подождет» (1963), «Алеша» (1966), «Все еще впереди» (1966) и другие.

Особая выразительность и чистота стиля присущи лирическим песням Колмановского: «Бирюсинка» (1963), «Вальс о вальсе» (1963), «Я работаю волшебником» (1964), «Журавленок» (1964), «Я улыбаюсь тебе» (1965). Последняя, как и многие другие, посвящалась прекраснейшему человеку и верному спутнику жизни композитора — супруге Тамаре. В 1968 г. Эдуард Савельевича постигла невосполнимая утрата — гибель Тамары в автомобильной аварии.

Последующее творчество композитора направлено в сторону философского осмысления жизни — «Наши мамы», «Моя тайна» и «Мужчины» (1973), «Поговорим с тобою, сын» (1974), «Лишь одна» (1975), «Ребят позабыть не могу» (1975), «Чета белеющих берез» и «Где ты раньше был?» (1976), «Картофельное поле» (1977), «Диалог у Новогодней елки» (1978), «Женщине, которую люблю», цикл песен на стихи П.-Ж. Беранже (1981), в которых можно найти выражение всех чувств и переживаний человека.

Помимо сочинения более чем 200 песен, Колмановский — автор инструментальных пьес, оркестровых произведений, музыкальных комедий («Женский монастырь», «Ох уж этот Вронский», «Про Ивана-невеликана»), оперы для детей «Белоснежка», музыки к драматическим спектаклям, кинофильмам («Весна на Одере», «Вас вызывает Таймыр», «По семейным обстоятельствам», «Три дня в Москве», «Большая перемена»), мультфильмам («Гадкий утенок», «Али-Баба и сорок разбойников», «В одной столовой», «Почему ушел котенок...»), радиопостановкам.

Заслуги Э.С. Колмановского отмечены званиями «Заслуженный деятель искусств РСФСР» (1974), «Народный артист СССР» (1991) и Государственной премией СССР (1984).

Скончался Эдуард Савельевич 27 июля 1994 г. В 2003 г. на «Площади звезд» в Москве ему установлен памятный знак (по материалам сайта **Э. Колмановского**).

Эдуард Колмановский родился в Могилеве. Он прожил в нашем городе лишь несколько месяцев младенчества. Но Могилев он всегда ощущал не абстрактной точкой на географической карте, а своей родиной. И притом — родиной не только для него самого, но и для многих близких ему людей и семей. А среди них были как простые люди, так и видные личности, сыгравшие как

По крайней мере, две семьи бывших могилевчан утверждают, что они жили в квартире, где родился **Эдуард Колмановский**. Дома они указывают разные, но стоящие рядом, так что с большой долей уверенности можно утверждать, что будущий композитор родился в одном из домов (№ 19 или № 21) по нынешней ул. Первомайской.

положительные, так и отрицательные роли в культурной и политической жизни страны в прошлом веке. Некоторые из них достигли успеха, некоторые стали орудиями и жертвами сталинских репрессий.

*Историческая память об этих уроженцах Могилева сохранилась в значительной степени из-за их прямых или косвенных связей с именем и жизнью Эдуарда Колмановского. В этом смысле Могилеву повезло. Эта тема нашла свое выражение в помещенном ниже очерке друга композитора **Юрия Вениаминовича Геронимуса**, специально подготовленном для нашего издания.*

Эдуард Колмановский — могилевские корни

«Я собираюсь рассказать об известных мне уроженцах Могилева. Прежде всего, о композиторе Эдуарде Колмановском. С ним я был связан тесной дружбой, а потом и родством. Я был близок или знаком со многими членами его обширного семейного и дружеского клана. В многолетнем общении с ними я постепенно узнавал и о других людях, корни которых — из еврейской общины Могилева. Среди них были лица и видные, и скромные, и приносившие счастье, и творившие горе. В их судьбах была весьма точно отражена эпоха.

Вышло так, что с младенческих лет и до смерти Э. Колмановского мы жили рядом в буквальном и в переносном смысле. Это дало мне возможность оценить масштаб его личности по ее проявлениям во многих жизненных сферах и ситуациях: в радости, в горе, на вершине успеха, под окрики недоброжелательной партийной прессы.

Марк Борухович и Этта Боруховна Колмановские. Могилев, 1890 г.
Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

Э. Колмановский получил классическое музыкальное образование. Он был высококультурным человеком и профессионально ответственным автором. У него был взыскательный вкус и высокие требования к собственному творчеству. Этими качествами он в немалой степени обязан ближайшим родным, окружавшим его теплом, любовью, пониманием и духовной атмосферой.

Детство, юность и первые несколько лет профессиональной жизни Э. Колмановского пришлось на свирепые сталинские времена. Затем он работал многие годы в среде тоталитарной политической системы, имевшей то хрущевский, то брежневский, то андроповский, то черненкоцкий оттенки. Как каждый гражданин, Колмановский ощущал политические и административные шевеления органов Системы. В первую очередь — непосредственно на себе и на своих близких.

Колмановский оставался беспартийным. Он не входил в прямую конфронтацию с властью, но не стал и конформистом, ловившим заказы хозяев на лету и жаждавшим их выполнять. Он никогда ни прямо, ни косвенно не выказывал любви и преданности к правящей партии. Он ни разу не поставил своей подписи под письмом, клеймящим по подсказке власти неугодного ей ученого, общественного деятеля, музыканта или писателя.

Колмановский сумел установить твердые нравственные границы своего творчества. С одной стороны, эти границы обеспечивали его независи-

мость от властей; с другой — уважались самими властями, ибо эти власти, несмотря на свое скудоумие, понимали, что творчество Колмановского, как и творчество некоторых других, близких к нему по духу и по квалификации деятелей искусства и культуры, хотя и ослабляло влияние на души людей прямолинейной и глуповатой официальной идеологии, в конечном счете шло властям на пользу: оно демонстрировало миру, что в этом одиозном обществе есть и человеческие черты. В результате отношение властей к Колмановскому было несравненно лояльнее отношения его самого к этим властям.

Тот факт, что после падения тоталитарного режима Колмановскому не пришлось ничего в своей творческой позиции менять, свидетельствует о доброкачественности этой позиции.

На пороге Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г. о доверии президенту Ельцину Э. Колмановский, выступая на собрании в Союзе композиторов, призывал голосовать за Ельцина. Свою позицию он обосновывал так: «Водка может быть только хорошей или очень хорошей. Власть может либо плохой, либо очень плохой. Теперешняя власть — плохая. Давайте за нее проголосуем, чтоб к нам не пришла очень плохая».

И вот результат отстраненности композитора от власти: лейтмотив его профессиональной и общественной деятельности, звучавший более тридцати лет, сделал его одной из особо привлекательных фигур в культуре России, Белоруссии, Украины и многих других стран.

Всем известны лирические песни Колмановского. Есть среди них — для молодых, вроде «Бирюсинки», есть для людей постарше, вроде «Где ты раньше был?» Есть о людях старшего возраста, вроде «Колыбельной» на слова Р. Гамзатова. Через некоторое время после приезда в Израиль мы с женой ехали в такси и вдруг услышали, что водитель мурлычет знакомую нам песню «За окошком свету мало». Он пел со словами. Но это был не русский, а иврит. Мы спросили у водителя, что за песню он поет. Он отвечал, что это израильская народная песня о любви к матери...

По необходимости, в моем рассказе будет мелькать и моя собственная персона, и за эти появления, быть может, читателю ненужные, я приношу извинения. И еще. Эдуард Колмановский был моим близким другом с младенчества. Поэтому мне сподручнее перейти к употреблению привычного для меня короткого «Эдя».

***

Эдины родители были уроженцами Могилева и познакомились друг с другом еще там в гимназические годы. Но поженились они значительно позже, когда каждый из них своим путем Могилев покинул. Не знаю в деталях, как дело было, но будущий отец Эди, **Савелий Колмановский**, переехал в начале 20-х гг. в Москву и стал студентом,

а его будущая мать, **Раиса Павловская**, уехала получать высшее образование в Петроград.

Отец Савелия, **Марк Борухович Колмановский**, был известным человеком в Могилеве. Он руководил, а, может, и владел строительной конторой. Он построил в Могилеве много домов и общественных зданий. В их числе была психиатрическая больница, и это обстоятельство очень веселило горожан, ибо многие представители разных ветвей семьи Колмановских отличались кое-какими странностями.

Мать Савелия звалась **Эттой**. Каким образом Марк познакомился с Эттой, установить не удалось. Известно только, что она была из немецких евреев и приходилась внучатой племянницей известному немецкому композитору Мендельсону и в девичестве носила именно эту фамилию. Таким образом, музыкальные гены у этого композитора и у Эди имели общий источник.

У Марка и Этты было еще двое сыновей — **Александр** и **Давид**, и две дочери — **Маня** и **Соня**. Разница в возрастах этих пятерых детей была минимальной. Семья Марка не была богатой, но и не слишком бедной. Они жили в просторной квартире, у них была кухарка, их дети получили гимназическое образование.

***

У Марка в Могилеве жила многочисленная родня. Его брат **Савелий** был отцом двадцати детей. Савелий был, скорее всего, много старше Марка. Один из его сыновей придерживался социалистического учения Сен-Симона. Он уехал в Южную Америку с целью основать в одном из индейских племен коммуны. Отец его проклял. Когда из Южной Америки пришло известие о гибели этого сына, отец на секунду прекратил помешивать сахар в стакане с чаем, сказал: «Царствие ему небесное» и продолжил чаепитие.

Другой сын Савелия — **Александр** стал артистом цирка. Он выступал как чемпион по греко-римской борьбе. После революции он переехал в Москву и вошел в труппу Госцирка на Цветном бульваре.

Еще об одном сыне Савелия по имени **Лейб** я знаю только, что он был отцом **Моисея Колмановского**, очень известного строителя электростанций в Западной и Восточной Сибири. Его последним детищем стала Белоярская АЭС. Сперва для конспирации она официально звалась ГРЭС — гидроэлектростанцией. Постепенно вокруг строительства на месте густых лесов возник большой город Заречное. После смерти Моисея ему было присвоено звание почетного гражданина этого города.

Жена Моисея **Лидия** и дочери **Лидия**, **Ирина** и **Мила** провели эвакуацию в Свердловске. Там же с родителями жил и Эдя Колмановский, ставший студентом Свердловской консерватории. Он обратил внимание на музыкальные способности Милы, взял напрокат в консерватории пианино

Александр Маркович Колмановский.
Могилев, 1914 г.

Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

и организовал ее обучение музыке. Мила стала педагогом по классу рояля. Теперь она живет в Израиле и поддерживает родственные связи с нашей семьей.

***

...Один из Колмановских, находившийся с Колмановскими, упомянутыми выше, в двоюродном или троюродном родстве, звался тоже **Моисеем**. Он еще до революции стал земским врачом в Саратове. Его сын **Соломон** «унаследовал» профессию отца. Он уехал в 20-х гг. в Челябинск и там стал известным хирургом, профессором мединститута. Во время войны студенткой этого института и ученицей Соломона Колмановского стала **Анна Абрамовна Вайнштейн**. Впоследствии она была одним из ведущих детских хирургов Москвы и работала в Морозовской детской клинической больнице. Вышло так, что в 1967 г. на операционный стол к Анне Абрамовне легла наша восьмилетняя дочь Катя. Анна Абрамовна спасла ей жизнь. Ее внимание привлекла фамилия девочки, и она спросила у моей жены, не находимся ли мы в родстве с ее учителем. Вот такие бывают цепочки...

***

Дети Марка, их сверстники и родственники с ранней весны до поздней осени пропадали на берегу Днепра. Они обожали и прекрасно умели плавать. Про детей Лейба Колмановского горожане шутили, что на спинах у них явственно видны жабры.

Давид Маркович Колмановский.

Москва, конец 1920-х гг.

Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

Другим любимым занятием этой буйной детской компании были ходули. Они ими ловко пользовались, то и дело удивляя или пугая сограждан...

***

После революции братья и сестры Колмановские переехали в Москву. Можно сказать, что они, как и многие другие их родственники и друзья, попали в некое общее течение: в конце гражданской войны и в первые послевоенные годы в Москву, Петроград и другие крупные города Центральной России устремился поток евреев, которым до революции въезд в этот регион был заказан. На этой волне в Москве появились (опять-таки, каждый своим путем) мой отец и моя мать.

В ту пору в Москве было много свободных комнат в квартирах, сделавшихся вдруг коммунальными. Пообивав пороги разных совучреждений, можно было получить вожделенный ордер. Большая семья могла получить даже не одну комнату, а больше.

Так большая семья Колмановских получила четыре комнаты из шести в бывшей барской квартире № 20 на пятом этаже дома № 35 на Арбате. В этой семье было: три брата — **Давид**, **Александр** и **Савелий**, их сестра **Маня** и их отец **Марк**. Эгта скончалась еще в 1919 г. в Могилеве — до переезда семьи в Москву.

Давид Колмановский был большевиком с дореволюционным стажем подпольщика и зани-

мал после установления советской власти видные посты. Может, именно поэтому Колмановские из Могилева получили в свое распоряжение сравнительно большую жилплощадь в Москве.

В момент, когда Могилев был под властью белых, Давида искали. По ошибке арестовали Александра и приговорили его к смерти. Несколько дней он просидел в камере смертников, и его спас только переход власти от белых к красным.

В Москву переехали многие из большевистских друзей Давида. Упомяну двоих: **Льва Марьясина** и **Якова Агреста** (он был членом одного из первых составов могилевского уездного комитета партии, занимался коммунальным хозяйством) (см.: «История могилевского еврейства. Документы и люди». Кн. 2, ч. 2. — *А.Л.*). Марьясин занимал крупные посты. Одно время он был председателем Госбанка СССР. Яков Агрест приехал в Москву, оставив жену с сыном в Могилеве. В Москве Агрест поступил на вечерний рабфак. Для того чтобы заработать на жизнь и получить жилплощадь, он устроился на работу председателем, но в отличие от Марьясина — всего лишь председателем домкома, и как раз в доме № 35 по Арбату. Возможно, именно Агрест помог получить семье Давида их коммунальные апартаменты... Впрочем, точной информации о том, кто кого перетянул в Москву, не осталось. Тут будет нелишним заметить, что бухгалтера в домоуправление Агрест привез из Могилева. Этого бухгалтера звали **Соломон Колмановский**. Но это был не тот Соломон, который стал впоследствии хирургом-профессором в Челябинске. Бухгалтер Соломон был родным братом **Моисея Колмановского** — строителя гидроэлектростанций.

Александр и Савелий были беспартийными, но, подобно многим молодым еврейским интеллигентам той поры, революции и советской власти сочувствовали — хотя бы потому, что новая власть уравнивала их в гражданских правах с остальным населением страны. Они смогли, например, переехать в столицу и поступить в высшие учебные заведения. Савелий учился в горном институте, Александр — в электротехническом.

Но как ни старались дети Марка внушить отцу уважение к новой власти, как ни уличали (вслед за Марксом) капитализм в присвоении прибавочной стоимости, старик упрямо повторял на родном идиш, в котором сосуществуют немного переиначенные немецкие и древнееврейские слова: «Гановим унд газлоним!», что означает «Воры и разбойники!» Братья и их друзья посмеивались над упрямым консерватизмом отца, не желавшем разгладить в бурных революционных событиях высшую историческую истину. Они не подозревали, что их отец был к исторической истине гораздо ближе, чем они.

Точнее, Марк выкрикивал более длинную фразу: «Гановим унд газлоним! Что им сделал старик **Разинкин**?!» Разинкин был видным обще-

ственным деятелем, очень уважаемым еврейской общиной Могилева. Вслед за своими детьми он тоже переехал в Москву. Но вскоре его арестовала ВЧК. Сыновья Разинкина тут же кинулись к братьям Колмановским искать пути спасения отца. Александр бросился к Марьясину, занимавшему высокое положение во власти. Марьясин, разумеется, Разинкина знал по Могилеву. Уже наступала ночь, но Марьясин тут же позвонил своему другу Дзержинскому, сказал ему об аресте Разинкина и добавил, что он за благонадежность арестованного ручается. Этого было достаточно, и Дзержинский пообещал, что Разинкина наутро выпустят. Однако Марьясин нравы своих дружков знал и боялся, что этой же ночью еще до обещанного вмешательства Дзержинского Разинкина могут успеть расстрелять. Не мешкая, Марьясин поехал к «Железному Феликсу» домой и выцарапал из его чистых рук бумагу на освобождение несчастного земляка. С этой бумагой Марьясин на своей персональной машине въехал во двор ВЧК на Лубянке (видимо, его удостоверение это позволяло). Он посадил в машину выданного ему под бумагу Дзержинского Разинкина и привез его домой.

...Через много лет, осенью 1956 г., одному из сыновей Разинкина довелось странным образом отблагодарить Александра Колмановского, участвовавшего в спасении его отца. В ту осень Александр Маркович безвременно скончался, и возникли сложности с местом для могилы на Немецком кладбище. Сын старого Разинкина был гранильщиком, имел отношение к могильным плитам и другим кладбищенским делам. С его помощью место на кладбище для скончавшегося Александра было найдено... (рассказ о семье Разинкиных см. ниже — *А.Л.*)

Еще в Могилеве Александр Колмановский познакомился с девочкой **Фридой Мандельштам**. Знакомство это продолжилось в Москве, куда Фрида переехала вскоре после установления советской власти. Она вышла замуж за Льва Марьясина. Он был ее первым мужем. Фрида Максимовна прожила с ним совсем мало. В начале 20-х гг. они развелись.

В 60-х гг. Фрида Максимовна рассказывала нам с женой (а дружбу с ней мы получили в наследство от Александра Марковича) кое-что о своих встречах в молодости. По протекции своего мужа Марьясина Фрида работала в высших партийных учреждениях. Правда, лишь на скромных канцелярских должностях.

Одно время она служила в Московском городском комитете партии, к которому была приписана партийная верхушка. В ее обязанности входило получать партвзносы. Получала она их и от Ленина. Для этого он к Фриде приезжал. Ленин уплачивал взносы аккуратно и был с Фридой, по ее словам, очень любезен.

Потом Фриду перевели в аппарат Генерального секретаря ЦК партии. Она начала эту работу

при предшественнике Сталина на этом посту. Этот пост тогда не считался слишком важным, и его занимал кто-то из будущих оппозиционеров. В имеющихся у меня энциклопедиях фамилии этого ничем не отметившего себя Генсека я не нашел.

Сотрудники аппарата обычно входили в кабинет Генсека с подготовленными документами и лично ему их передавали. В какой-то момент ЦК избрал нового Генсека — Сталина.

Барышням из аппарата не терпелось узнать, каковы манеры нового начальника. Утром первого дня его появления они подобрали пачку бумаг на подпись Генсека, и одна из барышень двинулась в качестве разведчицы в кабинет. Другие столпились у дверей. Первая неожиданность состояла в том, что дверь была заперта изнутри. Разведчица растерянно постучалась. Через мгновение дверь приоткрылась. За ней стоял мужчина, но это был не Сталин, которого им приходилось видеть и раньше. Разобравшись, в чем дело, он взял бумаги, ушел, заперев за собой дверь, а через некоторое время вернул бумаги с резолюциями Сталина...

***

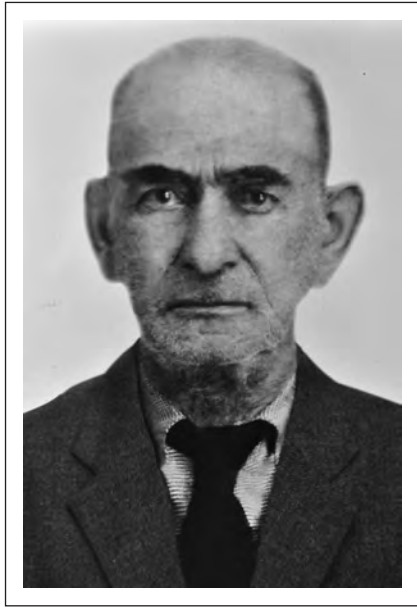
В конце 1921 г. Савелий поехал на некоторое время в Петроград. Там он, естественно, встретился с молодыми людьми и девушками из Могилева, которые в отличие от него и его братьев поехали делать карьеру не в Москву, а в Петроград. Среди этой молодежи была и **Раиса Павловская**, знакомая ему по Могилеву. Возможно, она и была причиной этой поездки. Между Савелием и Раисой возник роман, который закончился браком и переездом Раисы в Москву, в квартиру № 20 дома № 35 на Арбате.

Надо сказать, что все упомянутые здесь мной послереволюционные браки были гражданскими. Тогда (и еще многие годы!) молодые под хупой больше не стояли. Они ограничивались визитом в ЗФГС, а порой — обходились и без него.

Все население квартиры приняло Раю радушно. Особенно был рад появлению невестки старый Марк. Он надеялся, что она возьмет в свои руки управление хозяйством, которое носило весьма богемный характер — в частности, из-за того, что у Колмановских постоянно останавливались, и порой надолго, многие земляки, приезжавшие в столицу по делам или просто для того, чтобы нюхнуть столичной жизни.

Нравилось Марку, что Рая — из хорошей могилевской семьи. Эта семья была довольно зажиточной, в отличие от семьи Колмановских, которая была тоже всеми уважаемой, но небогатой.

Отец Раи, **Наум Павловский-Павловицкий**, был врачом от бога, хотя и со скромным образованием фельдшера. У него сформировалась в Могилеве обширная клиентура, которая предпочитала его дипломированным врачам. Пациенты и их семьи всегда называли фельдшера Павловского-Павловицкого «доктором Павловицким» и неплохо оплачивали его медицинские услуги.

Могилевский фельдшер
Наум Павловицкий,
дед **Эдуарда Колмановского**.
*Фото из семейного архива
Колмановского А.Э.*

Сам же доктор в какой-то момент отбросил именно вторую часть своей фамилии: он и его дети стали Павловскими.

***

Память о докторе Павловицком сохранялась в городе долгое время после его переезда в 30-е гг. в Москву, на Арбат, в квартиру № 20. Во всяком случае, когда в 60-е гг. Эдя ездил на гастроли в Могилев, взяв с собой пожилую Раису Наумовну, память о докторе Павловицком была еще жива.

***

...Вслед за Давидом Колмановским в Москву из Могилева приехал человек по имени **Хаим**. Фамилии его я так и не узнал. Все называли его «портной Хаим» — и все. Он был ровесником, соседом и товарищем детских игр Давида. Некоторое время Хаим прожил (вместе со своим отцом) в неотапливаемой кладовке при кухне квартиры № 20. Он шил на заказ и прилично зарабатывал. Жильцы квартиры относились к Хаиму незлобиво и пели про него куплеты:

Тихий ужас здесь в квартире:
Хаим пьет уже в сортире.
Тут же рядом два жильца.
Ламца-дрица-а-цаца!

Отец тихого Хаима являлся редким экземпляром еврея: он был пьяницей и время от времени устраивал дебоши.

Потом Хаим получил комнатку при кухне в квартире № 35, в которую я ходил к нему и в которой он шил моему папе парадный костюм. В ответ на вопрос, сколько ему лет, Хаим неизменно отвечал: «Сколько Давидке». Давида Хаим бесконечно уважал.

Хаим был холост и, видимо, одинок. Его отца на моей памяти уже не было. Раиса Наумовна, смеясь, рассказывала своим, как она встретила Хаима на улице и спросила, как он, одинокий мужчина, питается. «Да так, — отвечал Хаим, — ем что-нибудь молочное». А на вопрос Раисы Наумовны, что именно он ест, разъяснял: «Ну, как что? Хлеб, чай». Всю войну Хаим, которому было в то время сорок с небольшим, провел на фронте, брал Берлин и затем вернулся в свою комнатку при кухне...

***

...Рожать Рая уехала в родной Могилев — под крыло отца и знакомых ему акушерок. Именно там 9 января 1923 г. у нее родился сын. Его назвали Эдуардом — в память скончавшейся незадолго до его рождения бабушки Этты. Вскоре молодые родители с младенцем вернулись в Москву, а еще через два года отец Эди Савелий умер от скарлатины. Он умер через несколько дней после двухлетия сына, которое праздновалось шумно. Взяв на руки Эдю, Савелий стал демонстрировать

Дом на Днепровском проспекте в Могилеве, известный до революции 1917 г. как Дом дворянского собрания, принадлежал после 1910 г. **Науму Павловицкому**. Сейчас здесь располагается городской центр культуры.

Фото начала XX в.

гостям, как этот мальчик точно повторяет вслед за отцом несколько музыкальных фраз из «Интернационала». Довольный эффектом, Савелий сказал: «Увидите — мальчик будет музыкантом». Другие — увидели. Он — нет...

Эдя лишился отца. Давид и Александр сделали все для того, чтобы ребенок себя не чувствовал сиротой. Рая осталась жить в семье Колмановских в квартире № 20. Братья взяли на себя заботы о золовке и племяннике.

***

...Пройдет несколько лет, и в начале 30-х гг. в семейном раскладе Колмановских произойдет изменение: Александр Маркович и Раиса Наумовна поженятся...

Примерно в то же время, что и Савелий, женился Давид. Его женой стала **Валентина Вагрина** (Вава), молодая актриса театра им. Е.Б. Вахтангова. Она начинала работать в этом театре в числе первых его актеров, когда он был еще студией, и была любимицей самого Евгения Багратионовича.

...В 20-х и 30-х гг. она играла главные роли молодых героинь в знаменитых постановках театра, таких как «Принцесса Турандот», «Человеческая комедия», «На крови», «Гамлет», «Коварство и Любовь», «Много шума из ничего»...

Рая Павловская, Могилев, 1903 г.
Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

**Раиса Наумовна (Неуховна)
Колмановская (Павловская).**
Москва, конец 1930-х гг.

Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

***

У Раи было три старших брата: **Яков** (дядя Яша), **Ефим** и **Михаил**.

Яков Наумович Павловский был врачом и, кажется, еще успел принять участие в первой мировой войне. Он женился на **Славе** из могилевской семьи **Ханиных**. В 1922 г. в Могилеве у Яши и Славы родился сын **Давид** — Дани. Примерно через год после рождения Дани его родители переехали в Нижний Новгород, а потом — в Лосинку под Москвой. Они обосновались в довольно жалкой квартирке в дряхлом деревянном доме. Там эта семья жила вплоть до 60-х гг.

Двое других братьев Раисы — **Ефим** и **Михаил** — к началу 20-х гг. оказались за границей. О них — позже.

***

Я родился летом 1923 г., через полгода после рождения Эди, и стал обитателем квартиры № 24. Из высказываний старших принято считать, что в первый раз мы с Эдей заинтересовались друг другом в двухлетнем возрасте, поднимаясь с мамами в лифте. Раиса Наумовна с Эдей вышли на пятом этаже, а мы с мамой поднялись до нашего седьмого.

К тому моменту, с которого моя память начала сохранять детали жизни Эди и его окружения, деда Марка в живых уже не было, а Маня вышла замуж и из квартиры № 20 выехала. Первую большую комнату занимали Давид и Вава, во второй жила большая семья Залманзонов, состоящая с

Колмановскими в каком-то родстве. В третьей и четвертой комнатах (между ними была дверь, которой то пользовались, то нет) жили Раиса Наумовна и Эдя. В пятой комнате жил Александр, а в комнате при кухне жила соседка, никакой связи с семьей Колмановских не имевшая.

У Залманзонов тоже было могилевское прошлое. Глава семьи, **Семен Наумович** (дядя Сима), был врачом. Его жена — **Дора Давыдовна** (тетя Доля) была корректором в газетах. Их дочь **Лена** была нашей с Эдей ровесницей и подругой. С Залманзонами жила еще Поля — **Полина Давыдовна** — незамужняя сестра тети Доли. Доля и Поля были из семьи **Ханиных**. Родная сестра Доли и Поли **Слава** была, как я уже написал, женой **Якова Павловского**. Таким образом, сын Яши и Славы Даня был двоюродным братом и Эди, и Лены.

В единственной комнате Залманзонов жила — вплоть до своей смерти — престарелая мать Семена Наумовича. Это была крохотная старушечка, которая своего необычайно грузного, лысого, очкастого и длинноноского сына Симу считала красавцем и часто говаривала: «Сима красив: у него английская головка». Никто не понимал смысла второй части этого панегирика, но всех такое крайнее выражение материнской любви забавляло.

***

Семен Наумович Залманзон получил свое медицинское образование в Мюнхенском университете еще до первой мировой войны. Перескажу историю, которую он мне как-то в мои школьные годы поведал.

Студенту Залманзону предстоял экзамен по физике. А этот предмет в Мюнхенском университете читал профессор Рентген, открывший незадолго до того X-лучи и ставший очень знаменитым. За это мировое открытие кайзер Вильгельм присвоил профессору высокий государственный чин. Этим чином Рентген дорожил, и экзаменующихся предупреждали, что господин профессор требует, чтобы студент, упоминая в своем ответе рентгеновские лучи, выражался лишь так: «Die Strahlen Ihrer Exzellenz», т. е. «лучи Вашего превосходительства»...

...В послевоенные годы тетя Доля работала в газете «Советское искусство», и кое-какую, обычно невеселую, информацию о политической жизни мы получали иногда от нее раньше, чем о ней узнавали все. Только один раз это досрочное сообщение доставило нам радость. Это было известие о прекращении «дела врачей», опубликованное в самых первых числах апреля 1953 г....

***

У Семена Наумовича был родной брат **Абрам Наумович Залманзон**. Лена называла его «дядя Бома». Бома был членом партии большевиков с 1913 г. Он состоял под негласным надзором полиции. В 1916 г., когда в Могилеве расположилась

Ставка и город стал резиденцией императора, полиция распорядилась Бому выслать. Но по ошибке (и в те времена полиции случалось ошибаться) выслала не Бому, а его брата Симу. Высылка была не бог весть какая страшная — за пределы Могилевской губернии. В революционные месяцы 1917 г. Бома входил в руководство Могилевской партийной организации. В годы военного коммунизма был комиссаром продотряда. В этом же продотряде служил и **Яков Агрест**.

В 1921 г. Бома из Могилева уехал. Он поступил в Петрограде на медицинский факультет, а потом переехал в Москву и здесь завершил свое медицинское образование. Он был психиатром и стал работать в Институте им. Ганнушкина. Стал доктором медицинских наук и считался видным специалистом. Но во время антисемитской кампании Сталина Бому в 1952 г. из института уволили. Он устроился на работу простым врачом-ординатором в тюремную больницу «Матросской тишины».

Несмотря на то что партия уничтожила многих друзей и единомышленников Абрама Наумовича, а его самого чувствительно пнула в годы борьбы с космополитами, Бома не только оставался верным учению Ленина—Сталина, но всегда полностью одобрял все действия властей. Он умер в начале 80-х гг. в возрасте за 90 лет. Своих детей у него не было. Племянница Бомы, к тому времени уже шестидесятилетняя, Лена навещала его, больного и старого, и приносила ему гостинцы. Как-то раз, когда Лена, разворачивая принесенный ею пакет, сказала что-то насмешливое в адрес тогдашнего высшего руководства, Бома на нее осерчал и есть из ее рук отказался.

Да, были люди в наше время...

***

Году в 1930-м Давид получил где-то в Москве еще одну комнату. В результате сложных обменов семья Залманзонов переехала в очень большую комнату в квартире № 29, а Давид получил в квартире № 20 их комнату. Таким образом, у Давида с Вавой образовались две соседние комнаты, вполне, по тогдашним понятиям, соответствовавшие высокому положению Давида и артистической популярности Вавы.

Давид был советским ответработником. Он руководил «Союзпромэкспортом» — крупным учреждением в системе экспортной торговли. Думаю, он отличался от большинства чиновников своего уровня культурой поведения. Он часто по долгу службы бывал за границей и привозил для всех членов семьи хорошие вещи, бывшие тогда редкостью.

Давид имел право на персональную машину. Она часто дежурила у нашего подъезда в Кривоарбатском в ожидании своего хозяина. Эти дежурства начались задолго до появления отечественных «Эмок». Поэтому за Давидом закреплялся то «Паккард», то «Бьюик», то «Штейер», то «Мерседес».

Бенц». После одной из удачных внешнеторговых операций Давида премировали закрепленным за ним навечно «Линкольном» — шикарным длинным автомобилем с серебристой фигуркой летящей вперед собаки на радиаторе. Это «навечно» оказалось весьма кратковременным...

Александр работал не на столь высоких постах, как Давид, но и он был ответственным работником Госплана. Кое-какую материальную поддержку (частично — тайную) Раиса Наумовна получала от своего брата Михаила, обосновавшегося с 20-х гг. в Швейцарии.

Значительность поста Давида, персональная машина перед подъездом, слава тети Вавы как блистательной актрисы театра Вахтангова и замечательной красавицы, преданная няня Васса, красивые костюмчики, прекрасные заграничные игрушки — все это делало Эдю чем-то вроде маленького лорда Фаунтлероя. Из всех его разговоров было понятно, что текущие жизненные трудности ему неизвестны. Тем не менее, он располагал к себе не столько своей выдающейся коллекцией почтовых марок и наборами немецких конструкторов «Мекано», сколько веселым шаловливым характером, молодцеватой внешностью и дружелюбием.

Как-то в один из солнечных дней конца апреля 1933 г. мы сидели с Эдей на полу в одной из их комнат и собирали из «Мекано» что-то очень замысловатое. По комнате иногда молча проходила домработница Васса. Раздался звонок во входную дверь. Эдя (он, может, знал, кто звонил) опрומетью бросился открывать. Побежал в переднюю и я. Открылась дверь, и вошли Раиса Наумовна и Александр Маркович. На руках одного из них был конверт с младенцем. Эдя кинулся к матери.

Когда суета приветствий немного стихла, Эдя торопливо шепнул мне, что это из роддома принесли его новорожденную сестричку. Я тогда мало понимал в этом, и для меня рождение у Раисы Наумовны ребенка было совершенной неожиданностью. Кто-то из взрослых мягко сказал мне, чтоб сейчас я шел домой, а приходил завтра. Так я и поступил.

...Эта девочка Маша стала расти, хорошеть и умнеть на моих глазах. Через двадцать четыре года мы стали с ней мужем и женой...

***

Яков Наумович, помимо того, что был очень хорошим врачом, имел несколько хобби, что по тем временам выглядело экстравагантно. Все вертелось вокруг коллекционирования всячины. Он собирал и восстанавливал старинные часы, фарфоровую посуду, фотоаппараты. В его доме круглые сутки и почти без перерыва раздавался бой то одних, то других часов, идущих не совсем точно. Фотоаппараты дядя Яша собирал не только как коллекционер, но и как очень активный фотограф-любитель, что также было тогда редкостью. Любил он и животных. В доме всегда жили собаки и кошки. В условиях сельской под-

московной Лосинки это последнее увлечение было вполне уместным.

Эдя очень дружил со своим двоюродным братом Даней. Они часто встречались — и в Москве, и в Лосинке. Став постарше, Эдя ездил в Лосинку самостоятельно. Дружил с Даней и я.

***

Когда нам было по шесть лет, Эдю, Лену Залманзон и меня отдали в частный детский сад, или, как тогда говорили, в «детскую группу». В группе было не более десяти детей. Мы проводили в группе целый день: ели, спали днем, гуляли, играли и учили немецкий язык. Родители забирали нас часов в пять-шесть вечера.

За полтора-два года в этой группе мы с Эдей получили хорошую языковую базу. Эдя никогда языками специально не интересовался, но полученные в раннем детстве основы немецкого, дополненные в шестом-восьмом классе школы превосходной учительницей **Е.М. Шаховской** и уж совсем немного — в консерватории, позволяли ему ориентироваться в этом языке и с успехом разговаривать на нем в течение всей жизни.

***

Сейчас уместно немного рассказать о нашем тогдашнем быте. Представления о материальном достатке и о социальном положении семьи базировались, в первую очередь, на ее жилищном положении, а именно на том, сколько комнат и квадратных метров занимала семья в коммунальной квартире. Обычно это была одна комната. В отдельных квартирах жили только какие-то уникальные семьи.

Эдина семья с ее четырьмя большими комнатами на пятерых (хоть и в коммунальной квартире) занимала в жилищной иерархии значительно более высокое место, чем наша. Да и по другим меркам эта семья была побогаче нашей. Их домработница Васса, в отличие от наших, менявшихся весьма часто, фактически, была членом семьи. Раиса Наумовна привезла ее с собой из Могилева вместе с новорожденным Эдей, и Васса ему была как Арина Родионовна Пушкину. В каком месте квартиры она спала, я сейчас не соображу, но уж не в прихожей, как наши домработницы.

Эдя рано проник во внутреннюю театральную жизнь, бывал на репетициях в театре Вахтангова и многократно посещал спектакли. Особенно много он бывал на «Принцессе Турандот», в которой заглавную роль Вава играла в очередь с Ц. Мансуровой.

Часто по вечерам Эдя из окна своей комнаты выжидал момента, когда в окнах фойе театра Вахтангова зажигались люстры. Это означало, что начался антракт. Эдя без пальто сбегал вниз, переходил улицу и вместе со зрителями, выходящими к подъезду театра покурить и подышать свежим воздухом, проходил в театр. Поэтому содержание

и особенности постановки второго и третьего актов многих спектаклей Эдя знал лучше первого. Эдины рассказы о театре и о его участии в театральном процессе делали знакомство с ним интересным и лестным.

Эдина музыкальная одаренность нами, маленькими детьми, тогда не могла быть оценена. Он «занимался музыкой», как многие дети. Мне тогда казалось, что необходимость играть на пианино настигает тех и только тех детей, в доме которых этот инструмент имеется, и был очень рад, что у нас его не было. Но кое-что Эдю от других детей, которых родители учили музыке, отличало уже тогда: он на свои занятия никогда не жаловался, объектом родительского самодурства себя не считал и, наоборот, отказывался от многих игр и прогулок из-за того, что ему еще надо несколько часов отзаниматься музыкой.

Сперва Эдя занимался с домашней учительницей **Михалиной Захаровной**, но очень скоро его отдали в Гнесинскую детскую музыкальную школу. Там Эдю стала учить **Ольга Фабиановна Гнесина**.

В семье к Единым музыкальным занятиям относились очень внимательно. Его серьезность и добросовестность вызывали уважение — иногда окрашенное в юмористический преувеличенно-почтительный тон. Так, для сочиненного шестилетним Эдей вальса дядя предложили превосходное название «Вальс-плагиат», которое Эдей было с удовольствием принято. Чуть позже дядя Яша купил у Эди за старый будильник и три рубля право на использование всех его будущих сочинений.

Продотрядовец Агрест от прямой политической жизни отошел, но был всегда готов исполнять свой партийный долг.

В одной из коммунальных квартир нашего дома жил **Я. Блюмкин**, убийца германского посла Мирбаха.

***

Когда у Блюмкина возникали какие-нибудь проблемы в сфере коммунальных услуг, он шел к управдому Агресту. Встречи этих двух людей бывали столкновениями их революционных характеров. Блюмкин раздражался бурными негодующими претензиями, на которые Агрест обычно отвечал: «Блюмкин! Ты на меня не кричи! Я тебе не Мирбах!»

В 1929 г. Блюмкин был расстрелян партией, ради которой он был готов стать и стал убийцей.

В конце 20-х или в начале 30-х гг., после решительной победы Сталина над оппозиционерами (но еще до их физического истребления), в наш дом (в отдельную квартиру!) отселили из Кремля Зиновьева.

В процессе вселения нового жильца к нему, еще недавнему вождю и кумиру, не потерявшему еще своего величия и обаяния, обратился, набравшись духу, управдом **Агрест**. Он не был в силах

побороть собственной самоуверенности и сказал: «Товарищ Зиновьев! Я хочу сказать Вам, как член партии с большим стажем, что я с Вашей позицией на последнем Пленуме ЦК не согласен!» На что недавний вождь ответил: «Товарищ управдом! Над Вашими словами я подумаю, а теперь лучше скажите, не могли ли бы Вы порекомендовать мне хорошую домработницу?»

В начале 30-х гг. **Давид Колмановский** использовал свое высокое положение и нашел способ превратить друга своей могилевской юности из управдома в чиновника более высокого ранга. Агрест получил должность руководителя группы в «Союзпромэкспорте», т. е. в учреждении, руководителем которого был Давид. Эта должность была, видимо, довольно значительной. Несколько раз Агреста посылали в заграничные командировки.

Агрест жил в квартире № 29 нашего дома, в которой жили **Залманзоны**. Он занимал ее со своей второй женой и дочкой. Его старший сын **Натан** оставался в Могилеве и жил со своей матерью, первой женой Агреста **Хасей Исааковной Агрест**. Ее девичья фамилия мне неизвестна. Натан был очень способным мальчиком. После того как он окончил семь классов в Могилеве, отец предложил, чтобы сын переехал к нему в Москву и старшие классы учился бы в столичной школе. Натан стал москвичом и жил в семье отца. Агрест устроил его в одну из привилегированных школ.

...В августе 1936 года состоялся шумный суд над Зиновьевым, Каменевым и другими лидерами партийной оппозиции. Зиновьев был расстрелян. А в ноябре того же года без всякого процесса был расстрелян политический противник Зиновьева Яков Агрест. После ареста Агреста сперва его жену, а вскоре и дочь выслали в Саратов. Натан остался один. В момент ареста отца Натан учился в десятом классе. Репрессии по отношению к нему были минимальными: его исключили из комсомола.

Натан стал учиться в Московском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта. Он был старше нас с Эдей на четыре года. Когда мы вышли из совсем уж детского возраста, Натан стал нас замечать и удостоил своей дружбой. Мы много времени проводили в 29-й, переходя из комнаты Залманзонов в комнату Натана и обратно.

Когда началась злополучная война с Финляндией, военкомат послал студента Натана в офицерское училище. Натан не хотел становиться кадровым военным. Он отказался от училища и попросил взять его в армию рядовым. На Финскую он уже не попал и прослужил в армии до весны 1941 г. Но вернуться на третий курс своего института ему не довелось.

...Весной 1941 г. Натана направили на ускоренные офицерские курсы, в январе 1942 г. он их окончил, пошел на фронт, участвовал в завершении Битвы под Москвой. **Натан Агрест** погиб во время прорыва Ленинградской блокады...

***

...Во втором классе, через несколько дней после начала нового учебного года, в середине урока завуч ввел в наш класс новую девочку. Она была высокой, полноватой и красивой. У нее были очень длинные темные косы и тюбетейка на голове, что тогдашней моде не противоречило. Ее звали **Тамара Майзель**.

Между Эдей и Тамарой завязалась дружба — в школе и вне ее. В шестом классе — Эде было тринадцать, ей двенадцать — они осознали неразрывность связи между собой и договорились пожениться, как только это будет возможно. Об этом сговоре Эдя под большим секретом рассказал Дани и мне.

...В 1943 году Эдя и Тамара поженились и прожили счастливые двадцать пять лет — вплоть до трагической гибели Тамары в автомобильной катастрофе в январе 1968 года...

***

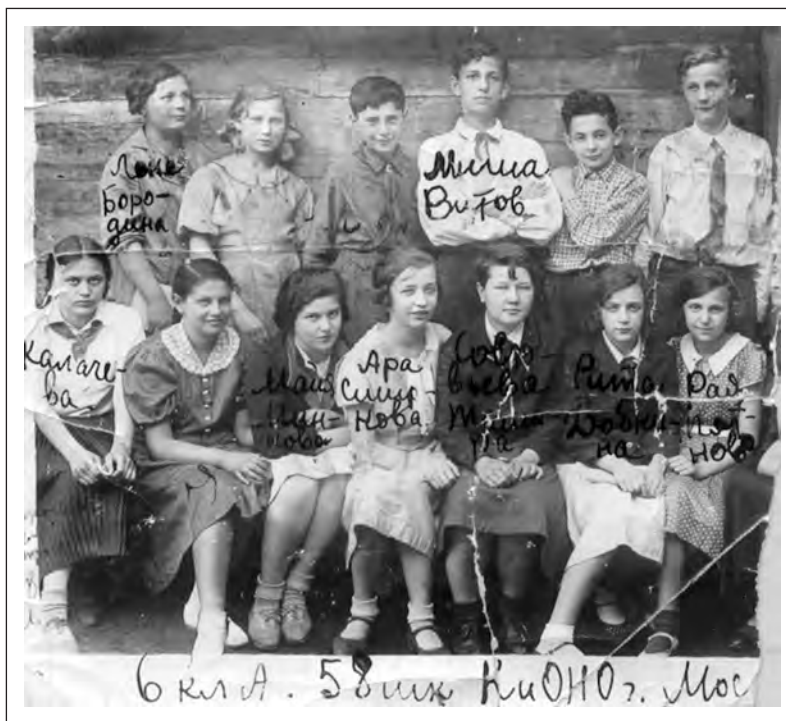
Эдя был очень способным учеником и неплохо успевал по всем предметам, хотя, естественно, гуманитарные предметы и география привлекали его больше, чем математика, физика, химия, биология, черчение, рисование и физкультура. Его успехи в математике и естественнонаучных дисциплинах целиком зависели от личности соответствующего преподавателя.

Все это я написал для того, чтобы сказать, что Эдя любой общественной работы чурался. С пионерских сборов и с классных собраний он, как правило, старался сбежать — и обычно делал это молча. Если же обстоятельства вынуждали объясняться, то он мотивировал (до или после побега) невозможность присутствовать на мероприятии своими обязательствами в Гнесинской школе. Эти объяснения большей частью учителями и вожатыми принимались.

***

...Эдя и позже старался предъявить в качестве своей общественной работы (ее продолжали требовать и от взрослых людей) что-нибудь приемлемое для себя. Например, давал бесчисленные «шефские», т. е. бесплатные, концерты на заводах, в школах, военных частях.

Он был уже известным композитором, но каждое 1 апреля попадался на нехитрый розыгрыш, в котором использовалась его нелюбовь к

Шестой класс московской школы. Эдя Колмановский — второй справа вверху. Его будущая жена, Тамара Майзель, сидит вторая слева.
Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

политической показухе. Эдин старший сын Сережа сообщал отцу, что в его отсутствие звонили из парторганизации Союза композиторов и просили зайти для объяснений причин, по которым он не посещает кружка по истории партии. Эдя взрывался проклятиями по адресу партийных чиновников, которые не хотят засчитывать ему в общественную работу шефские концерты — его прибежище от чего-то более лицемерного и уничительного. Несколько часов он нервно ходил по квартире и готовил аргументы, которые должны были избавить его от нелепой обязаловки. Перед самым походом в партком обман раскрывался, и раздавались новые взрывы, направленные уже и против Сережи...

***

Поступив в музыкальную школу, Эдя стал очень занятым человеком: первая часть дня проходила в общеобразовательной школе, а во вторую он либо ходил в музыкальную школу, либо нескончаемо играл на пианино или делал уроки.

Как-то весной, в одном из начальных классов, мы с Эдей решили школу прогулять и пойти вместо нее в Музей изящных искусств (так назывался в те годы Музей изобразительных искусств им. Пушкина). Мы пришли в музей и увидели, что еще рано и что он откроется только через два часа. Мы стали бродить по переулкам, расположенным между Арбатом и Кропоткинской и в какой-то

Александр Колмановский.

Москва, конец 1940-х гг.

Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

момент в Сивцевом Вражке увидели со страхом, что наш прогул обнаружен, ибо нам навстречу шел Эдин дядя Александр Маркович. У нас не было возможности ни юркнуть куда-нибудь с его глаз, ни сговориться, как будем выкручиваться. Но через мгновение выяснилось, что опасности нет. Завидев нас, как всегда вежливый, доброжелательный и уважительный к нашему возрасту, Александр Маркович приподнял шляпу, молча раскланялся с нами и пошел дальше своей дорогой, не заметив или не сочтя нужным заметить, что мы в школьное время прохаживаемся по переулкам.

Александр Маркович рано начал активно приучать Эдю читать взрослую художественную литературу. Аналогичную роль в моей жизни сыграл мой отец. Как мне помнится, Эдино литературное воспитание поначалу делало крен в сторону западной литературы, а мое — в сторону русской. Мы интенсивно рассказывали друг другу о прочитанном, и каждый из нас старался прочесть то, что его друг уже успел прочитать раньше.

В результате, уже с девяти-десятилетнего возраста мы начали читать иностранцев: Сервантеса, Рабле, Шекспира, Даниеля Дефо, Свифта, Шиллера, Ростана, Дюма, Диккенса, Виктора Гюго, Жюль Верна, Марка Твена, Ф. Купера, Джека Лондона, Джерома К. Джерома, О'Генри, Киплингa, Джованьоли, Г. Уэллса и русских: Пушкина, Гоголя, А.К. и Л.Н. Толстых, Гаршина,

Тургенева, Чехова, Лескова, Куприна. Бунин, видимо, был под строгим запретом, и его сочинений мы тогда не читали.

Потом мы стали входить во вкус и поэтического чтения. В первую очередь это были Жуковский, Пушкин и Лермонтов. Но настоящая увлеченность поэзией пришла позже — в период проведения во всей стране огромной по своим масштабам кампании в связи со 100-летием со дня гибели Пушкина. Но тогда нам было уже по тринадцать лет.

Читали мы много. Я думаю, что если б телевидение стало бы неотъемлемой частью цивилизации годами тридцатью раньше, то наше литературное образование сильно пострадало бы.

Любовь и знание литературы усиливались у Эди его вовлеченностью в театральную жизнь. Отсюда — раннее знакомство с Шекспиром, Бальзаком, Шиллером. Их пьесы или инсценировки по их произведениям шли в театре Вахтангова. Знакомо нам было и имя Карло Гоцци, автора любимой и родной «Принцессы Турандот».

Александр Маркович, будучи большим знатоком оперы (он мог пропеть наизусть всю «Кармен»), очень основательно знакомил Эдю с оперными спектаклями, которыми и тогда была богата Москва. Частично увлеченность и знание оперной музыки передавались и мне, которого родители в оперу стали водить много позже. Помню, как Эдя представлял мне сцены из «Кармен», стараясь передать вокальные партии, оркестровое сопровождение, увертюру.

От живописи мы были дальше, хотя в Музей изящных искусств и в Третьяковку хаживали. Некоторую дистанцию от этого вида искусства Эдя сохранял всю жизнь. Впрочем, несколько работ известных художников на стенах его московской квартиры в доме композиторов на улице Огарева висело.

Немного — о нашем политическом самосознании тех ранних детских лет. Тогда еще не начались публично рекламировавшиеся или столь массовые, что они доходили до жизни чуть ли не каждой семьи, репрессии. Слово «Соловки» было нам известно. Но оно никак не связывалось с теми жизненными обстоятельствами, в которых мы находились и которые бездумно казались неизменными.

Мы с Эдей мало говорили друг с другом о делах политических, но молчаливо предполагалось, что все в этой области идет хорошо, и что мы живем в самом счастливом, гармоничном и передовом государстве. Я иногда ходил с папой на праздничные демонстрации. Эдю высокое положение дяди Давида убеждало в том, что в нашем обществе царят справедливость, целесообразность и адекватное возвышение способных и выдающихся личностей.

В том, что наша страна — праведница в области политической справедливости и интернационализма, нас убеждали со всех сторон. Об этом

твердили пьеса «Негритенок и обезьяна» в театре Наталии Сац, стихи Маршака про Мистера Твистера, истории про американского пионера Гарри Айзмана, совершившего не помню какие подвиги против проклятых капиталистов, за которые ему, не помню уж как, отомстили. На уроках пения в школе мы разучивали песню про мучеников Сакко и Ванцетти, пели героическое «Народы, вставайте, шеренги смыкайте!» Хотелось вставать и смыкать. Чуть позже к этим песням присоединились антифашистские песни Эрнста Буша, звучавшие из репродукторов.

Но так вышло, что дух справедливого интернационализма входил в нашу жизнь не только через официальные каналы. Мы ненавидели фашизм. Эта ненависть усиливалась тем, что фашисты — антисемиты. Любовь же к евреям со стороны советской власти была несомненной. Артистический, литературный, медицинский, научный и чиновничий миры были густо населены евреями. Еврейские фамилии мелькали и среди наркомов, и среди высших военачальников.

А что такое антисемитизм — мы недурно знали. Время от времени нас задевали на улице мальчишки; время от времени антисемитскую выходку позволяла себе одна из наших соседок по квартире. Но, страдая от атак с антисемитской подоплекой, мы, еврейские мальчишки, чувствовали, что задиравшие нас антисемиты действуют наперекор системе, что они нарушители, что если их поймать и отвести в милицию, то они будут очень строго наказаны. Правда, осуществить такой привод на практике нам как-то не доводилось...

***

В 1934 г. наша вера в непогрешимость Сталина как-то потускнела. Толчок этим сомнениям, я помню, дал случайно прочитанный мною заголовок в газете, шедший через всю полосу: «Под мудрым водительством товарища Сталина — вперед к новым победам». Я увидел в этом тексте безвкусную лесть. Меня покорило, что Сталин ее допускает. Возможно, панегирики Сталину начали появляться в печати и на радио раньше, но этот заголовок мне бросился в глаза впервые. С этих пор мы часто толковали с Эдей о безвкусной славословице Сталину, заполнявшей тогдашнюю журналистскую продукцию, и о том, что имя глупокочитного нами Ленина появляется в политических текстах все реже. Но сомнений в том, что в главном все идет как надо, у нас не было. Давид преуспевал и даже получил орден за какую-то удачно проведенную внешнеторговую операцию. А в те годы «орденоносцев» — значило много. Сомнения, затрагивающие основы, появились у нас через два года — с началом в 1936 г. страшных политических процессов и массового террора.

Особое и главное, пожалуй, место в нашем этическом и нравственном воспитании играли так называемые «драмкружки» («драмкружок, кружок по фото...»). Кружки, которые увлекли Эдю и меня,

напоминали своим духом театральные студии и коллективы. Мы это чувствовали, и это нас к этим кружкам притягивало.

Мы были в четвертом классе, когда ученик 9-го класса нашей школы Женя Агранович сказал, что он будет вести для желающих драмкружок. Сначала туда записались чуть ли не все ученики класса. Но довольно быстро большинство отсеялось, и нас оставалось человек семь, среди которых были Эдя, Тамара Майзель, Лена Залманзон и я. Занятия стали проходить раз или два в неделю в квартире участницы кружка Иры. Квартира была на первом этаже дома № 43. Вход в квартиру был со двора — того самого, надо полагать, который потом стал неразрывно связан с именем Булата Окуджавы.

Занятия в драмкружке проходили в двух планах. Во-первых, мы ставили пьесу. Это была «Слуга двух господ» Гольдони. Во-вторых, Женя занимался с нами по системе Станиславского. Он предлагал нам — с неистощимой фантазией — разыгрывать этюды, разбирал их, критиковал наше исполнение, повторял и пр.

Думаю, что наряду с жизнью вблизи актрисы театра Вахтангова, занятия с Женей сыграли благодетельную роль в творчестве Эди, тяготевшем всегда к театральной музыке.

После окончания учебного года Женя из школы ушел, и наш кружок остался без руководителя и распался.

Года через два вести у нас драмкружок взялась детская писательница **Надежда Всеволодовна Дмитриевская**. Она была матерью нашей соученицы **Ары Смирновой**.

В молодости Надежда Всеволодовна была актрисой Художественного театра. Одно лето она отдыхала вместе с группой театра в Норвегии. Эта страна стала основной темой ее литературного творчества. Надежда Всеволодовна решила поставить силами нашего драмкружка свою пьесу «У синего фиорда».

Очень сильное впечатление произвели на нас Пушкинские дни, проводившиеся в Москве в начале 1937 г. по случаю 100-летия со дня смерти поэта. Эдя был захвачен громким звучанием пушкинской темы. Он, конечно, любил и неплохо знал поэзию и прозу Пушкина и раньше. Но юбилей, отмечавшийся шумно и разнообразно, дал его увлеченности Пушкиным новую силу.

У меня в те недели возникло ощущение, что Эдин интерес к Пушкину — особый. Эдя, казалось мне, был на юного Пушкина похож. Он тоже был очень живым и остроумным мальчиком, любил стихи, имел отношение к поэтическому творчеству и даже был похож на поэта внешне. Его волосы курчавились, он то бывал задумчивым, то шаловливым. Мне казалось, что Эдя больше других способен проникнуть в духовный мир гения. Эта близость к Пушкину характеризовала Эдю всю жизнь.

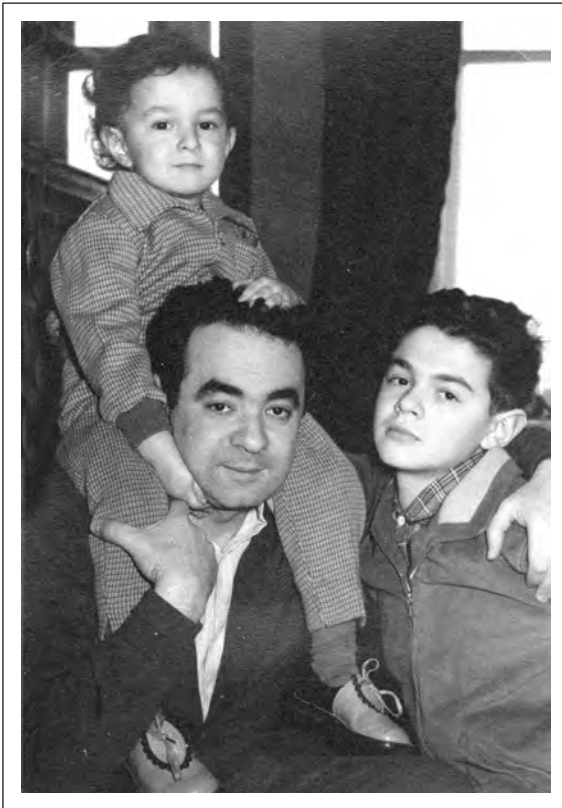
***

Итак, мы репетировали «У синего фиорда», наслаждались богатством пушкинского наследия, а в стране набирал обороты сталинский террор.

Давид продолжал быть преуспевающим руководителем. Теперь я могу только догадываться, что было на душе у этого веселого, остроумного и уверенного в себе человека...

Ему дали квартиру в новом доме в Плотниковом переулке. Как-то раз, когда дом еще строился, Давид повез Ваву, Эдю и меня смотреть свои будущие владения. Путь из Кривоарбатского в Плотников мы совершили, естественно, в машине Давида. Мы поднялись по временным досчатым трапам на нужный этаж и ходили с осторожностью по металлическим и бетонным конструкциям, а Давид прекрасно в этом строительном хаосе ориентировался и объяснял нам, где будет столовая, где спальня, где кабинет...

После переезда Давида и Вавы в их новую квартиру в одну из их комнат в двадцатой въехали новые жильцы, а в другую (наверное, Давид как-то об этом хлопотал) был помещен Эдя с его фортепиано. Сначала он жил в этой комнате один, что было тогда неслыханной роскошью, а потом вместе с ним стал жить дед Наум, отец Раисы Наумовны, знаменитый в Могилеве «доктор Павловичкий», к

Эдуард Колмановский с сыновьями Сашей и Серзеем. Москва, 1960 г.

Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

этому времени уже состарившийся и неспособный жить в Могилеве в одиночестве...

В Испании уже шла гражданская война, растянувшаяся на три года. Мы были, конечно, на стороне республиканцев — в первую очередь потому, что они были против фашистов. Этого было достаточно. По радио звучали революционные испанские песни, в театре Моссовета шла под овации зала пьеса «Салют, Испания!»

После прихода к власти Гитлера наша ненависть к фашизму с каждым годом усиливалась, подогреваемая газетной пропагандой и романами Фейхтвангера и Анны Зегерс.

На этом фоне пошли сталинские процессы. Мы с Эдей были в замешательстве. Подсудимых обвиняли в связях с ненавистным фашизмом, и это обвинение делало их в наших глазах личностями одиозными. Но одновременно трудно было отделаться от ощущения, что эти подсудимые — жертвы каких-то чудовищных политических целей высших руководителей страны.

Появилась спешно переведенная на русский язык книжка известного писателя-антифашиста Л. Фейхтвангера «Москва, 1937», которая оправдывала смертные приговоры оппозиционерам и из которой выходило, что сами осужденные считали постигнутой их участь справедливой.

Голова шла у нас кругом. Не знаю вполне точно, но думаю, что как я от моих родителей, так и Эдя от своей матери и дядьев никакой помощи в попытках осмыслить происходящее не получал. Мои родители, возможно, к действиям властей относились либо равнодушно, либо одобрительно. Я не сомневаюсь, что братья Колмановские понимали всю преступность действий властей, но, видимо, не решались делиться с четырнадцатилетним племянником своими мыслями. Впрочем, не исключаю и того, что Эдя был в событиях ориентирован своими взрослыми правильно, но что, получив на этот счет строгие инструкции, своим пониманием со мной не делился. Став взрослыми, мы с Эдей эту деталь событий тех страшных лет почему-то не обсудили.

И вот, в 1938 г. все сплелось в странный и трагический узел. Арестовали Давида и Ваву. С этого момента мы в наших разговорах с Эдей уже перестали сомневаться в фальши официальных объяснений массового террора. Преданность Давида режиму была нам совершенно очевидной, и поверить в то, что он — враг народа, было совершенно невозможно.

Потерпели и сестры Колмановские. Погибли мужья Мани и Сони. Маня осталась на свободе с двумя девочками, а Соню вскоре арестовали тоже. Александр заботился, как мог, о ее дочери Лене, двоюродной сестре и сверстнице Эди.

Как выяснилось уже после начала кампании по реабилитации, Давид был расстрелян через несколько дней после ареста. Вава провела 17 лет в лагере и в ссылке.

Сперва после возвращения из лагерей Ваву приняли в ее родной театр. Но вскоре ее из театра под давлением «органов» уволили.

Хлопотать за нее к Председателю КГБ Абакумову пошли артисты-вахтанговцы Горюнов и Абрикосов. Они неосторожно сказали Абакумову: «Вагриной жить в Москве разрешили. Значит, она должна где-нибудь работать», на что Абакумов сказал: «Это легко исправить» — и тут же отдал распоряжение Ваву из Москвы выслать.

Вава срочно уехала в Завидово Рязанской области, где жила в то время уже вышедшая из лагеря на положении ссыльной сестра Колмановских Соня.

Памяти Давида Эдя впоследствии посвятил один из своих сборников.

Расстреляли в 1938 г. и близкого друга братьев Марьясина, занимавшего, как и Давид, крупные государственные посты...

Александр Маркович ареста и гибели избежал, хотя его брат и многие ближайшие друзья и коллеги по Госплану тоже были арестованы. Но из Госплана он был изгнан. Он искал разные способы заработать себе, Рае, Эде и Маше на жизнь. Главным его занятием стало преподавание высшей математики в различных технических вузах. Какое-то время подрабатывала и Раиса.

По еще недавно благополучной семье Колмановских был нанесен страшный удар. В частности, из семьи имущей она превратилась в семью с ненадежным и весьма скромным достатком. Надо сказать, что все оставшиеся на свободе члены этой семьи вели себя достойно и никому, кроме самых близких людей, в голову не могло прийти, что это семья, потерпевшая неслыханное бедствие.

Но — абсурд и ужас тех лет! — жизнь, как говорится, продолжалась.

Когда в Москве проходил конкурс дирижеров, мы учились в восьмом классе. Эдя, кроме того, был учеником последнего класса гнесинской школы. Конкурс был для него исключительным событием. Он практически перестал ходить на занятия и часами просиживал в полупустом Большом зале Московской консерватории, где проходил первый тур конкурса и куда можно было войти свободно.

Эдя позвал меня с собой, и я стал ходить туда ежедневно — чаще всего вместе с ним, а иногда и в другие часы: выступления конкурсантов проходили с утра до вечера. Поначалу мне понравился такой интеллигентный повод прогуливать школу, но потом я вошел во вкус совершенно необычного для меня процесса. Эдя, конечно, воспринимал все происходившее совершенно профессионально.

Наши прогулы обнаружили не сразу. Дней десять учителя нашему отсутствию значения не придавали. Думали, наверное, что больны. Но когда выяснилось, что здоровы, то скандал был грандиозным, с вызовом родителей и со снижением четвертной отметки «по дисциплине» (прежнее «по

Эдуард Колмановский с мамой Раисой Наумовной Колмановской, Москва.
Фото из семейного архива Шейнина Б.С.

поведению» вернулось в школьный лексикон лишь спустя несколько лет).

После девятого класса Эдя из общеобразовательной школы ушел и стал учиться в музыкальном училище Гнесиных по классу композиции у Евгения Фабиановича Гнесина и Фабиана Витачека. Он был полностью ориентирован на классическую и современную симфоническую и камерную музыку.

Вот эпизод, относящийся, по-видимому, уже к наступившему 1940 г. В Малом зале Консерватории должно было состояться первое исполнение квинтета Шостаковича с участием автора. У Эди не было билета, и он безнадежно толкался среди толпы любителей музыки, находившихся в таком же положении. Вдруг из подъезда вышел какой-то мужчина, который, поискав глазами и выбрав почему-то из толпы Эдю, обратился к нему с вопросом: «Молодой человек, Вы знаете ноты? Можете переворачивать листы исполнителю?» Эдя сказал, что может, после чего оказался в артистической Малого зала и узнал, что будет переворачивать ноты Шостаковичу.

В таком положении Эдя услышал первое исполнение великого сочинения.

Советско-Германский договор о дружбе, заключенный в августе 1939 года, и последующие события — участие нашей страны в разделении

Польша, аннексия Бессарабии и Прибалтийских стран — все это окончательно отделило нас от власти. Мы стали к ней в решительную, но, разумеется, тайную оппозицию. Она распространялась лишь на режим Сталина. Мы продолжали верить в доброкачественность коммунистической идеи, в то, что учение Маркса — великое, потому что верное, и в то, что если бы был жив Ленин, то все шло бы не так.

В мае 1941 года в газетах появилось выступление Сталина на выпуске слушателей военных академий. Там он говорил о возможных скорых военных испытаниях молодых командиров. Нам с Эдей почудился в этой речи какой-то намек на наметившуюся конфронтацию с фашистской Германией. К тексту этого выступления добавился слух, будто в этот же вечер на банкете в Кремле какой-то генерал поднял тост «За мир», а Сталин, вроде бы, сказал: «Я с генералами за мир не пью».

Вся эта информация нас с Эдей очень возбудила. Мы жаждали разрыва с фашистской Германией. Последующие бессвязные сообщения ТАСС только укрепляли наши надежды на то, что позорная дружба с Гитлером скоро закончится. Мы, молодые и глупые, и подумать не могли, насколько наша армия была не подготовлена к войне, которую мы с замиранием сердца ждали, которая 22 июня 1941 года наступила и в корне изменила нашу жизнь.

***

До сих пор главным персонажем моих воспоминаний был Э. Колмановский. Теперь я хочу вынести на первый план тех уроженцев Могилева, о которых я упоминал лишь мельком или не упоминал вовсе.

Я имею в виду трех братьев **Павловских**.

***

Ефим Павловский и его сын Эдгар

Ефим в юности уехал из Могилева в Литву, получившую после революции самостоятельность. В молодые годы, вскоре после женитьбы и рождения сына, Ефима поразило тяжелое заболевание головного мозга. Жена увезла его в Европу и помещала в разные клиники, оставаясь жить в месте расположения очередной.

В одной из таких клиник, во Франции, их застала Вторая мировая война. Медицинский персонал клиники не только сумел скрыть еврейское происхождение Ефима, но и дал прибежище его жене. Ефим умер от своей болезни, а его жена Рита выжила, долгое время жила в Париже, а последние несколько лет своей жизни — в глубокой старости — соединилась со своим сыном в Израиле и умерла в конце 70-х гг.

Сын Ефима и Риты Эдгар после отъезда в Европу больного отца и сопровождавшей его матери оставался в Литве. Окончив гимназию, он поступил в медицинский колледж в Англии.

Весной 1940 г. он получил от литовских властей повестку с вызовом на прохождение военных сборов и вернулся в Литву лишь (так он думал) на время этих сборов. Но тут Литва оказалась оккупированной Советской Армией и вскоре присоединенной к СССР. Из этого государства Эдгар обратно в Англию вернуться уже не смог и оказался разлученным на долгие годы со своей матерью, обосновавшейся после смерти мужа, как я уже сказал, во Франции.

По счастью, Эдгар не попал в число литовцев, депортированных в Сибирь. Военная часть литовской армии, в которой Эдгар проходил сборы, была включена в состав Советской армии в качестве Литовской дивизии.

С началом Отечественной войны Эдгар стал служить в медчасти этой дивизии, воевавшей на одном из Белорусских фронтов. Он прошел войну и вернулся в Вильнюс. Вскоре он женился на **Фире Амстердамской**, перенесшей еврейское гетто и лагерь уничтожения евреев. Ее освободила Красная армия в 1945 году.

Эдя был моложе Эдгара на пять лет. Обнаружив после войны, что он и его кузен — граждане одного государства и имеют теперь возможность видаться (до войны это заграничное родство тщательно скрывалось), Эдя стал поддерживать с Эдгаром, его женой и сыном очень близкие родственные отношения.

Став известным композитором и находясь в приятельских отношениях с тогдашним командующим Прибалтийским военным округом генералом Алтуниным, Эдя всегда искал повод побывать в Литве, встречаясь с генералом и с Эдгаром.

К Эдгару в Литву Эдя убежал, когда в хрущевские и брежневские времена возникала угроза, что его собираются привлечь к подписанию очередного публичного заявления против неудобного властям деятеля науки или культуры. Такие заявления организовывали сами власти, стараясь заполучить под отвратительные тексты подписи популярных людей.

В 1972 г. Эдгар и его семья эмигрировали. Сначала они жили в Израиле, а потом переехали в Штаты...

***

Михаил Павловский

До революции Михаил, как и Давид, был революционером, но не большевиком, а эсером. У Михаила была невеста — **Лиза Эберлин**, родившаяся и жившая тоже в Могилеве и также входившая в партию эсеров. У Лизы была двоюродная сестра **Женя Лурье**, ставшая впоследствии первой женой поэта Бориса Пастернака.

В какой-то момент (это было, очевидно, вскоре после революции 1905 г.) Миша и Лиза были арестованы и сосланы в Сибирь, где они и поженились. Из Сибири молодая чета в 1911 г. бежала.

В те времена побег политического ссыльного организовать было не очень сложно. Конечно, это стоило немалых денег. Отец Миши — доктор **Павловицкий** — попросил и получил у родственников-студентов, учившихся за границей, их паспорта. Потом он позвал к себе знакомого переплетчика, который вплел эти паспорта вместе с крупной суммой денег в подкладку скрипичного футляра. Скрипка была послана Мише. Кстати, Миша был недурным скрипачом.

Лиза была беременна. Однако они сумели проделать, в соответствии с планом побега, часть пути верхом на лошадях. Затем (нелегально!) они проехали через всю Россию в западные губернии, где им была оказана родными и друзьями дополнительная поддержка. Побыв немного с родными, они воспользовались отданными им чужими паспортами и родительскими деньгами и уехали через Швецию во Францию. Там вскоре родилась их дочь Елена, а через три-четыре года — сын Гриша.

Во Франции Миша завершил свое высшее инженерное образование и стал крупным специалистом в области телефонной техники, а Лиза получила диплом врача.

После февральской революции Миша, оставив жену и детей во Франции, ринулся в Россию. После Октябрьского переворота он понял, что с большевистской властью ему не ужиться. Он оказался в армии Колчака, и после ее поражения снова бежал из Сибири — на этот раз через Манчжурию. Возможно, именно тогда началось увлечение Миши китаистикой. Впоследствии он стал известным коллекционером и автором трудов в этой области. Затем Миша вернулся во Францию.

В этой стране и в Китае, к которому его всегда тянуло, он осуществил ряд прибыльных технических проектов, разбогател и переселился в Швейцарию.

Тем временем, в начале 20-х гг., у Миши с Лизой пошли нелады, и Лиза вернулась в Россию с Еленой и Гришей — двоюродными Единными сестрой и братом. Несмотря на сомнительное революционное прошлое Лизы, репрессии ее миновали. Она активно работала в своей профессии и дожила до глубокой старости. Ее небольшевистское прошлое нашло свое отражение в том, что она состояла не в Обществе старых большевиков, а в Обществе политкаторжан. Да, повезло ей, что узнала она лишь царскую, а не советскую каторгу.

Жизнь Гриши закончилась на фронтах Великой Отечественной. О семьях Елены и Гриши я говорить здесь подробно не могу; скажу лишь, что они были всегда для Эди родными.

Регулярной связи Миши с Раей не было по естественным причинам. Во время войны, когда Раиса Наумовна жила в Свердловске и вся семья голодала, им неоценимую помощь оказали продуктовые посылки, которые Миша, живший в годы войны в Штатах, как-то анонимно переправлял сестре под прикрытием Красного Креста.

У Миши появилась вторая жена **Таисия**. Если первая возникла, разделяя его судьбу революционера, то вторая — разделяя его судьбу эмигранта. Она была из русских дворян, унесших ноги из России после Октября.

С приходом хрущевской оттепели переписка между Раисой Наумовной и Мишей возобновилась. Кстати, в этой переписке выяснилось, что из полсотни посылок, организованных Мишей в годы войны, до Раи дошло только шесть. В Москве и в Вильнюсе в те годы побывала Рита, мать Эдгара. Но Миша от поездки в Россию уклонялся, боясь, несмотря на свое швейцарское гражданство, репрессий за прошлые свои связи с эсерами и белым движением.

В 1960 г. в Союзе композиторов была сформирована чуть ли не первая группа для туристической поездки в Италию. Эдя и его жена Тамара были в эту группу включены. Эдя не столько хотел увидеть Италию, сколько мечтал встретиться с дядей Михаилом. Конечно же, на свидание с племянником Михаил из Швейцарии в Италию приехал бы.

Началась обычная советская невыносимо длинная процедура характеристик, комиссий, решений.

Так случилось, что именно в этот период в прессе поднялась кампания против Эдиного творчества. Его ругали не только в газетах, но на разных собраниях в Союзе композиторов. Особенно досталось Эде за песню «Я люблю тебя, жизнь!». Его и Тамару вычеркнули из группы. Опальный композитор с простодушным недоумением говорил: «Ну ладно, я написал неудачную, даже скверную песню. Но надо ли за это отключать у меня воду, газ, электричество, телефон, исключать из группы для поездки за границу?» Простодушие было лукавым: Колмановский прекрасно знал, что именно такими методами режим привык решать разногласия с творческими людьми. Еще не были забыты сталинские времена, когда и покруче действовали.

Но в этот раз все вышло не так. Песня Колмановского на слова К. Ваншенкина «Я люблю, тебя жизнь!» облетела земной шар фигурально и буквально: ее пел Юрий Гагарин, совершая первый в истории космический оборот вокруг Земли. И за сутки все переменялось: все пошло, так сказать, «по орбите Гагарина».

Эдю стали почитать и попробовали вернуть в группу. Но было уже поздно: за оставшееся до отъезда группы время власти не успевали завершить прерванное исключением Эди и Тамары из группы оформление выезда за границу. Через год формировалась другая группа — для поездки в Англию. Эдю и Тамару записали туда с распростертыми объятиями. Но дядя Миша к этому времени скончался...

***

Яков и его сын Дания

В первые же дни войны Яков Наумович ушел на фронт и проработал фронтовым врачом до мая 1945 г. Госпиталь, в котором он служил, не был, естественно, расформирован сразу после капитуляции Германии, и Яков Наумович оставался на военной службе.

В августе госпиталь был переброшен в Манчжурию, и Яков Наумович, успев принять участие и в войне с Японией, демобилизовался только зимой 1946 г. и вернулся в свою Лосинку.

Он прошел войну без телесных травм, но судьба уготовила ему ужасные душевные испытания.

Дания старше нас с Эдей на год. Когда началась война, он оканчивал первый курс МАИ. Вместе с этим институтом он эвакуировался в Алма-Ату. Весной 1942 г. вместе со многими юношами своего и старших курсов Дания пошел учиться в военное артиллерийское училище. Весной 1943 г. Дания выпустился в звании лейтенанта и начал свою фронтową жизнь командиром противотанкового орудия. Его военная служба началась с битвы на Курской дуге.

После того как муж и сын ушли на фронт, Слава осталась в Лосинке одна.

В начале войны, после того, как наш дом был поврежден при попадании авиабомбы в театр Вахтангова, Александр Маркович (отчим и родной дядя Э. Колмановского. — *А.Л.*), Раиса Наумовна, Эдя и его восьмилетняя сестренка были эвакуированы в Свердловск. Два года Эдя учился в консерватории в Свердловске. Но осенью 1943 г. он был уже в Москве, так как в Московской консерватории возобновились занятия. Вызов в Москву получил только он. Остальные трое оставались в Свердловске.

За ратные подвиги Дания имел награды, получил еще одну звездочку и к декабрю 1943 г. дошел в составе своей армии до деревни Уболоть в Белоруссии.

Во время одного из местных контрнаступлений немецкие танки наехали на позиции подразделения противотанковых орудий, в котором служил Дания. На Данию шел танк. Дания впрыгнул в окоп и замахнулся на танк ручной гранатой. Она не разорвалась, и танк продолжал двигаться. Бревна наката выдержали тяжесть танка. Дания потерял сознание и очнулся в плену.

Но этого его товарищи уже не видели. В их памяти остался только танк, подмявший Данию. Однополчане сочли Данию погибшим и прислали его подруге, жившей в Лосинке, письмо с описанием гибели Дани. Это письмо девушка отвезла Залмансонам, у которых в это время жила уехавшая из Лосинки Слава.

К моменту прихода известия о гибели Дани почти все были в Москве Летом 1943 г. в Москву из

эвакуации (под Пензой) вернулись **Залманзоны** (могилевчане, родственники Колмановских. — *А.Л.*). Я вернулся в Москву в сентябре — после службы в Ополчении и работы в Белебее и в Гурьеве — и поступил на мехмат МГУ. Эдя вернулся из Свердловска, где он начал учиться в Свердловской консерватории, и продолжил свои занятия в Московской. Лишь старшие Колмановские с маленькой Машей оставались пока в эвакуации в Свердловске. Не было в Москве и отца Дани Якова Наумовича: он продолжал служить в действующей армии.

От Славы это ужасное письмо удалось скрыть. Чтобы обман не обнаружился, Лена Залманзон поехала в Мытищинский военкомат и попросила сотрудников матери ничего не говорить, официальную похоронку по Даниному адресу не посылать, а посылать ее на мой адрес, в квартиру № 24.

Лена вспоминает, как Эдя бегал в волнении по их комнате в 29-й и кричал, что он в гибель Дани не верит. Как знал... Потрясенные родные написали находившемуся на фронте отцу Дани. Они не решились сказать ему правду и сообщили, что получено известие об окружении части, в которой служил Дания. Они просили его приехать, чтобы успокоить Славу. Яков Наумович сумел приехать из Калинина, где стоял тогда его госпиталь, на пару дней. Он узнал правду, а жене сообщил версию об окружении.

Но сотрудники военкомата просьбу Лены выполнили не полностью, и через некоторое время приходят к Славе из военкомата и приносят ей ордер на дрова со словами «Здесь живет мать погибшего старшего лейтенанта Павловского?» Родные убеждали ее, что это ошибка: похоронки, мол, нет. Слава делала вид, что верит, но в душе ее было смятение. У нее случился инфаркт. Вскоре она умерла. Яков Наумович продолжал воевать под гнетом всех этих ужасных событий.

Письмам эта трагедия не доверялась. Близкие стремились сообщать о ней друг другу с глазу на глаз. Раиса Наумовна и Александр Маркович узнали о трагедии только весной 1944 г., когда Эде удалось послать им вызов, и они с маленькой дочкой тоже вернулись домой.

Дания два года провел в немецких лагерях. Во внешности молодого Дани не было типичных еврейских черт, иначе немцы убили бы его в первый же момент. Во время взятия в плен у него был найден только комсомольский билет, в котором значилась фамилия и инициалы. Он сказался вместо Давида Дмитрием. О его еврейском происхождении не знал никто.

Но один раз живший с ним в одном бараке военнопленный стал в отсутствие Дани рассуждать на тему: а не еврей ли Павловский и не стоит ли открыть глаза на то немецкому начальству. Дани об этих речах ничего не сказали. Но в ту же ночь

потенциальный доносчик был убит. Немцы не смогли (да, наверное, не очень-то старались) дознаться, кем и почему он был убит.

Несколько раз Дания и его друзья готовили побег. Первый раз их бежало 12 человек. Они должны были пролезать через разрез в колючей проволоке. Первая четверка сбежала успешно. Вторая была убита. Третья — и Дания в их числе — поймана.

Было ясно, что их расстреляют. Но начальник лагеря сказал: «Ваше дело бегать, наше — ловить — и заменил им расстрел карцером... Говорили, что этот старый служака в Первую мировую войну побывал в русском плену и сохранил по отношению к русским что-то человеческое.

Карцер был ужасен. Данию спасали в лагере и спасли на этот раз два обстоятельства. Во-первых, его физическая закаленность, которой немало способствовал деревенский суровый быт в Лосинке и спартагское воспитание Якова Наумовича. Во-вторых, Дания был человеком превосходных душевных качеств, располагал к себе людей, щедро оказывал людям помощь и поддерживал их. Ему тайно передавали в карцер еду, потому что кормили там два раза в неделю...

Второй раз они (их было трое) замыслили побег из вагона теплушки, в которой их куда-то везли. Они пропилили пол и готовились выпрыгнуть на шпалы на ходу поезда. Но поезд встал. Они начали прислушиваться к речам конвойных и к доносившимся звукам и поняли, что они — в Берлине. Бежать, находясь в Германии, они в тот момент не решились.

Но через несколько месяцев — это было уже в марте или апреле 1945 г. — Дания и его друг Иван решились бежать из лагеря, расположенного в Германии — именно туда их привез поезд. Немцы агонизировали, и была опасность, что они начнут уничтожать пленных. Побег удался. Дания и Иван скитались по сараям и хуторам.

Один раз их обнаружила немка — хозяйка усадьбы. Но это уже был момент, когда та сочла более выгодным для себя прятать беглецов на чердаке своего дома — вплоть до момента капитуляции.

В момент окончания войны беглые Дания и Иван оказались в американской зоне оккупации и явились к военным властям. На Западе довольно быстро стало известно об участии, ожидавшей на родине многих советских военнопленных. Американцы отговаривали бывших военнопленных от возвращения в Союз и предлагали им другое устройство жизни.

Но Дания, Иван и большинство их товарищей тревожной американской информации на дух не поверили. Они стремились домой. Прощаясь с русскими перед КПИ, американские военнослужащие снимали с руки часы и дарили их русским

Дания Павловский, Эдя Колмановский с сестрой Машей. Москва, конец 1930-х гг.

Фото из семейного архива Геронимуса Ю.В.

товарищам по оружию. На Даниных глазах советские офицеры, которые принимали своих, эти часы с их рук срывали. И эту сцену американцы видели. Дания свои часы как-то уберег, и они до сих пор хранятся в его семье.

С этого момента начался для Дани и Ивана советский лагерный этап. Их повезли в Сибирь, на Алтай — в Темиртау. Это был июнь 1945 г. По дороге Дания исхитрился бросить из окна своей теплушки письмо домой, в Лосинку. Дом был пуст. Отец продолжал служить в армии, мать умерла. Данино письмо обнаружила соседка и доставила его к Залмансонам. В квартире № 29 собирались жильцы дома, чтобы снова и снова послушать Данино письмо.

Надо было известить о радостном событии Якова Наумовича. Ему послали письмо. Но, разминувшись с этим письмом, пришло письмо от Якова Наумовича, в котором он писал, что его госпиталь перебазирована на Дальний Восток, что эшелон преследует через Москву (Яков Наумович указал ориентировочные даты), задержавшись, возможно, на некоторое время на подъездных путях одного из Московских вокзалов. Сообщил Яков Наумович и номер эшелона.

Много суток, попеременно, члены семьи дежурили на вокзалах Московского узла, чтобы увидеть Якова Наумовича и рассказать о «воскрешении»

Даня (Давид Яковлевич) Павловский
на фронте. Фото конца 1942 г.
из семейного архива Геронимуса Ю.В.

Дани из мертвых. Считалось, что только близкие люди смогут подготовить отца к столь умопомрачительной, хоть и счастливой, новости.

На Ярославском вокзале дежурили Александр Маркович и Эдя. Военный комендант был к этим дежурным доброжелателен и обещал известить их о прохождении столь нужного им эшелона.

Наконец, в одно из Эдиных дежурств, которое по забытым сейчас причинам затянулось и перешло на вторые сутки, стало известно, что через несколько часов эшелон прибывает. Скромные по тем голодным временам Эдины припасы кончились. Он испытывал необычайное волнение от предстоящей встречи с Яковом Наумовичем, которому предстояло выслушать ошеломляющее известие, и — одновременно — все нараставший голод.

И вот Эдя получил возможность подойти к эшелону. Он бежал вдоль вагонов и, наконец, увидел Якова Наумовича, который также всматривался в проходящих и пробежавших с надеждой увидеть кого-нибудь из родных. Добежав до Якова Наумовича, Эдя, забыв обо всех планах постепенной подготовки Якова Наумовича к ожидавшему его сообщению, крикнул: «Дядя Яша! Даня жив! Дай поесть!» Эта фраза навсегда осталась в памяти семьи.

Скоро выяснилась невеселая правда о Даниной судьбе. Он попал в угольные шахты. По-видимому, в том лагере, где они с Иваном очутились, заключенные содержались не так строго, как в большинстве мест такого рода. Вскоре Даня

стал маркшейдером. У него появились контакты с вольнонаемным персоналом.

Дальнейшее напоминает Стендаля. У Дани возникла любовь с девушкой Лидой. Она была местной жительницей и вольнонаемной служащей шахтоуправления. Подруга Лиды полюбила Ивана.

Я затрудняюсь сказать, какие именно подлоги совершила Лида и каким способом уговорила лагерное начальство (эта тема в семье традиционно не обсуждалась), но года через три жизни заключенного Даня был переведен на положение расконвоированного и, более того, ему разрешили поступать в московский вуз и — буде поступит — отпускали! Каким-то способом Лида и ее подруга помогли получить досрочную свободу и Ивану.

Таким образом, прошедшие вместе немецкий и советский лагеря, Даня и Иван женились на подругах. С Иваном, оставшимся жить в Кузбассе, Даня регулярно встречался. Они, совместно пережившие так много сходных трагических и счастливых жизненных коллизий, считали друг друга братьями. Их нежная дружба продолжалась до конца жизни. Даня умер первым.

У Дани сохранились студбилет и зачетка МАИ. Но о восстановлении бывшего военнопленного в этом престижном вузе и речи быть не могло. Эдя с Даниными документами отправился в поход по многим — не первостепенным — московским вузам. Всюду звучал отказ. Но вот, бредя по коридорам Института электрификации и механизации сельского хозяйства, Эдя наткнулся на родственника, потомственного снабженца. Выяснилось, что дядя Павлик — начальник АХО этого института. Дядя Павлик, узнав, в чем дело, зашел в нужный кабинет и сделал Даню студентом института в течение нескольких минут.

Даня и Лида приехали в Лосинку. После окончания института Даня поступил на работу на машинно-испытательную станцию в поселке Правда, что недалеко от Лосинки. Скоро он стал главным инженером этой МИС, а потом и директором института, в который МИС была преобразована. Умер он безвременно, прожив немногим более шестидесяти лет, оплакиваемый семьей и чуть ли не всем населением поселка. Яков Наумович умер несколькими годами раньше своего сына...

Я приношу благодарность Марии Колмановской за сведения, советы и замечания, принятые мной при подготовке этого материала».

В воспоминаниях использованы некоторые фрагменты из двух публикаций автора: «Арбатская прелюдия» в сборнике «Я люблю тебя, жизнь» (М.: Знание, 1999) и «В молодые годы» (М.: МЦНМО, 2004).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В предыдущих томах мы останавливались на участии евреев Могилева в театральной деятельности в довоенный период. Это касалось в основном полупрофессиональных и самодеятельных могилевских еврейских театров, ставивших спектакли на языке идиш в 20-х гг. XX в.

Развитие еврейского театрального искусства в это время связано с государственными еврейскими театрами, функционировавшими в нескольких городах Советского Союза, в том числе и в Минске (расформирован в 1949 г.). Об их гастролях в Могилеве вспоминают могилевчане и сейчас.

*Каких-либо сведений об артистах-евреях, работавших в передвижной труппе **Владимира Кумельского** (ставшей впоследствии Государственным русским театром БССР), у нас нет.*

В первый послевоенный год на сцене Могилевского театра ставила спектакли труппа Гомельского областного русского драматического театра, которая в 1949 г. была расформирована. С этого времени и до 1954 г. здание театра в Могилеве осталось без своей постоянной труппы. Возрождение могилевского театрального искусства связано с переводом сюда Пинского областного драматического театра. С этого времени на подмостках театра в Могилеве работало много артистов-евреев, которые внесли весомый вклад в

его возрождение и пользовались вниманием и любовью могилевского зрителя. Этому и будут посвящены воспоминания, помещенные ниже.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ВОЛОХОВА Марка Николаевича
(1922—1999)

«Я приехал в Могилев в 1956 г. Город был весь в стройках. Мне очень понравился театр, здание, сцена, но больше всего труппа. Я был просто поражен уровнем, качеством игры. Я видел разные театры. Раньше я работал на Сахалине. Там была сильная труппа из опытных русских актеров, приехавших на заработки. Но то, что я увидел здесь, было гораздо лучше.

Мне очень понравилась обстановка в коллективе — душевная, дружеская, теплая. Не было обычных в театре зависти, подсиживания, интриг. Но когда были собрания, к подъезду театра, бывало, вызывали скорую — на всякий случай. На собраниях артисты откровенно высказывали все, что думают о своих коллегах. Так что и до сердечных приступов доходило. Очень требовательные были и к себе, и к другим. Но обид никто не держал — жили дружно. Часто собирались вместе, выпивали, ходили в гости друг к другу, любили потрещаться, но помогали, если надо было.

Спектакль на свежем воздухе.

Фото 60-х гг. XX в. из фотоархива Могилевского областного драматического театра (МДТ)

Этюд с оленем в Солтановке.
Фото 60-х гг. XX в. из фотоархива МДТ

В то время, когда я приехал, в труппе больше половины артистов были евреями: опытные актеры классической школы **Вера Леонидовна Кабатникова**, **Анатолий Абрамович Рудаков**, **Матвей Березкин**, **Гальперина**. Это были прекрасные актеры, выдающиеся, все «заслуженные». Рудаков приехал из Севастополя, Кабатникова — из России, с Урала. Березкин работал в еврейском театре в Минске, пока его после убийства Михоэлса не закрыли. Молодых еврейских актеров не было. Один только был — **Геннадий Боровик**, незаметный актер. Он потом в Россию уехал. Что с ним — никто не знает. Еще были **Каминский** и его жена. Он играл в Северной Осетии в городе Орджоникидзе, получил там звание. Здесь играл Ленина в «Кремлевских курантах», жена — характерные роли. Очень хороший был актер, как, впрочем, и все, о ком я говорил. Отношения, как я сказал, между актерами

были очень дружеские. Не было такого, что ты — еврей, ты — русский, ты — украинец. Был у нас еще хороший режиссер **Б.А. Лурье** из Москвы, но он недолго поработал.

Среди зрителей также преобладали евреи. Зрители приходили семьями, все были нарядно одетыми: пожилые еврейки в удивительных гарусных платьях. Публика была образованная, интеллигентная. Много музыкантов, молодежи. Теперь это ушло. Зрителей и теперь много, но атмосферы той нет. Да и артистов-евреев тоже не осталось.

Театр тогда был реалистичным. Если выходили «за рамки» — руководство запрещало, объявляло формализмом и космополитизмом. В начале 80-х попал к нам очень талантливый режиссер **Юрий Мироненко**, совсем молодой парнишка. Он был далек от реализма, и ему запрещали работать в Киеве. С ним приехал и художник **Фрейдекс** из Латвии. Тогда билеты скупались спекулянтами и перепродавались с рук очень дорого, всегда были аншлаги. Театр поднялся. Публика после спектакля всегда просила остаться режиссера, художника, актеров. Обсуждала спектакль, спорила, зал делился на тех, кто «за» и кто «против». Актеры-евреи новое направление не принимали — школа другая, возраст, опыт. С ними работал другой режиссер — **Раевский**. Он ставил мхатовские реалистические спектакли, и на них тоже хорошо ходили. Зрители заказывали билеты заранее. Это было похоже на первые годы Таганки. Но Фрейдекса перевели в Минск, и там он был убит (из воспоминаний **Волохова Марка Николаевича** (1922—1999), художника-постановщика Могилевского областного драматического театра).

Артисты тоже ходили на демонстрации.
Фото 60-х гг. XX в. из фотоархива МДТ

Деревенские гастроли Могилевского областного драматического театра.
Фото 60-х гг. XX в. из фотоархива МДТ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

АРТЕМЬЕВОЙ

Екатерины Георгиевны (р. 1927)

«Я родилась в Могилеве в 1927 г. Родители мои тоже здесь родились. Жили мы напротив театра. До войны я успела окончить 6 классов школы № 1. В эвакуации мы были в Подмоскowie у папиной сестры. Вернулись в 1945 г. в разрушенный Могилев. Я снова пошла доучиваться в школу № 1. С войны возвратились далеко не все. Из нашего класса — только два мальчика. Что стало с остальными — не знаю.

В этом же году вернулся и наш могилевский театр. Мы, можно сказать, «паслись» в театре. Но труппа проработала в Могилеве недолго, потом уехала на гастроли в Гродно. Тогда директор театра и худрук поставили вопрос в министерстве о переезде труппы в Минск, где пустовало здание. А в 1946 г. в Могилев приехал Гомельский театр, у которого не было своего помещения. Артисты были очень хорошие, многие — выпускники училища при МХАТе, которое окончили перед

войной. Вот в этот театр я и пришла ученицей гримера в 1947 г. Здесь в это время работал заведующим гримерным цехом очень хороший мастер **Аркадий Моисеевич Медников**. Он сам был могилевчанином. Его большая еврейская семья жила на ул. Ленинской. Отец был жестянщиком. Аркадий Моисеевич умер в Челябинске в 60-х гг. Сестра его тоже работала в театре парикмахером.

В 1948 или 1949 г. театр сняли с дотации, поставили на хозрасчет. Тогда разъехались многие артисты и обслуживающий персонал, в том числе и директор (он был из Москвы). Тогда же

новый театр решили организовать в Бресте, куда переехало и много могилевчан. Из евреев тогда работала **Лиза Идиткина** (она была на пару лет старше меня), жена известного артиста **Полосина**, позже получившего звание «заслуженного», а потом и «народного». Родом она была из Ашхабада. Монтировщиком сцены работал **Фердер**.

После отъезда труппы в Брест несколько лет в Могилеве театра не было. А когда стали укрупнять области, Пинская была ликвидирована и в Могилев в 1954 г. приехала труппа Пинского

Артистры возле здания театра.
Фото 70-х гг. XX в. из фотоархива МДТ

Юдифь Самойловна Гальперина.
Фото 60-х гг. XX в. из фотоархива МДТ

Свидетельство о присвоении
Ю.С. Гальпериной звания
заслуженного артиста БССР.

театра, в которой много было выпускников московских и ленинградских театральных вузов. Среди новых талантливых актеров тоже было много евреев. **Юдифь Самойловна Гальперина** тоже приехала из Пинска, хотя до войны она работала в Минске (окончила Ленинградский институт). А родом из Мозыря. С ней в Могилеве жила мама. Часто наши с ней мамы вместе сидели во дворе, разговаривали. А папа ее был известным музыкантом.

Еще **Кабатникова, Рудаков**, тоже из России. Приехал и **Матвей Березкин**, который до войны работал в Минском еврейском театре — БелГОСЕТе. Мы долгое время работали вместе с этим замечательным человеком и артистом. Его жена Роза — польская еврейка. Она была замечательной закройщицей, работала в ателье. Знаете, почему еще мы так много общались с Матвеем? Мы оба знали идиш и могли поговорить на еврейском. Ведь я выросла в еврейской среде, многие мои подружки говорили на идиш. Родители мои тоже много с евреями общались и язык хорошо знали. А молодые артисты-евреи его не знали. Помню, Анатолий Рудаков при каком-то разговоре подсел ко мне и просил переводить. В это время заведующим труппой работал **Шер**, а в театре был актер **Штерн**. Одного из них звали Лазарь Моисеевич, а вот кого именно — сейчас не помню. У Штерна было амплуа комика, резонера. Невысокого роста. И актер очень хороший, и человек замечательный. Он и в жизни соответствовал своему амплуа, был очень веселым. В те времена он был уже немолод. Умер в Могилеве, но на каком кладбище похоронен — не знаю, т. к. жена у него еврейкой не была.

Работал в театре мужской портной **Яков Лейбович**. Замечательный человек, прекрасное

чувство юмора, и специалист отличный. Женским портным работала женщина, фамилию которой я не помню.

Художником по свету был **Лева Шухман**. Он умер в Могилеве в 1995 г. Работал еще электрик **Нона Левитан**. Долгое время с 1954 г. заместителем директора (он тоже приехал из Пинска) был **Ефим Григорьевич Гинзбург** (1907—1988).

Позже появился в театре **Лева Закашанский**. Мы с ним знакомы со школьной скамьи. В их многодетной семье было десять детей. Мы учились в одном классе с его братом Рувой. Часто я бывала у него дома.

Еще моей подругой была помощник режиссера **Клара Абабурко**. Она из ленинградской еврейской семьи. Ее отца, высокопоставленного партийного деятеля, арестовали и расстреляли до войны. Мама ее, **Бася Адольфовна**, с детьми скрывались от репрессий в Грузии. После войны в 1945 г. они каким-то образом попали в Могилев. Бася Адольфовна была родом из какого-то небольшого местечка в Белоруссии. Проработала Клара в Могилеве до 60-х гг. Когда ее отца реабилитировали, они с мамой вернулись на родину в Ленинград, где им дали хорошую двухкомнатную квартиру. Клара там стала работать в театре Ленсовета у Владимирова. Сейчас их обоих уже нет в живых.

Секретарем-машинисткой работала **Рая Портная**. Папа ее был директором швейной фабрики.

Одно время (в конце 50-х гг.) при театре действовала театральная студия, которая находилась в здании кинотеатра «Родина». Там преподавали многие артисты театра: **Березкин, Гальперина, Сима Раевская**, жена нашего главного режиссера. Вот из той студии к нам попал **Лева Зака-**

шанский, Боря Дружнов. Но Боря проработал совсем немного, потом он уехал в Россию, сейчас живет в Челябинске, имеет звание народного артиста России.

Руководителем и дирижером оркестра был талантливый музыкант **Лазарь Исаакович Каганов.**

Играл в театре еще бывший опереточный актер **Семен Каленский.** Он был невысокого роста, полноватый, но очень легкий и подвижный. Прекрасно пел и танцевал. Лет пять он проработал, а когда уехал режиссер, Семен уехал с ним сначала на Кавказ, а потом его следы потерялись.

В 60-х гг. в театре работала очень интересная актриса **Эсфирь Матвеевна Михайлова,** жена директора театра. Они уехали в Харьков, откуда были родом. Их сын, **Александр Михайлов,** сейчас главный режиссер Орловского театра. В это же время главным режиссером был **Матвей Соломонович Володарский.**

Белла Полонская тоже часто ко мне обращалась за переводом с идиш. Как-то она лежала в больнице после операции, и я сделала чисто еврейскую еду и принесла ей. Она так плакала, говорила, что я ей напомнила ее бабушку (из воспоминаний **Артемьевой Екатерины Георгиевны** (р. 1927), проработавшей в театре 55 лет, 2007 г.).

КАБАТНИКОВА Вера Леонидовна
(1924—1997)

РУДАКОВ Анатолий Абрамович
(1921—1990)

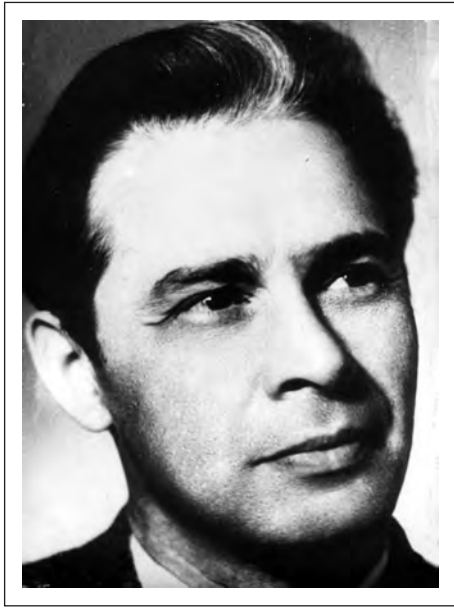
«Мама, **Вера Леонидовна Кабатникова,** родилась на Дальнем Востоке в Чите в 1924 г. Ее отец, **Леонид Ильич Кабатников,** среди друзей — Лелик, был родом из Одессы. Дедушка был необыкновенным человеком. Сохранилась фотография деда с композитором **Дунаевским.** Они вместе учились в реальном училище. Дедушка был хулиганом. Из училища его исключили, и родители послали его к тете Матильде в Буэнос-Айрэс. Тетя Матильда там имела свой отель. А дедушка должен был учиться гостиничному бизнесу. Но ему там быстро надоело. Язык он знал плохо, учиться не хотел. Ему удалось уговорить моряков с какого-то корабля взять его с собой. Лелика спрятали в угольной яме и приносили ему туда еду. Так он доплыл до Гамбурга. В Гамбурге, прямо в порту, его случайно встретил дальний родственник, который сворачивал деятельность своей

фирмы, чтобы срочно бежать в Россию. Можно себе представить, как он удивился, увидев Лелика, который должен был быть в Бразилии, в другой части света. Он-то и рассказал деду, что началась война. Вместе со своими людьми этот родственник вывел деда в Россию, где его сразу забрали в армию. Воевал он героически. Участвовал в Брусиловском прорыве. Еврей — полный георгиевский кавалер — это большая редкость. Был даже награжден тем, что направлен в школу прапорщиков. Это было очень необычно для евреев.

Уже в советское время, в 1937 г., деда арестовали. Он работал в Новосибирске на строительстве большого оперного театра. Директор строительства попросил его поменять трубы на цемент. За эту бартерную сделку, которая очень ускорила строительство, дед получил в награду отпуск и поездку в Кисловодск. Но директор умер. На его место поставили такого бдительного товарища, который расценил этот обмен как вредительство. На допросе следователь выбил деду все передние зубы за то, что тот «царя-батюшку защищал». Ему дали 10 лет без права переписки, т. е. фактически это грозило расстрелом. Деда послали на каторгу в Дальлаг. Бабушка с мамой сбежали в Воронеж, чтобы их не забрали тоже. Через несколько лет, уже во время войны, кто-то научил бабушку, что надо написать письмо Сталину. Бабушка продиктовала письмо маме. Надо было, чтобы письмо было написано от имени ребенка и детским почерком. Мама писала, что папу неправильно осудили, и просила с этим разобраться. Обратным адресом написали адрес школы. Особенно на это не надеялись и не очень верили, что придет ответ. Однажды на урок в мамин класс вошел директор. У него тряслись руки, как будто в руках было не письмо, а бомба. Оно было подписано секретарем Сталина. В нем сообщалось, что дело будет обязательно

Лелик Кабатников и Исаак Дунаевский.
Фото из семейного архива Рудакова Ю.А.

Анатолий Абрамович Рудаков.
Фото из семейного архива Рудакова Ю.А.

пересмотрено и, если отец осужден несправедливо, он будет освобожден. Тогда многих освобождали, чтобы послать на фронт. Но дед уже подорвал свое здоровье и призван быть не мог. Он был очень хорошим снабженцем, и после освобождения даже с клеймом «врага народа» его взяли на военный номерной завод в Куйбышеве.

Мама перед войной как раз окончила школу. Ей было 17 лет. Она во время войны была в Новосибирске, в эвакуации, работала в военном госпитале. Однажды ей даже пришлось выносить ампутированную ногу в тазике. Потом работала на военном заводе, где делали снаряды. За эту работу получила медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Мама была влюблена в театр. Еще девочкой она снималась в знаменитой «Золушке». Она играла Красную Шапочку. По сценарию картинки со сказочными героями как бы оживали и сходили со стены. Мама играла с огромным волкодавом. Долго привыкала к нему. Этот фильм получился трехчасовым, и его потом сократили вдвое. Вырезали и мамин эпизод. Она только на заднем плане и осталась.

Она поступила в студию при Новосибирском театре. Туда из Ленинграда в эвакуацию приехал знаменитый театр им. Пушкина (Александринка). Педагогами на курсах были **Василий Васильевич Меркурьев** и его жена **Ирина Всеволодовна Мейерхольд** (дочь режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда). Им так понравились ребята из студии, что они решили весь курс повезти в Ленинград. Там мама сразу поступила на 2-й курс Ленинградского театрального института. Закончила его в очень неудачный год, когда теа-

тры перешли по госуказу на самофинансирование. Сокращались труппы, очень много театров закрылось. Распределения практически не было. Но Меркурьев весь курс послал в Выборг. Они должны были организовать городской театр. Городок очень маленький, сборов не было, и через год театр распался. Родители мамы жили в Куйбышеве, и она поехала к ним. Там работала несколько лет в ТЮЗе, а потом приехала в Москву на «актерскую биржу». Здесь и пригласил ее работать директор Могилевского драматического театра **Росиков**.

Ситуация тогда сложилась интересная. В Минске тогда был только один белорусский театр им. Я. Купалы. Он не мог вместить всех желающих. Могилевский русскоязычный театр, как лучший в Белоруссии, в 1951—1952 гг. перевели в Минск. Город остался без труппы. Как раз вышел указ об укрупнении областей, и так получилось, что в Пинске, который стал райцентром, был театр, а в Могилеве, областном центре, театра не было. Вышел приказ о переводе Пинского театра в Могилев. Так директор и оказался на бирже в Москве, чтобы укрупнить труппу. Маме он сразу пообещал большие главные роли в знаменитых пьесах.

Первое время мама работала в Пинске. Театр уже тогда назывался Могилевским, но еще год-полтора «доигрывал» на старом месте. Она всегда жила в крупных городах и вдруг попала в маленький польский Пинск. Сначала ее охватил ужас, но ее приняли как родную! Была невероятно теплая атмосфера.

Ее первая роль — арбузовская Таня. Она играла премьеру на гастролях в Бобруйске. Успех был ошеломляющий. Пьеса шла долгие годы. Был очень хороший режиссер из Москвы — Шутов. В театр пригласили много хороших актеров. Много было «Заслуженных», несколько «Народных». Через год театр гастролировал в Минске, где его очень любили. Период с 1954 по 1964 г. называют «золотым веком могилевского театра». Потом стало появляться телевидение и в театр уже ходили не с такой радостью и охотой.

Отец, **Анатолий Абрамович Рудаков**, тоже работал в разных театрах, постраниковал по Союзу. Он родился в Ростове-на-Дону в 1921 г. Вырос сиротой — его отец погиб в 30 лет, когда папе было только 8 месяцев. Когда началась война, он как раз служил срочную службу в Монголии. Пошел на фронт добровольцем. Имел два ордена, был ранен. Лежал в госпитале в Ульяновске. После войны работал в театре Приволжского военного округа. Учился до войны в Ростовском училище у народных артистов Николая Мордвинова и Веры Марецкой.

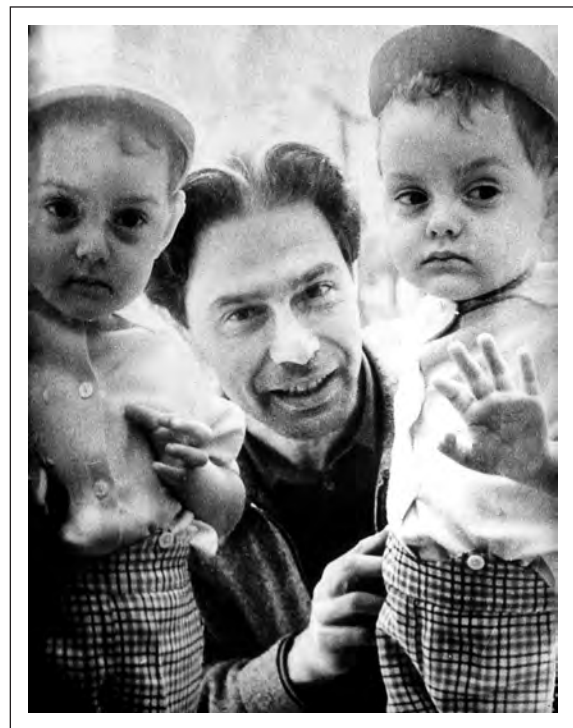
В том же 1953 г., когда и маму, Росиков пригласил отца в Могилев. Отец тогда работал в маленьком Таганроге, но надеялся попасть в Ростовскую драму. Он был оттуда родом, и главный режиссер ростовского театра обещал его взять

через год. Но этого режиссера сняли. Тогда отец вспомнил о приглашении Росикова. В Могилев он приехал в 1955 г.

Актерам и работникам театра отдали целый подъезд в доме возле Минского рынка. Жили там очень дружно. Все праздники вместе праздновали, помогали друг другу. До сих пор там живут артисты или их родственники. Папа играл Петруччо в «Укрощении строптивой». С первого дня работы в театре у него было амплуа героя-любownika, а у мамы — лирической героини. Хотя они могли сыграть любую характерную роль. Для многих зрителей они были любимыми актерами. Я тогда, в подростковом возрасте, очень стеснялся их популярности. Помню, в пионерском лагере как пионервожатая или воспитательница узнают мою фамилию, сразу спрашивают, не работают ли случайно мои родители в театре. Я отвечал, что «случайно работают». Сразу начинались восторги, восхваления, охи, ахи. Когда я попал в аварию, нянечка, простая деревенская бабуля, узнав, что я сын ее любимых артистов, от меня не отходила. А родители тогда уже давно не работали.

Мама играла главную роль в пьесе «Коварство и любовь» Шиллера, мальчика Гогу. Она могла играть любые роли: и героические, и лирические, и даже детские. Мамина роль Шурочки Азаровой в «Гусарской балладе» была одной из самых удачных. Те, кто видел, говорят, что это был замечательный спектакль, гораздо лучше даже

Анатолий Рудаков с сыновьями Мишей и Юрой.
Фото из семейного архива Рудакова Ю.А.

Вера Леонидовна Кабатникова.
Фото из семейного архива Рудакова Ю.А.

классического фильма Рязанова. Спустя много лет его помнили и рассказывали, как прекрасно играла Вера Леонидовна. Замечательные фотографии мамы в этой роли **Якова Рога** продавались в ларьках как открытки. Она отработала в театре 35 лет, папа — немного меньше.

В 1959 г. маме присвоили звание заслуженной артистки Белоруссии. Евреям получить такое звание было чрезвычайно трудно. Считалось, что надо поощрять национальные кадры. Это я говорю не от обиды, но актеры, русские и белорусы, получали звания гораздо раньше евреев. **Березкин**, например, — великолепный актер, а никакого звания не имел. Он был из БелГОСЕТа (еврейского театра, где работал Михоэлс), играл раньше на идише. Ни один еврей не получил звание народного артиста.

В 1960 г., сразу после присвоения маме звания, тогдашний глава города, влюбленный в маму как актрису, дал семье 3-комнатную квартиру рядом с театром. Мама тогда уже была беременна, и все знали, что будут близнецы.

В тот год мама ездила на гастроли в Житомир. Там была забавная история. Родители жили на квартире. Хозяйка знала, что мама в положении, хотя ничего еще не было заметно. В спектакле «Замок Броуди» она играла старшую дочь, которую отец, узнав, что она ждет ребенка, бьет ногами. Хозяйка пришла в театр и, когда увидела эту сцену, подняла невероятный крик: «Не бей ее, она же беременная!»

В 1970 г. отмечали столетие Ленина. Тогда было принято решение, что каждый коммунист в такой знаменательный день должен дать клятву у памятника Ленину. Давало клятву политбюро

Вера Леонидовна Кабатникова.
 Фото из семейного архива Рудакова Ю.А.

у мавзолея, должны были клясться в верности ленинским заветам и главы республик. 22 апреля, рано утром, в нашу дверь кто-то громко и настойчиво постучал. «Анатолий Абрамович здесь живет?» Мама очень испугалась, она еще помнила, как арестовывали отца. В дом зашли несколько человек в форме и в штатском. Отца срочно вызывали в Минск. Дали полчаса на сборы. Во дворе стоял правительственный лимузин с эскортом из машин КГБ.

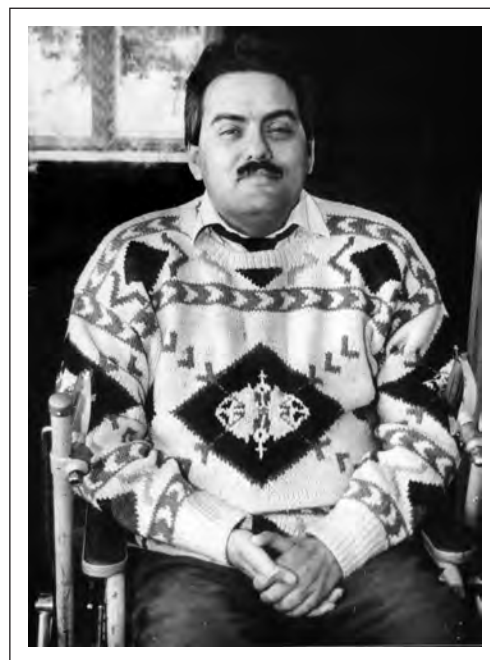
Папу отвезли в Минск. Там ему дали текст клятвы, а затем мы видели по телевизору, как он своим чудесным выразительным голосом читает эту клятву коммунистов, а Машеров и члены ЦК повторяют за ним в конце каждой фразы: «Клянемся!» В остальных советских республиках текст читали сами председатели политбюро со своей, мягко говоря, неважной дикцией. На их фоне речь папы особенно выделялась. Папе сказали «спасибо» и отвезли домой. Продолжения эта история не имела. Отец умер 10 апреля 1990 г.

Мы с братом родились в 1961 г., тогда из 11 спектаклей в семи мама играла главные роли без дублеров. Режиссер Росиков говорил, что если мама уйдет, то театр можно закрывать. Спектакль надо было готовить за два месяца. За это время подготовить дублершу режиссеры просто не успевали. Для нас с братом театр стал родным домом. Мы выросли в театре. Мне было полгода, когда я впервые поехал на гастроли в Минск. Моя мама не пропустила ни одни гастроли, и Росиков создал ей просто уникальные условия, чтобы она

могла играть в Минске. Мама поехала с бабушкой и со мной. А брату Мише нашли кормилицу, и он остался в Могилеве. Я был более слабым, болезненным, и хотели оставить меня, но я грудь кормилицы не взял. Все время с тех пор я был «маминым» ребенком, а брат — «папиным». Когда мы окончили школу, конечно же, поехали поступать в театральный институт. Но с первого раза не прошли. Мы первый раз приехали в Москву, подготовились неплохо, но были очень провинциальными и неопытными. На следующий год поехали в Москву еще раз. Но срезались после третьего тура. Поступили в Ярославский театральный институт. Потом я служил в армии. После учебки попал в театр Тихоокеанского флота. Миша болел и окончил институт на год позже. Он тоже служил на Тихоокеанском флоте. Потом мы вместе работали в Могилевском театре, но это был уже не тот театр, что в детстве. 10 лет назад я попал в аварию и теперь не могу ходить. А Миша работает в Минске.

И отец, и мать не из бедных семей. Они не были верующими, не говорили на идиш (в России он был не так распространен, как в черте оседлости), но всегда помнили, что евреи. Я помню, как ранним утром, когда еще темно, к нам приходил какой-то старичок с чемоданом. В чемодане была маца. Нас отправляли в детскую, но мы слышали, как мама разговаривала и расплачивалась с ним.

Мама умерла 29 июля 1997 г. Двор был полон людей и цветов. Страшно было выходить в обычно пустой двор» (из воспоминаний **Рудакова Юрия Анатольевича** (р. 1961), 2000 г.).

Юрий Анатольевич Рудаков

БЕРЕЗКИН Матвей Соломонович
(1915—1966)

Матвей Березкин, старший брат литературного критика **Григория Березкина**, родился в Могилеве в 1915 г. До войны был артистом Белорусского государственного еврейского театра в Минске.

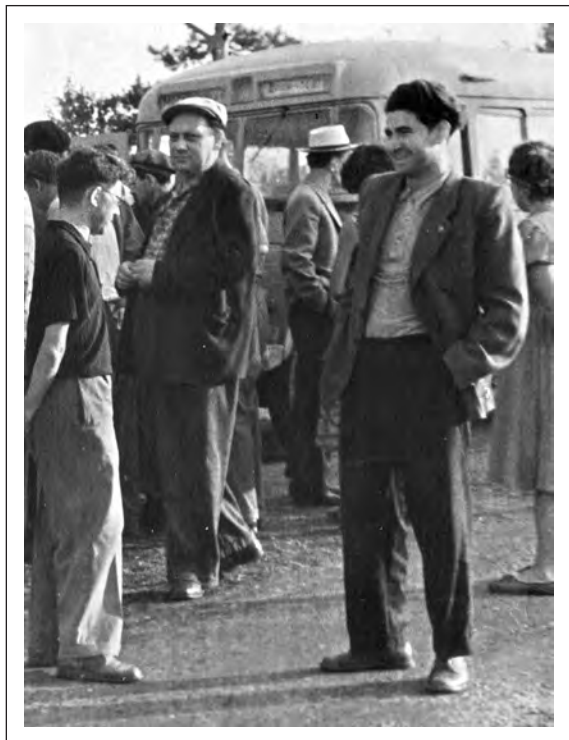
В первые дни войны ушел добровольцем на фронт. С боями отступал до Москвы и поздней осенью 1941 г. был тяжело ранен. С простреленной грудью попал в госпиталь, где лечился несколько месяцев, и был комиссован.

Уехал в эвакуацию в Новосибирск. Смог устроиться в местный театр.

«Эвакуация, теснота, невероятная скученность, полуголодная жизнь и сибирские морозы — а спектакли шли, и далеко не в пустом зале. Своей сценической площадки не было — по-братски поделились соседи — русский драмтеатр. Играли в очередь, через день. И современные, написанные наспех, на злобу дня, пьесы, и еврейская классика — все это было нужно людям не меньше хлеба, вернее, это был тот хлеб души, без которого человеку трудно оставаться человеком».

В составе смешанных бригад двух театров Матвей Березкин постоянно участвовал во фронтовых гастролях.

Сразу после освобождения Минска вернулся домой Белорусский государственный еврейский

М.С. Березкин в одной из гастрольных поездок.
Фото из фотоархива МДТ

Матвей Соломонович Березкин.
Фото из фотоархива МДТ

театр. Вернулся в Минск и Матвей Березкин. Играли и параллельно сами восстанавливали театр, были и столярами, и плотниками. В послевоенном репертуаре БелГОСЕта — «300 000», «Заколдованный портной», «Тевье-Молочник», «Гершеле Острополер», «Бар-Кохба» и обязательный ассортимент лауреатских пьес в переводах на идиш.

«Еврейский театр... Большая часть еврейского населения Беларуси переселилась в братские могилы, сотни еврейских местечек, где так любили свой театр и каждый спектакль был праздником и для зрителей, и для актеров, стертые с лица земли. И хотя для тех, кто вернулся из эвакуации, с фронта, БелГОСЕТ остался таким же любимцем, как и был, однако уже стала ощущаться сталинская тактика «выжженной национальной культуры»: еще за четыре года до войны были закрыты все еврейские школы и факультеты в вузах, подорвана образовательная основа культуры, выросло поколение, не знающее ни родного языка, ни письменности, а следовательно, и литературы. В этих условиях только БелГОСЕТ оставался последним бастионом еврейской культуры в Беларуси.

Не случайно любимыми героями артиста-фронтовика были негибимый Бар-Кохба и народный мудрец Тевье: все понимать и, тем не менее, не сдаваться.

Самым счастливым днем в своей жизни Матвей считал тот, когда сам великий **Михоэлс** пригласил его в свой театр. Судьба, однако, распорядилась иначе: Михоэлс был убит именно в Минске, антисемитская кампания в СССР стала быстро набирать обороты. В апреле 1949 г. Белорусский государственный еврейский театр был властями закрыт. В истории еврейской культуры в Беларуси была поставлена жирная точка.

Ну, а безработных «заслуженных» и еще «незаслуженных» издевательски трудоустроили: специально для этой цели партийные власти изобрели

М.С. Березкин в одной из ролей.
Фото из фотоархива МДТ

монстра — «Колхозно-совхозный передвижной театр», театр на колесах. Играть приходилось в сельских клубах, а подчас и на открытых площадках прямо в поле — естественно, ни о какой серьезной работе, ни о каком творчестве в этих условиях не могло быть и речи. «Блуждающим звездам» грозило быстрое вырождение в блуждающих ремесленников, поэтому они при первой же возможности уходили в любой стационарный театр — кто в какой-нибудь белорусский областной, а кто и на Камчатку, лишь бы не потерять себя, остаться в искусстве».

В это время в Могилеве создавалась новая труппа. На вакантное место в 1957 г. пригласили и Матвея Березкина. Земляки хорошо помнили его по гастроллям БелГОСЕТа.

«Открытый, остроумный, неизменно дружелюбный Матвей быстро стал душой труппы, любимцем публики — старые театралы специально ходили «на Березкина». Он играл русскую и белорусскую, советскую и зарубежную классику, а в душе оставался тем же Сыном Звезды — отважным, нестигаемым Бар-Кохбой, артистом того, уже несуществующего театра, которому отдал 17 лет жизни.

Веку же ему было отпущено всего 51 год...

Годы уносят память о сыгранных когда-то ролях — тогда еще не было в наших краях видеотехники, а телевидение не выросло из детских штанишек — все меньше остается людей, которые

сами видели, слышали и помнят. Но дух нестигаемого Бар-Кохбы, когда-то переданный артистом Матвеем Березкиным, наследуют их внуки».

Умер М. Березкин в 1966 г. (по воспоминаниям-эссе **Михаила Шульмана** «Заложники времени»).

ЗАКАШАНСКИЙ Лев Моисеевич (1931—2007)

«Для того чтобы восстановить все перипетии моей жизни, нужно приложить немалые физические и моральные усилия. Я уже много лет живу в Израиле, но для меня очень важно то, что происходило со мной, с моей семьей, с моими знакомыми в моей жизни.

Я родился 22 сентября 1931 г. в Могилеве в Первой советской больнице на четвертой кровати у окна. Об этом поведала мне двоюродная сестра моего отца **Хаймова-Закашанская**. Буквально за день до моего рождения она родила сына **Зяму** (потом он стал музыкантом, сейчас живет в США).

Семья наша была большая: мама **Мера Израилевна Гуревич**, папа **Моисей Яковлевич**, старший сын **Янкель** — 1920 г.р., **Нахим** — 1922 г.р., **Лазарь** — 1924 г.р., **Рува** — 1928 г.р., я — 1937 г., **Абраша** — 1937 г.р., **Рая (Хая)** — 1938 г.р. и **Сара** — 1941 г.р., которая родилась в начале войны.

Папа тоже родился в Могилеве, в 1883 г. И у него было еще три родных брата. **Самуил** в 1912 г. уехал в США в возрасте 18 лет. До этого он работал в Могилеве трубочистом. Мне удалось с ним списаться в 1964 г. Самуил очень хотел приехать в Могилев, повидать родной город и живых родственников. Я обратился в органы, но ответ был однозначный: «Нет!» Аргументация проста — вам негде принимать американского гостя. Так он к нам и не приехал. Потом и связь наша прервалась, а дети его и внуки уже на мои письма не отвечали. (Кстати, до моей переписки все в семье считали, что Самуил выехал в США после революции в 1921 г. Но оказалось, что это не так. Он мне сам написал в письме, что уехал на заработки в «проклятое царское время». В 1912—1913 гг. был поварный выезд евреев в США).

Мама до переезда в Могилев (после замужества в 18 лет) жила в деревне Каличенка (станция «Друть»). Недалеко от этой деревни располагался какой-то большой военный гарнизон. Знаю, что мамин брат **Меер** женился на медсестре, которая там служила.

Даже когда я еще до войны, будучи ребенком, ездил туда к бабе и деду на лето, то военных там было много. Запомнился костел в центре села, куда съезжались на службу из окрестных сел и городов. Мне было интересно наблюдать за службой и слу-

шать звуки органа. Но однажды, когда мы с ребятами вышли гулять, то увидели разбросанные на улице алюминиевые трубки. Костел был закрыт, на дверях висел большой замок.

Еще одно очень яркое воспоминание детства — 1936 год. Я гулял во дворе и, когда возвращался домой, застал такую картину: на улице сидела плачущая мама, а вокруг лежали наши вещи и мебель. Нас буквально выбросили на улицу. У двери нашего дома стоял красноармеец-часовой с ружьем. Два года после этого мы прожили в подвальном помещении в Комисариатском переулке, а потом нам выделили двухкомнатную квартиру на 9 человек. Естественно, о воде и канализации не было и речи, а в туалет бежали «за тридевять земель».

Здесь мы и жили до самой войны. В начале ее беременная мама, я и еще трое детей эвакуировались. Папа вступил в ополчение и погиб при обороне города. Первые дни войны тоже хорошо запомнились. Около нашего дома рядом с Первомайской была вырыта огромная канава в Человеческий рост, покрытая бревнами и засыпанная землей. Сверху положен был дерн с травой для маскировки. Такое было наше домашнее бомбоубежище, где мы прятались во время бомбежек. Таких землянок было вырыто много по всему городу. А ночью старший брат Ян водил нас на Дубровенку, где жила его девушка, и мы там отсиживались.

До конца июня руководство хлебозавода, где работал отец, уговаривало маму уехать. Рассказывали, что фашисты евреев уничтожают. Но мама говорила: «В 1918 году немцы евреев не трогали и сейчас не будут». Только 3 июля пришел директор и сказал, что нужно поехать только до Рославля, там переждать пару месяцев, а как только война закончится, можно будет вернуться. Тогда мама, скрепя сердце, согласилась. Ночь с 3 на 4 июля была страшная. Бомбили непрерывно. В шесть утра мы, как были, взявшись за руки и за мамину юбку, направились к вокзалу. Здесь была тьма народу. До двух часов дня эшелонов не было. Начался очередной налет. Бомбили вокзал, это было ужасно. К счастью, бомба, которая упала буквально рядом с нами, не разорвалась. Через некоторое время началась посадка. Нас сажали в товарные эшелоны. В наш вагон вошли две женщины и внесли тяжелый мешок, который поставили в угол. Через секунду ворвались трое мужчин с винтовками и погонами, кинулись к мешку и извлекли оттуда мужчину. Женщины стали плакать и умолять. Но человек с погонами кричал: «Вы что, не знаете, что никто в возрасте до 60 лет не может покинуть город!» Это все происходило очень быстро. Потом раздался выстрел и заголосили женщины. Это ужасное зрелище осталось в моей памяти на всю жизнь.

Когда вагоны были забиты, эшелон тронулся. Но в районе Кричева началась новая бомбежка. Мы выбежали из вагонов в поле с житом. Когда

Лева Закашанский. Могилев, 1947 г.
Фото из семейного архива Закашанского М.Л.

самолеты улетели, поезд загудел и тронулся, а мы остались стоять посреди поля. Таких, как мы, было много. Все стали расходиться кто куда. Мы направились пешком в сторону Кричева. Там снова едва влезли в эшелон и доехали до Рославля. Здесь мама пыталась с нами выйти из вагона, но ее буквально затолкали обратно с криками: «Вы куда? Вот-вот немец будет в Рославле!» Дальше было уже все равно, куда везут и когда приедем. На каждой остановке мы с братом бежали на станцию и просили у людей хоть что-нибудь поесть. Так на девятый день мы оказались на Урале, на узловой станции Вязовая. Выйдя из вагонов, увидели стену народа, который как будто вышел кого-то встречать. Мама спросила у одной женщины: «Что за праздник? Или вы кого-то встречаете?» Ей ответили: «Мы встречаем евреев». Мама сказала: «Вот перед вами евреи. Это мы». На что женщина заперечила: «Какие же вы евреи, вы — такие же, как мы, а евреи — с копытами и рогами». Что можно было сказать ей в ответ? Мы молча прошли мимо. Нас расселили в школе. С нами была и мамина сестра с тремя детьми. Сначала привозили полбуханки хлеба на члена семьи и бидон молока, потом доза уменьшилась вполовину, потом — еще вполовину, и немного погодя вообще перестали что-нибудь привозить. Сказали: «Война затягивается — все идет на фронт». В сентябре нас распределили по домам. Мы вдвоем жили в одной комнате, спали на полу. Работать могла только тетя, т. е. мама вот-вот должна была родить. Старшему брату было двенадцать, мне не было десяти, остальные еще меньше. Тетя смогла устроиться разгружать

Лев Закашанский в роли Кривой Ноги в спектакле «Великий волшебник» (1962).
Фото из семейного архива Закашанского М.Л.

уголь, а мы с братом ходили на вокзал просить милостыню. Нас заметила женщина — старшая в столовой. Предложила пилить и колоть дрова, а за это давала по тарелке супа. Так начались наши трудовые будни. Приносили домой полкотелка супа и делили на всех. Остальное добирали «дарами леса», слава Б-гу, леса на Урале очень богатые: грибы, ягоды, крапива — все шло в ход. В тот год было очень много черемухи — деревья чуть не ломались. Набирали ее ведрами — варили кисели и пекли пироги, если появлялась мука. Я еще умудрялся продавать ее на базаре стаканами по 5 рублей. Но что такое 5 рублей, когда буханка хлеба стоила все 100 рублей. А зимой, когда начался настоящий голод, за 100 рублей продавали ведро шелухи от картошки.

Приходилось и подворовывать что-то с платформ на вокзале, чтобы поменять на уголь или соль. Сколько крови из носа вытекло, когда милиция нас ловила и била! В следующее лето подрабатывал пастухом на маленькой свиноферме при железнодорожной столовой. После наступления холодов и оттуда пришлось уйти.

В поселке была пекарня, и хлеб, который там выпекали, развозили на телеге в будке по магазинам и столовым. Когда хозяин телеги привозил пустую будку к пекарне, то распрягал лошадь, а будка оставалась стоять на улице. Мы с другом Сергеем как-то решили в эту будку залезть и попали как будто в сказочное царство. Все дно

будки было усеяно крошками. Мы это ели, ели, в карманы закидывали в темноте все, что можно было закинуть. Это было настоящее счастье. Так продолжалось не одну ночь. Но однажды, сытые и довольные, мы заснули прямо в будке, где нас и застал обалдевший хозяин. Но ругать нас он не стал и потом всегда сам давал нам хлебные крошки после своего рабочего дня. Через некоторое время мы с братом смогли устроиться на бойню для скота пастухами. Работали за 200 г хлеба и збой, т. е. требуху от убитых животных. А ближе к зиме мне дали сани, запряженные молодым бычком, на которых стоял короб. В этом коробе я вывозил с бойни «отходь». Когда забили моего бычка, дали мне кобылу. Но и ее потом пустили под нож. Все это делалось при мне, и я просто не смог больше там работать — не вынес того, что убивали моих «друзей».

Попробовал поступить в ремесленное училище. Оно находилось в соседнем городе Юрузани. Но сразу меня туда не взяли, т. к. мне было лишь 12, а прием начинался с 14-ти. Лишь после долгих хлопот «вошли в положение» нашей семьи и стал я учиться на модельщика. Правда, недолго: нас, 12—13-летних пацанов, отправили валить лес. На двух человек даже план был: 31 кубометр в месяц. Я сейчас даже с трудом могу себе представить, как мы валили огромные сосны, распиливали их и складировали для замеров. Обед готовили сами поочередно из сухого пайка, а хлеб давали сразу на неделю. Но я его умудрялся съесть за день-два.

28 июня 1944 г. под вечер я услышал, что освободили Могилев. Родители решили возвращаться, и я пошел к директору училища отпрашиваться. Но получил категорический отказ. Я должен был продолжать учиться, т. е., скорее, работать. Я еще оставался мальчишка, а родители уезжают. Что мне оставалось делать? Решил бежать. Но это было не так просто: кругом завода река Ерузань, два моста, часовые. Четыре раза я пытался бежать, и четыре раза меня ловили. Директор вызвал меня, велел все казенное с меня снять и сказал: «Теперь уходи». Так я в рваных лохмотьях явился на глаза матери. Полтора месяца ехали до Могилева. За это время мы с братом успели отстать и снова догнать поезд. В Кричеве встретили начальника областной милиции Глазшнейдера. Он говорит: «В городе еще трупы валяются, а вы уже тут как тут. Надо подождать, пока немного наладится». Но мама решила ехать в Могилев. И вот мы — четверо детей и мама с младшенькой Сарой на руках — бредем по утреннему, совершенно пустому городу в сторону своего бывшего дома. Мы постучали в свою дверь. Долог не открывали, потом на пороге появился мужчина в форме кагэбэшника с тупым лицом и спросил: «Чего надо?» Мама все рассказала и показала паспорт с пропиской. Но тот швырнул паспорт и сказал: «Ничего не знаю. Вон отсюда». Можете себе представить, каково нам было слушать такое. Но что нам оставалось делать? Пришлось обустрои-

ваться в стоящих рядом сараях. Здесь мы и прозябали до холодов, но дальше надо было на что-то решаться. Кругом было много полуразрушенных домов с пустующими квартирами. Почти пуст был «дом 90» (сейчас угол проспекта Мира и улицы Первомайской), «дом Сталина» (сейчас библиотека К. Маркса) тоже пустой, но почти разрушенный — в него вселяться было опасно. «Дом Буденного» (рядом с улицей Ленинской) начали ремонтировать. Рядом стоял «дом Ленина» (раньше здесь были железнодорожные кассы), и там оставались еще пустующие квартиры на первом этаже без окон и дверей. В одну из этих квартир мы и вселились. А в свою, законную, смогли попасть только через год. Ничего из наших вещей там, естественно, не было — все растащили при фашистах. Единственное, лицом к стене был прибит портрет Пушкина, который нарисовал старший брат Ян еще до войны (он окончил Витебский художественный). Вот эту картину мы отодрали от стены и повесили нормально. С большими скандалами вернули еще кровать и старенькую швейную машину «Зингер» и стали обживать.

Брат Рува пошел учеником сапожника, потом стал мастером. Меня же куда не брали: не было 14 лет. Чтобы добыть немного хлеба, вынужден был взять торбу и пойти просить милостыню. С началом учебного года пошел в школу в третий класс. Здесь давали каждый день по кусочку хлеба на человека, но те, кто был пообеспеченней, свою пайку отдавали мне. Так и удавалось иногда несколько кусочков принести домой.

Кроме того, мы с друзьями, **Мулей Симонсом** и **Мариком Симоновским**, поступили в музыкальную школу в класс валторны. Правда, мы с Мариком вынуждены были бросить это занятие: надо было зарабатывать на жизнь. Мамин знакомый **Гольман** взял нас на мебельную фабрику учениками в обойный цех. Через три месяца нам сказали: «Все, вы уже все знаете. Надо по-настоящему работать». За пять лет работы здесь я стал мастером по мягкой мебели высшего разряда.

30 апреля 1948 г. умерла мама и я остался с четырьмя маленькими детьми. Спасибо брату Лазарю. Он высылал мне 500 рублей по своему аттестату, пока я не отдал детей в детские дома.

Брата Абрама я пытался пристроить в Минское суворовское училище, тем более что я имел направление от военкомата, т. к. отец погиб, а братья воевали. Но начальник училища сказал, что «Абрама» ему не надо, и мы ни с чем вернулись домой. Я повел к директору облоно **Ханину** сестер Сару и Раю и брата Абрама и все

ему объяснил. Но тот сказал, что может определить детей только в разные дома. И как я ни сопротивлялся и ни возмущался, ничего не помогло. Так Раю попала в Могилев, Сара — в Лотву, а Абраша — в Рясно.

К сожалению, в этом же 1948 г. у меня был обнаружен туберкулез легких и даже дали 2-ю группу инвалидности. Это привело к тому, что мне запретили работать в обойном цеху из-за всякой пыли, стружки, ваты, сена и пр. С фабрики уходить не хотелось, и я пошел учеником столяра и через два месяца уже стал самостоятельно работать. Через пять лет получил травму правой руки и снова остался без работы. К счастью, рука понемногу сама заживала, и я стал учиться токарному делу по дереву. Освоил и эту профессию. Потом уже работал мастером в механическом цеху и даже выбирался председателем профкома. Но в этой должности долго не задержался: начал конфликтовать с директором и парторгом из-за рабочих. После 17 лет работы на фабрике во время одной из стычек бросил на стол заявление и уволился. Вот такая рабочая биография, правда, совсем неполная.

Еще в 1947 г. могилевскому театру понадобился бутафор. Я тогда занимался резьбой по дереву, сделал сам все шахматные фигуры, и об этом каким-то образом стало известно в театре: что есть какой-то способный пацан. Меня пригласили, проверили и предложили работу. Пошел к директору фабрики, в управление, но везде получал отказ. А надо сказать, что театр я очень любил и очень хотел работать именно здесь. В общем, я плюнул на все, на фабрику не пошел, а начал ходить в театр. Естественно, меня стали искать на старом месте работы: пропал человек. Тогда я вообще «в подполье ушел». Ночевал прямо в бутафорской, днем работал, вечером смотрел спектакли. Так прошло

Лев Закашанский в роли майора Миньоне в спектакле «Хищница» (1960).
Фото из семейного архива Закашанского М.Л.

Лев Моисеевич Закашанский на фоне своих картин.
Израиль, 1996 г.

8 месяцев. Я уже думал, что обо мне забыли. Решил сходить домой, и тут схватили меня пару здоровых мужиков и отвели в управление. Там состоялся долгий разговор. Начальство сказало: «Мы тебя учили, заплатили деньги, и ты обязан вернуться на фабрику. Иначе подадим в суд, и тебя посадят на 15 лет». А мне 15 лет и было, струхнул я не на шутку и вернулся на фабрику. Так закончилось мое первое знакомство с театром, но не последнее. Все годы работы на фабрике я активно занимался в самодеятельности, читал со сцены с 16 лет. Когда в Клубе промкооперации открылся драматический кружок, сразу записался. Очень много выступали. У меня был друг **Додик Зеликов**. Мы с ним в дуэте вели конференс, пели куплеты, а аккомпанировал нам **Рома Шацев**, ставший потом одним из лучших воспитателей вокалистов в городе. Один раз даже на смотре коллективов городов Белоруссии выступали на сцене театра им. Я. Купалы в Минске со своим спектаклем «Чужой ребенок». В жюри были все народные артисты СССР, и нашу работу они назвали лучшей. А мне предложили поступить без экзаменов в театральный. Но я вынужден был отказаться: уже был женат, и ребенку только год исполнился. В 1957 г. открыли в Могилеве театральную студию как филиал Минского института с 4-летним обучением. Я, естественно, с радостью туда поступил. Но, к сожалению, через год стало известно, что Минкульт не дал добро на филиал. Но, тем не менее, студия продолжала работать. И еще через год мне, выпускнику студии, директор театра Росиков предложил работу, и с 1 июня 1959 г. я был зачислен в труппу. Она состояла из 40 актеров, а если считать штат театра, то это почти 100 человек. Костяк труппы приехал в Могилев из Пинска. Это было после 1948 г., когда многие театры распались после снятия государственной дотации. Тогда эта же участь постигла и довольно хорошую труппу могилевского театра. Так в Моги-

леве появилась Пинская труппа почти в полном составе. Естественно, среди артистов были и евреи. Это **Матвей Соломонович Березкин**, **Юдифь Самойловна Гельперина**, **Вера Леонидовна Кабатникова**, ее муж **Анатолий Абрамович Рудаков**, помощник режиссера **Клара Абабурко**, электрики **Лева Шухман** и **Миша Токар**. Моя жена, **Гита Абрамовна**, в течение многих лет работала в театре администратором, а последние несколько лет — заведующей костюмерным цехом. Еще был замечательный портной и прекрасный человек **Яков Лейбович**. Он был уже в годах, и ему хотелось с кем-нибудь поговорить, и обязательно на

идиш. Но к нему все больше для примерок заходили, и он спросил меня как-то, знаю ли я идиш. Я ответил, что говорить не могу, но немного понимаю. Тогда он меня попросил, когда будет свободное время между репетициями и спектаклями, приходите к нему. Так началась наша дружба. Он мне рассказывал о своем прошлом, о людях, которых знал, о работе и меня спрашивал обо мне, о семье и т. д. Он говорил на идиш, а я отвечал по-русски, но очень коротко: да, нет. В основном, больше слушал. Умер он в 1984 г., а меня в этот момент не было в Могилеве. Потом жена его мне говорила, что в последние минуты жизни он хотел видеть именно меня. Одним из самых умных и интересных людей в театре был М.С. Березкин. Когда он выступал на собрании или просто в кругу актеров, слушать его было очень приятно. А лучше его еврейские анекдоты вообще никто не рассказывал.

Очень приятной женщиной и замечательной актрисой была Ю.С. Гальперина. Она часто мне помогала и всегда готова была дать полезный совет. Очень общительным и с хорошим чувством юмора был Рудаков. Не сложились мои отношения с Кабатниковой, но это не тема для сегодняшнего разговора. Да, вот забыл: работал в театре парторгом еще один еврей. Назову его условно, как говорят на идиш, апархид. На нем я вообще останавливаться не хочу, настолько для меня он был неприятен.

И вообще, если быть честным до конца, то надо вспоминать больше плохого о моей жизни в театре, чем хорошего. Не так просто написать о том, что вошло в душу за 30 лет работы. Тем более что было много минусов. Но те сто ролей, которые я сыграл в могилевском театре, остались со мной и в душах зрителей, которые их увидели.

Кем только мне не довелось быть на сцене: матросом в «Барабанщике» Салынского (пер-

вая роль), белым офицером в «Главной ставке» Губаревича, переодетой шпионкой в «Днепропровском рубеже» Тарасова. Был сумасшедшим, слугой, бургомистром и королем, играл даже Змея Горыныча, для чего собственноручно сконструировал сооружение о трех головах, управляемое системой шнурков и проводов. Оно даже испускало дым, огонь и воду.

Но любимой для меня всегда была роль Деда Мороза. 25 лет разносил по домам подарки для детей. И неизвестно, кому это доставляло больше удовольствия: ребятишкам или мне, «главному Деду Морозу города», как меня в шутку окрестили. 20 лет, кроме того, я был казначеем Могилевского отделения Белорусского театрального общества, а потом и его председателем. Были и курьезные случаи. Так, в одном из спектаклей по ходу действия я залезал в ящик, который поднимали метров на 15 вверх. И однажды его забыли опустить. Так я там и прождал, скрючившись, пока не хватились в третьем акте, что мне надо на сцену выходить.

Не раз меня представляли к наградам и званиям, но кадровая политика всем известна. Когда я был представлен к присвоению звания заслуженного артиста БССР, в обкоме партии сказали: «Закашанский? Конечно, знаем. Прекрасный актер. Но, извините, не национальный кадр». Пришлось проглотить и эту пилюлю и... продолжать работать. Кстати, театральной деятельностью никогда не ограничивался, пробовал себя в разных видах искусства: живописи, чеканке, не забывал и резьбу по дереву. Кроме того, я страстный коллекционер: собираю марки, значки, монеты, модели автомобилей.

В 1992 г. уехали всей семьей в Израиль. Я, жена, сын Михаил и дочка. Поселились в Кирьят-Ата под Хайфой. Продолжаю заниматься любимыми делами: рисую, вырезаю, занимаюсь чеканкой. Создал любительский театр — студию «Улыбка», которая награждена почетным знаком. Так уж получилось, что я, еврей до мозга костей, воспитанный в семье, неукоснительно придерживающейся еврейских традиций (это берет начало от моего деда по маме — **Израиля Гуревича**, сподвижника Любавичского Ребе), ни разу даже не видел настоящей еврейской свадебной церемонии. А тут в Израиле нам с женой предложили самим принять участие в этом обряде. И мы согласились. Это оказалось делом совершенно непростым. Три раза нас вызывали в рабанут, и мы снова и

Уже переехав в Израиль, **Лев Моисеевич** с женой совершили традиционную хупу. Израиль, 1995 г.

снова доказывали истинность своего еврейства. И свадьба прошла как положено: были и молитвы, и обмен кольцами, и вино по кругу, и, конечно, танец новоиспеченного мужа в кругу мужчин же. Так мы стали с Гитой настоящей еврейской парой (Гита Абрамовна умерла зимой 2000 г. — *А.Л.*).

Моему сыну **Михаилу Закашанскому** уже за сорок. Он профессиональный музыкант-педагог. Окончил музыкальное училище и институт культуры. Работал, как и его жена Людмила, в Могилевском областном дворце пионеров с 1976 г. Постоянно принимал участие в организации и проведении областных и городских конкурсов, фестивалей, праздников, был постоянным ведущим больших культурных мероприятий. Воспитанники Миши и Люды тоже добивались больших успехов: становились лауреатами многих областных и республиканских конкурсов, поступали в профессиональные учебные заведения Минска, Москвы, Ленинграда. В Кирьят-Ата Миша возглавил молодежный оркестр, успех которого превзошел все ожидания. Не так давно он даже дал семь концертов в Вашингтоне и Балтиморе по приглашению Балтиморской еврейской общины» (из воспоминаний **Закашанского Льва Моисеевича**, Израиль, 2000 г.).

РАЕВСКАЯ Сима Львовна (р. 1924)

«Я родилась на Украине в Винницкой области на узловой станции Волнярка в 1924 г. Когда в 1927 г. здесь начался страшный голод, мы с мамой, **Песей Гдальевной Яблук**, и братом

Сима Львовна Раевская с мужем Андреем Петровичем Раевским. Лигница, Польша.

Послевоенное фото из семейного архива Раевской С.Л.

переехали в Ленинград к маминой родной сестре (с отцом мама к этому времени уже рассталась). У нее была маленькая комната, где жила она еще с одной сестрой. Туда же вселились и мы втроем. Конечно, жить так было невозможно. Тогда тетя, которая была партийным работником на фабрике им. Урицкого, с большим трудом смогла передать нас в еврейский детский дом.

У меня сохранились об этом времени самые теплые воспоминания. Там работали культурнейшие люди, которые заложили в нас знания, умения и воспитание на всю оставшуюся жизнь. Кроме того, мы получали продовольственную и материальную помощь от еврейского американского общества. Из-за этого у директора нашего дома были большие неприятности. Это был прекрасный человек, великодушный музыкант, который обратил на меня внимание и взялся за мое воспитание в творческом и музыкальном плане. Он обучал меня нотам, занимался пением. Приходил к нам заниматься и балетмейстер Маринского театра: в хореографии я тоже делала большие успехи. Кстати, в то время я почти не говорила по-русски, только по-украински и по-еврейски. А все занятия у нас проходили именно на еврейском языке. Здесь мы ставили самостоятельные спектакли на идиш, и в гости к нам приезжали наши шефы из Московского еврей-

ского театра. Были на наших спектаклях **Михоэлс** и **Зускин**, они даже забирали самых способных ребят к себе. Кроме того, я активно занималась спортом: коньками, лыжами, велосипедом. Каждое воскресенье нас возили в оперу (я ее безумно полюбила), часто бывали на концертах, в музеях. Так что мы получили прекрасное образование и воспитание. Правда, никаких религиозных знаний нам не привили, да и не могли привить. Время было совершенно другое, об этом тогда и речи не могло идти.

Через некоторое время меня отправили учиться в хореографическое училище на отделение народного танца и оперетты, ведь я неплохо пела. Окончила я училище как раз перед самой войной. И мы всем народным отделением решили пойти на фронт (о военном времени и встрече с будущим мужем, впоследствии режиссером могилевского театра **Андреем Петровичем Раевским**, см. в книге «История могилевского еврейства. Документы и люди» Кн. 2, ч. 2, с. 280—281. — А.Л.).

В 1944 г. мы попали в только что освобожденный Могилев. Это было как знамение судьбы. Решили с мужем посмотреть на театр. Отпросились у начальства и поехали в центр. Мы знали, что театр во время войны функционировал, но то, что увидели, повергло нас в шок. Мы никак не ожидали такой разрухи. Загаженный зал и сцена, ободранная обивка произвели совершенно угнетающее впечатление. Тогда мы не могли предположить, что жизненные перипетии приведут нас сюда, в этот театр. А муж здесь будет работать не один десяток лет.

Мы давали много концертов в Польше, где по окончании войны и обосновались. Сначала жили в Торуне, а потом в Лигнице. Очень большую роль в нашей судьбе сыграл маршал Рокоссовский, который нас очень хорошо знал и прекрасно к нам относился. Даже, забегая вперед, скажу, что он подарил мне на прощание, зная мои способности к стрельбе, именную пистолет, а мужу — теннисную ракетку. Пистолет у меня реквизируют органы уже в Ленинграде. Ну, а тогда в Лигнице мы организовали прекрасный военный драматический театр и театр оперетты. Главным режиссером был **Василий Дмитриевич Шутов**, очень талантливый, одаренный специалист. Там играл и ставил спектакли и мой муж, а я больше занималась театром оперетты. Артистами были или такие же, как мы, бывшие артисты агитбригад, или же интернированные, которых волею судьбы забросило в Польшу или Германию. Позже их начали вычислять органы и они стали понемногу исчезать. В итоге от труппы почти ничего не осталось.

Мы тоже демобилизовались и решили ехать в Ленинград. Все же там у нас были какие-то связи. Но, оказалось, что устроиться на работу не так-то просто.

Только письмо маршала Рокоссовского в штаб округа с просьбой посодействовать помогло. Через

небольшое время мне предложили работу в театре оперетты, а мужу — в областном драматическом театре.

Этот период нашей жизни был омрачен очень неприятными событиями, связанными с борьбой с «безродными космополитами». В 1953 г. я подрабатывала еще художественным руководителем танцевального отделения в Доме офицеров. Набрала туда в качестве педагогов почти всех евреев. Когда началось «дело врачей», одного из моих преподавателей по фортепиано, прекрасного еврейского парня, очень тихого и скромного, пережившего блокаду и имевшего жену и двоих детей, обвинили в сожительстве со своей ученицей, а меня — в том, что я защищаю этого парня, прикрываю врагов, и хотели исключить из партии. Я заявила, что не робкого десятка и исключать из партии меня будут те мои сослуживцы, с которыми я прошла войну. В итоге от меня отстали, но потягали вволю.

Мы только начали обживаться на новых местах, когда получили письмо от нашего коллеги по агитбригаде **Матюшевского**, который в это время работал в Пинском обкоме партии (тогда Пинск был областным городом). Он просил боевых друзей помочь в поднятии самодеятельности и культуры, предлагал нам работу в Пинском театре. Потом ситуация стала очень быстро меняться. Матюшевского и Пинский театр перевели в Могилев, т. к. своей труппы в Могилеве в это время не было. Нам предлагалось приехать уже в Могилев хотя бы на год. Мы, конечно, были поставлены в очень непростое положение. Только-только обустроились, стали работать, получили жилье. А тут предлагают ехать в какой-то провинциальный город. Но муж сказал, что надо помочь друзьям, и мы решились все бросить и поехать. В пользу нашего выбора сыграло и то, что в Могилев уже приехал и наш старый знакомый по Лигнице режиссер Шутков.

Так 5 октября 1955 г. мы оказались в Могилеве. Муж стал работать в театре актером и режиссером, я отвечала за хореографию и пыталась ставить музыкальные спектакли. Жить было очень тяжело. Месяцами не получали зарплаты. Тем не менее, отдавались работе полностью, да еще и помогали создавать в городе самодеятельность. Так, управление культуры направило меня на работу в пединститут для организации там танцевального коллектива. Но это позволяло получать хоть какие-то деньги, чтобы хоть немного прокормиться. В конце 50-х в Могилеве открыли театральную студию

и меня пригласили туда художественным руководителем. Долгие годы я помогала им в постановке танцев, учила студийцев движению. Среди выпускников студии было много евреев, некоторые из них связали в дальнейшем свою жизнь с театром, другие нет. Назову в первую очередь **Леву Закашанского**, который позже очень хорошо выступал на подмостках театра в характерных ролях. Еще **Дима Зеликов**, **Светлана Жорова**, **Мира Романовна Шапиро** (сейчас **Джалиашвили**). А в 1961 г. директор культпросветучилища **Михаил Васильевич Усиков** предложил мне стать педагогом на организуемом танцевальном отделении. Я ему сказала, что у меня нет никаких документов, подтверждающих специальное образование, они пропали еще во время войны. Но Усиков ответил, что это не имеет значения, им нужны специалисты, а не документы. Я долго не думала и дала согласие, с энтузиазмом взялась за работу, была одним из организаторов, а позже и заведующим отделением. Не мне судить о том, как я работала, но я старалась, и получалось, видимо, неплохо. По крайней мере, отдавала всю себя работе, все, что знала, передавала своим ученикам. И не только. Приходили молодые преподаватели, которые совершенно не знали, что такое народный танец, композиция, так что обучала и их. Я очень любила свою работу, очень любила тех, кто хотел стать танцором, очень хотела поднять хореографическую культуру в городе. Так я проработала в училище почти 20 лет.

В начале 80-х гг. мой брат, который в это время жил в Москве, решил уехать в Израиль. Что такое было в те годы принять подобное решение — это даже объяснить трудно. А мы с мамой дали ему разрешение на выезд, что вызвало целую бурю в соответствующих органах. Нас начали тягать в КГБ, обвиняли во всех смертных грехах. Но я

Сима Львовна Раевская

Сима Львовна Раевская с завучем училища
Лилей Гильевной Пикельной.
Фото из семейного архива Раевской С.Л.

человек не робкого десятка, меня испугать не так просто. А вот маму они, конечно, довели. Ведь они орали: «Вы предатели Родины!» Для моей старенькой мамы это было страшное обвинение. Мне они тоже кричали: «Вы коммунист! Как вы можете?..». Я говорю: «А что такое? Мой брат — взрослый человек, сам выбрал свою дальнейшую жизнь. В чем здесь криминал?» Трудно представить, что мы пережили. Но я, конечно, понимала, чем это могло закончиться. В это время за такие вещи запросто выгоняли из партии, а потом и с работы увольняли. К счастью, тогда пронесло.

Когда надо было уходить на пенсию, для меня это было очень тяжелым переживанием. Но муж успокаивал, говорил: «Как это хорошо, Симочка. Наконец ты сможешь отдохнуть». Училище всегда вспоминаю как очень хороший период своей жизни. Коллектив провожал меня очень тепло, наградили медалью «Ветеран труда». Михаил Васильевич поцеловал при всех руку, сказал большое спасибо за все, что я сделала для училища. Так я стала пенсионеркой, но и сейчас благодарна судьбе, что работала в таком прекрасном коллективе.

Рядом со мной были очень хорошие люди, талантливые преподаватели. Много среди них было евреев. Правда, надо сказать, что на танцевальном была только я. А вот на хоровом их было достаточно. **Елизавета Яковлевна Грознер** вела академический хор, **Раиса Мееровна Мясникова** — хоровик, великолепный специалист. Завучем училища была **Лиля Гильевна Пикельная**. Она с 1923 года рождения, как и я. Это прекрасный педагог и великолепный человек. Я очень благодарна судьбе, что она свела меня с такой доброй и отзывчивой женщиной. **Лариса Гельфер** — прекрасный музыкант, уехала в США. Одним из

лучших концертмейстеров была **Оля Лишанская**. Она очень любила свою работу и относилась к ней очень добросовестно. Однажды даже отказалась ставить со мной один сложный танец, т. к. считала, что не сможет качественно сделать аккомпанемент. Обязательно нужно отметить и **Фаину Ефимовну Гальпер**, которая внесла большой вклад в развитие нашего училища.

Много евреев работало и в театре, причем на первых ролях. Одной из первых хотелось бы назвать **Юдифь Самойловну Гальперину**. Сама она родом из Мозыря. Во время войны работала на заводе рабочей и даже получила за это медаль и считалась участницей войны. **Анатолий Абрамович Рудаков**, тоже участник войны, служил на флоте. Его жена, **Вера Леонидовна Кабатникова**, —

известная актриса. Все они были заслуженными артистами Республики. Очень талантливым актером был **Лев Моисеевич Закашанский**, который пришел в театр после театральной студии. Очень хорошей заведующей труппой, помощником режиссера была **Белла Аркадьевна Полонская**. Она сейчас на пенсии, но долго работала в театре дежурной на вахте. Ее муж тоже был прекрасным актером.

В последнее время я принимала активное участие в жизни еврейского общества. Помогла поставить спектакль «Доктора — доктора!» по Шолом-Алейхему. В последнее время здоровье не позволяет много работать. Но я стараюсь ходить на шاباتы, участвовать в вечерах воспоминаний.

Вообще, надо сказать, что хоть я после войны была далека от еврейства и муж у меня был русский (однако по линии матери его прапрадедушка, вроде, тоже был евреем), но в душе я всегда считала себя именно еврейкой, и язык идиш не ушел из моей жизни. Я им сейчас прекрасно владею, а до смерти мамы в 1981 г. мы с ней только на идиш разговаривали» (из воспоминаний **Раевской Симы Львовны**, 2000 г.)

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ **Григорий Яковлевич** (р. 1945)

Григорий Яковлевич Белоцерковский — Заслуженный артист БССР (1988), артист Могилевского областного драматического театра с 1985 г. За роль в спектакле «Берегите белую птицу» получил звание лауреата премии Ленин-

ского комсомола Беларуси в 1972 г. На фестивале национальной драматургии имени В.И. Дунина-Марцинкевича в 2002 г. Григорий Яковлевич получил диплом за лучшую мужскую роль — создание образа Лапушинского в спектакле «Воспоминание о Вавилоне». Занимает ведущее место в труппе театра, является ее лидером. К 60-летнему юбилею награжден Почетной грамотой Совета Министров за высокое исполнительское мастерство, личный вклад в развитие и пропаганду белорусского театрального искусства и Почетной грамотой управления культуры Могилевского облисполкома за активную творческую деятельность, яркое исполнение ролей, сохранение лучших театральных традиций.

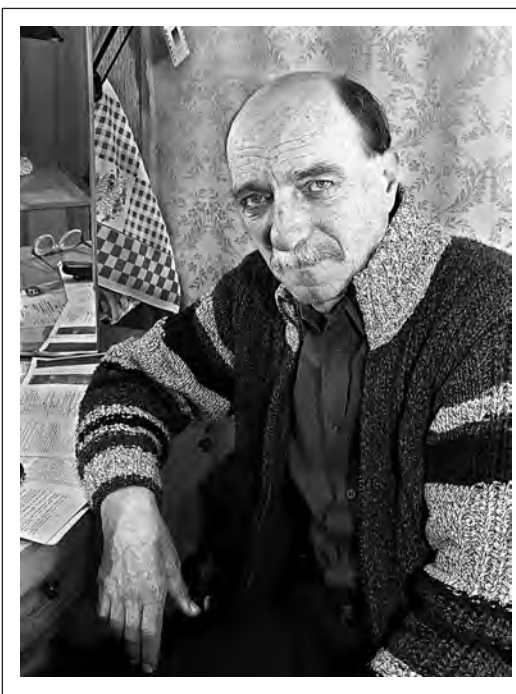
«Родился я в Барнауле Алтайского края в июле 1945 г. в бараке Харьковского тракторного завода (ХТЗ), который туда был эвакуирован во время войны. Отец и мать работали на заводе.

Мама родом из еврейского местечка Тараща под Киевом. Ее звали **Ентой Шломовной**, а называли Женей (девичья фамилия **Духовная**). Папа сам харьковчанин. И родители его там жили. Дед был инженером, строил мосты, а папина мама, моя бабушка, не работала, была домохозяйкой. Тогда так было принято.

Мама до войны окончила первый курс пединститута. Когда началась война, она с заводом попала в Барнаул. Папу комиссовали по ранению. По профессии он был слесарем-лекальщиком и приехал по месту размещения завода. Здесь они с мамой встретились, поженились, а через год и я появился. От той жизни остались лишь смутные, но реальные воспоминания. Помню, как мама меня мыла на крыльце барака в солнечный день в цинковой ванне, помню, как бабушка каждое утро приносила в солдатской жестяной чашке парное молоко, а я, сидя на своей железной кровати с самодельной сеткой, его выпивал (был я в детстве довольно упитанный, так что мама не могла меня поднять), помню, как перед отъездом в синем кухонном столе я искал свою книжку-раскладушку «Золотая рыбка», помню, как приезжал цирк-шапито: они выступали прямо на машине-полutorке с откинутыми бортами — крутили тарелки, «Силач Бамбуло поднимает два стула»...

В 1948 г. мы отсюда переехали в Минск. Возможно, родителей пригласили на работу на Минский тракторный, где они потом и работали: папа слесарем, мама — в ОТК. Жили в доме, который построили немцы, в так называемой «полutorной квартире», без особых удобств. Потом нам выделили квартиру получше. Жили, как все вокруг. Не богато, но и не голодали. Селедка, картошка, мясо — раз в неделю.

Учился я в школе № 11. На завод пошел работать после восьмого класса, потому что жизнь заставила. Учился в вечерней школе, играл в

Григорий Яковлевич Белоцерковский

народном театре. Хотел идти в актеры, но мама с папой были категорически против. Способности у меня были к точным наукам, так что я решил попробовать себя в физике, поступал в университет, но неудачно. Потом решил стать хирургом, поступал в мединститут — тоже не получилось. Тогда поступил в политехнический, где и отучился два с половиной года. Но не выдержал, пришел домой, сказал, что больше не могу, и поступил в театрально-художественный. Было это в 1965 г. Окончил его в 1969 г. Пять человек с нашего выпуска, весь цвет курса, решили тогда поехать в Брест. Заявка на меня была во все театры, минские тоже, но мы решили ехать в Брестский драматический. Когда я на госкомиссии сказал, что поеду в Брест, председатель очень удивилась: «Как же так?! Вас же театр имени Янки Купалы берет!» Но наш выбор был вполне сознательным. За год до этого, играя за сборную института в волейбол, я был в Бресте. Тогда театр мне очень понравился. Там был очень сильный режиссер и, главное, костяк театра. Не говоря уже о том, что была очень высокая театральная культура. И мы решили, что неизвестно, как будет в Минске, а там уж нам работа гарантирована. В институте я получил какие-то азы, а основную театральную школу — именно в Бресте, где проработал до 1984 г. А потом в Могилев из Бреста переехал наш главный и пригласил меня. Так в январе 1985 г. я оказался в Могилеве и работаю по сегодняшний день, хоть уже на пенсии. В 1987 г. я получил звание заслуженного артиста. Помню, что сообщение об этом получили в Брянске, где мы тогда были на гастролях.

Когда я сюда приехал, в театре работало довольно много евреев — и среди артистов, и среди персонала. Заведующей труппой работала **Белла Павловская**. Была она ворчливая и въедливая, но очень добрая женщина — всех любила. Застал я еще **Гальперину**. Она смотрела первый мой спектакль, поцеловала и напутствовала. Работали муж и жена **Рудаковы**, потом и их дети. Но я никогда на этом не заострялся.

Семья у меня была такая, что родители, вроде, и евреи в десятом поколении, но какой-то ярко выраженной «еврейскости» не было. Бабушка — да, она и разговаривала на идиш, и некоторые традиции соблюдала. Дед по материнской линии знал древнееврейский. Между собой родители на еврейском не разговаривали. Папа был партийным, так что о соблюдении каких-то традиций и речи не было. Т. е. свое еврейство принималось ими как некая обыденность. Я, честно говоря, о своей национальности особо никогда и не задумывался. И с тем, чтобы мне «жид» кричали, — не сталкивался. Да и в институте, и в более поздние годы это меня никак не коснулось. В Бресте я был секретарем комсомольской организации театра, меня и в партию толкали. Но так получалось, что я дважды рвал документы перед самым приемом. Я — человек мягкий, но до определенного предела. Я брал рекомендации, писал заявление, но потом случалась какая-то несправедливость, и я от вступления отказывался. Папа у меня до конца оставался в партии, и страшно возмущался, когда люди бросали свои партбилеты. Свой он берег до самой смерти.

Всю жизнь мы прожили «идеями партии и правительства», и вопрос о религии никак не стоял. Но жили по уму, по совести, не касаясь национальных и религиозных вопросов, т. к. в этом не возникало надобности. Так мне сейчас кажется. С родителями об этом никогда разговоров не было, а сейчас спросить, так ли было, уже некого. Сегодня происходит возврат к религии. И я это вижу. Может быть, я кощунство скажу, но мне кажется, что в основе своей это не столько из-за религиозной склонности, сколько из возможности более полно себя реализовать. В любой религии, неважно в какой — иудейской, христианской, — хотя и считается, что они очень консервативны, существует возможность самовоспитаться, самовыявиться. И раньше некоторые люди этим жили, а сейчас появилась реальная возможность проявить эти чувствования. Но для этого нужна большая сила воли, ведь туда люди идут не просто из любопытства и интереса, на такое нужно решиться.

Я вообще такой человек: если чем-то занимаюсь, что-то делаю, то погружаюсь с головой. А иначе теряется всяческая ценность. Или этим «заниматься», или этим не надо «заниматься» вовсе. Половинки тут быть не может. Для меня это в первую очередь касается театра.

Ну что, человек ходит в церковь, крестится, а выходит — делает то, что делают все. Тогда — за-

чем? Жизнь сейчас очень жесткая, даже жестокая. Может быть, от нее люди в церковь уходят? Не знаю. У меня ситуация другая. Когда жена умирала, мы очень хотели обвенчаться и мне пришлось креститься. Не скажу, что природа во мне заговорила, этого не было. Я остался таким, каким и был. Человек может не верить свято в существование Б-га, не отдаваться нутром туда, но какие-то вещи в душе существуют святые, даже не обязательно связанные с религией, идущие от семьи и воспитания. Я понимаю: это — можно, это — нельзя. Я не берусь утверждать, что Б-г есть, но верю, что что-то есть, это я знаю. Т. е. моя вера с конкретной конфессией никак не связана. Я думаю, что это честнее, чем если бы я связал себя с какой-то религией, а продолжал бы жить, как раньше. Я считаю, что, может быть, из-за этого разделения на конфессии и радости в нашей жизни так мало. Для меня в моем возрасте эти вещи уже и не главное, главное — чтобы в душе был Б-г, и не важно, как он называется. Может быть — это и избитая фраза, но чем больше живешь, тем яснее это понимаешь.

Молодые в этом плане более категоричны, но бороться с этим нельзя ни в коем случае. Они другие, и надо к этому относиться спокойно. По большому счету, нужно понимать, что это мы их такими и сделали. Не надо из детей делать клише, которое не умеет само выбирать. Хуже нет, когда человек лишен права выбора. Нельзя говорить: «Ты должен!» Каждый к этому «Должен!» должен прийти сам. Я понимаю, что кто-то может со мной поспорить, но я высказываю свое мнение. Так, моя дочь Женя выбрала театр, и это была война дикая. Мы с женой ее отговаривали, т. к. в этом деле изрядно поварились. А она через наше нехотение переступила так же, как и я в свое время. Я сам выбрал театр и пошел туда вопреки родителям. Я в институт театральный поступил, а мама умерла. Это вина и сейчас живет во мне: я ей сначала дал надежду, а потом — забрал.

Это меня и гнетет, но в каждом выборе есть две стороны, и часто что-то в твоём выборе негативно влияет на других. Я же о выборе совсем не жалею, даже иногда жалко, что потерял в свое время два года из-за своих колебаний и сопротивления родителей. Вроде бы, в сравнении с жизнью срок небольшой, но что-то могло повернуться иначе. Для меня быть актером — совершенно естественно. Я даже не задумываюсь над этим. И, проведя сорок лет на сцене, не представляю себя в какой-нибудь другой специальности. Ну, был бы я инженером — от тоски умер бы...

С другой стороны, профессия актера очень жесткая, более того — жестокая. Она требует абсолютной честности. В отношении к себе и своей работе. Она не прощает измены, халтуры, подмены профессионализма суррогатом...» (из воспоминаний **Белоцерковского Григория Яковлевича**).

ВЕККЕР Эдуард Самуилович
(р. 1947)

«Я окончил школу № 14 в 1965 г. с серебряной медалью. Поехал в Минск поступать в театрально-художественный институт, но неудачно. Поступить не смог, а мне еще сказали, что с моим аттестатом надо было идти на какой-нибудь престижный факультет университета. Тогда я поступил в пединститут на филфак, довольно успешно его окончил. Сначала распределился в село, потом попросился в армию, а после службы устроился на работу в Дом пионеров, руководил театральной студией. В 1976 г. в Могилеве встал вопрос об организации Театра кукол. Я пошел к главному режиссеру. Он меня прослушал и сказал, что меня безоговорочно берет и даже назначает своим помощником по работе с актерами, т. е. бригадиром труппы. Первая репетиция, точнее, сбор труппы, состоялась 11 января 1977 г. Мы репетировали минимум по 12 часов в день. Сначала занимались хореографией, сценической речью, вокалом, актерским мастерством. А весной начали репетировать первый наш спектакль «Тигренок Петрик». Тогда уже мы работали по 16—18 часов в сутки. Спали по 3—4 часа. Это было связано еще и с тем, что своего помещения мы тогда не имели, а сцену в городском Доме культуры, где базировался театр, нам не давали. Тогда мы взяли в аренду сцену в ДК стройтреста № 12 на Советской площади. Но там нам тоже поставили условие, что репетировать мы можем только по вечерам и ночам, когда сцена свободна. Вот мы с утра выходили на работу в ГДК, в полдевятого вечера нас отпускали, а к половине десятого мы собирались на сцене, где работали до трех-четырёх утра. И так каждый день. Накануне 1 Мая мы сдали спектакль государственной комиссии и после небольших доработок стали показывать его на выезде в районах области. Премьера же состоялась 23 мая 1977 г. И этот день считается днем основания Могилевского областного театра кукол.

В Театре кукол я проработал до 1 сентября 1981 г., а затем был приглашен в Москву в театр «Арлекино» под руководством Александра Штерна. Там я проработал один сезон, а вернулся в Могилев уже в другом качестве: пошел в педучилище художественным руководителем, где проработал по февраль 1984 г. В это время освободилось место режиссера народного театра в ДК завода им. Кирова. Я этот коллектив знал, т. к. до этого периодически играл там в эпизодах. Предложил свои услуги руководству Дома культуры, и меня приняли на работу. На этой должности я проработал до 1990 г. Я там поставил больше десяти спектаклей и играл сам практически во всех постановках.

Так получилось, что со временем в нашем коллективе стало довольно много евреев, хотя я их специально не подбирал. Ведь самая большая

Эдуард Самуилович Веккер

трудность в самодеятельном театре — это именно подбор участников. Я пришел в готовый коллектив, да еще народный, да еще со званиями лауреатов. Там были люди заслуженные, уважаемые, но для них это было в первую очередь развлечение, отдых, отдушина. Люди, целый день работающие, мотающиеся со своими и производственными проблемами, вечером приходили на репетицию совсем измученные, и им хотелось просто между собой пообщаться, посмеяться. У меня же была другая задача: я хотел реализовать свои задумки. Да и тот котел, в котором я поварился до этого, что-то во мне воспитал, на что-то меня нацелил. Так и получилось, что у меня и коллектива были несколько разные интересы. Первые спектакли я делал, опираясь на «старую гвардию». Молодежи практически не было. Я бросил клич и в комитете комсомола, и среди своих знакомых. Так появился **Борис Подольский**, потом еще несколько новичков. Но все же удовлетворения не было. Не могу давать оценку своему первому спектаклю, но в целом меня не устраивало то, что я сделал. Через некоторое время Борис ушел, а со стариками отношения еще больше осложнились. Они говорили: «Что ты на нас нажимаешь? Для нас это не главное, а ты заставляешь пахать, как будто это наша основная работа». Они стали стараться уйти от нагрузки, соглашались играть в старых постановках, а для новых надо было подбирать молодых. Меня, по большому счету, это устраивало. Я не умел и не хотел ломать людей. Да и какое право я на это имел? Так у меня стали появляться люди, не имевшие раньше никакого отношения к театру, и так сложилось, что это были в основном евреи. Так, на заводе мастером ремонтно-механического цеха работал мой троюродный брат **Леня Голендер**. Был он тогда такой хулиганистый парень. Я ему сказал: «Сколько можно дурака валять?» и предложил ему попробовать себя в качестве артиста. Он ответил: «Братишка, да я с открытой душой!»

Так он появился на репетициях. Потом я случайно встретил своего друга юности **Фиму Дворкина**, который работал директором школы технического творчества на заводе. Кроме того, он пел еще и в капелле нашего ДК. Фима, такой солидный, представительный, как раз подходил под характерный персонаж нового спектакля. Я предложил ему эту роль. Он замахал руками: «Да ты что, я на сцене только пел». Но я и его уговорил. И он оказался суперталантливым артистом, это было то, что мне надо. Дальше, позвонил племяннику **Игорю Лерману**. Он окончил строительный техникум, только что пришел из армии и склонности к художественному творчеству в себе не ощущал. Собирался устраиваться на завод им. Кирова в цех к отцу. Пригласил и его, ему понравилось, а для меня важно было, что он давал себя лепить. Потом Леня привел свою жену **Фаю**. А она такая колоритная, необычная, ярко выраженная еврейская внешность. И в глазах прямо дьявольский огонь светится, чем-то она мою бабушку **Хайроху** напоминала. И не ошибся. Это было прямо море эмоций. С ней было очень интересно, но очень сложно работать. Она была очень заводная, но и обидчивая. Фая привела еще и своего брата **Бориса Расина**, который работал на заводе. Он стал звукорежиссером и играл в массовках. Еще пришел ко мне мальчик из ПТУ **Витя Драпкин**.

Очень хотел попробоваться в театре. Я подобрал и для него роли. Он оказался очень талантливым парнем, занимался у меня до ухода в армию. Кстати, у меня начинала и актриса Могилевского драматического театра **Женя Белоцерковская**, которая тогда была совсем девочкой. Вот с этими ребятами мне было очень интересно работать. Они мне все прощали, и я им все прощал. Они отдавались работе, и я с них спрашивал по полной программе.

С ними в 1987 г. мы ставили спектакль «Сердце Луиджи» по пьесе словацкого драматурга Ивана Буковчана. Если с артистами все получалось, то с технической частью были проблемы. Я заказал оснастку для сцены в цеху, но они не спешили с выполнением заказа. Обратился за помощью в профсоюзы, но и от них помощь не получил. Единственный, кто оказал мне действительную поддержку, — секретарь парткома завода В.В. Кравцов. Вразрез со всеми остальными он проявил большую заинтересованность и в спектакле, и в работе театра в целом. Спектакль мы сдавали комиссии. Я пригласил компетентных людей, актеров из драмтеатра, и спектакль получил достойную оценку. Мы его стали играть и отыграли три или четыре раза. Для народного театра это был вообще беспрецедентный случай, чтобы на одной площадке отыграть много раз с хорошими сборами. А я еще

Коллектив Могилевского областного театра кукол после спектакля «Аленький цветочек».

Слева стоит заведующий постановочной частью театра **Марат Фарберов**.

В центре сидит с куклой **Э.С. Веккер**.

Фото 1978 г. из семейного архива Веккера Э.С.

начал его раскручивать. По всему городу развесил рекламные щиты с большими фотографиями. Билеты все были распроданы. И вдруг выясняется, что на время очередной постановки дня через три Дом культуры запланировал показ художественного фильма. Я обратился к директору Дома культуры, а он сообщает, что есть мнение, что мы слишком много играем этот спектакль, больше спектакль показывать не стоит из-за его низкого идейного уровня. Но это были перестроечные годы, и я встал на дыбы. Пообещал, что сейчас же поеду в обком партии, если не примут — поеду в Москву, пойду в Союз театральных деятелей, который курировал, согласно постановлению ЦК КПСС, все театральные постановки на просторах СССР. Пообещал и до Горбачева дойти. Гляжу, он пошел на попятную, попросил меня пока ничего не предпринимать. Пока он решал вопрос и доводил до сведения начальства мою позицию, приятели мне сообщили, что этого уже давно можно было ожидать. Оказывается, председатель профкома вызывал директора Дома культуры и орал на него: «Что-то там у тебя Веккер синагогу устроил (будто бы я набрал одних евреев) и ставит непотребные спектакли?!»

В общем, в это раз спектакль состоялся, а через некоторое время после этого обком комсомола попросил показать наш спектакль во время идеологической учебы комсомольских работников области при участии представителей идеологического руководства комсомола Беларуси и ЦК ВЛКСМ. В итоге после просмотра спектакль и режиссерская работа получает самые лестные оценки на самом «верху», а с идеологической точки зрения признается образцом антиимпериалистической контрпропаганды. Работником ЦК ВЛКСМ было предложено спектакль показывать не только в области, но вывезти его в республику и за ее пределы, а руководителя, т. е. меня, выдвинуть на соискание премии Ленинского комсомола Беларуси. В итоге документы были подготовлены, но подали их в Минск с опозданием, так что с премией моей ничего не получилось, но после этого меня уже никто не трогал, пригласили для участия в городском карнавале. После этого спектакля я поставил одну концертную программу, сборную из многих спектаклей, и играли ее не только в Могилеве, а свозили ее в Питер, где играли в театре-студии «Синий мост», а затем «прокатали»

Друзья и родственники на дне рождения у Эдуарда Веккера. Израиль, 2005 г. Стоят: Леонид Голендер, отец Самуил Веккер, дядя Л. Веккер. Сидят: Игорь Лерман, Борис Подольский, Фанна Расина (Голендер), Виктор Драпкин.
Фото из семейного архива Веккера Э.С.

по Ленинградскому военному округу (в это время как раз мой сын здесь служил). Тут бы только работать и работать, однако работать стало не с кем, т. к. артисты мои постепенно стали разъезжаться, в основном в Израиль. Я поставил еще несколько спектаклей уже для ограниченного круга актеров (иногда приглашал и со стороны), и мы стали работать за деньги. Причем довольно успешно, исполнителям перечислялось 65% заработанной суммы. Кое-кому это стало колоть глаза, меня снова стали «доставать», да я и сам понимал, что это уже совсем другой театр получается. После отпуска в 1990 г. я в ДК уже не вернулся. Устроился на работу на реставрацию собора Трех Святителей. Приходилось работать и столяром, и каменщиком. Любил работать на высоте. Зарабатывал в несколько раз больше, чем на режиссерской работе. Я

«Когда я начал ставить «Оглянись в любви своей», через несколько месяцев этот же спектакль стали ставить и в Могилевском драматическом. Я специально не ходил на него, пока не выпустил свой. К счастью, получились совершенно разные спектакли. Тогдашний главный режиссер Александр Дольников, посмотрев наш спектакль, сказал, что, если не брать во внимание актерские работы, мой замысел его больше убеждает» (из воспоминаний Веккера Эдуарда Самуиловича).

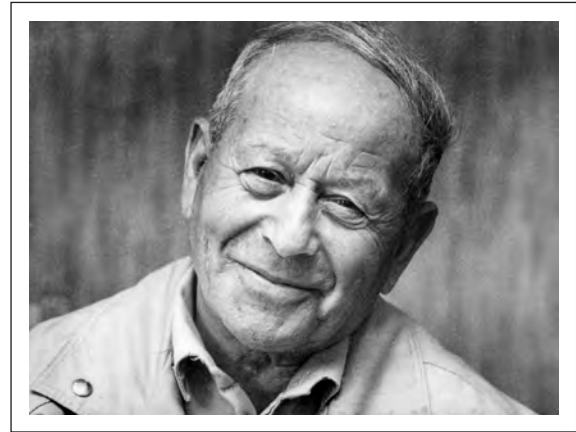
сразу влился в эту команду, хоть и было там много бывших уголовников. Относились ко мне хорошо, правда, столкнулся все же с одним проявлением антисемитизма. Как-то пришел посмотреть на мою работу мой отец. Увидел, с кем я общаюсь, послушал разговоры и сказал, что я работаю не совсем там, где должен. Да я уже и сам понимал, что пора отсюда уходить. Перешел в кооператив, где работал и штамповщиком, и сварщиком. А потом одним из первых в Могилеве стал заниматься продажей книг, и занимаюсь этим по сей день (из воспоминаний **Веккера Эдуарда Самуиловича**).

ЗЕЛИКОВ Давид Абрамович
(р. 1925)

«Родился я в Могилеве в 1925 г. Перед самой войной я окончил семь классов школы № 3 (кстати, первые три класса были еще еврейские) и поступил в ремесленное училище. Жили мы на улице Подвальной, которая находилась рядом с нынешней Советской площадью и площадью Орджоникидзе, между тогдашней горой (Костерней. — *А.Л.*) и Днепром. Там провел я свое, как мне казалось, счастливое детство. Зимой — коньки и лыжи, летом — купания. Мы снимали квартиру на полуподвальном этаже. На втором этаже жил сам хозяин. Семья была большая: мать, отец и восемь детей — четыре брата и четыре сестры. Отец, **Абрам Зеликович**, хотя все его звали Авроарн (от Авраам и Аре), работал на шорной фабрике. Впоследствии отца выдвинули на работу в торговлю и он долгое время был заведующим магазином шорной фабрики. Образования у него почти не было, но, по отзывам, он прекрасно справлялся с этой работой.

Когда началась война, я эвакуировался вместе с ремесленным училищем. Мы с ребятами погрузились в товарный поезд и отправились в эвакуацию. Помню, что чуть ли не до самой Пензы состав преследовали немецкие самолеты, стреляли, бомбили, но, слава богу, обошлось, и мы остались живы. В годы войны я окончил ремесленное училище, работал токарем на военных заводах, трудился в колхозе. Сразу после войны вернулся в Могилев совершенно один. Я не знал, что с моими родными, живы ли они. Меня, как сироту, сразу приняли в железнодорожное училище, определили в интернат.

После окончания железнодорожного училища работал на паровозе помощником машиниста. После полученной травмы перешел работать на завод им. Куйбышева токарем. Отслужил в армии, где получил замечательную специальность электросварщика, и в 1955 г. устроился на кроватный завод. Отработал там сварщиком 15 лет.

Давид Абрамович Зеликов

Но все свободное время я занимался в художественной самодеятельности и считал, что моя жизнь должна быть связана именно с этим. Так в итоге и получилось. Я параллельно два года занимался в вечерней театральной студии при драматическом театре и затем устроился культурработником в профилакторий «Зеленая Роща», а затем и в профилакторий хлебозавода. Еще я окончил специальные профсоюзные курсы культурработников в Москве и в итоге проработал 20 лет по этой специальности, которая всегда приносила много радости мне и, надеюсь, людям. Жена моя, **Зина Бекмерова**, работала портнихой на швейной фабрике. Мать и отец ее когда-то тоже работали на швейной фабрике. Мы с ней учились еще до войны в одном классе. Когда встретились после войны, решили связать нашу жизнь. У нас трое детей. Все уже взрослые, есть уже и внуки.

Если говорить о еврействе в нашей семье, то можно сказать, что, за исключением дедушек, никто особой религиозностью не отличался. Отец и мать говорили на идиш, но традиций, по большому счету, не соблюдали. Можно сказать, что советская власть совершенно выветрила из нас национальные чувства. И антисемитизма на себе я не почувствовал. Я никогда не рвался на большие «роли», никогда не поступал в институты, вращался в рабочей среде. Там меня считали хорошим специалистом, а национальность — дело второстепенное» (из воспоминаний **Зеликова Давида Абрамовича**).

ШУЛЬЦ Леонид Фомич
(р. 1941)

«Я родился 21 августа 1941 г. В семье мамы, **Цили Давыдовны Клионер**, 1907 г.р., было пятеро детей. Они жили на Карабановке и работали на

железной дороге. Отец, **Фома Львович Шульц**, погиб в первые дни войны, я его и не видел. Мама эвакуировалась в Тбилиси и там меня и родила.

В Могилев мы вернулись в 1945 г. Дедушка и бабушка оставались во время оккупации в Могилеве, были в партизанах и погибли. Мы жили у дяди, **Иосифа Давидовича Клионера**, пока у мамы не было квартиры. Он был для меня как отец, я и звал его «папа». Муж моей двоюродной сестры, полковник **Андрей Емельянович Лежнюк**, военный комендант могилевского железнодорожного вокзала в 1941 г. — личность историческая. К. Симонов о нем писал. Я запомнил, как после войны он сопровождал немцев. Те были высокие, худые, с большими кадыками. Гладили меня по головке, говорили: «Киндер гут...»

У мамы было трое братьев и сестра. Братья были старше мамы, только сестра — младше. Один из братьев был летчиком, воевал. Второй брат **Иосиф** был машинистом (очень редкая профессия для еврея), водил поезда под Сталинградом, был награжден орденом Ленина, в 1947 г. его арестовали. Жена написала письмо Сталину, дядю отпустили, и в моем подсознании осталось убеждение, что справедливость есть. Третий брат был поваром, он работал в кафе «Молодежное». Тетя жила в Ленинграде. Мама работала телефонисткой.

Вот воспоминания моего детства. Перед вокзалом всегда останавливался табор цыган. Мне было 6 лет, я бегал по перрону и просил деньги. Они меня хотели украсть, посадили в кибиточку и по-

Дед **Давид Наумович Клионер** (1885 г.р.). Погиб в Могилеве во время войны вместе с женой (расстрелян).
Фото из семейного архива Шульца Л.Ф.

Леонид Шульц — рядовой Советской армии.
Фото из семейного архива Шульца Л.Ф.

вели. Но мое похищение заметила соседка. Она рассказала маме. Мама побежала в милицию. Конная милиция догнала цыган, и меня вернули. Жили мы на улице Февральской в двухэтажном кирпичном доме. Потом маме дали комнату в коммуналке. Мы бегали, играли в войну. Когда Сталин умер, мы с мамой сидели вдвоем и плакали. Я вспоминаю детство как светлое время, когда с каждым годом становилось жить все лучше. Бесплатный каток, где играет музыка, кино за 30 копеек, самодеятельность. В моем окружении никого с работы не увольняли, не сажали, не пытали. «Дело врачей» меня и близких не коснулось.

Учился я в школе № 24. Мы жили среди белорусов — работяг-железнодорожников, кочегаров, машинистов, и ощущения еврейства не было. Уже в школе пришлось драться, когда «жидом» обзывали. В четвертом классе я упал, когда катался на перилах, сильно ударился и с тех пор стал заикаться. Мама меня возила по врачам, но ничего не помогало. Я заикался, но был физически развитым, всегда очень остро переживал и заступался, если обижали кого-то, кто не может дать сдачи. До четвертого класса я хорошо учился, а потом убежал играть на деньги, учебу забросил. Маму вызывали в школу, но ничего не помогало.

Перемены наступили неожиданно: я хорошо пел, и меня втянули в самодеятельность. Я почувствовал, что нужен. В 1958 г. встретился с **Владимиром Ильичем Барановским**. Я пришел к нему и, заикаясь, сказал: «Я хочу играть у вас в театре». Он даже не улыбнулся, ответил:

Штеренгас, Геннадий Шульман и Леонид Шульц на сцене.
Фото 1967 г. из семейного архива Шульца Л.Ф.

«Хорошо, приходи». Это был самодеятельный театр в ДК Железнодорожников. Я стал конферансье. Потом попал в армию. Было очень тяжело, но дедовщины тогда не было. Выступал в самодеятельности, гастролировал. В одной из этих поездок я познакомился с балетмейстером, армянским евреем **Киракозовым** — легендарной личностью для Могилева.

После армии, в 1964 г., я вернулся на завод им. Куйбышева, где работал раньше, и встретил его там. Через несколько дней я уже с ансамблем Киракозова уехал на гастроли в Ригу. Потом стал и танцевать. А когда Барановский решил создать агиттеатр «Улыбка», я стал там актером. На ансамбль посыпались лауреатские звания: «лауреат Ленинского комсомола Беларуси», «лауреат фестиваля в Софии» и многие другие. Изъездили весь Союз, все социалистические страны. Директор завода любил самодеятельность. Из двенадцати месяцев в году месяца три я был на гастролях и репетициях.

В ансамбле игровых танцоров было два — я и **Гена Шухман** (он уже умер). Шухман работал на заводе им. Куйбышева. Первым помощником у Киракозова был киномеханик, потом администратор, **Лева Раскин**. Его знали везде, куда бы мы ни приезжали на гастроли. Он умел договариваться

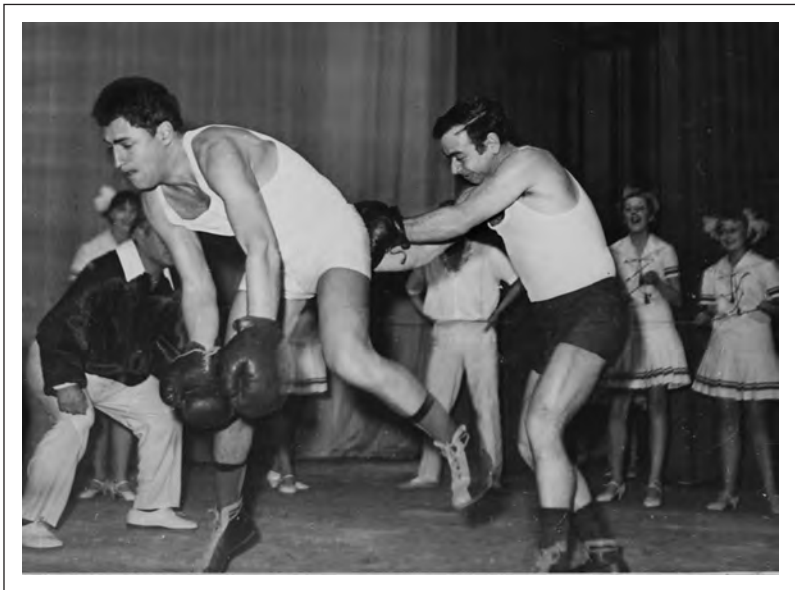
с гостиницами, организовывать рекламу и выступления.

Вот как проходило обычное выступление ансамбля «Улыбка». Выходила единственная нееврейка Тамара и объявляла: «Русский танец». Постановка Мамикона Киракозова.

Первой из ямы появлялась голова дирижера с большим носом. «Дирижер — **Лазарь Каганов**». Открывался занавес, и выходили мальчики: **Шульц, Шухман, Мерлин, Дрыган, Бейлинсон**. Зал начинал гоготать. Выходили девочки: **Златина, Гольдина, Гликина, Фролова** (тоже еврейка). Зал просто лежал от смеха.

Где-то в 1967 г. «Улыбка» должна была поехать в ГДР. Заполняем документы. А на завтра говорят, что Шухман и Шульц в Германию не едут, потому что Шухман — сионист, а Шульц его друг. А Шухман мог пошутить и в анкете на вопрос о национальности писал: «Что да, то да». А на вопрос о том, есть ли родственники за границей, отвечал, что он сам за границей, а не дома. Кто-то принял эти хохмы всерьез, написал анонимочку, и нас не выпустили. Один из наших, украинец, коммунист **Семашко**, решил за нас заступиться. Мы пришли к заму по идеологии обкома партии **Толстику**. Семашко зашел в кабинет. Его долго не было, а мы в ожидании стояли на лестнице, хохмили. Наконец он вышел: «Толстик сказал: иди и честно трудись!» Назавтра мы узнали, что и Семашко, за то, что за евреев заступался, не едет.

Потом мы поехали на гастроли в Москву. Поселились в одном номере с Шухманом и Семашко. Семашко заскакивает в комнату, открывает окно и

Агиттеатр «Улыбка». Выступают Геннадий Шульман и Леонид Шульц.
Фото 1966 г. из семейного архива Шульца Л.Ф.

во весь голос поет: «Москва моя, страна моя, ты самая любимая...» «Ты что, дурной?» — спрашиваю. «Да, с вами, евреями, свяжешься, так сам дурным станешь».

В 1970 г. у меня была свадьба в ДК завода. В это время приехали снимать фильм про «Улыбку». Телевизионщики решили и свадьбу снять. Привезли мне в подарок теленка из колхоза. Какой-то родственник жены из деревни увидел это и говорит: «А, да он великий человек! У кино здымаюць!»

Я всерьез занимался теннисом, футболом. Семь лет подряд ездил работать в пионерские лагеря воспитателем. Тогда в пионерских лагерях работали не учителя, а воспитатели-производственники. Дети меня любили, хвастались: «Наш воспитатель больше всех голы забивает, лучше всех в теннис играет. Наш воспитатель танцевать умеет, а ваш нет!» Все дети руководителей ко мне просились. Каждый год к нам приезжали дети из Габрово, я и у них был воспитателем. Когда я приезжал в Габрово на гастроли, они меня всегда встречали.

В 1972 г. я перешел на комбинат «Химволокно» помощником мастера, работал на монтаже оборудования. Я был и артистом, и хорошим слесарем. Все совмещал. Мастер говорил, пусть лучше у меня будет один Шульц, чем три Иванова. Награжден был медалью «За доблестный труд». Был членом профкома, летом замещал там руководителей.

Говорили тогда, что евреи в «химию» не шли, но со мной работали и евреи: **Алик Иваницкий**, **Миша Наймарк** и др.

С 1990 г. я работал параллельно концерансье в городской филармонии. Восемь лет ездил в отпусках на гастроли. В 1993 г. я стал лауреатом республиканского конкурса артистов эстрады в Минске.

Как-то вся жизнь прошла вне еврейской среды. Даже если в армии или на заводе говорили что-то плохое про евреев в моем присутствии, то всегда добавляли, что я не такой, что я свой. В армии у меня в экипаже были грузин, армянин и азербайджанец. Мы вместе пели про Сулико, и меня, как и их, тоже звали «чурка». Но я никогда не одобрял тех, кто менял имена и фамилии с еврейских на русские — себя не поменяешь, да и по носу всякий узнает» (из воспоминаний **Шульца Леонида Фомича**).

ЗЛАТИНА Клара Львовна (р. 1946)

Когда в городе или местечке есть такие люди, можно сказать, что место это состоялось. Выражение классика о «лице с необычным выражением» — это как раз о ней. Талантливая — бесспорно, наивная — подходит и это, странная — что есть, того не отнять. Но именно такие люди

привносят в наш заскоружный быт искру нового и незабываемого, осознание того, что-таки «мечтать не вредно», а чудо может случиться и с тобой. Именно Клара — танцовщица, Клара — хореограф, Клара — поэт, Клара — собеседник, Клара — просто прохожая была украшением и ФИГУРОЙ моголевских улиц. После ее отъезда Моголев потерял свою изюминку, очередную и, наверное, не последнюю. И это очень жаль, ведь пока замены ей не нашлось.

«На Клару оглядываются. Бывает — с восхищением, чаще — с недоумением. Но оглядываются всегда. Еще бы! Пролетит мимо — как две створки зеркала разомкнет. В одной отражение немолодой, вроде бы, женщины останется, точно не тридцатилетней. Чуть сутуло бегущей, чуть суетливой, странно одетой. В другой зеркальной половинке другой образ сверкнет. Ошеломит даже. Шаг легкий, балетный, стать девичья, одежды клубятся вслед силуэту...»

Она и в жизни такая, как в мимолетном человеческом восприятии. Странная, не такая, как прочие. Просто вихрь, несущий щепу и розы. Просто маленький вулкан, извергающий чистую душу, Клара — дворник.

Нет, неверно. На нынешний момент неверно. Из дворников она уже ушла. Не потянула. Пыточные инструменты боли так по ночам поработали, так руки-ноги вывернули, что мусорную тележку стало не удержать. А жаль. Если бы не это печальное обстоятельство, мела бы Клара Златина Тель-Авив по сей день. И это — чистая правда.

— Когда я вышла на улицу утреннего Тель-Авива... Это чудо. Это так красиво — Старый Тель-Авив... Ко мне пришло ощущение жизни, — она вскакивает с дивана, черно-белый ее песик, Бима, тоже радостно подпрыгивает (до этого он умными глазами смотрел на хозяйку), и вдвоем они объясняют мне в шумной пантомиме, что такое жизнь.

Метлу Клара, как косарь косу, ухватисто брала. И быстро — взмах от плеча, еще взмах, вжик-вжик — часть улицы очищала. Потом садилась передохнуть: хоть мусор и не сено, но и его полным-полно после битвы, выигранной рассветом у ночи...

— Там и люди такие живут интеллигентные. Они узнавали меня, здоровались... И собаки их тоже со мной здоровались. Подбегали, радовались.

— *Такой несложный примитив
В моей житейской предьистории...
Я подметала Тель-Авив,*

Как отдыхала в санатории, — декларирует запыхавшаяся Клара.

— *И всеобъемлющая грязь...
Ее я убирала строго.
Как будто получала связь*

И испытание от Бога, — согласно мотаает в такт стихам головой счастливый Бима.

...А однажды я увидела женщину. И увидела свое неслучившееся будущее в ней. Или настоящее? — Клара любит задавать вопросы. Прежде всего, сама себе. — Первый раз я ее увидела со спины. У нее была походка балерины и красивая-красивая многослойная одежда. Шифон, наверное... Наверное, шифон... И такое замкнутое лицо. Может быть, она шла в театр, на репетицию... На утреннюю? Может так быть?... Потом я ее еще несколько раз видела, и она все проходила мимо, не глядя» (Островская Галина. Танцующая Клара // Народ: Израиль, 2006. — № 22).

«Я родилась в г. Могилеве 1 декабря 1946 г. в семье учителей. Мой папа, **Лев Натанович Златин**, родом из Бельнич, 1904 г.р. До войны он был евреем. После войны стал Леонидом Назаровичем — русским. Фамилия осталась прежней — он считал, что она не очень еврейская. До войны он окончил математический факультет Минского университета и стал преподавателем математики. Мама, **Софья Евелевна Плоткина**, — могилевская. Родилась в 1908 г. Они познакомились здесь, в Могилеве. Папа ее очень любил и, как мама говорила: «Он за мной все время бегал. Наверное, боялся, что снимут с меня чернобурку — потом новую покупать придется». Была он в чем-то легковесная — наверное, я в нее пошла. В войну у них умерла шестилетняя дочь, которую они очень любили, и я родилась как бы взамен ее. Но есть у меня еще старшая сестра Рая, которая живет сейчас в Израиле.

Мама окончила до войны курсы иностранных языков, а после войны два года училась в Московском инязе (была тогда такая форма ускоренного обучения) и подтвердила свое учительство. Я знаю, что до войны они с папой жили в Москве, потому что папа считал, что «жить можно только здесь». Мама, по-видимому, так не считала и удрала отсюда на Украину. Работала в Винницкой области в школе.

Когда началась война, у папы была бронь. Но он мне говорил так: «Я с таким удовольствием побежал от твоей мамы на войну!» Хотя, какой из него военный. Однажды он мне сказал: «Я за свою жизнь был в двойном плену — у немцев было легче». Что он имел в виду, я до сих пор не могу сказать точно. Он действительно попал в окружение и плен в первые же дни войны. А ведь он был обрезанный, и как ему удалось выжить? Только чудом. Немцы говорили, что евреи ленивые: могут только говорить, а делать ничего не хотят. А папа работал за троих, ходил ровно и молчал, а главное, не махал руками. Он всегда меня учил, как не быть похожим на еврея: «Руки держи по швам и молчи». Но спасло его, конечно, то, что на еврея он был не очень похож и смог быстро совершить побег. Попал в партизанский отряд. Там узнали, что он из регулярной армии, и назначали командиром разведки. А какой он военный — ни

разу выстрелить не успел. Рассказывал он много о войне, но все очень отрывочно. Знаю только, что довелось ему еще через один плен пройти. Рассказывал, как довелось просидеть несколько часов в туалетной яме, чтобы остаться в живых. Я его как-то спросила: «А был ли грех в твоей жизни?» Он ответил: «Не знаю, был ли это грех. Это было в Польше. А больше ничего не скажу».

***

Папа как-то сказал мне: «Мелкая молодежь пошла. О чем могут разговаривать всю ночь мужчина и женщина? Это ненормально».

Когда я его спрашивала: «Почему евреев не любят?», отвечал: «Потому что они хотят хорошо жить и ничего не делать».

***

После войны родители разошлись, когда мне было три месяца, и я воспитывалась у боголюбивой и мудрой бабули, маминой мамы.

— Бабушка, а почему ты меня не учишь Бога любить? — спрашивала я.

— Ты его и так любишь.

— Я же его не знаю.

— Бог — это земля, воздух и все хорошее, — отвечала бабушка.

Папа сначала жил в Латвии, учительствовал. Тогда ни один русский не мог чувствовать себя там в безопасности, но папу уважали и не тронули. Потом он переехал в Калужскую область, работал в молочном промышленном техникуме преподавателем математики, потом завучем. Его там по-первости принимали за шпиона (он радовался, что не за еврея), потому что для сельской местности был он чересчур образованным, интеллигентным. Но папа часто приезжал в Могилев, меня воспитывал, математикой со мной занимался, очень боялся, что я «Р» выговаривать не буду. Ведь я не должна была быть еврейкой. Как только у мамы появился какой жених — он тут как тут, законный муж. В общем — ни сам ни гам, ни другому не дам.

Папа был очень своеобразным человеком. Его племянник до войны украл лошадь, и его посадили чуть ли не на 20 лет. Когда он вернулся из мест не столь отдаленных, папа смог дать ему диплом об окончании техникума с отличием. Когда я ему говорила: «Папа, как ты мог? Он же совсем не учился», отец отвечал: «Он поучил такое образование, что ни один институт не даст». Племянник не подвел дядю, потом он стал директором винного завода в Минске. Историю эту я узнала позже, когда все родственники приехали в Минск посмотреть на меня перед своим отъездом в Америку. Мы же оставались, и папа говорил: «Они же евреи, а мы — русские». Он был патриотом, и когда нам пришла «оттуда» красивая открытка этой мишпохи на берегу Средиземного моря, сказал: «Их так много и только два с высшим образованием — зачем они все Америке нужны? Что делает политика!» Он

мог пойти на вокзал, чтобы спросить иностранца, сколько у них стоит корова. Узнав, сравнивал, и когда выяснял, что у нас дешевле — был очень доволен: мы живем богаче.

Я папу побаивалась. Я была мамина дочка, а вот старшая сестра — папина. Ее воспитывала папина мама, а потом он сам забрал ее к себе на учебу.

Позже он женился на своей коллеге, учительнице математики, очень хорошей женщине. Продолжал жить там же, в Калужской области. Работал до пенсии в техникуме. Зная, что мы живем очень тяжело, до последних своих дней высылал мне деньги, чтобы моя дочка, его любимая внучка, могла учиться в Минской консерватории. Ведь его отец был кузнецом и скрипачом, а Лена единственная пошла в музыку. Последние годы он сильно болел и в 1990 г. умирать вернулся в Могилев. Говорил: «Жить можно где угодно, а умирать нужно на родине». Врачи не советовали, говорили — не доедет. А он держался на чем-то невероятном и умер в Могилеве через четыре часа после приезда. Похоронили его на еврейском кладбище, так что умер он все же евреем.

***

Я как-то спросила у папы: «А сколько у тебя было женщин?» Он же долгое время был одиноким мужчиной. Он два дня считал и сказал, что если всех не забыл, то 30. Когда я впервые столкнулась с **Дворжецким** (известным артистом. — *А.Л.*), у него лысина была, как у папы. Ему тогда было 39 лет, а папе за 70. Тогда этот же вопрос я задала Дворжецкому. Он лишь поднял брови и сказал: «Так мало?!», но на вопрос не ответил. Тогда этот вопрос я повторила **Киракозову**. Он говорит: «Ты что — дура? Я даже в Могилеве всех не помню».

***

Мама из Москвы эвакуировалась в Пензу, где в это время были дедушка с бабушкой. А после войны они вернулись в Могилев. Меня первые годы воспитывала бабушка. После войны мама работала переводчицей в лагере военнопленных в Туапсе. Она очень берегла портрет, который нарисовал один немец-военнопленный.

Кстати, о немцах она никогда не говорила ни одного плохого слова. Говорила: «Война! Война! Никто не виноват». Она никогда ни у кого в долг ни копейки не брала. Любила, когда ее называли по имени-отчеству и на Вы. Одна ее фраза со мной всегда: «Не бойся, когда тебя не любят, бойся, когда любят». Это для меня остается загадкой и сегодня. В свои 92 года она могла, посмотрев в зеркало, сказать: «Ой, как я побелела!» Я говорила: «Что же ты хочешь? Тебе уже за 90». А она: «Никому не рассказывай, и тебе не поверят». Она могла сделать нам с мужем такой комплимент. Говорила: «Какой у тебя интеллигентный муж!», а потом, повернувшись ко мне: «Лучшего ты и не заслуживаешь».

Клара Львовна Златина на могилевской улице.

Когда мою трехлетнюю дочь спрашивал Киракозов, какой она национальности, та отвечала: «Могилевская». А баба Соня говорила: «Не травмируйте ребенка!» А на такой же вопрос сама отвечала: «Советская учительница».

Бабушка меня воспитала так, что все евреи — мои родственники. И я знакомилась со всеми старыми евреями.

***

Как-то во время нашей поездки во Францию в конце 70-х гг. меня там спросили, как в нашей стране относятся к евреям. Я ответила, что не знаю, как к другим, а ко мне — плохо. Еще во время многочисленных выпивок говорила французам: «Вы не думайте, что наша страна, как эта группа. Просто хороших людей за границу не пускают». Из-за этих всех фраз у меня потом были неприятности. Из органов пришли прямо во Дворец культуры. Я говорю: «В чем я виновата», а они отвечают, как из анекдота, что, если бы была виновата, мы бы не тут и не так с тобой разговаривали. Но дело замаяли, ничем оно не кончилось. Потом только в Канаду меня уже не взяли.

***

Знаю, что мама сначала жила в Тирасполе, а потом в Винницкой области. Там и я с ней жила. Когда мы приехали в Могилев, я сразу попала в 4 класс. Жили мы сначала в двухэтажном бараче на Менжинке. Потом маме дали комнату на Пионерской, и она была очень счастлива.

Я сменила две школы, а потом к девятому классу приехал балетмейстер Мамикон Киракозов и организовал ансамбль танца из двоечников нашего района. В это время меня мама взяла за руку и отвела в ансамбль. Он захватил меня всю. И в 15 лет я пошла учиться в вечернюю школу и работать на завод им. Куйбышева.

В Могилеве началось строительство громадного комбината «Лавсан». И мама, видя перспективу, заставила меня поступить в химико-технологический техникум...

Филиал техникума (техникум был московский) находился прямо на производстве, так как Завод искусственного волокна являлся базой подготовки кадров. Учеба для меня была каторгой. Каждую осень начинались вечерние ежедневные занятия, а в промежутках я танцевала. Днем работала. По ночам на листочках писала стихи и мгновенно их теряла. То, что сохраняла память, осталось при мне.

Из трех с половиной лет учебы почти год не ходила, но документы мне не отдавали. Заведующая филиалом **Сара Леонидовна** однажды сказала:

— Намного легче окончить учебу, чем ждать, пока прищлют документы из Москвы. Доедай свои хвосты и готовься к диплому.

Так и было. По окончании техникума в 1967 г. меня перевели в научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ), где с первых дней я заявила, что уйду, так как химия меня не любит, а я и не претендую. Но начальству еще долго пришлось ждать моего ухода.

***

На всех концертах, во всех поездках, кроме зарубежных, мама была при мне. И как я забеременела в 22 года, никто не мог понять. А тогда мы были в Одессе, ко мне приехал мой будущий муж **Липкин**. Бабушка просила только еврея, а у меня почему-то не получалось. Как-то не было подходящих. Вот Вова Липкин был первым и последним в моей жизни. Был он такой местный гуляка, работал физруком в школе. Познакомились мы так. Он шел по пляжу с приятелями, и его кто-то спросил, показывая на меня: «А с этой ты еще не спал?» Ну, он сразу и подкатился. Он был на 6 лет меня старше, и я думала, что я для него подарок. Но все оказалось не так просто. Был он нормальный человек, но, как и все младшие сыновья, избалован. Когда мы с папой уехали отдыхать в Одессу, он сказал: «Как я от тебя три письма получу — приеду». Я написала три письма в первый же день, и он действительно приехал. Расписались мы, когда родилась дочка, а развелись, когда ей было три года. Потом был показательный суд. Их посадили на 6 лет за наркотики. Отсидел он от звонка до звонка, все зубы потерял, отбивался круто. К тому времени мы уже были в разводе. В общем, все у нас с ним было обычно, как у всех: сначала любила, потом разлюбила. Но на

похороны к маме в Израиле он приезжал со своим сыном. Надеюсь, он еще жив, ведь у него уже было пять инфарктов.

***

Ансамбль танца окреп, ездил по Союзу и прославлял химиков Могилева. Один из концертов в городке космонавтов. [...] После концерта бисировали. И жена Поповича не поверила, что мы все работаем на одном заводе. Балетмейстер рассказывал о каждом в отдельности.

— Она лаборантка, — показал он на меня.

— Нет, я на мешкотаре работаю.

— А что такое «мешкотара», что Вы там делаете? — спросил седовласый генерал.

— Дырки в мешках зашиваю.

Когда дружный смех поутих, Киракозов сказал:

— Я ее из психиатрической больницы взял на поруки. Врачи от нее отказались.

***

У Киракозова был замечательный оркестр — все с высшим музыкальным образованием. На скрипке играл **Родов**. Вот, когда он играл, у меня мурашки по телу бежали, а когда переставал — и мурашки проходили. Еще играл **Александр Толкачев**. Дирижером оркестра был замечательный музыкант **Лазарь Исаакович Каганов**. Когда мы были в Болгарии, принимающая сторона оставила всю нашу группу для того, чтобы он дирижировал на каком-то их юбилее. Так самолет улетел пустой. Сейчас Лазарь Исаакович живет под Тель-Авивом. Я недавно с ним разговаривала по телефону. Говорю: «Хочу Вас видеть», а он отвечает: «Я уже себя не демонстрирую».

Мой милый Лазарь,

Вы ни разу на мне не тормозили взгляд,

И помню я одну лишь фразу:

«От Клары уши заболят».

***

Мне очень понравилось в те годы в Польше. Я там почувствовала дух Беларуси, той Беларуси, какой она должна была бы быть. У нас вроде все одинаково, но у них паны, а у нас батраки. И я тогда думала, что если уеду, то только в Польшу.

Боря Моисеев пришел в ансамбль Киракозова лет в 12—13. Это было новое поколение, а мне было тогда лет 20—22. Он жил на Менжинке в «сером доме». Его дубасили, как положено. И, по-моему, тогда в массе он был незаметен. Танцевал он недолго — может год, может, два. Когда он привез первый раз свой коллектив в Могилев, после выступления он завел за кулисы мою дочь и спрашивает: «Леночка, ну что? Тебе понравилось, или ты, как твоя мама, готова все обсорать?» Ну, она и сказала, что она, как мама.

***

Много позже, где-то в начале 80-х гг., я сблизилась с тусовкой могилевских художников-авангардистов и хипарей. Они решили провести выставку и попросили собрать на нее людей, что я и сделала. Так наши власти решили, что я их предводитель. Но сейчас они все уже забыли про свои молодые идеалы, стали другими — нормальными.

***

*Занудливо снимаю спесь,
Кривляюсь так, что сердцу тошно.
Боюсь, что потеряла прошлое
И не пойму, что нашла здесь.
Еврейство. Где оно, скажите.
Какой-то винегрет умов.
Я потеряла массу слов,
Надеюсь вспомнить на иврите.*

***

В Израиле я живу в Ашдоде в одной квартире с младшим братом **Куклачева** Вовой. Он — один из ведущих артистов балета в Израиле. Я считаю его своим заочным сыном» (**Златина Клара**. БИОГРАФИЯ. Так много ни о чем // Ашдодский Литературный альманах. Вып. 2. — Израиль, 2004; из воспоминаний **Златиной Клары Львовны**).

НАШИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОГИЛЕВА

МОИСЕЕВ Борис Михайлович (р. 1954)

Борис Михайлович Моисеев, танцовщик, хореограф, певец, писатель, киноактер, руководитель танцевального коллектива и автор популярнейших в России шоу — один из самых преуспевающих людей на российской эстраде детские и юношеские годы провел в Могилеве.

Борис родился 4 марта 1954 г. в Могилеве. Его детство прошло в известном каждому могилевчанину «сером доме», в районе Менжинки. Он рос без отца и, к тому же, был очень болезненным ребенком.

Приведем некоторые воспоминания Бориса о своем детстве, к которым лучше относиться весьма критично, с учетом налета фантазии и рекламного эпатажа.

«Я из очень простой, грустной, честной, очень ранимой большой семьи Моисеевых. Это еврейская, убогая, но очень культурная местечковая фамилия. Вся моя семья родилась и выросла в маленьком провинциальном Могилеве и от других отличалась тем, что всю жизнь они тупо верили в то, что делали: рожали много детей. Моим предком не был граф, герцог или дворянин, и ни на один из этих титулов я не претендую и не хочу претендовать. Перед моим родом я преклоняюсь за то, что

Борис Моисеев

они прожили болезненную, полную унижений жизнь местечковых евреев.

Моя мама с 1915 года. Она жила долго и помнила все времена. Она работала на кожевенном заводе: тупо стояла, утопленная по горло в ржавой воде, и выпускала кожу. И на своем собственном брюхе — на огромном брюхе, которое не могло уйти, оно осталось навсегда от голодовок, — таскала мешки кожи для того, чтобы прокормить своих маленьких детишек.

Она мечтала, чтобы я стал актером, потому что она не могла себе этого позволить. Она не могла даже сапоги купить, чтобы пойти в местечковый клуб. А я танцевал Плисецкую в ее же платье из штор, которое порвал; я разломал рождественскую елку, чтобы сделать себе корону, которую надел на себя в шесть лет. Я стоял за этот поступок на соли в маленькой коммунальной квартире. Я был (да и остаюсь!) очень эмоциональным парнем и до того расстроился от этого унижения (мама в первый раз меня наказала), что со мной случилась горячка.

Знаю по рассказам, что мать после войны подкармливала картошкой стрелявших в евреев пленных немцев, которые строили тогда для недострелянных лачуги...»

Для укрепления здоровья мама отдала Бориса в танцевальный кружок. С тех пор он понял, что танцы — его жизнь. Он устраивал уличные концерты для жителей своего дома, а, окончив школу, собрал чемодан со скромным гардеробом и самостоятельно уехал в Минск. Там Борис поступил в хореографическое училище, которое закончил как классический танцовщик. Но преуспевающего в классике артиста больше тянуло к характерному и эстраднему танцу. По окончании училища Борис поехал в Украину в Харьковский театр оперы и балета, где прошел путь от простого артиста до хореографа-постановщика. Но из-за свободолюбивого характера его исключили из комсомола, и он был вынужден покинуть Харьков.

В 1975 г. Борис уехал в Каунас, один из самых независимых городов тогдашнего СССР, где танцевал в музыкальном театре, а позже стал главным балетмейстером литовского оркестра «Тринитас». В Каунасе он создал танцевальное трио «Экспрессия», в котором вместе с Борисом работали две очаровательные девушки — блондинка и брюнетка. Трио быстро стало популярным и, покорилив Литву, перешло работать в «Театр песни» известной российской певицы Аллы Пугачевой, вместе с которой они участвовали в популярных всемирных конкурсах и фестивалях, например, на фестивале в Сан-Ремо. По признанию самого артиста, именно то, что его заметила Пугачева и пригласила в свой коллектив, позволило ему стать тем Борисом Моисеевым, которого узнала вся советская страна. Но вскоре Борису стало тесно и в этих рамках, и в 1987 г. трио начало сольную карьеру. С 1988 по 1989 г. «Экспрессия» выступала в клубах Италии, Франции и Америки. Потом Борис работал в качестве хореографа в театрах и танцевальных шоу Америки, был главным режиссером-постановщиком муниципального театра Нового Орлеана.

В 1991 г. коллектив вернулся в Россию, а через год вышел их первый спектакль, который превратил маленькое трио в большой шоу-проект «Борис Моисеев и его леди». Потом были многочисленные спектакли и проекты, принесшие Б. Моисееву признание многочисленных поклонников.

В 1995 г. Борис шокировал Россию спектаклем «Дитя порока», после которого его творчество называли «религией шока и эпатажа». Именно этот спектакль дал жизнь новому детищу Моисеева — созданию собственного шоу-театра.

Но на этом он не остановился. Из самых ярких танцовщиков на российской эстраде он смог стать одним из популярнейших ее певцов, который поднимается на самые высокие места в хит-парадах.

Кроме того, Моисеев работал в качестве модели у известных российских кутюрье, снялся в нескольких художественных фильмах, написал о себе книгу и киносценарий по ней. Таков один из самых ярких представителей сегодняшней российской эстрады, самый неоднозначный и непредсказуемый, вызывающий у одних чувство восторга и преклонения, у других — негодования и презрения, таким стал бывший маленький еврейский мальчик из Могилева (по материалам российской прессы).

ДОДИНА Евгения Борисовна
(р. 1964)

**Евгения Додина — первая леди
театра «Гешер»**

Родилась в Могилеве 10 декабря 1964 г. Здесь же провела детские годы. Желание стать актрисой

Евгения Додина, прима театра «Гешер», в спектакле «Анна Каренина», совместной постановке тетра «Га-Бима» и Бер-Шевского театра.

родилось еще в школьные годы. Несмотря на несогласие родителей и отговоры школьных учителей, прямо с выпускного вечера поехала поступать в Москву. На курс Андрея Гончарова ее не взяли. Евгения уехала домой в Могилев, где поступила в машиностроительный институт. Учеба без желания не вызывала положительных эмоций. Через год совершила еще одну попытку, которая оказалась успешной. Поступила в ГИТИС на первый и последний очный курс Эфроса. Это был самый трагический период жизни Эфроса, когда он ушел из Театра на Малой Бронной на Таганку. Он умер буквально через год после выпуска своего курса.

После окончания ГИТИСа до 1990 г. Додина жила в Москве и работала в театре им. Маяковского. В кино в этот период, в основном, только пробовалась на роли. Единственной большой работой, в которой участвовала актриса, была телеверсия спектакля «Уроки музыки» Петрушевской. Кроме того, она снялась в маленьком эпизоде в фильме «Поездки на старом автомобиле» Петра Фоменко.

В начале 90-х гг. вместе с группой артистов под руководством режиссера Евгения Арье репатрировалась в Израиль, где начала играть в театре «Гешер». Ею сыграны ведущие роли в спектаклях «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Дело Дрейфуса», «Идиот», «Мольер», «Шоша», «Женитьба

«Мы ехали попробовать создать театр и знали, что можем вернуться. Для меня это не был вопрос жизни и смерти. Наоборот, все это дало такую легкость в работе и профессии, ощущении себя на сцене. Я не очень люблю на свои спектакли приглашать друзей и знакомых. Не люблю ощущения, что на меня смотрят с какой-то надеждой и ожиданием, и я должна выдавать что-то. Люблю играть чуть-чуть безответственно, для многих людей» (из воспоминаний Додины Евгении Борисовны).

Фигаро», «Медея», «Вишневым сад» и многих других. Играет на иврите.

Израильская Театральная академия дважды присуждала Е. Додиною звание «Лучшая актриса года» (за роль Пака во «Сне в летнюю ночь» (2001) и роль Ванды в «Рабе» (2003) (спектакль по роману Исаака Башевиса-Зингера получил звание лучшего спектакля сезона, **Евгений Арье** был признан лучшим режиссером).

Участвовала во многих телевизионных передачах: «Бат-Ям — Нью-Йорк», «Ситон», «Детектив в Иерусалиме». После приезда в Израиль довольно быстро начала сниматься в израильских картинах: «Цирк Палестина», «Святая Клара», «Made in Israel» и др.

В 2006 г. Евгения Додина получила премию в номинации «Лучшая актриса» на фестивале еврейского кино в Варшаве. Награда была присуждена за исполнение роли в фильме режиссерского друга Лины и Славы Чаплиных «Было или не было».

В 2006 г. признана самой популярной киноактрисой года в Израиле. Последний фильм, в котором снялась актриса в израильском прокате, идет под названием «Любовь и танец» (на XXVIII Московском фестивале он назывался «Полуроссийская история»). Зрители считают фильм лучшим о жизни эмигрантов, а актрису — гордостью Израиля.

За выдающийся вклад Евгения в развитие израильского сценического искусства Тель-Авивский университет присвоил ей звание почетного доктора.

В 2009 г. Е. Додина приняла участие в церемонии зажжения факелов в честь 61-й годовщины независимости Израиля. Она прочитала монолог о своей жизни, который для нее стал более волнительным, чем любое выступление на сцене. Он начинался словами «Я, Евгения Додина, уроженка Белоруссии, дочь Бориса и Сары и мать Анны...»

В 2010 г. в связи с празднованием столетия Тель-Авива за большой вклад в формирование первого современного еврейского города для зажжения факелов Славы на главной церемонии были приглашены двенадцать почетных граждан. Среди них и бывшая могилевчанка Евгения Додина.

РЕЖИССЕРЫ И СЦЕНАРИСТЫ

МИХАЙЛОВ Александр Алексеевич (р. 1951)

Заслуженный деятель искусств России, художественный руководитель театра «Свободное пространство» (Орел).

Родился 1 января 1951 г. Семья Михайловых приехала в Могилев из Сызрани в 1963 г. Отец, **Алексей Тимофеевич Михайлов**, с 1963 по 1969 г. работал директором Могилевского драмтеатра. Мама, **Эсфирь Матвеевна Михайлова** (1919 г.р.), заслуженная артистка России (1960), с 1963 по 1974 г. играла в театре. Белорусская театральная энциклопедия отмечает, что Э. Михайлова — «актриса выразительного драматического темперамента. Ее героини отличались сильным характером и глубокими чувствами, одновременно мягким лиризмом и юмором, искренней добротой».

Александр учился в специализированном математическом классе школы № 1.

В 1973 г. окончил физико-математический факультет Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, работал инженером в НИИ «Исток» в г. Фрязино, служил в армии, руководил студенческим театром в Харькове. В 1980 г. окончил режиссерский факультет Харьковского института

Александр Михайлов

искусств им. И.П. Котляревского, в 1985—1987 гг. был режиссером-стажером московского академического театра им. В. Маяковского (под руководством народного артиста СССР А.А. Гончарова). Ставил спектакли в театрах Харькова, Москвы, Днепропетровска, Новосибирска, Магнитогорска, Брянска, Ростова-на-Дону, Самары.

С 1987 г. — главный режиссер Орловского театра юного зрителя, который в 1990 г. стал театром «Свободное пространство», а А. Михайлов — его художественным руководителем. Этот период стал временем творческого подъема всего театра. В Орле возрождается интерес к новым работам театра. Но особенно яростные дебаты ведутся вокруг постановок А. Михайлова.

Первой серьезной работой стал спектакль «Адам и Ева» по пьесе М. Булгакова, никогда прежде не ставившийся в стране. И зрители, и критики высоко оценили глубокий, мощный по эмоциональному воздействию спектакль. В 1994 г. в Калифорнии состоялась премьера спектакля А. Михайлова «Белый Клык» по Д. Лондону, который стал своеобразной визитной карточкой театра. Эта музыкально-пластическая притча с успехом игралась на фестивалях в Турции, США, Испании, Израиле, России. Спектакли А. Михайлова получают награды на фестивалях в Новгороде и Магнитогорске.

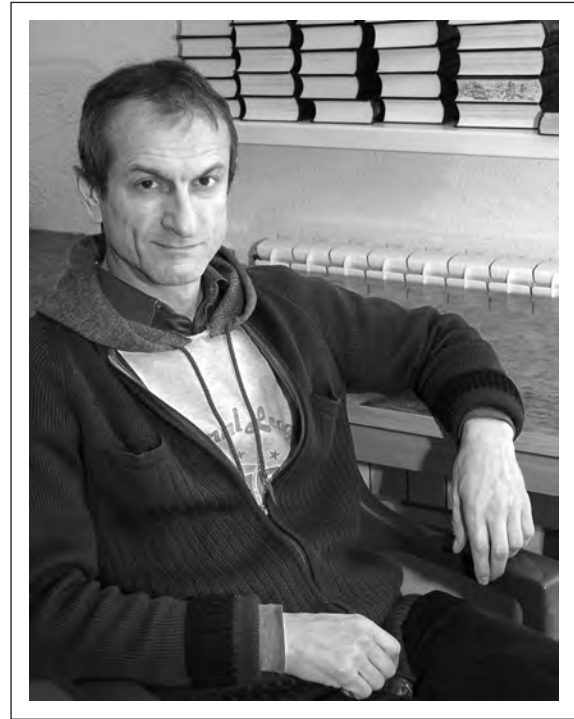
Орловский театр неоднократно участвовал в могилевском фестивале «М@рт.Контакт». В 2008 г. спектакль «Любовью не шутят» и в 2010 г. «Белое на черном» завоевали Гран-при фестиваля.

В 1996—2000 гг. А. Михайлов руководит актерским курсом Орловского государственного института искусств и культуры, который работает при театре. Выпускники его сейчас играют главные роли во многих спектаклях театра.

В 1990, 1993 гг. режиссер ставил спектакли в Калифорнийском театральном центре, США. В 1999 г. преподавал актерское мастерство в Калифорнийском государственном университете Монтерей-Бэй.

ЯХНИС Аркадий Израилевич (р. 1952)

Аркадий Израилевич Яхнис — сценарист, кинорежиссер. Родился в 1952 г. в Могилеве. Окончил Могилевский машиностроительный институт в 1974 г. Три года работал инженером-конструктором в Минске, а затем вернулся в Могилев, где трудился инженером на автозаводе им. Кирова. Здесь и началось его довольно позднее приобщение к киноискусству. Сначала попробовал себя в фотографии (вспоминает, что снимал на простейшую «Смену», чтобы понять, что же это такое). Потом стал заниматься в заводской любительской киностудии и приобщать к фотографии детей во

Аркадий Яхнис

Дворце пионеров («Легче разобраться в чем-то, когда начинаешь этому учить других»). Новая среда общения, любительские семинары и фестивали, первые фильмы и рассказы, написанные после заводской смены, окончательно убедили его в том, что инженерная стезя — это не его жизнь. Тогда и решил начать все с нуля.

В 1987 г. в возрасте 35 лет прошел творческий конкурс и поступил на сценарное отделение Высших курсов сценаристов и режиссеров в Москве. Окончил их в 1989 г., не самом счастливым для советского кинематографа.

Поставил по своим сценариям короткометражный фильм «Свидание» (киностудия «Мосфильм», 1991 г.), документальный «Прощание» (1992 г.) — об отъезде молдавских евреев в Израиль. Последний участвовал в конкурсных программах фестивалей в Германии, Польше, США.

Его полнометражным игровым, режиссерским и сценарным дебютом является картина «Ботинки из Америки» (2001, совместное производство Россия, Германия, Украина), показанная на многих российских и международных кинофестивалях (в том числе на «Киногавре» в Сочи и в Лидсе, Англия). Фильм совершенно по-новому открывает для нас тему холокоста. Согласно авторскому сценарию, главный герой Исаак Берг (актер Рамаз Чхиквадзе), потерявший во время фашистской оккупации всех родных, верит, как и все евреи, что однажды придет Мессия и оживит всех евреев. Но в данном случае это касается именно его и его родных.

«Ужас, который всегда с тобой» («Мосфильм», 2007) по сценарию Юрия Арабова — его второй полнометражный фильм. Картина участвовала в конкурсах Московского международного фестиваля (2007), фестиваля в Карловых Варах (2007) и Майами (2008). Этот фильм — несколько сюрреалистическая трагикомическая история мнимого «преображения» рефлексии интеллигента в «настоящего мужчину» под воздействием внешних обстоятельств в виде «оккупации» квартиры отрядом спецназовцев, решающих «важную государственную операцию».

В настоящее время А. Яхнис заканчивает работу над сценарием полнометражного фильма «Счастливые люди», во многих ситуациях и персонажах которого угадывается его родной город.

ШЕЙНИН Борис Соломонович (р. 1927)

Борис Шейнин, кинодраматург и режиссер, родился в 1927 г. в Могилеве. В 1951 г. окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (курс Александра Петровича Довженко). Член Союза кинематографистов России, заслуженный деятель искусств России, лауреат Ломоносовской премии.

На его счету более ста научно-популярных и документальных лент, многие из которых отмечены призами престижных международных кинофестивалей. Особое место в его творчестве занимает еврейская тема. Следует особо выделить фильмы «Неизвестный Израиль» (Центрнаучфильм) — первый советский фильм, рассказавший об этой стране, который был показан в кинотеатрах Советского Союза перед восстановлением дипломатических отношений с Израилем, и «Мы здесь родились» (Центрнаучфильм) — первый и, пожалуй, единственный фильм о советских евреях, снятый по зарубежному заказу и демонстрировавшийся лишь за рубежом. Его премьера состоялась в Московском еврейском общинном центре спустя сорок лет после выхода на мировые экраны.

В 80-е гг. на киностудии «Беларусьфильм» Б. Шейнин начал снимать фильмы по своим сценариям как режиссер.

В 90-е гг. — автор и режиссер ряда публицистических фильмов в объединении «Экран» Центрального телевидения. Среди них полнометражные фильмы о событиях в республиках Балтии, вызвавшие большой общественный резонанс.

Последние годы Борис Соломонович продолжает активно работать в киностудии «Параджанофильм» в Москве. Лицом студии стала лента о гениальном режиссере Сергее Параджанове «Я умер в детстве», которая была отмечена награ-

Борис Соломонович Шейнин

дами многих международных кинофестивалей (Борис Шейнин — редактор этого фильма).

Автор снятого в Германии документального фильма «Вопросы к Богу» (2006), номинанта Международного Варшавского кинофестиваля «Еврейские мотивы» и V Международного кинофестиваля документального кино «Человечество в мире» в Стокгольме. Совместно с **Марией Семенцовой** — режиссер документального фильма «Назовите меня Пикассо» (2006) — номинант XVII Международного кинофестиваля документальных, короткометражных игровых и анимационных фильмов «Послание к человеку», Гран-при Международного кинофестиваля в Батуми (BIAFF), Гран-при Международного кинофестиваля в Боготе (Колумбия), участник XV Фестиваля российского кино в Онфлере (Франция).

Автор и режиссер документального фильма «Мелодии еврейской улицы» (2007).

На всероссийском фестивале искусств «Летние ночи» в Геленджике Б. Шейнину вручен специальный приз «За вклад в кинематограф».

О себе, о своей жизни, о «еврейских» фильмах и о многом другом рассказывает автобиографическая книга Бориса Шейнина «Не дай умереть ребенку». Специально для наших читателей мы попытались соединить отрывки из этой книги и воспоминания о Могилеве, написанные Борисом Соломоновичем.

Воспоминания о родном городе

«Я родился в Белоруссии в древнем городе Могилеве в 1927 г. и жил там до лета 1941 года...

Отец Бориса Шейнина **Залман Файбишевич Шейнин**. Могилев, 1919—1920 гг.
Фото из семейного архива Шейнина Б.С.

В Могилеве родился и мой отец, и все его одиннадцать братьев и сестер.

Когда я появился на свет, по доброй и древней еврейской традиции меня должны были наречь именем кого-то из предков. К тому времени из двух моих дедушек одного — отца моей матери уже не было на свете. Звали его **Абрам**. Абрамом назвали и меня, о чем было записано в соответствующем документе — метрике. В детстве мне очень нравилось звучание моего имени. В нем слышалось что-то воистину взрослое, самостоятельное, авторитетное... Сколько себя помню, и в детстве, и даже сейчас, когда возраст мой официально признан преклонным, редкие оставшиеся родственники называют меня не иначе как Бомы. Тогда домашние убедили меня, что производным от Бомы является Борис. Борисом ушел я из школы в техникум. Борисом был в институте. Борисом подписывал свои сценарии на киностудиях и репортажи в газетах. А в паспорте значилось — Абрам.

Как и многие мои сверстники, с фактом собственной принадлежности к еврейской нации я реально встретился лишь в годы войны. О том, что в Могилеве евреи составляли значительную часть населения, и о том, что жили в городе и другие люди, я, естественно, не задумывался. Хотя для этого появился прекрасный повод, когда пришло время поступать в школу. Дело в том, что буквально на одном пяточке возле нашей улицы

Ленинской размещались не одна, а четыре школы. Русская, белорусская, польская и еврейская...

Самым престижным для еврейских родителей считалось определить свое чадо в русскую школу. Разумеется, мест в школе было меньше, чем родителей, признававших русский язык родным для своего потомства. И, разумеется, ни в какую иную школу не желала записывать меня мать. Она повела меня в жизнь мимо еврейской школы, и этим определилось многое в моей судьбе.

Как-то, перед самой войной, пришла к нам новая учительница белорусского языка Ольга Николаевна. Я отчетливо помню серый вязанный жакет, обтягивающий ее плоскую костлявую фигуру, стерильно белую, без единой складочки блузку. Крупный нос и розовые, словно ободранные рашпилем щеки, неровно покрытые белой пылью-пудрой. Она была далеко не красавица. И строгость не прибавляла ей обаяния. Но почему-то мы, ученики, совсем не боялись ее. И еще почему-то мы стали с охотой готовиться к урокам «беларускай мовы». Теперь-то я знаю, чем пленила нас некрасивая Ольга Николаевна. Человечностью. В мрачном 1937 г., когда в городе один за другим «выявлялись» шпионы и «враги народа», глухое и тревожное эхо тех событий докатилось и до нас. У нашей одноклассницы — девочки Иды ночью арестовали отца. Наутро Ида не явилась в школу. Но Ольга Николаевна не отметила в журнале ее отсутствия. Урок свой она начала с беседы о том, что для каждого ребенка родители — самые лучшие и самые честные люди. Для Иды отец — не «враг народа». Он не может быть врагом. И мы, ее друзья и одноклассники, должны это понимать. Должны поддержать девочку, ни в коем случае не обижать ее... Да. Человечность и Справедливость — вот что было притягательным в нашей учительнице. Она говорила это нам, своим ученикам, тогда, когда над всеми висел проклятый 1937 год.

***

Мои воспоминания о Могилеве, о доме, где жил, о людях, которых знал и видел, отталкиваются от той поры, когда «деревья были большими».

Помню просторный двор, где мы, дети, играли в лапту, в прятки, гоняли мяч... Помню шершавые стволы двух могучих деревьев, под кронами которых, как под крышей, укрывались от внезапно хлынувшего дождя... Когда уже в конце войны я приехал в город и заглянул в наш двор, я не узнал его. Туда ли я попал? Тесный, стиснутый домишками дворик, какие-то жалкие деревца... Я не сразу понял, что изменился не двор, а за минувшие годы изменился — вырос я...

***

Трехэтажный купеческий дом на улице Ленинской, 23 казался большим и нарядным. Нарядным его делали балконы с литыми цветами чугунного ограждения. Наши окна выходили во двор. А вот у **Ботвинкиных**, соседей по комму-

нальному коридору, над улицей висел просторный балкон, с которого хорошо запускались мыльные пузыри. С соседями мои родители жили дружно, и их балкон часто становился стартовой площадкой для залпов моей мыльной батареи...

Мадам Ботвинкина была седой, полноватой и, как я теперь понимаю, властной женщиной. Не припомню, как ее звали. А вот сына, с которым она жила, звали **Липа**. Это я помню. Липа был старый холостяк. Он работал бухгалтером.

У него была блестящая полированная лысина и выпученные, как у рака, сильно близорукие глаза. За толстыми стеклами очков они становились похожими на крупные виноградные ягоды, которыми была украшена огромная старинная люстра с керосиновой лампой в середине. Она висела над обеденным столом, за которым каждый день, в одно и то же время мадам Ботвинкина кормила протертыми диетическими блюдами страдавшего язвой желудка Липу. Под соблазнительными стеклянными виноградинами за этим же столом вечерами Липа сражался в карты с моим отцом, и они обсуждали события в Европе, которые уже тогда занимали и меня.

Каждое утро, еще до работы, Липа выходил на улицу и чинно шагал к перекрестку, где на углу у газетного киоска уже собиралась очередь таких же, как и он, охотников за новостями. В ожидании, когда к киоску подъедет арендованный почтой извозчик и «сбросит» тонкие стопки «Правды» и «Известий», почитатели центральной прессы успевали вдоволь наговориться и обменяться мнениями о том, что творится в мире. А в мире, дышавшем предгрозовым новой мировой войны, было неспокойно. Помню, Липа вернулся домой с газетой, на первой полосе которой была размещена карикатура то ли Бориса Ефимова, то ли Кукрыниксов. Там безобразный и воинственный крысopodobный Гитлер штыком протыкал лист с текстом международного договора. В газете говорилось о «хрустальной ночи» в Германии, о еврейских погромах, устроенных штурмовиками. Липа недоумевал: «Как такое может быть? Ведь немцы — культурная нация!»

Мало кто тогда предполагал, что представители «культурной нации» очень скоро окажутся в Могилеве и по сравнению с тем, что они станут творить в нашем городе, та «хрустальная ночь» в Германии покажется детской забавой... Представители «цивилизованной» нации «позаботились» и о судьбе мадам Ботвинкиной, как и о судьбах многих оставшихся в Могилеве евреях.

***

Из предвоенных воспоминаний — городской Дом пионеров. Его открыли в том самом дворцовом здании, где по настоянию депутатов четвертой Думы царь Николай Второй принял решение об отречении.

В Доме пионеров было много интересных кружков. Я записался сразу в два — пулеметный и литературный. Как всякому довоенному мальчишке, мне не терпелось стать красноармейцем. Занятия у настоящего пулемета «Максима» проводил младший командир, шинель и гимнастерка которого едко пропахли махрой и потом. Он учил нас разбирать и собирать замок пулемета. Конечно, нам не терпелось залечь за щитком пулемета и, как Петька в кинофильме «Чапаев», нажать стрекочущую гашетку... Командир обещал когда-нибудь повести нас на стрельбище. Конечно, до этого было далеко. Но мы все равно гордились тем, что приобщались к настоящему военному делу.

Литературный кружок вел студент учительского института **Коля Горюлев**.

Высокий, улыбчивый, с горящими глазами поэт и непослушной есенинской шевелюрой он был нашим кумиром. Он учил нас не просто рифмовать строки, а искать и создавать поэтические образы. Спустя много лет на Минской киностудии мне довелось встретиться с Николаем Горюлевым. Конечно, он меня не узнал. В войну Коля Горюлев партизанил. А после стал весьма известным в Белоруссии русским поэтом. Рассказывая о нашем литературном кружке, я напомнил ему, как на одном из поэтических вечеров в клубе института он читал свои первые стихи. Тогда, к восторгу собравшихся в зале, в стихах, посвященных бессмертным идеям коммунизма, он нашел воистину галактический образ: никому и никогда не удастся

Шейнины Бома (Борис), отец, сестра Роза. Могилев, 1934—1935 гг.
Фото из семейного архива Шейнина Б.С.

сокрушить коммунизм, «как не найдется повара такого, кто бы использовал Большой Медведицы кастрюлю». Горулева не привела в восторг моя память. Большая Медведица осталась где-то в стороне и вдалеке от поэтической магистрали, на которую профессионально вышел партизанский поэт.

Весной 1941 г. страна собиралась отметить дату смерти Лермонтова.

Мы, ученики Коли Горулева, готовили к этой дате первый в нашей жизни альманах. Коля уверял, что его отпечатывают в настоящей типографии. Я написал рассказ о дуэли поэта с Мартыновым. В моей трактовке великодушный поэт даже не пытался сразить противника. Свой выстрел он послал в воздух, подняв с деревьев стаю воронья. Ну, а подлый Мартынов? Всем известно, что тогда натворил этот отвратительный убийца.

Рассказ выслушали, похвалили. Только Горулев осторожно спросил:

«Действительно так было? Лермонтов не стрелял в Мартынова?»

Я, рано созревший к восприятию принципов творческого метода «социалистического реализма», твердо уверял наставника, что благородный Лермонтов иначе не мог поступить...

***

Доминантой центральной улицы Первомайской была громада собора, сооруженного чуть ли не в XVIII веке. Служба в нем давно не велась. Советская власть устроила здесь музей атеизма. Нас, школьников, сюда водили на экскурсии.

Главным экспонатом музея был, как в Ленинграде в Исаакиевском соборе, — маятник — металлический шар, подвешенный к высокому куполу здания...

Но даже такое просветительское использование культового здания вызывало раздражение у воинствующих безбожников. И тогда хозяева города решили покончить с религиозным мракобесием кардинально — вообще убрать собор с лица города. А на его месте построить современную гостиницу, в которой действительно нуждался город. Однажды к собору пришли саперы. Они окружили здание забором и стали там внутри колдовать, закладывая взрывчатку. Естественно, мы, мальчишки, с нетерпением ждали, когда же военные начнут рушить здание. Хотелось увидеть это событие своими глазами.

Но почему-то взрывать начали ночью, когда город спал. Говорю начали, потому что дело это оказалось совсем непростым. Видимо, в старину строители работали добросовестно. Долго еще, и теперь не только по ночам, из-за ограды до нас доносились глухие взрывы, вслед за которыми над упрямо стоявшими стенами собора поднимались тучи дыма и пыли. Здание очень долго сопротивлялось усилиям саперов. Но, в конце концов, искусство рушить взяло верх над искусством строить. А потом на месте, где еще недавно возвышался собор,

поднялись сплетения деревянных лесов, по которым строители подносили кирпичи и укладывали их в стены будущей гостиницы. До войны успели уложить два или три этажа...

Когда в 1944 г. я приехал в освобожденный Могилев, то увидел гостиницу достроенной. Я с удивлением спросил у соседей по дому:

— Это немцы достроили?

— Что значит немцы? Строили наши люди. Мы строили.

***

В городе была старая тюрьма, стоявшая еще с царской поры. Похоже, к 40-м годам она уже не могла вместить всех, от кого следовало оградить общество строителей коммунизма в одной отдельно взятой стране. Начали строить новую. Помню силуэты людей, в предрассветном тумане толпившихся перед зданием. Они приходили или приезжали на деревенских телегах издалека затем, чтобы разузнать о судьбе своих близких, на долю которых выпало познать справедливость мудрого изречения — «от сумы и от тюрьмы...» Люди сновали вдоль фасада, заглядывая в широкие окна камер в надежде выискать среди прильнувших к стеклам стриженных людей своих родственников. Случалось, находили, узнавали... И тогда, обрадовавшись, что-то кричали им, что-то показывали, жестикулируя, как глухонемые. Но однажды все это кончилось. Люди, которые пришли к тюрьме, увидели, что окна загорожены щитами из свежеструганных, пахнущих смолой досок. Щиты закрепили наклонно, так, чтобы снаружи никто не мог увидеть людей в камерах, а тем, кто заполнял камеры, оставили право узреть лишь клочок неба.

***

Как-то совсем в непростительный день я, услышав звуки оркестра, выбежал на нашу улицу Ленинскую. Там по мостовой невероятно торжественно, по-военному в ногу шагали люди, которых я привык видеть в обычной заурядной обстановке — сапожник, мастерская которого была вблизи нашего дома, булочник, знакомый моего отца, портной, которому моя мать заказывала перелицовывать отцовские пиджаки, директор овощного магазина...

На плечах у некоторых висели настоящие боевые трехлинейки. Все самозабвенно пели песню, которую я до того не слышал. Мне запомнился припев той песни:

«Саблей руби, руби,
Винтовкой коли, коли.
Но Красное Знамя
Неси впереди...»

В парадном строю по нашей улице Ленинской шагали участники гражданской войны, партизаны. Так они отмечали какую-то дорогую для них дату. Как всегда, впереди колонны шагал оркестр.

Оркестров в Могилеве запомнилось два. В одном играли пожарники. Второй состоял из учеников еврейской средней школы. Ни одно торжество в городе не обходилось без этих музыкально одаренных ребят. Летом, обычно на радость их не совсем благополучным родителям, оркестранты выезжали в пионерский лагерь.

Руководил оркестром невысокий лысоватый преподаватель музыкальной школы. Сам он играл на контрабасе. В течение дня его видели с оркестром, который давал концерты перед сеансами в кинотеатре «Чырвоная Зорка».

Когда публика покидала вестибюль и уходила в зрительный зал, он оставлял на эстраде зачехленным свой огромного размера инструмент и бежал проводить занятия в музыкальную школу, благо, она находилась поблизости на той же стороне улицы Первомайской. А вечером его могли видеть в музыкальной яме драматического театра, который находился на той же улице Первомайской, только по другую сторону от кинотеатра.

А еще на Первомайской, наискосок от собора, стояло деревянное здание цирка. Зимой в нем размещался какой-то склад. А летом здесь празднично и завлекательно сверкали огни и гремел оркестр, в составе которого в глубине оркестровой ложи можно было усмотреть все того же контрабасиста — преподавателя музыкальной школы.

***

Цирковые представления были любимейшим зрелищем моих земляков. За сезон в цирке менялись две или три большие программы.

Запах опилок, которые на арене в перерывах между номерами граблями разравнивали униформисты, до сих пор с волнением всплывает в моей памяти.

Но как бы ни были интересны и разнообразны цирковые номера, нас, мальчишек, больше всего влекло к себе то, что составляло третье отделение представления. Там на полном серьезе разыгрывались матчи французской борьбы. Цирк мы любили. А борьбой — болели.

На арене шеренгой выстраивались борцы, имена которых уже были нам хорошо известны. Шпрехшалмейстер называл три пары, сражение которых должно было состояться на этот раз. И начинались бои, за драматургией которых, как мне казалось, следил весь город. Самым популярным, любимцем публики, был непобедимый Ян Цыган. В дни, когда он участвовал в борьбе, цирк неизменно бывал переполнен.

Надо ли говорить, что борьбой были увлечены все школьники. На переменах никто не убежал во двор. В школьных коридорах разворачивались состязания. Они продолжались и после окончания уроков. Бои велись по всем правилам, как в цирке, даже зимой, когда место артистов на арене и праздничной публики на уходящих вверх ярусах занимали чем-то набитые мешки и ящики.

Мама — медсестра поликлиники.
Первая проба фотографии. Могилев, 1935 г.
Фото из семейного архива Шейнина Б.С.

В могилевском цирке не было вестибюля. Как в шапито, с улицы посетители напрямик попадали к арене и от нее расползались по поднимавшимся ярусами зрительским рядам. В антрактах между отделениями зрители выходили прогуляться прямо на улицу.

Вот тут-то, после окончания второго отделения, мы и поджидали тех взрослых дядей и тетей, которым борьба не представлялась интересным зрелищем. Таких было немного, и тем азартней охотились мы за обрывками отслуживших свое билетов, которые могли стать для нас бесплатными пропусками на бесконечно волнующее зрелище.

С каждым очередным представлением возрастал накал в состязаниях борцов. Мы все уже были знатоками законов французской борьбы и с нетерпением ожидали, когда будет объявлен победитель турнира.

В середине сезона 1940 г. в среде уже знакомых нам борцов появился экзотичный чернокожий Фран Гут. Броские афиши называли его чемпионом Америки. И мы в это верили. В состязаниях, которые проходили на наших глазах, американец, так же как и наш любимец Ян Цыган, не знал поражений.

Интригу обещала разрешить предстоящая встреча двух лидеров. В этой бескомпромиссной борьбе кто-то из двоих должен был стать победителем турнира.

Затаив дыхание, переполненный цирк следил за перипетиями поединка лидеров.

Порой казалось, еще чуть-чуть — и американец придавит к ковру соперника, и бой закончится

позорным поражением нашего кумира. Но в последний момент Ян Цыган, каким-то чудом встав на голову, выскальзывает из крепких объятий соперника...

Вдох облегчения проносится по рядам зрителей. Затем на грани поражения оказывается Фран Гут... Однако и ему не раз удается вскочить на ноги...

Но вдруг, когда уже казалось, что последние миллиметры отделяют плечи американца от поверхности ковра, случилось что-то невероятное. Фран Гут закричал, забегал по арене, одной рукой поддерживая другую, переставшую быть подвижной. Судья остановил борьбу... Потом нам объявили, что Ян Цыган сломал руку своему сопернику. Таким образом, каждый из лидеров покинул арену непобежденным...

Не уверен, что борьба всегда была честной. Но она захватывала. Весь сезон мы жили состязаниями, которые сделали нас поклонниками и знатоками французской борьбы.

***

Мать отца — бабушку — я не видел. Она умерла, когда меня еще не было. Но слышал был достаточно. Звали ее **Роза Шейнина**. Она вечно пребывала в ожидании рождения очередного ребенка. Но это не мешало ей быть весьма деятельной и считаться чуть ли не первой в Могилеве красавицей. В память о ней все ее сыновья назвали своих дочек Розами. Поэтому у меня кроме родной сестры Розы было еще три... К сожалению, ни одна из них бабушкину фамилию не сохранила.

А бабушка — Роза Шейнина в истории города была известна как хозяйка кондитерской. В моем детстве я не раз слышал от взрослых людей, какие вкусные пирожные и конфеты были в лавке у Розы Шейниной.

Деда я уже помню. Он женился во второй раз и незадолго до войны переехал к своей избраннице в Ленинград. Там он и умер в блокаду. Теперь вместе с ним на тесном блокадном участке еврейского кладбища захоронены урны с прахом моих родителей.

В Могилеве мой дед жил где-то в районе Дубровенки — небольшой речушки, которая по весне широко разливалась. Даже летом дед ходил в валенках, потому что у него мерзли ноги. Дед вошел в историю города тем, что он абсолютно сознательно передал советской власти кондитерское производство Розы Шейниной. Кстати, к полной радости всех его двенадцати детей. На производстве, вмиг ставшем государственной фабрикой, все они получили работу. К кондитерскому делу, для семьи не очень-то доходному, они были приспособлены с детства. А тут государство всем им подарило статус настоящих советских рабочих, членов профсоюза, на которых распространялись все пункты самого прогрессивного в мире трудового законодательства...

Кондитерскую фабрику я хорошо помню. Назвали ее «Дзесяты Кастрычнік» — «Десятый Октябрь». За пятилетку фабрика разрослась. Как и положено, вместо одной Розы Шейниной, которая успевала всем распоряжаться, были там свои бухгалтерия, отделы снабжения и кадров, штат работников — словом все, что положено иметь государственному предприятию. Отец работал там мастером... Я любил после школы по дороге домой забегать на фабрику. Охрана меня, сына Зямы Шейнина, приветливо пропускала на территорию.

В цеху я находил отца. Он был в белой, как ночное белье, спецовке. Голову украшал тоже белый высокий колпак. Приветливо встречая меня, он брал в руки наполненную кремом форму-трубку и просил, чтобы я показал свой язык. Я знал, что на мой язык он выдавит душистый и сладкий кремный цветочек. Такой же, какими он украшал пирожные и торты.

При фабрике была своя парикмахерская. Сейчас это трудно представить, но до войны в Могилеве, как и во всей стране, одеколон был в дефиците. Но парикмахер кондитерской фабрики нашел выход из положения. Он освежал лица и прически своих клиентов изготовленной на спирту фруктовой эссенцией, которая использовалась при изготовлении конфет и пирожных. Выбор эссенций был достаточно разнообразен. В воздухе витали ароматы малины, мяты, смородины, клубники... Клиенты выходили от парикмахера, щедро распространяя запахи весны и лета и еще чего-то, чем пахли знаменитые конфеты-подушечки, которые тоже значились в ассортименте кондитерской фабрики «Дзесяты Кастрычнік».

***

С враждебным отношением ко мне как к представителю иного этноса я впервые столкнулся на третий день войны. Мои родители, как и большинство советских людей, были воспитаны на браво-риторике пропагандистских фильмов и песен.

Они и их родственники, которые тоже жили в Могилеве, беззаветно верили в Мировую Революцию. Но это не помешало им предположить, что еще до начала Мировой Революции фашисты могут разбомбить Могилев. И чтобы сберечь детей до счастливого поворота истории, на несколько дней, а точнее ночей, решили увезти нас из города.

После безуспешной попытки заночевать в сыром заболоченном лесу, где не было покоя от огромных, как пчелы, комаров, на рассвете мы вышли на край деревни, к избе, возле которой в туманной дымке, как в волшебной сказке, виднелся поднявшийся над колодцем рубленый венец. Из избы вышел не проспавшийся еще хозяин. Мать попросила у него ведерко, чтобы набрать воды. Нам очень хотелось пить. Но, протирая осоловелые глаза, хозяин сказал что-то неожиданно злое. Смысл сказанного был в том, что евреям здесь нечего делать. Прохладную, бесконечно

желанную воду нам дали выпить из другого колодца. Мне очень хочется думать и верить, что типичен для наших людей второй случай. Но разве вытравишь въевшийся в память мою — нетипичный? И почему они были, и почему они и сегодня встречаются, эти совсем «нетипичные» случаи?

В тот же день мы вернулись в город. А назавтра — эвакуация, когда на долгие дни и недели пропахшая теплым конским навозом теплушка стала нашим домом.

***

Мне было немногим более тринадцати, когда я навсегда покинул родной город. О том, что кому-то приходится расставаться с родными местами, мне к тому времени уже было известно. Еще раньше на наших могилевских улицах появились люди, по одежде которых без труда можно было узнать иностранцев. Они говорили на непонятном мне языке. Это были евреи из Германии и Польши. Тогда фашисты еще не уничтожали евреев. Одних они еще только загоняли в гетто и концлагеря, других «великодушно» выпускали за пределы оккупированной части Польши.

Помню, беседы с беженцами озадачивали взрослых. Но, сочувствуя этим измученным людям, разве кто-нибудь предполагал, что очень скоро и мы вольемся в этот человеческий поток, который понесет нас в неизвестность через немислимо огромные просторы страны, в экзотические дали, повидать которые, наверняка, в моем возрасте мечтал каждый...

На пятый день войны я вместе с матерью и сестрой оказался в эшелоне, набитом людьми, которые совершенно не имели представления о том, надолго ли и как далеко проляжет наш путь... А растянулся он на четыре тысячи километров. Больше двух месяцев добирались мы до Средней Азии. В сказочной акварельной росписи в утренней дымке проявился, разлинеенный арыками и шеренгами тутовых деревьев, город Коканд.

***

Я сижу на краешке вагона, свесив наружу ноги, и держусь за перекладину. Я смотрю на небо, где папиросными кольцами клубятся редкие облака, и мечтаю. О чем я тогда мечтал? Этого я никогда никому не рассказывал. Сидя на краю вагона-телятника и наблюдая за чередой облаков, я, глупый, мечтал о том, как на моих глазах, вдруг рассекут небо черные «мессершмиты». Я увижу, как на них ринутся наши отважные «ястребки» —

Рядом с дедом, погибшим в Ленинградскую блокаду, — родители, сестра и **Бома**.

Фото 1934 г. из семейного архива Шейнина Б.С.

истребители, и «мессершмиты», один за другим, попадают на землю. А я, подлинный очевидец этого сражения, вернувшись в родной город, расскажу друзьям в классе, что своими глазами видел войну.

***

В марте 1943 г. мы перебрались из Коканда в Москву. Больше года я учился в авиамоторном техникуме. Тогда еще шла война.

Систему пропусков упростили, и до нас дошли вести, что кому-то даже удалось вернуться в Могилев из эвакуации. Спустя три года, за которые война, пройдясь здесь туда и обратно, оставила свои жуткие автографы, я ехал этой же дорогой, чтобы навестить недавно освобожденный родной город.

В до отказа набитом людьми и мешками бесплацкартном вагоне возвращалась на родину еврейская семья. Старая мать (а скорей всего, бабушка), старик, трое детей — старшему лет шестнадцать. Семья эта вызывала и раздражение, и любопытство окружающих. Словно ожившие персонажи Шолом-Алейхемовских историй, они громко, с девственным еврейским акцентом разговаривали, совершенно пренебрегая вниманием окружающих. И сама речь их как бы озвучивала диалоги, запечатленные великим писателем. Жаль, что не пришло мне тогда в голову записать их разговоры. В них были и ирония, и печальный еврейский юмор. Сгрудившиеся в вагонной тесноте пассажиры с удивлением смотрели на них, как на ископаемых мастодонтов. Действительно, трудно было представить, где и как могли они сохранить свою характерную первозданность. Развлекаясь, пассажиры задавали детям вопросы. Ответы, следовавшие с быстротой пулеметной очереди,

неизменно вызывали взрыв смеха. Но бойких ребят это совершенно не смущало. Они знали цену своей находчивости. Сойти семья собиралась на следующей за Оршей станции. Поезд там стоит недолго, и они заранее подтянули к выходу свои узлы. Чем ближе станция, тем плотнее прижимаются к окну вагона лица ребят. Им не терпится увидеть то, что еще впереди поезда... И вот подъезжаем. Как и везде на нашем пути — все разрушено, сожжено. Не узнать знакомых мест. И тут вдруг они начинают хохотать. Хохоют дети. Вместе с ними хохочет старик.

— Ничего себе — смех... — успевает произнести старуха. — Все сгорело...

Их жуткий смех словно обдал ледяной водой пассажиров. И те, кто еще несколько минут назад с долей издевки над забавным акцентом воспринимали этих странных людей, приумолкли. В них вдруг проснулось то, что называется сопереживанием. Пробудилось сочувствие к этим несчастным и в то же время по-своему счастливым людям. Они действительно были счастливы. Они пережили войну. Они возвращались к родным пепелищам.

***

Когда уже после освобождения Могилева я попал в родной двор, соседи тепло меня принимали. Но почему-то весь вечер, что я сидел у них за столом, каким-то неосознанным чувством, словно чутким локатором, я улавливал их смущение. Я подумал: может быть, рассказывая подробности гибели моих оставшихся в городе родственников, они испытывали неловкость от того, что сами не были евреями и нацисты не загнали их в гетто, а затем и в противотанковый ров, вырытый на окраине города?

Причину неловкости соседей я осознал лишь тогда, когда вышел во двор, который когда-то казался мне огромным, а теперь стал каким-то тесным и неудобным. Как же я не догадался сразу?! Витой коренастый стул, на котором я сидел за гостеприимным столом в соседской квартире, был одним из тех, который перед самой войной, радуясь приобретению, мой отец, прежде чем втащить в дом, здесь во дворе освобождал от едко пахнувшей рогожи, которой были спеленуты его ножки. Но это уже совсем другой разговор. Здесь, как сказал старый учитель в одной из пьес Леонида Леонова, «...кончается география и начинается история...»

***

В послевоенном 1946 году, когда я поступал в киноинститут, там действовала очередная «установка» на развитие национальных кадров киноискусства. Это означало, что при наборе студентов предпочтение отдавалось молодым людям из национальных республик. Кстати, многие из поступивших в том году в институт впоследствии стали известными деятелями национальных кинематографий Грузии, Азербайджана, Узбекистана... Так что определенный смысл в той «установке»,

как показало время, был. Но при этом, разве не было дикостью то, что, выполняя «установку», экзаменаторы сознательно «резали» русских ребят, не давали им поступить в институт лишь потому, что число мест в престижном вузе оставалось ограниченным? И уж совсем «забавным» был тот факт, что евреев-абитуриентов в том году приравняли к русским. Увы, никогда в дальнейшем такого в национальной политике советского государства я не наблюдал.

***

А с государственным антисемитизмом я и мои сверстники встретились тогда, когда, знаменуя агонию сталинской эпохи, партийные идеологи развернули «борьбу» с космополитизмом. Для нас, студентов киноинститута, «борьба» эта вовсе не представлялась чем-то абстрактным: многих деятелей искусства, которых газеты гневно «разоблачали» и уличали в антипатриотизме, мы слушали на лекциях, по их статьям и произведениям готовились к зачетам и экзаменам. Тогда еще термин «сионизм» не использовался в идеологической борьбе. Обыгрывался политический синоним этого понятия — «космополитизм». Не стоило труда заметить, что космополитами, разоблачаемыми в газетах, почти всегда оказывались люди с еврейскими именами и фамилиями.

Стыдно сегодня в этом признаться, но мерзкая кампания, вписавшаяся позорными страницами в историю нашего общества, тогда не вызвала у нас протеста... «Партия не ошибается» — это сидело в нас глубоко. При всем том, не хотелось верить в антисемитский характер развернутой партией кампании. Жонглируя травлей, ее организаторы ловко подбрасывали в разоблачительные списки и русские фамилии, создавая эффект некоей объективности.

Еще одно обстоятельство своеобразно окрашивало события: низвергали мэтров. Молодых же обвинения в космополитизме и антипартийности как бы и не касались. Молодым давали шкуркой почувствовать, что вся эта свистопляска, в конечном счете, расчищает для них путь к постам и должностям. И многие студенты очень рьяно набросились на своих учителей и вчерашних кумиров.

***

Целый месяц с настоящей съемочной киногруппой я колесил по Полесью. Мой дипломный сценарий рассказывал об этом поэтичном крае. Закончив обучение и прихватив сценарий, я приехал в Минск. На киностудии меня встретил главный редактор **Аркадий Мовзон**. Но моя работа на Минской студии тогда не состоялась. Оборвалась она, когда однажды вернувшийся из очередной поездки в Москву знаменитый кинорежиссер **Корш-Саблин**, привычно почесывая кончик своего непомерно длинного носа, с иезуитской ухмылочкой произнес: «А дядю вашего... посадили...»

Хотя не может быть правды о минувшей войне без упоминания об уничтожении еврейского населения, ни в одной из поставленных студией «Беларусьфильм» картин вы не найдете персонажа еврейской национальности. Словно и не жили евреи в Белоруссии!

***

Память часто возвращает меня в Киев, который впервые открылся для меня, когда я, начинающий кинематографист, после сокрушительного фиаско на минской киностудии, приехал в этот город, надеясь связать с ним свою судьбу...

...Из института я вышел со «свободным» дипломом. Он означал, что государство снимает с себя заботы о моем трудоустройстве. Но однажды, к моему удивлению, меня вызвали в Министерство кинематографии. Там меня представили директору Киевской киностудии научно-популярных фильмов **Глебу Михайловичу Смирнову**. Оказалось, будучи по служебным делам в Министерстве, он случайно узнал, что в киноинституте, кроме актеров, режиссеров и операторов, готовят еще и сценаристов — людей, для которых написание сценариев является профессией. Было это в 1951 году, когда из кинематографа еще продолжали изгонять космополитов. Однако тогда, взяв в отделе кадров Министерства папку с двадцатью делами выпускников сценарного факультета, из всех двадцати Смирнов выбрал именно меня.

Возвращаясь памятью к тем далеким уже годам, я понимаю, что если мне довелось состояться как профессионалу в научном и документальном кино, то этим, конечно же, я обязан Глебу Михайловичу Смирнову. Для молодого сценариста иметь гарантированную и постоянную работу, да еще и постоянный приличный заработок — об этом можно было только мечтать...

В Киеве я проработал семь лет.

***

Став кинематографистом, я создал немало документальных лент. Но была среди них одна, которая на многие годы определила мою творческую судьбу. Это фильм о советских евреях «Мы здесь родились», снимавшийся три с лишним десятка лет тому назад.

В нашей стране об этом фильме мало кто знал. Работники идеологического отдела ЦК посчитали, что фильм, с симпатией рассказывающий о евреях, может задеть самолюбие людей других национальностей. Зато без ограничений разрешили показывать его за рубежом. Ленту видели и в США, и в Уругвае, и в других странах, где общественность проявляла интерес к жизни советских евреев.

А начинался фильм по заказу **Маргот Клаузнер** — известной в то время общественной деятельницы Израиля. Еще в 60-е гг. она основала в своей стране «Объединение по культурным связям с СССР», на счету которого было много знаменательных акций.

Речь вовсе не шла о создании киноагитки, призванной доказывать, что в Советском Союзе нет антисемитизма. Нужен честный и правдивый фильм, который покажет зарубежному зрителю, что на самом деле представляют собой в социальном и человеческом плане евреи в Советском Союзе.

***

...Запоздалая весна 1967 года. Маргот довольна — переговоры с АПН (Агентство печати «Новости»), наконец, увенчались заключением договора. Работа над фильмом вот-вот начнется. Завтра она отправится домой, чтобы через месяц снова появиться в Москве уже на съемках фильма. Могла ли она тогда предполагать, что ровно через неделю вспыхнет Шестидневная война, которая на несколько десятилетий вперед перетряхнет всю международную обстановку и сделает невозможным продолжение нашего сотрудничества?

Оценивая сегодня, спустя три с лишним десятка лет, наш фильм, я прощу зрителю быть снисходительными, учитывать не только профессиональный наив молодого тогда режиссера Виктора Мандельבלата, но и время, когда фильм рождался: шла к концу хрущевская оттепель... В мире набирала обороты холодная война... На этом фоне намерение Маргот Клаузнер снять документальный фильм о советских евреях многим и в Израиле, и в Америке, да и в нашей стране, представлялось безнадежной и даже безумной затеей. Десяток каких-то нью-йоркских раввинов создали комитет по бойкоту фильма. Фильм, который еще только замышлялся! Но, похоже, именно это нелепое свидетельство идеологического противоборства окончательно повлияло на решение партийных инстанций дать добро началу нашей работы.

***

Меня не удивляло, что мое согласие взяться за фильм многими коллегами было встречено откровенно враждебно. Одни видели в создателях фильма «идеологических диверсантов, продавшихся сионистам». Другие считали нас прислужниками тех, кто на нас так смотрел. А мы с удивлением и порой восхищением открывали для себя народ, к которому принадлежали, и о котором, по правде говоря, тогда не так уж много и знали.

Мы были первыми, кто пришел в синагогу с кинокамерой. Впрочем, первыми мы были почти во всем: первыми заговорили в кино о евреях как о народе. Первыми после войны показали еврейских писателей, артистов и музыкантов — носителей национальной культуры. Первыми в советском кино напомнили о трагедии Бабьего Яра, первыми назвали цифры и прославленные имена евреев — героев сражений с фашизмом. И это тоже было сенсацией.

***

Работа над фильмом затянулась на годы и потребовала от меня колоссальных сил и адского упорства. Начинать работу мы еще до Шестидневной войны. А заканчивали уже тогда, когда политические последствия этой войны слишком далеко развели СССР и Израиль. Работа над фильмом безнадежно затягивалась. От чиновников тогдашнего Госкино чуть ли не десяток раз за это время приходили на студию указания прекратить нашу работу. Но всякий раз, когда появлялся приказ по студии о прекращении съемок и расформировании группы, я писал письма в ЦК, я доказывал в них, что в интересах государства показать зарубежным зрителям правду о советских евреях, дать представление о том, кем на самом деле являются евреи в советском обществе. И при всей вере в правоту моих доводов я всякий раз удивлялся, когда кто-то, так и не открывшийся мне, регулярно откликнулся на мои обращения и, к откровенному недовольству кинематографического начальства, спускал в Госкино команду о возобновлении нашей работы.

***

В журнале «Советиш Геймланд» я взялся вести раздел кино. Я поместил там несколько рецензий на советские и зарубежные фильмы, среди персонажей которых узнавались евреи. В № 10 за 1973 г. впервые в советском издании появилась моя рецензия на израильский фильм Агмона «Осада».

Тогда дипломатических отношений с Израилем у Советского Союза еще не было. Их порвали сразу после победы еврейского государства в Шестидневной войне, как бы в наказание. Я очень хотел, чтобы журнал попал в руки Агмона и надеялся узнать его мнение о московской рецензии. Но... Как много этих проклятых «но» возникало на нашем пути! В октябре разразилась война «Судного дня». И с нею снова улетучились надежды на восстановление отношений между нашими странами.

Должен был миновать еще какой-то десяток лет, прежде чем Москва дерзнула пойти на их восстановление. Но тогда, в 1973 году, кто бы рискнул предполагать такое?

Кстати, этому акту справедливости предшествовал выход на наши экраны первого советско-израильского документального фильма «Неизвестный Израиль». И мне лестно, что автором сценария того фильма был я.

***

Если в царской России антисемитизм являл собою идеологию и черносотенную практику люмпенизированных низов, то в послевоенные годы, под аккомпанемент официально провозглашенного братства советских народов, антисемитизм исподволь утверждался сверху.

В то время, под давлением массовых кампаний, проводившихся за рубежом, советское правительство было вынуждено приоткрыть шлюзы — разрешить евреям выезд из страны для воссоединения с родственниками в Израиле. Сверх

ожидания, эмиграция стала набирать значительные размеры. Во всяком случае, больше нельзя было делать вид, будто проблемы выезда евреев вовсе не существуют.

Когда однажды в 80-х мне позвонил человек, назвавшийся инструктором ЦК, и сказал, что хочет со мной посоветоваться, и для этого просит приехать к нему, я не очень удивился. Беседа велась вокруг так называемых «еврейских проблем»: правительству трудно учитывать настроения и запросы людей этой этнической группы. Ведь, в отличие от других советских народов, у евреев в государстве нет представительного органа. Согласен ли я с ним, что такой орган нужен, и каким он должен быть?

Наша «доверительная» беседа с Инструктором состоялась еще при Брежневле. Следующий звонок раздался уже в андроповское время. Инструктор бодрым голосом сообщил, что наше с ним предложение, наконец-то, поддержали Инстанции.

— Какое предложение?

— Ну, как же. Решено создать комитет, представляющий в стране евреев.

И еще спросил, согласен ли я принять участие в работе этого комитета?

Прошли еще пару недель, и Инструктор радостно сообщил, что я включен в инициативную группу и что с членами группы состоится беседа на Старой площади на самом высоком уровне.

Комитет под названием «Антиссионистский комитет советской общественности» вызвал далеко не однозначную реакцию. Сколь уязвимым оказалось звукосочетание, выбранное нами для названия комитета, показала такая история: рассеянный наборщик в сообщении о нашем комитете вместо слова «антиссионистский» набрал «антисемитский». Но, в конце концов, дело же не в названии, а в самой сути нашей организации... И эту суть мы старались донести до людей, проявлявших интерес к нашему комитету. И, по-моему, нам тогда удалось многого добиться.

В это время многие выступали в печати со своей антисемитской стряпней, напшигованной цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Увы, плотной на пути их «трудов» к читателям и слушателям наш Комитет так и не стал.

Демонстрируя партийный «плюрализм мнений», покровители «специалистов-разоблачителей» с нами считаться не желали. Более того, дело представлялось так, будто все эти публикации исходят из нашего комитета.

Это сыграло наиболее зловещую роль в формировании негативного имиджа комитета.

Как член Комитета, я получил поручение, о котором, кстати, те, кто давал его мне, быстро забыли. Но для меня оно оказалось новым и увлекательным делом. В течение двух лет я практически каждую неделю выступал на радиостанции «Мир и прогресс», вещавшей на Израиль. Там я познакомился с первоклассными радиожурналистами.

Они предоставили мне возможность вести перед микрофоном человеческий разговор без заранее написанного текста. Мои выступления превращались в размышления вслух. Я рассказывал о своем понимании проблем, о людях, с которыми меня сводила судьба.

«Наши люди знают, что в Израиле многие из тех, кто называет себя сионистами, выступают за поиски формулы мира с арабскими соседями. Разве эти люди антисемиты? Разве они не желают добра своему народу? Наоборот. Они — совесть и будущее Израиля. И наши симпатии — с ними». Напомню, я говорил это на радиостанции «Мир и Прогресс» в феврале 1986 г.

***

Антисионистский комитет незаметно и, увы, бесславно прекратил существование, а в том же помещении и с теми же аппаратными сотрудниками объявилась новая организация — «Союз Русских Общин», шовинистическая направленность которой сегодня беспокоит многих не только в России.

***

С отходом от АКСО у меня наступил новый этап в профессиональной кинематографической работе. На Центральном телевидении я взялся за съемку серии публицистических фильмов о ситуации в общественной жизни республик Прибалтики. Мне довелось снять три полнометражных фильма: «Интервью у памятника Свободе», «Флаг на башне Гедиминаса» и «Тогда в сороковом...».

Я стал свидетелем зарождения подлинно массовых движений «Народный фронт» в Латвии и «Саюдис» в Литве. Я был единственным из российских кинематографистов, присутствовавшим на учредительных съездах этих организаций, и единственным московским кинематографистом, запечатлевшим на пленке первые массовые выступления населения.

Уж на что критично в то время относилась к программам Центрального телевидения радиостанция «Свобода», даже она отметила, что в моих фильмах впервые объективно рассказывалось о событиях в республиках Прибалтики.

Но справедливости ради следует сказать, что та положительная оценка относилась лишь к первым двум картинам моего триптиха.

Фильм же о пакте Молотова-Риббентропа «Тогда в сороковом...» вызвал резко негативную реакцию. Когда вопрос об оценке Пакта был поставлен в повестку дня Съезда Народных Депутатов СССР,

Б. Шейнин, заказчица фильма, общественный деятель Израиля **Маргот Клаузнер**, один из предполагаемых героев фильма **Леонид Бернштейн**. Киев, Бабий Яр, 1966—1967 гг.

Фото из семейного архива Шейнина Б.С.

руководители Центрального телевидения не придумали ничего лучшего, чем показать фильм «Тогда в сороковом...» перед самым заседанием Съезда. Депутаты от Прибалтийских республик решили, что таким образом на них оказывают давление...

***

Профессия режиссера казалась мне столь сложной и таинственной, что прикасаться к ней я не отваживался. Уже потом, побывав на съемках различных фильмов и поработав в монтажных со многими режиссерами, я понял, что ЭТО я тоже могу. Более того, могу не хуже. И доказал, сняв в 80-е годы несколько документальных лент на Минской киностудии и на Центральном телевидении.

***

Был 1989 год. Мысли о создании фильма об Израиле витали в воздухе. Идея эта увлекала многих. Тогда-то мне и позвонил **Юра Гаронкин** — тот самый, который был директором нашего фильма о советских евреях. С тех давних пор мы остались друзьями.

Буримский предложил мне стать автором сценария. В свое время мой отец отказался уезжать в Израиль. Там бы он, как солдат, пострадавший на войне с нацизмом, мог получать приличную пенсию и спокойно доживать свой век. Когда спустя много лет в Ленинграде состоялась премьера картины «Неизвестный Израиль», отец настоял, чтобы я взял его в Дом кино. Ему было девяносто лет».

ГУРЕВИЧ Борис Робертович (р. 1958)

Родился в Могилеве в 1958 г. Здесь прошло его детство. Первое высшее образование получил в Минском институте культуры. В 1987 г. окончил Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии.

Борис Робертович Гуревич

После его окончания в статусе свободного художника ставит спектакли в различных городах бывшего Союза. Начиная в Петрозаводске, где ставил спектакли на финском языке. Им поставлено более 40 спектаклей в Казани, Ташкенте, Новосибирске, Омске, Челябинске, Тюмени, Могилеве, Костроме, Ярославле, Белгороде, Петербурге, Норильске. В одном из интервью режиссер признавался, что «любит свою профессию еще и за то, что в ней можно путешествовать». Объединяет спектакли Гуревича постоянство жанра: практически все они — комедии. Хотя сам режиссер утверждает, что выбирает жанр не столько сам, сколько жизнь в лице того или иного театра. Первым спектаклем, поставленным Борисом Гуревичем в родном городе, тоже была комедия. В 2009 г. к юбилею Могилевского областного драматического театра им была предложена пьеса «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Но в 2010 г. он отступил от многолетней традиции и могилевскому зрителю была представлена сценическая версия классического произведения русской драматургии — пьесы Александра Островского «Гроза».

ХУДОЖНИКИ МОГИЛЕВЩИНЫ

Могилев не может похвастаться такими всемирно известными мастерами кисти, как Марк Шагал или Хаим Сутин, однако и Могилевщина не была обделена талантами. В предыдущих книгах мы уже рассказывали о таких художниках, как А. Жоров, Н. Воронов, М. Белянитский, И. Кузьковский. В этой главе книги мы расскажем о художниках, чье рождение или годы жизни были связаны с Могилевом и Могилевским регионом и чья деятельность разворачивалась в военное и послевоенное время. Таких оказалось немало, но, к сожалению, пик творчества большинства из них пришелся не на могилевский период их жизни, однако такова участь провинции. Здесь можно родиться, но стать и умереть знаменитым — вряд ли. Можно только в сослагательном наклонении говорить о том, как бы сложилась их художественная судьба, останься они в Могилеве, и какая могилевская школа живописи сложилась бы в этом случае.

ЛЯНГЛЕБЕН Моисей (Михаил) Вольфович (р. 1925)

Известный художник-портретист, пишущий преимущественно акварелью. Окончил Московский государственный художественный институт имени В.И. Сурикова. Член Союза художников СССР с 1957 г. Работы М. Лянглебена экспонируются в ряде музеев России. Участник более 100 выставок в бывшем СССР и за рубежом, а также в США, куда эмигрировал из Москвы в 1991 г. Кисти художника принадлежат портреты многих известных личностей советской эпохи, в частности, поэтов и писателей: Анны Ахматовой, Всеволода Иванова, Эммануила Казакевича, Виктора Шкловского и др. В США Моисей Лянглебен успешно продолжает творческую деятельность.

Михаил Лянглебен принадлежит к тому поколению художников, которое пришло в искусство в начале 50-х гг. Их судьба определилась увлеченностью искусством в предвоенные годы, войной и тяжелым послевоенным временем. Его графика — это реализм, выросший из сурового опыта жизни, из любви к искусству, безграничного уважения к мастерам прошлого.

Любовь к портрету проявилась у него еще в юношеские годы в Могилеве, где единственной связью с художественной жизнью был журнал «Юный художник», а также письма из Центрального дома художественного воспитания детей, где его наставницей была **А.В. Щекин-Кротова**. С

этого времени можно исчислять начало приобщения к миру искусства, миру портрета, сохраняющего лики исчезающих в веках людей. Отсюда любовь к обстоятельности, документализму, передача всех подробностей, чтобы оставить на бумаге не только хороший рисунок, но создать портрет — свидетельство современности.

Юному художнику сопутствует успех: в 1937 г. он получает премию на конкурсе в Москве, а перед войной, когда ему было 16 лет, в могилевском Доме труда состоялась его персональная выставка с торжественным открытием и духовым оркестром.

Все планы разрушает война, эвакуация, вернее, бегство пешком из родных мест без вещей, без денег, затем долгий путь на восток в Фергану, тяжелейшие испытания, голод, тиф, смерть отца.

Единственное, что унес Михаил с собой из Могилева, — это пачка работ. Он посылает их в Самарканд и получает вызов в эвакуированную туда Ленинградскую художественную школу. Но как и на что ехать? Его выручает умение рисовать. В кинотеатре делает моментальные портреты зрителей, ожидающих сеанса. Вскоре он собирает сумму, необходимую для поездки.

Год учебы в Самарканде был важным этапом. В портретах, сделанных затем в армии, куда он был призван в 1943 г., мы видим не только лица людей того неповторимого, навсегда ушедшего поколения, на плечи которого легла тяжесть войны, но и зрелое мастерство художника.

Последовавший за армией институт (1946—1952) был одновременно и школой, и тормозом в развитии художника. Это было время, когда еще живы были художники, хранившие традиции русского искусства. Лянглебен учился у С. Герасимо-

Михаил Вольфович Лянглебен

ва, был знаком с П. Кончаловским, В. Татлиным, видел, как работали К. Вялов, П. Пегровичев. Но система образования в институте, изменившаяся в сторону академической строгости и консервативности, порой входила в противоречие с интуитивным понятием правды в натуре.

Первый успех Лянглебена обусловлен встречей с людьми, занимавшими в искусстве и общественной жизни активную гражданскую позицию. Он сделал быстрые экспрессивные портреты углем писателей Э. Казакевича, Вс. Иванова, С. Антонова, поэта Н. Гильена, портреты героев КНДР, экспонировавшиеся на выставках в 1951—1952 гг. В последующие десятилетия Лянглебен продолжает галерею портретов.

Его природная деликатность, чувство юмора, интеллигентность, знание искусства, начало которому было положено еще в библиотеке Академии художеств в Самарканде, — все это создавало при исполнении портрета атмосферу общения на равных уровнях собеседования. Художник использует легкий материал — карандаш, работа идет стремительно, как быстрый диалог, рисунком выявляется обобщенный характер модели. Таковы портреты писателей Л. Славина, В. Шкловского, поэта В. Козина, художницы Н. Коньшевой.

Свою импрессионистическую карандашную манеру Лянглебен переносит в эстамп и создает работы, среди которых и «Художник А.П. Могилевский» (1970), прекрасный «Портрет матери» (1978), композиция «Молодые» (1981).

Лянглебен отнюдь не считает, что графика обязательно должна быть графична. Он, скорее, исповедует

«Узнав о моих способностях к рисованию, наша учительница, в случае необходимости, вызывала меня к доске, чтобы что-то по ее поручению нарисовать. Но вскоре моя гегемония в этой области закончилась. Недельки через две-три после начала занятий (опоздание было вызвано, видимо, болезнью) в наш первый класс поступил переехавший несколько лет назад в Могилев с родителями из небольшого белорусского городка Климовичи мой тезка Миша Лянглебен. Понадобилось нарисовать лошадь. И он это сделал гораздо лучше, чем мог сделать я. С тех пор Миша стал художником класса. Мы с ним подружились и дружим до сих пор. Еще перед войной Миша уже был известным в Могилеве юным художником. В 16-летнем возрасте ему в Доме пионеров устроили первую персональную выставку» (из воспоминаний Цивина Моисея Лазаревича (р. 1926)).

Портрет Анны Ахматовой.
Рисунок М. Лянглебена

единство станкового искусства как слияния рисунка и живописи, и, может быть, то обстоятельство, что художник всегда стремился быть живописцем и окончил живописный факультет института, и придает особый характер его работам на графических выставках. Но именно в акварели наилучшим образом материализуется у него синтез рисунка и живописи.

Его лаборатория? Это поездки по стране и всюду общение с людьми, к которым он относится с неизменной доброжелательностью, впрочем, при необходимости и с суровой требовательностью.

Художник работы не боится. Сотни рисунков, тысячи набросков... Может быть, здесь и кроется причина той легкости и артистизма, с которыми исполнены его акварельные пейзажи. Пейзажи Лянглебена — это отдых после битвы, когда есть время осмотреться по сторонам. Пейзаж — это для себя. Весна — над крышей дома наклонились ветки цветущего дерева... Долина реки, горы... К этим скромным пейзажам лучше всего приложимы слова автора: «Красота — не за счет правды» или «Не торопиться себя — развиваться естественно, не форсировать, не заимствовать». В среднеазиатских пейзажах Лянглебена очень много автобиографичного. То ли это воспоминания юности, то ли грусть об ушедшем, но какая-то сила снова и снова влечет художника в эти края...

И все-таки в творчестве художника основным жанром остается портрет. Портрет — сложнейший жанр, требующий документальной правды, но не терпящий протокола, перечисления деталей. Искусство Лянглебена-портретиста состоит в том, что, относясь к портретируемому с сочувствием и добротой, он как бы растворяется в натуре, самоустраивается, отходит в сторону. Для него существует только натура со свойственным только ей внешним обликом, духовным строем. Художник останавливается лишь тогда, когда между ним и портретируемым возникает на планшете Образ.

Так написаны лучшие акварельные портреты художника — А. Крона и М. Алигер. Конечно, драматизм необязателен. Иногда живопись рождается легко и естественно, как, например, в портретах Пети Иванова или С.С. Смирнова. Но и тут лишь благодаря тому, что само рисование как бы «пропускалось», возникал «портрет состояния».

Сопереживание, сочувствие, отсутствие насилия со стороны авторского «я» — все это в демократических традициях художников XX в. Верный традициям станковизма, Михаил Лянглебен является одним из лучших современных портретистов.

М. Иванов

«Мои родители, **Вольф Аронович Лянглебен** (1884 г.р.) и **Рива Евсеевна Лянглебен (Левартовская)**, родились в Варшаве, но познакомились в Ростове-на-Дону, куда разными путями попали в годы Первой мировой войны в 1917 г. Поженившись, они переехали в Москву, где у них в 1921 г. родился мальчик — мой старший брат **Евсей**. В 1924 г. семья переехала в Белоруссию в г. Климовичи, где в 1925 г. родился я, **Моисей Вольфович Лянглебен**. В 1927 г. наша семья переселилась в Могилев, где отец получил работу бухгалтера. Здесь мы прожили до июля 1941 г.

Я учился в школе № 1 г. Могилева. В 1940 г. поступил в Московское художественное училище

«...В 1933 году, когда голод на Украине отразился и на жизни в соседней Беларуси, почти все съестное, исчезнувшее из магазинов, покупалось у перекупщиков на рынках. А однажды его мама, которая никогда не рисовала, вернулась с рынка без хлеба, но с большой картиной в раме. Она купила тогда хлеб, но какой-то человек предложил на рынке эту картину в обмен на буханку. Картина оказалась пейзажем Шишкина. Сейчас на аукционах ее цена была бы около 1 миллиона долларов. Она так и осталась в доме у Лянглебенов, когда они бежали от немцев в 1941 году...

...В Могилеве Моисея приняли в студию рисования при Доме пионеров, которой руководил художник **Валентин Иванович Берзин**. Оттуда вскоре его перевели в студию для взрослых, где преподавал **Николай Гедда**. Он уговорил родителей мальчика отпустить его на учебу в Москву...» (Никифорович Ванкарем. Моисей Лянглебен: «Нет ничего красивее лица человека...». К 85-летию со дня рождения художника // Реклама (Чикаго). — 2010. — № 15).

памяти 1905 г. (о военном периоде жизни М. Лянглебена см. «История могилевского еврейства. Документы и люди». Кн. 2, ч. 2, с. 118—119).

В 1943 г. я был призван в армию, получил звание лейтенанта. Окончил химическое училище и до конца 1945 г. служил в войсках химической защиты. В конце 1945 г. демобилизовался, съездил в Кува-Сап (место эвакуации. — А.Л.) за матерью и приехал с ней в Москву. Здесь выдержал конкурс в Московский государственный художественный институт, который окончил в 1952 г. В этом же году мои работы экспонировались на Всесоюзной художественной выставке в Третьяковской галерее. После этого в 1953 г. я был принят кандидатом в члены Московского союза художников. С 1955 г. стал его членом, а после образования в 1957 г.

Союза художников СССР — членом этого Союза.

В 1991 г. эмигрировал в США. Сейчас живу в Чикаго.

Мой брат **Евсей** после окончания в 1940 г. средней школы № 1 поступил в Московское военно-авиационное училище связи. В начале войны их курс был направлен на фронт, где брат отвоевал до конца войны. Затем он был направлен на учебу в Военно-воздушную академию им. Жуковского в Москву. После ее окончания он служил в дальней авиации инженером по электронному спецобору-

«...В Чикаго у меня нет мастерской. В Москве она у меня была. Но зато здесь есть возможность за умеренную плату писать и рисовать натурщиц и натурщиков, и обнаженных, и портреты, в Palette & Chisel Academy, членом которой я являюсь. Это замечательная возможность иметь ежедневно натуру...»

«...В Союзе слишком много сил отнимала работа по заказам, чаще всего неинтересным. И нелегкий быт. Здесь, в Чикаго, я, можно сказать, стараюсь наверстать упущенное, понимая, однако, что в 85 лет трудно сделать то, что могло быть осуществлено в более ранние годы. Вот это желание достичь качества заставляет снова и снова браться за кисть. Кстати, Поль Сезанн, один из моих любимых художников, вновь и вновь возвращался к одним и тем же сюжетам, говоря, что ему никак не удастся передать его ощущение натуры. Но работы, которыми он не был удовлетворен, украшают сейчас лучшие музеи мира» (Никифорович Ванкарем. Моисей Лянглебен: «Нет ничего красивее лица человека...». К 85-летию со дня рождения художника // Реклама (Чикаго). — 2010. — № 15).

данию самолетов. Служил на Дальнем Востоке, в Казахстане, в Белоруссии. В 1971 г. в звании подполковника уволился в запас. После этого он проработал в качестве инженера в лектории Государственного политического музея в Москве до 1988 г. В 1989 г. вместе с семьей эмигрировал в США. Умер в 1995 г. в г. Чикаго» (из воспоминаний **Лянглебена Моисея (Михаила) Вольфовича**).

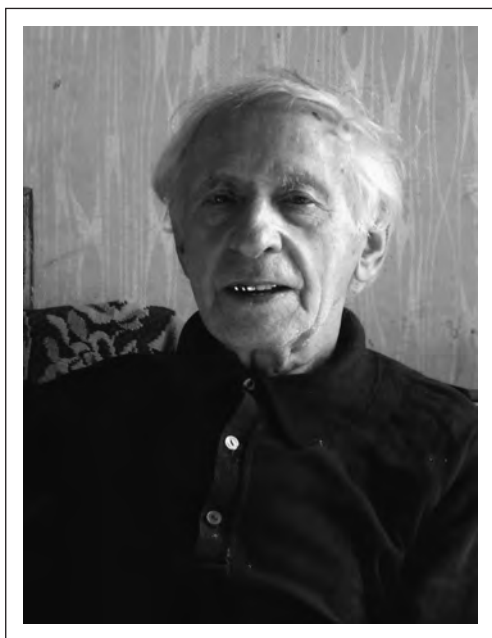

«Ребекка».
С картины М. Лянглебена

МОНОСЗОН **Абрам** **Исаакович** (1914—2003)

Абрам Исаакович Моносзон прожил долгую и сложную жизнь. Его работы не пользовались успехом, и лишь будучи глубоким стариком, он отправился продавать свою картину на улице, надеясь выручить хоть немного денег. Только случайная встреча с галеристами, специализирующимися на еврейском искусстве, которые смогли по достоинству оценить его работы, сделали имя художника очень известным в последние годы. Коллекционеры почитают за счастье владеть его работами. Персональные выставки Абрама Моносзона — художника, который в своем творчестве воспел еврейский народ и еврейскую культуру, прошедшие в 2004—2006 гг. в Центральном доме художника в Москве, вызвали большой интерес со стороны публики и специалистов. Галереей «Веллум» издан каталог работ художника.

Абрам Моносзон родился в 1914 г. в Могилеве. После окончания школы и службы в Красной армии в 1934 г. он поступил в Московский текстильный институт и начал учиться у знаменитых мастеров — **Александра Куприна** и **Вениамина**

Абрам Исаакович Монозон

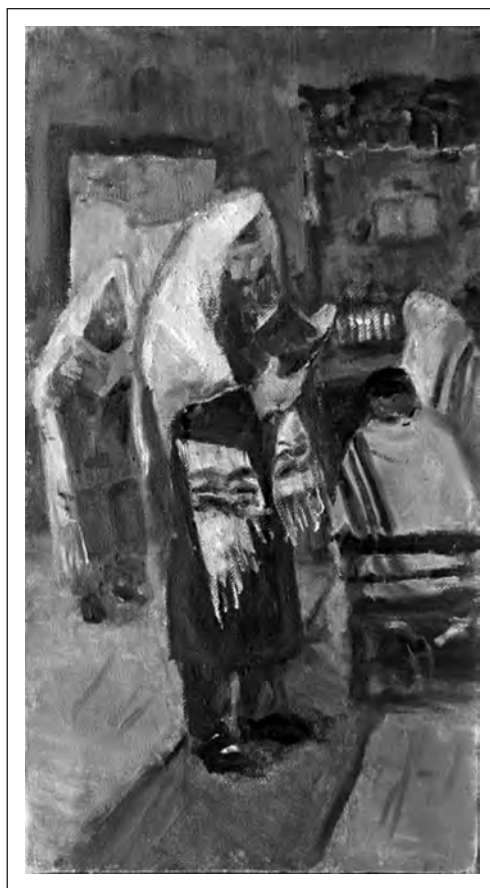
Эйгеса. В творчестве Монозона впоследствии ощущалось влияние обоих художников. Причем у Куприна он взял пластические мотивы, живописные традиции «Бубнового валета» — яркие «плавающиеся» краски, сложные цвета, энергичный мазок, а Эйгес подарил своему ученику глубокий интерес к отображению еврейской культуры и быта. Таким образом, художник присоединился к многочисленной тогда диаспоре «русских еврейских художников» — уникальному явлению, аналога которому нет в мире. Живописные традиции и мотивы, возникшие благодаря школе **Пэна**, — те, что впоследствии были продолжены и развиты **Марком Шагалом**, сочетали в себе мир реальный и фантастический, сюжеты, почерпнутые из Торы, и современность.

В итоге в картинах Монозона отражается его особый мир, в котором многие моменты окружающей жизни приобретают еврейские черты. Для советской живописи это было совершенно недопустимой вольностью, которую хорошо прочувствовали советские начальники от искусства, когда в 1956 г., во время оттепели, его, внешне вполне лояльного советского живописца, активного участника Московских городских и Всесоюзных выставок с 1949 г., неожиданно исключили из Союза художников. По меркам того времени подобное исключение не сулило художнику ничего хорошего. Однако Монозону оно подарило чувство внутренней свободы, возможность при весьма скромном существовании творить, а не исполнять государственные заказы. На одну из выставок конца 50-х гг. он решился предложить картины из цикла «Воспоминание о местечке», который

был посвящен не просто Великой Отечественной войне, а разрушенному в годы войны хорошо знакомому ему миру еврейского местечка. Картины этого цикла очень различны — от страшного «Холокоста», вызывающего невольные ассоциации с персонажами «Герники» Пикассо, до романтической «Молитвы».

Скорбью наполнен и портрет матери, погибшей во время холокоста. «Пир Валтасара» источает ужас.

Абрам Монозон мыслил категориями еврейской культуры, и это глубоко ощущается в его творчестве. Художник изображал еврейский быт, жизнь еврейских местечек, по-своему переосмысливал Тору. При этом мастер глубоко страдал, ибо считал, что изображать человека греховно, полагал, что нарушает завет Творца, — но не писать не мог. В его небольших по размеру картинах ангелы и пророки изображаются как простые люди, а простые люди похожи на пророков. Его живопись достаточно условна и в чем-то напоминает мир живописи Шагала (включая летящих по небу персонажей). Причем здесь нет и речи о прямом заимствовании — скорее, причина в мышлении мастера, в его восприятии мира, в котором смеши-

«Еврей за молитвой».
С картины А. Монозона

«По страницам истории».
С картины А. Монозона

вается абстрактное и реальное, жизнь и сказка, заветы Торы и коммунальный быт.

Главным делом его творческой жизни стали сюжетные композиции, но что бы он ни писал, его картины звучат празднично: яркие цвета, причудливые танцующие фигуры. Настроение картин Монозона восходит к еврейскому фольклору, они полны контрастов между радостью и скорбью, составляющих суть праздника. Сотворенный Адам встает с земли, словно приплясывая и готовясь встретить Шабос так, как встретит его далекий потомок. И даже обычные коммунальные драки, даже деревья в пейзажах, даже предметы в натюрмортах танцуют, играют друг с другом, продолжая этот нескончаемый праздник, этот вечный Шабос.

Картины художника находятся в частных собраниях России, Франции, США, Италии и Израиля.

РУБАНОВ

Иосиф Менделевич (Михайлович)
(1903—1988)

Иосиф Менделевич (все его звали **Михайловичем**) **Рубанов** родился в 1903 г. в рабочей еврейской семье в Новозыбкове на Черниговщине. Иосиф был старшим из пятерых детей. В четыре года с семьей переезжает в Могилев, где прошло его детство. Отец — в молодости военный музыкант, играл на флейте и скрипке. Мальчик перенял от него черты артистической одаренности. Учась в хедере, будущий художник горячо приобщился к вере. Помимо этого, в детстве же начал писать стихи и с успехом читал их в кругу

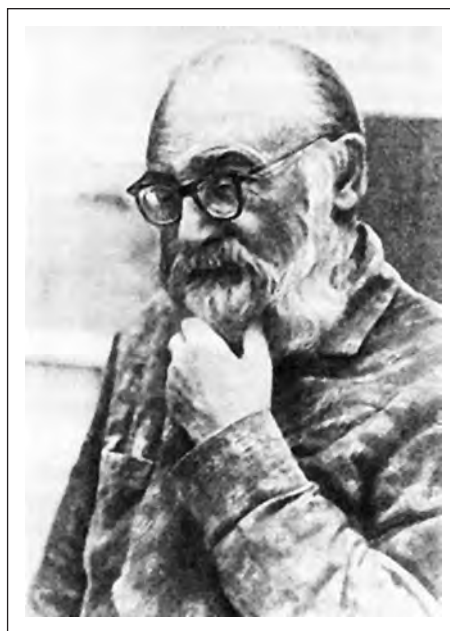
близких. 1917 год совершил переворот в сознании юноши. В 1919 г. он отошел от веры, бросил школу и вступил добровольцем в Красную армию.

Мать умерла от голода зимой 1919 г., не дожив до сорока лет. В 1928 г. от последствий фронтového ранения в возрасте 54 лет умер отец.

В 1920—1921 гг. Иосиф учился на отделении изобразительного искусства КРУНТа (Красноармейский университет), базировавшегося тогда в Могилеве, который окончил с отличием. В 1921 г. он поступил в Петроградскую академию художеств. Однако тяжелая болезнь суставов (кроме этого, у Иосифа была сильная близорукость) вынудила его в 1923 г. переехать в Москву с более сухим климатом. Здесь он учится на Едином художественном рабфаке, после окончания которого в 1925 г. по-

ступает на факультет живописи во ВХУТЕМАС — ВХУТЕИН (Высшие художественно-технические мастерские). Учитель Рубанова **И. Машков** дал на его диплом следующий отзыв: «Т. Рубанов И.М., занимаясь в 1928—29 учебном году под моим непосредственным руководством, проявил себя очень даровитым и любящим живопись. Работы его сильно выделялись художественным качеством среди работ учащихся Вхутеина. Нахожу, что тов. Рубанов И.М. вполне достоин звания Художника. 1930, 11 апреля».

После получения образования с 1930 г. Рубанов руководил различными самостоятельными и

Иосиф Михайлович Рубанов.
Автопортрет.

«После погрома».
С картины И. Рубанова

профессиональными художественными студиями в Москве. В 1933 г. становится членом Московского отделения Союза советских художников (МОССХ). Пик творческой биографии Рубанова приходится на 1938—1939 гг. Это время двух его персональных выставок, одна из которых состоялась в выставочном зале МОССХа. После войны, до самого конца жизни, их было совсем немного, однако в групповых показах Рубанов участвовал постоянно. С началом Отечественной войны Иосиф Михайлович добровольцем уходит в народное ополчение. Из-под Волоколамска его возвращают как полностью негодного по болезни. В эвакуации в Чувашии он работает грузчиком. Осенью носит бревна в холодной воде, что вызывает новый приступ болезни. Затем работает художником в Чебоксарах, где пишет заказные портреты чувашских актеров.

В августе 1943 г. возвращается с семьей в Москву, где быт живописца дочь Елена Иосифовна описывает так: «Жили очень бедно, но дружно. Наш дом с его длинными коридорами, куда выходили двери комнат и мастерских, был более чем театром человеческих страстей и характеров, с их возвышенными и карикатурными чертами. Жизнь художнического сообщества была прозрачна и обсуждаема в каждой семье. Мои родители оба обладали артистическим даром показывать в лицах бытовые сцены. ...Жили мы скудно и тесно в 10-метровой комнатке под «баками» на 7-м эта-

же без лифта... Работы хранить было негде. Они стояли около отопительных баков, которые в сильные морозы протекали нам на голову, затопляя нас и портя холсты. Однако семья была дружной. Мамин темперамент, талант находить в самых трудных житейских ситуациях повод для оптимизма или юмора притягивали к нам «наверх» многих и многих соседей «снизу», со всех этажей нашего замечательного художнического «улья»... Папе вполне хватало для вдохновения этого маленького интерьера с его обитателями и безграничных просторов Москвы — с крыши, с родного солжария, заменявшего несбыточную мастерскую». Несбыточная мечта все же исполняется в 1956 г., когда семья получает еще одну комнату в этом же доме.

Много лет Рубанов обдумывал крупную композицию, которая и могла бы стать его «главной» работой. Он написал ряд эскизов маслом, но картина не складывалась и была наконец оставлена. Между тем мысль ее в самом деле была значительной. Рубанов предполагал символически воссоздать свою художественную биографию. Ему виделась в Итальянском дворике Пушкинского музея большая группа его учителей и друзей, беседующих об искусстве. Воплотить этого Рубанов так и не успел. Умер Иосиф Михайлович 20 февраля 1988 г.

Через 20 лет после его смерти, 10 сентября 2007 г., в выставочном зале Московского союза художников на Кузнецком Мосту состоялась самая крупная персональная выставка талантливого художника.

«Высочайшим авторитетом всю жизнь для Рубанова оставался Сезанн, впервые увиденный в начале 20-х гг. Заложенные в сезанновской неоклассике понятия меры объективности и свободы видения, «смотрения» и волевого обобщения, пространственной логики композиционно-цветового строя во многом стали личным убеждением художника. Оно укреплялось еще и особой близостью с Аароном Ржезниковым, их общей позицией в дискуссии «о живописности», разгоревшейся в МОССХе перед войной, — это была одна из последних дерзких попыток отстоять принципы перед лицом произвола сталинского «социал-роматизма». Такая традиция имела мало общего с приблизительной «реалистичностью» ахрвовско-масловского толка и, конечно, по своему духу требовала некоторого восхождения художника над натурой. Это отвечало индивидуальности Рубанова и придавало его ранним вещам особый нестилизованый оттенок «идеальности»» (из статьи Морозова А. к каталогу выставки 1992 г.).

Работы И. Рубанова находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном Историческом музее, Чувашском государственном художественном музее, а также в частных коллекциях России, Франции, Германии, Великобритании, Китая, Южной Кореи и др.

ПЕВЗНЕР Лазарь

(1903 — год смерти неизвестен)

Лазарь Певзнер, однофамилец, а, возможно, и родственник своего знаменитого земляка **Антуана Певзнера**, родился в местечке Климовичи Могилевской губернии в 1903 г. Был шестым, младшим ребенком в семье. Все материальные заботы, как о муже, так и о детях, лежали на матери. Ей удалось открыть небольшую лавочку, и она достаточно успешно вела свое дело.

Старший брат Лазаря **Яков** еще в 1906 г. эмигрировал в Палестину. Через три года к нему поехали отец и сестра с целью прозондировать почву для переезда туда всей семьи. На обратном пути отец заболел и скончался. Яков принимал участие в строительстве первых домов в Тель-Авиве, его называли почетным гражданином этого города. Он был составителем русско-еврейского и еврейско-русского словарей.

С четырех лет мальчик начал посещать хедер, о котором у него остались далеко не радужные воспоминания. Однако пять лет в хедере обеспечили знание родного языка. В 9 лет Лазарь поступил в Климовичское начальное училище, обучение в котором приравнивалось к 4 классам гимназии. Учился он плохо, не проявляя интереса ни к одному из предметов, кроме рисования, тяга к которому у мальчика обнаружилась очень рано. На уроках он постоянно рисовал карикатуры на учителей. Его матери приходилось неоднократно со слезами на глазах умолять директора не исключать сына из училища.

После революции Лазарь Певзнер окончил единую трудовую школу II ступени и отправился в город Мстиславль, где в течение года работал в художественно-декоративной студии. В это время он сделал множество карандашных набросков разных еврейских типов. Мстиславский отдел народного образования командировал талантливого юношу в Москву, в художественную школу Шестаковой. Здесь Лазарь оставался недолго, в 1920 г. он поступил в открывшиеся тогда Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) по специальности «скульптура». Учился в мастерской С.Т. Коненкова, А.С. Голубкиной, Б.Д. Королева, считался одним из лучших учеников.

В 1921 г. Певзнера призывают на год в Красную армию, где наибольшее впечатление на него произвело «отношение русских курсантов ко мне, еврею. Тут и насмешки, ругательства. Чуть что — жид. В душе начинают пробуждаться чувства национального достоинства. Конечно, я не становлюсь шовинистом, но еврей мне становится ближе...»

После возвращения в ВХУТЕМАС полученную им маленькую комнатку он превращает в мастерскую и работает самозабвенно. В 1925 г. ВХУТЕМАС окончен, художника-скульптора с высшим образованием принимают в Союз художников. Но мастерской не дают, заказов нет...

В письме к брату, которого Лазарь не видел с трехлетнего возраста, он писал: «Как тебе известно, я кончил Высший художественный институт по скульптурному факультету и получил звание художника. И вот я уже почти 3 года имею это звание, а работать нет возможности, чтобы оправдать это самое звание».

Его приносит успеха также и попытка поездки в Италию, несмотря на хлопоты о талантливом художнике М. Горького и ходатайства его учителей, которые в своих просьбах наркому просвещения А.В. Луначарскому характеризуют его как одного из самых «серьезных и вдумчивых студентов факультета». Вот запись в дневнике, датированная началом 1930 г.: «Вчера отправил письмо, но вряд ли меня выпустят за границу. Какая, однако, тюремная жизнь! Только поездка за границу могла бы внести возрождение в мою душу... а так, как теперь живу, ничего не стоит, лучше не жить...»

Тем не менее, творчество полностью заполняло его существование. Вот что напишет искусствовед Н.В. Воронов через год после смерти художника: «Он не нуждался ни в ком и ни в чем, кроме работы. И у него никогда не было ни семьи, ни друзей, ни быта: он заботился лишь о том, чтобы была глина и ему не мешали заниматься своим делом» («Московский художник», 05.02.88).

В отличие от большинства художников того времени он не обращался к индустриально-урбанистической теме, атмосфере фабрик и заводов, машин и станков. В его творчестве отсутствовал требуемый героический пафос; более того, в нем присутствуют элементы импрессионизма; он склонен к формалистическим исканиям. Все это вызывало неприязнь со стороны руководства и, как следствие, — исключение из Союза в 1942 г.

И это несмотря на положительные отзывы о его произведениях известных художников — графика и живописца В.А. Фаворского, живописца П.П. Кончаловского, последний сравнил Л. Певзнера с Роденом. Скульптор В.И. Мухина считала, что его работы заслуживают большого внимания.

Только в последние годы жизни Певзнер получил собственную квартиру. Он жил активной творческой жизнью. В дневнике он писал, что

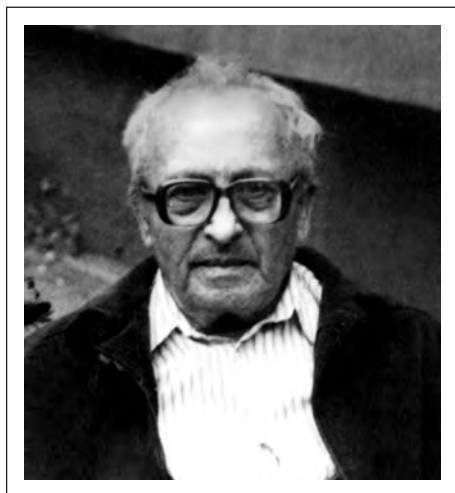
художнику «главное — жить не эгоистической жизнью, а быть участником общей жизни человечества». Особенно скульптора привлекали люди творческого труда — писатели, ученые, музыканты. Им выполнены портреты А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького, В. Маяковского, В. Шкловского, А. Эйнштейна, Вана Клиберна. Н.В. Воронов писал о Певзнере, что он «умеет передать индивидуальный строй и духовное богатство портретируемого. Но главная особенность его произведений заключается в совмещении своего рода импрессионичности решения с четкостью, строгостью построения, а живой экспрессивный мазок, изменчивая игра света и тени, воссоздающие мимолетность состояний, сочетаются с внутренней завершенностью, монументальностью образов».

В 1978 г. некоторые произведения Л. Певзнера демонстрировались в одном из выставочных залов Москвы (по статье: **Аспиц Мирра**. Художник-скульптор Лазарь Певзнер // Лехаим, июль 1999).

БАСОВ

Израиль Матвеевич (Мордухович)
(1918—1994)

«В жизни довольствовался малым, в живописи роскошествовал — большие холсты, пуды краски, море музыки, сутками купался в этом, переплавляя краски и звуки в цвет. Тихий интраверт в быту, он был распахнут и открыт в живописи: «Я много любовь писал». Считал любовь своей главной темой. В жизни, как и многие из его поколения — ровесники революции, — жил в страхе. «Я все время боялся всего. Страх был всегда, все годы». Зато в цвете, композиции, в полете линии он не знал не только страха, но ломал

Израиль Басов.
Фото 1993 г.

Матвей и Маша Басовы с сыном Израилем
на пороге своего дома в Мстиславле

привычные каноны» (Финкельштейн Лариса. «Парадоксы судьбы Израйля Басова». <http://www.minsk2000.to/brama/artists/basov/index.shtml>).

Израиль Матвеевич Басов родился в 1918 г. в Мстиславле Могилевской губернии. Его отец славился недюжинным вкусом и мастерством портного, старший брат **Беньямин** — выпускник Витебского художественного техникума, а затем и Суриковского института — был известным в Белоруссии художником книги, впоследствии — известным московским графиком. Израиль в 1926—1935 гг. учился в Мстиславле в еврейской школе. Затем работал фоторетушером в артели «Путь Октября», где начал выполнять и оформительские работы. Попытка поступления в Витебское художественное училище закончилась неудачей — не хватило школьного образования. Во время войны был в эвакуации, служил в рабочей армии под Москвой, затем работал художником в Янгиюльском драматическом театре в Узбекистане. В 1944 г. вернулся с родителями в Белоруссию. Работал художником-оформителем в родном Мстиславле, затем окончательно переехал в Минск — город, который, по признанию самого Израйля Моисеевича, и сделал его художником. С 1947 г. (в это время ему было почти тридцать) учился в Минском художественном училище. На последнем курсе была попытка исключения его за «космополитизм», но заступничество друзей-

Израиль Басов на этюдах

студентов, как ни странно, дало возможность училище окончить. Участвовал в художественных выставках с 1953 г. В Союз художников был принят в 1959 г.

В 1972 г. был уволен из Центральных художественных мастерских, где работал до тех пор. С этого времени жил только со своего творчества. Работал в станковой живописи в жанре пейзажа, а также в графике (тушь, фломастер, сангвина, карандаш). И. Басову удалось уйти от влияния коммунистической идеологии и социалистического реализма, но одновременно «избежать» признания апологетов официального искусства, просто не принимавших его работы на выставки и его творчества вообще. Он был другим, и это была не поза, а мироощущение. Он никогда не выступал против классической живописи, но работал, как мог и хотел. И. Басов никак не вписывался в официальное искусство 60—80-х гг. До конца 80-х гг. в выставках он

принимал участие лишь эпизодически. 15 лет (с 1973 по 1988 г.) Басов практически не существовал для официального искусства Минска. Правда, к 60-летию руководство Союза художников предложило ему провести юбилейную выставку в кулуарах СХ, без прессы и зрителей... Выставка без зрителей показалась юбиляру слишком экстравагантной, и он отказался.

Ситуация начала меняться в конце 80-х гг., когда из подвалов начал подниматься белорусский андеграунд. В 1992 г. работы художника были показаны на выставке «Дiaspora» в Москве в ЦДХ рядом с творениями Левитана и Альтмана, Бакста и Бродского, Тешлера и Лисицкого. Московские искусствоведы высоко оценили белорусский раздел выставки и были поражены работами ранее неизвестного замечательного художника.

В 1993 г. в Минске на выставке «От Марка Шагала — в Прошлом и Настоящем. XIX—XX век», проведенной галереей «Брама», среди таких выдающихся имен, как Шагал, Фальк, Пэн, Юдовин, работы Израиля Басова вовсе не затерялись, а, напротив, привлекли внимание зрителей, которые замирали у его полотен, сверяя дату рождения автора и годы создания произведений. Это был год его 75-летия — он был полон надежд и вздохнул.

Умер Израиль Матвеевич в 1994 г.

Сейчас его произведения находятся в Национальном художественном музее Беларуси, фонда БСХ (Израиль Басов. Каталог произведений живописи. — Минск, 1996; Финкельштейн Л. «Парадоксы судьбы Израиля Басова». <http://www.minsk2000.to/brama/artists/basov/index.shtml>).

Израиль Басов на фоне своих картин

СИМОНОВСКИЙ Леонид Меерович
(р. 1932)

Петербургский художник, акварелист и график, член Санкт-Петербургского Творческого союза художников (ИФА).

Родился в Могилеве в 1932 г. Отец **Меер**, мать **Вихна** и сестра **Эсфирь** погибли во время войны, когда было уничтожено еврейское гетто. Мальчику чудом удалось спастись, скитаясь и скрываясь от фашистов все годы войны (о военном периоде жизни Л. Симоновского см. «История могилевского еврейства. Документы и люди». Кн. 2, ч. 2, с. 165—171).

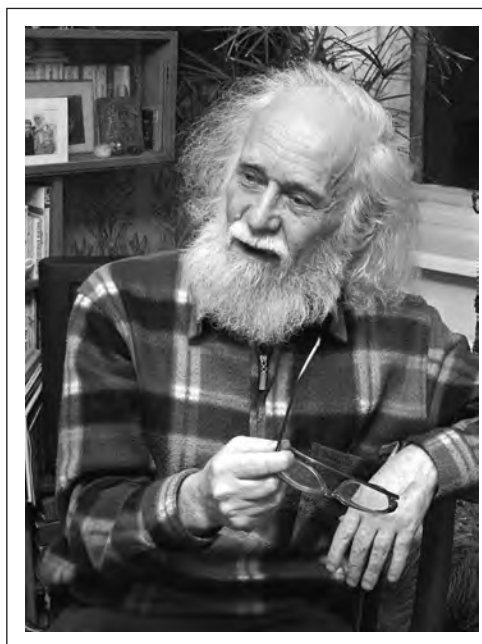
В 1957 г. окончил ЛВХПУ им. В.И. Мухиной. С того же года работает на Петербургской фабрике «Гознак», сейчас — ведущий художник фабрики.

В его оформлении вышло около тридцати книг в петербургских издательствах «Петро-риф», «Киноцентр», «XX век», а также в издательствах Швеции.

В 1983 г. в залах Павловского музея состоялась его первая персональная выставка.

В последующие годы выставки проходили в Музее-квартире Ф.М. Достоевского, Музее-квартире А.А. Ахматовой, Еврейском общинном центре Санкт-Петербурга, в выставочном зале Творческого союза художников (ИФА).

В 2002 г. большая выставка акварели Л. Симоновского прошла в Могилевском художественном музее им. П.В. Масленикова.

Леонид Меерович Симоновский

Принимает участие в выставках петербургских и российских художников.

В 2004 г. в издательстве «Журнал «Нева»» вышла книга автобиографической прозы Леонида Симоновского «Слышишь? Слышу...» с рисунками автора (в нее вошли его воспоминания «Любящий Вас навсегда» о военных скитаниях после уничтожения могилевского гетто), в 2009 г. — ее продолжение «Видишь? Вижу...» (до этого первые части книги были опубликованы в журнале «Нева»).

«Акварели Леонида Симоновского совсем удалены от сиюминутности. Центральное место в необозримом количестве работ, как правило, большого, листового формата, занимают пейзажи. Людей, животных в пейзажах нет. Разве только намеки на их присутствие.

В светлом, как правило, прямоугольнике творческого внимания только Земля.

Художник старается не нагружать изображаемое никаким личным чувством, настроением, никаким, не дай бог, социальным звучанием. У него не найдешь и примет модных течений — а ведь сколько их сменилось за пятьдесят с лишним лет, отданных Симоновским ватману! У него же все по-прежнему: так — Земля, а так — Небо. Даже деревьев со временем на картинах все меньше.

Что же прикажете здесь смотреть?

А вот утро, Земля просвечивает сквозь туман.

Вечер, все погружено во влажную тишину.

Весна, Земля просыпается.

Весна, ветви деревьев в мареве света.

Ранняя весна — самое любимое Симоновским время года.

Иллюстрация Л. Симоновского к автобиографической книге «Видишь? Вижу...», 2009 г.

Однако как-то автор рецензии (в тогда еще советской печати) на выставку в залах Павловского дворца (1983 г.) откликнулся сентенцией о том, что художник — певец зимы. И впрямь, Симоновский виртуозно выстраивает палитру оттенков белого на белом.

Но есть еще и такая осень, когда Симоновский допускает разгул красок. Земля играет с разноцветным конфетти палых листьев. Деревья польхают со всей, неожиданной для акварели, яркостью.

Надо сказать, что у Леонида Симоновского как автора имеется и другая ипостась. Есть работы, которые он почти никогда не включал даже в свои персональные выставки. Эти листы, тоже обычного для него большого формата, отданы агрессии, чрезмерностям. Огромные, багровые, как кровью насосавшиеся тюльпаны. Одуванчики — нет, кусты Одуванов, по-змеиному изогнутые, целящиеся тебе в лицо, полные злой энергии, хотя часто уже высохшие в своих пустых вазах... А вазы, подавляющие величиной и резко-

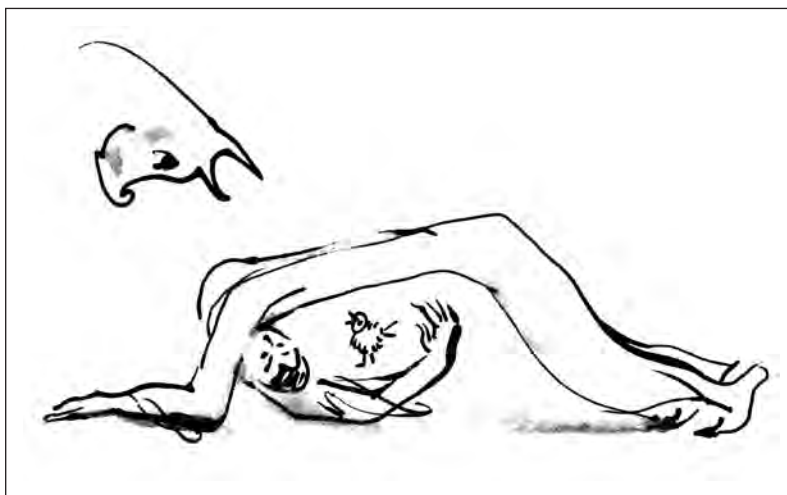

Иллюстрация Л. Симоновского к автобиографической книге «Видишь? Вижу...», 2009 г.

стью граней на фоне воззваний за окном? Ядовитые, ободранные обои, раскоряченные тумбочки, банки, полные окурков... Сам он уверяет, что и не думал «выставлять в дурном свете» то, что рисует. Просто так нарисовалось...» (из рецензии **Валентины Симоновской** на выставку петербургских художников, 2007).

Иллюстрация Л. Симоновского к автобиографической книге «Видишь? Вижу...», 2009 г.

БОРЩ Борис Михайлович (р. 1948)

Борис Михайлович Борщ родился в Могилеве в 1948 г., с 1982 г. проживает в Санкт-Петербурге. Является членом Гуманитарного фонда культуры и Санкт-Петербургского Творческого союза художников (ИФА), член Союза художников России.

Как художник Борис Борщ работает тихо и уединенно, затворнически. Он считает, что контакт с природой — неотъемлемая часть его искусства, поэтому со своим портативным мольбертом художник часто покидает студию, чтобы работать на открытых пространствах. Картины Бориса Борща — результат любования цветом и его напряжением, сочетание широких мазков и структурных линий, используемых для создания художественного эквивалента вдохновению автора, материального отражения его чувств. Пейзажи и портреты предоставляют художнику равные возможности исследовать окружающий мир. Холодная серо-синяя сербристая цветовая гамма его работ и плотная многослойная, почти скульптурная техника живописи придают произведениям Бориса Борща такую суровость и монументальность, такое

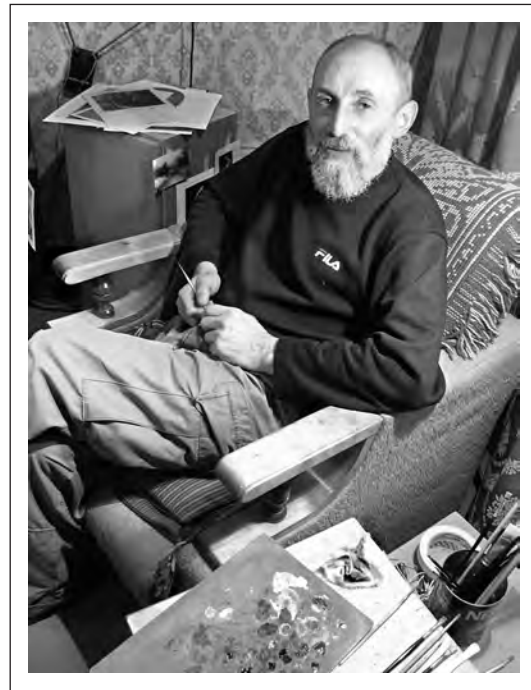
эмоциональное напряжение, что могут быть заключены только в небольшом формате. Однако, вне зависимости от формата, работы Борца содержат мощные, даже необъятные послания зрителю.

В одном из последних интервью Борис Борца назвали «Калиостро пейзажа-ландшафта» и сравнили его с Моисеем. Здесь же он определил свою концепцию в живописи: «Моя эстетическая концепция состоит в том, чтобы вывести формулу места, формулу города, живописную квинтэссенцию. Я пишу, как вижу, как дышу».

«Я родился в 1948 г. в Могилеве на ул. Плеханова в старом двухэтажном доме напротив ремесленного училища. Низ был деревянный, а мы жили на втором этаже — кирпичном. Снимали квартиру у одного еврея, фамилию его не помню. Жили там недолго. Потом я себя вспоминаю в доме на Первомайской улице, который стоял на том месте, где сейчас находится типография. На улицу выходил большой деревянный дом, а во дворе стоял маленький, купленный бабушкой. Вокруг был огромный сад, в котором прошло мое детство. У меня две младшие сестры, одна младше на 2 года, вторая — на 6 лет. Отец и мать работали на швейной фабрике. Отец, **Михаил Борисович (Моисей Беркович) Борц**, работал механиком, мама, **Софья Пиньевна** (в девичестве — **Копелевич**) — сначала швеей, потом — уборщицей. Отец родом из Минска. Бабушка **Эся** (по маме) родом из Плещениц под Минском. Когда началась война, они оттуда эвакуировались. Мама рассказывала, как шли пешком, а немцы их обстреливали, забрасывали бомбами, которые падали с ужасающим свистом. Все шоссе были завалены трупами. Потом они долго ехали на поезде и на какой-то станции потеряли деда, который пошел за кипятком. Нашелся он лишь к концу войны. Попали они в г. Чкаловск в Приуралье, где мама работала на авиационном заводе.

Вернулись после войны в Могилев, но почему именно сюда — не знаю. Папа тоже каким-то образом оказался в Могилеве после демобилизации, и здесь они с мамой познакомились. Как это случилось, я не знаю, и теперь уже про это не у кого спросить. Отец умер в 1993 г., мать — в 2000 г.

Когда мы жили на Первомайской, баба с дедом — на Карабановке в своем доме. Они были религиозными людьми, особенно бабка. Одно время у них собирались на моления старики. Я к ним часто бегал и мог наблюдать это со стороны. Пробирались сюда со всяческими предосторожностями, зажигались свечи, накидывались талесы. Бабушка была очень добрым человеком, и к ней приходило кормиться много нищих евреев. Помню, был такой Лейба с толстыми губами — местный «дурачок», которого мы вечно дразнили. А он всегда шутил, разбрасывался подколками, «аидыше» хохмочками, рассказывал «майсь». И теперь я понимаю, что это был далеко не глупый человек. Приходили

Борис Борц

еврейские тетки, которые с бабкой говорили на идиш. С дедом и родителями бабка тоже всегда говорила на идиш, а родители со мной — уже на русском. Но я и сейчас что-то понимаю на идиш, внутренняя память сохранилась.

Отец уже не был религиозным, но никогда не состоял в партии. Старался красиво, даже по тем временам изысканно, одеваться, сейчас я понимаю — был эдаким франтом. Иногда мы приходили к деду Пине. Он сидел в углу и стучал молотком — был сапожником — и, глядя на отца, говорил с издевкой: «Как советский человек!» Надо сказать, что дед в 30-х гг. сидел несколько лет в тюрьме. Это было во время кампании по изъятию золота. При обыске его не нашли, но в тюрьму поместили. А что-то у него все же было припрятано. Вот оттуда он по глупости своей написал бабке, чтобы та все перепрятала в надежное место. Власти письмо прочитали, «схованку» отобрали, а деда в итоге выпустили.

В первый класс я пошел в школу № 1, во второй — уже в школу № 14, возле Минского рынка. Увлечение рисованием началось еще до школы, а в школе продолжилось. Сколько я себя помню, всегда состоял членом редколлегии какой-нибудь газеты, что было характерно в то время для всех, умевших рисовать. В третьем-четвертом классах пошел в Дом пионеров, тогда еще на Первомайской, где сейчас кукольный театр. Педагогом был очень хороший специалист Арсений Николаевич. Подготовку он давал очень приличную, многие сразу после школы поступали в минские, московские училища.

***

Мой приятель **Яша Лapidус** сразу поступил в известное Абрамцевское художественно-промышленное училище. Их было три брата. Двое — музыканты (один учился вместе с Ростроповичем), а третий — художник. Он был хорошим рисовальщиком, но, к сожалению, творчеством мало занимался. Пошел по коммерческой линии, первым организовал в городе, когда это стало возможно, керамическую артель. Снял подвал на проспекте Мира, построил печи, делал вазоны, сувениры. Сейчас он в Израиле, эмигрировал в конце 80-х.

***

Я же так ничего не окончил, а после школы пошел работать слесарем-ремонтником на завод «Строммашина», но поддерживал отношения с местными художниками, похаживал в Дом пионеров. А в 70-х гг. познакомился с молодым могилевским андерграундом: **Александром Репинским**, **Куницким**, **Владимиром Паиным**, **Владимиром Плейшнером (Сорокиным)**. Последний был таким могилевским хиппи, которого многие считали сумасшедшим. Позже присоединился **Костя Прошкович**. Тут была целая богемная колония. Снимали они мастерскую в старых

полузаброшенных домах на Ленинской возле Советской площади. (А Плейшнер с Репинским, кроме того, работали на фабрике художественных изделий, где у них тоже была мастерская.) Одной из заметных особ была **Клара Златина**. Был еще такой Иосиф, который дружил с Паиным. Писать ничего не писал, но в каких-то проектах участвовал, занимался и фотографией. Человеком он был не очень коммуникабельным, но своеобразным. Погружался в дружбу то с одним человеком, то с другим. Вот любит он одного человека — переселяется к нему и живет месяцами, потом вдруг для него этот человек перестает существовать вообще, и он переселяется к другой «жертве». И поводы для размолвки, случалось, были такими смехотворными, что обычные люди этому и значения бы не придали. Например, какой-то фрагмент из Библии. Я с ним тоже дружил, но потом «расплевались», сейчас уже и не вспомню из-за чего. Когда он уезжал в Израиль, то принес Косте Прошковичу все книги, которые в свое время брал, кинул в угол и сказал: «Х...ня это все! Полное г...но!» и вышел, не прощаясь. Сейчас он живет в Израиле, работает дворником, изучает еврейскую историю и традиции. Костя недавно сказал, что они уже помирились и Иосиф зовет его в гости.

Художники могилевских мастерских Белбытрекламы. Нижний ряд: второй слева — **Саша (Исроэль) Лapidус**, **Александр Футорянский**. Средний ряд: второй слева — **Александр Демидов**, **Зяма Гуревич**, **Валерий Слуцкий**. Фото 80-х гг. XX в. из семейного архива Демидова А.

ветеранами постоянно беззлобно подтрунивали: «Саша, а эта медаль сколько тебе стоила, а эта?», «Ну ладно, а расскажи, как ты прятался от этих, а от тех?», «Говорят, ты пару самолетов сбил? А может, не сбил, а недозаправил?». Ну, и выпить, конечно, любили» (из воспоминаний могилевского художника **Александра Демидова**).

«В мастерских Белбытрекламы много было тех, кто прошел войну: Саша (на самом деле у него труднопроизносимое на русском языке имя Сруль) Лapidус (он уехал в Израиль), Зяма Гуревич, Натан Григорьевич Килерман, Даниил Наумович Маховер, Саша Футорянский, Валера Слуцкий. Я пришел в мастерские в 1979 г. сопливым выпускником училища. А им уже было под 60 лет. Они, в большинстве своем, были без специального образования, но опыт и способности сделали их классными специалистами. Работать с ними было очень интересно. Столько баек, столько историй! Они все про всех знали и могли бы много чего рассказать. Они меня научили жизни: неизвестно, что бы из меня в итоге получилось, если бы не их наставления. Лет за пять-шесть научили меня работать, деньги зарабатывать, «вставили стержень». Они не занимались высоким искусством, не привыкли «высовываться», делали все не спеша, но качественно. У них был свой уровень на социальной лестнице, не очень высокий, но и не низкий.

Атмосфера была дружеская, но над

«Подниколье».
С картины Бориса Борца

На Ленинской шла бурная, интересная жизнь: собирались, пили пиво, водку, писали, спорили об искусстве, философии, провели несколько подпольных выставок, которые вызывали пристальный интерес органов. Но мы выставки делали «молниеносные», на 2—3 дня. Обычно в субботу-воскресенье, когда сотрудники органов уезжали отдыхать на дачи. Оповещали своих друзей и устраивали вернисаж, потом быстро все сворачивали. А они уже постфактум делали разборки по горячим следам. Приезжали «Волги» с кагэбистами, проводили собеседования. Я уже тогда работал рядом — художником-оформителем на телефонной станции. Мастерская была в уцелевшей части Фарного костела. Ко мне тогда тоже приезжали, расспрашивали. Направления в творчестве были в основном андерграундные: кубисты, сюрреалисты, абстракционисты. Я, по-видимому под влиянием Пикассо, писал какие-то серо-голубые «сфуматные» работы, от которых сейчас уже ничего не осталось. Репинский делал совершенно чудесные работы в стиле брутального реализма: работяги с пивом и воблой и пр. Мы считали себя могилевскими гениями. Я писал в основном у себя, ребята — в своем подвале. Вечером я приходил к ним и начиналась могилевская богемная жизнь. Потом Паин с Куницким перешли работать в мастерские Белбытрекламы на Мышаковке. Эта мастерская существовала еще с довоенного времени, когда там была какая-то художественная артель. Здесь тоже собиралась довольно любопытная компания.

***

Вот после всех наших квартирно-подвальных выставок в начале 80-х у меня созрела мысль уехать. Вообще-то она у меня возникла раньше.

Сначала я хотел уехать в Прибалтику, и в этом направлении даже наклеивался обмен — в Ригу. Но опередила меня одна из наших подвальных завсегдатаев Л., известная могилевская кургизанка. Такая интересная дама крупных форм и очень артистичная натура. Она выходила на Первомайскую в розовых колготках с немислимым бантом на шее и всегда привлекала всеобщее внимание. Я ей рассказал про готовящийся обмен, но она сама туда написала, сама туда и переехала. Сейчас она в Израиле. Может, я ей должен быть благодарен сейчас, что тогда в Ригу не попал.

На Москву обмена не было, а вот в Питере появился шанс. И в 1982 г. я поменял свою однокомнатную квартиру в Могилеве на комнату в коммуналке на Большом проспекте в Питере. Приехал, никого там не знаю... Имею лишь несколько адресов. В то время было в Питере левое объединение художников — Товарищество экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ). КГБ здесь тогда было довольно прогрессивное: они решили, что надо дать выход вредной энергии, и позволяли нам работать и выставляться. Они здраво решили, что проще не заниматься каждым в отдельности, а организацией в целом. И уже в 1983 г. я стал участником общей выставки ТЭИИ со своей могилевской серией. Так началась моя новая жизнь. Но каждое лето я приезжал в Могилев, приходил к друзьям на Ленинскую.

Конец 80-х был благодатным временем для художников. Из страны вывозилось все подряд. И писать стали те, кто кисть никогда в руках не держал. Товаров в магазинах никаких не было, и картины тоже становились товаром. У меня забирали все еще «тепленькое». Телефон разрывался с 8 утра, я даже трубку не брал, просили «товар».

Это была суматошная, яркая, праздничная жизнь. Не 5 человек, ютящихся в подвале в Могилеве, а сотни художников. Только в нашей команде было человек двести. Кроме того, это были бесконечные совещания, советы, где мы обсуждали тактику и стратегию на будущее. Так что жизнь была напряженная, динамичная. Художники развивались, росли — и я вместе с ними. Кроме того, это время надежд. Каждый для себя рисовал образ светлого будущего. Проводилась масса выставок, во многих из них я принимал участие. И народ ходил на них толпами. Было и несколько персональных выставок. Выстраивались совершенно

немыслимые по теперешним временам очереди. Помню, мы смонтировали за два дня выставку в каком-то стеклянном павильоне на Васильевском острове в жуткий сорокоградусный мороз, а народ валил не переставая. Тогда у меня какой-то швейцарец купил две работы, и их, как сейчас помню, сразу сняли со стен и вручили покупателю. Ну и пошло... Потом еще одна выставка. Там серию купили... В 1991 г. была поездка во Францию с группой художников, сотрудничающих с одной из первых питерских галерей «Ариадна». Мы сделали хорошую выставку. Правда, тогда ничего не купили, но я первый раз побывал в Париже. Потом в художественной жизни Питера началось затишье, а к середине 90-х наступил полный застой. Я мужественно держался, периодически поступал на службу — то сторожем, то дворником, однако, как только удавалось продать какую-нибудь работу, службу бросал и продолжал писать. В это время один огромный дом в Питере в районе Московского вокзала с подачи Собчака стал методично заселяться художниками: выселенные квартиры передавались под студии. Называлось это «Северная Пальмира». Набилось туда творческих личностей со всей бывшей страны — как раз Союз только рухнул. Были и кавказцы, и украинцы, и прибалты... Настоящий ковчег... Мы тоже со своим Товариществом там оказались. Там же мы сделали выставочный зал, было и кафе, там размещалась контора Гребенщикова, «ДДТ» и другие музыканты. Жизнь была просто сумасшедшая — из какого-то сюрреалистичного фильма. Коммуникации постепенно выходили из строя, никто ими не занимался. Холодина, туалеты не работали. В общем, настоящая богемная жизнь. Сейчас там располагается Культурный центр, но это просто старый брэнд, т. к. от того, что было, почти ничего не осталось. Только во флигельке 15—20 мастерских, остальное выкуплено под элитные квартиры. Так что двор, где бродили полупьяные художники, теперь заставлен «мерседесами». Я иногда туда захожу к друзьям, но это уже бледное подобие того, что было. Живут они, правда, с удобствами, но прежнего духа уже нет. Какие-то все кислые, грустные. Компьютерами обложились, но ни хрена не делают.

А я много пишу, постоянно экспонируюсь в нескольких галереях. Сейчас это вообще не проблема, если есть деньги, желание и работы, а тогда каждая выставка — это было событие, особенно нашего объединения. Вступил в 2005 г. в Союз художников, причем, что самое интересное, в самую консервативную секцию — живописцев, которые наше творчество не очень-то воспринимают.

Имя мое уже хорошо известно, так что работы покупаются постоянно. Я выдержал самые тяжелые годы, стоял на своем, долбил в одну точку и выдержал» (из рассказа **Борща Бориса Михайловича**).

МИТЕЛЬМАН Яков (р. 1970)

Известный могилевский художник, член Союза художников Беларуси, сейчас живет в Иерусалиме.

Родился в Могилеве в 1970 г. в семье инженеров.

В 1982 г., после учебы в художественной студии могилевского Дома пионеров, поступил в Республиканскую школу-интернат по музыке и изобразительному искусству им. Ахремчика (сейчас — Республиканский лицей искусств) в Минске. Окончил ее в 1989 г. Служил в армии с 1989 по 1991 г.

В 1992 г. поступил в Белорусскую академию искусств на декоративно-прикладное искусство, отделение керамики. Участвовал в студенческих выставках и семинарах, отмечен дипломом ректора академии.

Окончив академию в 1997 г., приехал в Могилев, работал иллюстратором детских книг и начал участвовать в городских и республиканских выставках.

В 1998 г. поступил на работу в Могилевское государственное училище культуры. Преподавал керамику, основы формальной композиции, на отделении дизайна — каллиграфию. Ученики

Яков Мительман

Айзик Файтелевич Мясников,
дед **Якова Мительмана.**
Фото из семейного архива
Мительмана Я.

Я. Мительмана — выпускники академии и университета, работают, участвуют в республиканских и международных выставках и пленэрах.

В 1999 г. Я. Мительман принят в Белорусский союз художников.

С 1994 г. принимал участие в республиканских, городских и международных выставках, пленэрах и семинарах по керамике, живописи, акварели, рисунку, фотографии и разным видам современного (авангардного) искусства.

В 1998 и 2000 гг. был лауреатом республиканских выставок-конкурсов.

В 2001 г. осуществил персональную выставку-проект «Презентация одной работы» совместно с Могилевским областным художественным музеем им. П.В. Масленикова.

В 2002, 2004, 2005 гг. персональные выставки Я. Мительмана проходили в Москве в еврейских культурных центрах «На Никитской» и при посольстве государства Израиль в России.

Произведения в керамике закуплены Министерством культуры Республики Беларусь, находятся в частных коллекциях в России, Канаде, Израиле, картины — в коллекциях также и других стран: США, ЮАР, Германии и Беларуси.

В 2006 г. Яков Мительман был приглашен в Израиль для работы над проектом мозаичных панно на темы ТаНаХа (Тора, Пророки, Писания).

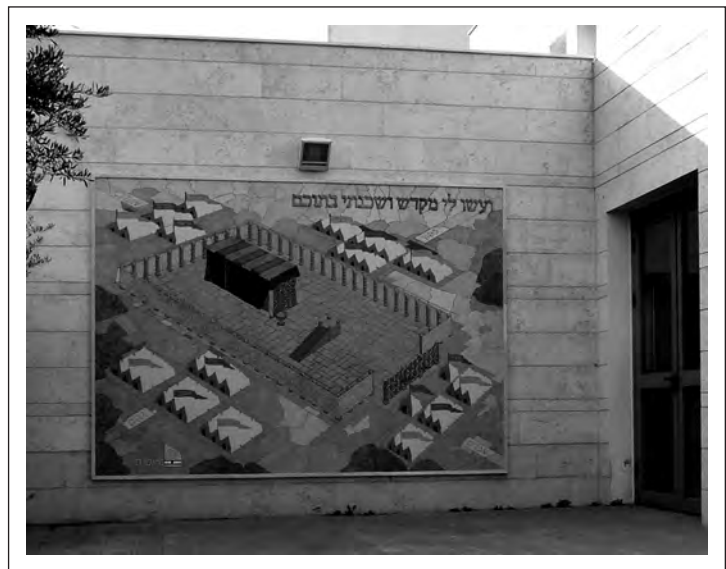
В 2007 г. в Иерусалиме участвовал в выставке, приуроченной к 10-летию Фонда Булата Окуджавы.

«Мама, **Раиса Айзиковна**, родилась в известной могилевской еврейской семье **Мясниковых**.

Дедушка, **Айзик Файтелевич Мясников**, был замдиректора крупнейшего завода «Строммашина», старший брат дедушки, **Меер Файтелевич Мясников**, после войны многие годы был директором кирпичного завода № 8 (ныне завод силикатных изделий), младший брат дедушки, **Михаил (Мойше) Файтелевич Мясников**, был директором школы № 5 (живет в Эрец Исраэль, до 120-ти лет ему жизни).

Бабушка, **Хася Абрамовна** (девичья фамилия **Метелица**), была известной учительницей — работала завучем в школе № 9, преподавала в вечерней школе. Младший брат бабушки, **Яков Метелица**, был полковником, работал с конструктором С.П. Королевым над запуском ракет как военный метеоролог. Один ее дядя — **Гедалий Метелица** многие годы был комендантом Дома Советов. Сын другого дяди, **Авраама Метелицы**, старшего брата моего прадедушки **Соломона** — **Исаак Метелица**, был военным медиком в Ленинграде. Сын Исаака, **Владимир Метелица**, сейчас работает в Москве, доктор медицинских наук.

Родословное древо семьи уходит в глубь веков и связано корнями с такими известными еврейскими фамилиями, как **Гузики**, **Добкины** и **Кохоноверы**. В прошлом среди них были люди разных профессий: купцы и торговцы, военные, артельщики, кожевники-красильщики и шойхеты (праведные религиозные евреи, резники скота)» (из рассказа **Якова Мительмана**).

«Мишкан в пустыне». Панно Я. Мительмана
в системе религиозных школ Ноам в городе Реховот. Израиль.

Эссе о тшуве

«Художник больше, чем кто-либо, жаждет истины, узнать суть вещей и смысл происходящего, потому что чувствена и тонка его натура, желающая понять все, почувствовать мир вокруг себя и найти свое место в нем... Это невероятно сложно.

С детства меня интересовали вопросы: что стоит за всем происходящим вокруг меня? И почему имя моего любимого дедушки я не встречаю у других людей?

Кто ты? В чем смысл тебя и твоей жизни? Меня не устраивал ответ — сколько людей столько мнений — это не ответ, это ничто!

Позже, учась в Академии, где-то внутри я понял, что не смогу стать ни «белорусским» художником, ни кем-либо еще кроме как... евреем и, впервые в жизни, я признался себе, кто я. Это необыкновенное чувство — чувство свободы, как-будто до сих пор ты нес огромную тяжесть, какова есть ложь самому себе! И так вдруг захотелось стать именно художником-евреем!

Художник из меня получился.

«Алия в Иерушалаим».
С работы Я. Мительмана.

Евреем я учусь быть каждый день, учась в Иерусалиме, в месте, где учат Тору, Талмуд и все, что должен знать еврей, чтобы жить. Я жаждал истины, хотел узнать суть происходящего, понять смысл жизни и найти свое место в этом мире — нашел, что жаждал, узнаю, что хотел узнать, и сейчас нахожусь на своем месте...

Я счастлив!»

«У многих людей действительно существует свой потолок, свой предел, который они невольно себе устанавливают. «Это делать нельзя, я выше своей головы не прыгну». Мне кажется, что художник перестает быть художником, когда он себе такой потолок воздвигает: мол, я простой живописец, живу в Могилеве, пишу пейзажи, и ничего больше в жизни мне не надо. Несколько месяцев назад у меня возникло новое понимание мира. И если раньше я стремился разрушить «потолки» в своем творчестве, то теперь никаких «потолков» для меня просто не существует. Я понял, что надо мной простирается что-то огромное, даже бесконечное. И в этом океане бесконечности можно создавать и создавать вообще без предела. Сколько ни создавай, все равно это будет лишь маленькая точка.

Раньше я делал проекты, опираясь на случайные идеи, которые приходили мне в голову. Сейчас открылась возможность постоянной, целенаправленной работы над собой. Я много думаю о своем месте среди моего народа. Прежде я об этом почти не задумывался, перебегая от одного источника к другому, чтобы выудить из них что-то интересное, пропустив сквозь себя и воплотить в творчестве. Теперь я понял, что духовное богатство моего народа огромно, мне не хватит всей жизни, чтобы понять его. И я не сомневаюсь, что это найдет отражение в моем творчестве. Я думаю, что мой взгляд на мир станет гораздо осмысленнее. Я буду только рад, если наступят какие-то изменения в моем художественном мировоззрении. К этому я и стремлюсь» (из интервью Я. Мительмана журналу «Алеф», Леонид Гомберг «Предел бесконечности», ноябрь / хишван-кислев, 2002 г., Москва).

Работа Я. Мительмана «Поиск черного квадрата».

МОГИЛЕВСКИЕ ФОТОГРАФЫ

В первых двух книгах мы отмечали могилевских фотографов, которые, по нашему мнению, этого вполне заслуживают, поскольку занимали свое особое место в могилевской культурной жизни. В послевоенной истории традиции могилевской фотографической жизни сохранили свое еврейское лицо, а общепризнанная в Советском Союзе могилевская школа творческой фотографии стала таковой во многом благодаря фотографам-евреям.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЯНОВИЦКОГО Карла Исааковича
(р. 1935)

О фотографах и фотографии

«Я фотографией начал увлекаться в 1945 г., когда мама подарила мне немецкий фотоаппарат типа нашего «Фотокора». Ночами сидел, проявлял пластинки, печатал контактом фотографии. Все эти принадлежности и фотографии я храню до сих пор. Когда из армии вернулся папа, он за 38 рублей купил мне фотоаппарат «Комсомолец». По тем временам это было великолепно. Тогда же я сам смастерил увеличитель по книге «25 уроков фото-

графии». К чести моих родителей, они не ставили задачу опекать меня всюду и всегда, так что часто я делал фотографии и вместо уроков.

Первые мои фотопробы увидел **Яша Рог** — в то время один из лучших могилевских бытовиков. И он меня пригласил заходить к нему в ателье. Кроме того, рядом со мной жил фотограф **Арон Симонс**. И я стал ходить к ним в «Фотографию». Научился снимать павильонной камерой. Учили они меня, как ставить свет, пользоваться увеличителем и прочим премудростям. Так что их и многих других могилевских фотографов я считаю своими учителями, а они меня считают своим другом.

Своим учителем еще я считаю умершего в Штатах **Семена Львовича Батунера**. Он научил меня снимать узкоплечной камерой, преподавал основы композиции.

В те времена я шел в любую могилевскую фотографию как к себе домой.

А работали, как уже понятно, фотографами в те времена одни евреи. Могу многих из них назвать пофамильно. **Зяма Рахинштейн** работал на вокзале, где и **Симонс**, **Дубников** — в центральной фотографии на ул. Ленинской, **Залман Верников** — в маленькой деревянной фотографии на Луполово. Работали еще отец и сын **Френки**, **Гиршман**, **Яша Мильман**. Уехал в Израиль **Макс Кузнецов**. Очень хорошим фотографом был **Саша Марзон**. Он впервые попробовал фотографировать с зеркалами, что сначала

На обсуждении выставки бытовых фотографов. Крайний слева — Семен Батунер

Коллектив работников фотографии № 3. Могилев, 1954 г.
 Первый ряд (слева направо): лаборанты **Миля** (фамилия неизвестна), **Циля Коган**;
 второй ряд: ретушер **Роман Новиков**, неизвестный, фотограф **Наум Дубников**,
 портретист **Наум Расин**, кассир **Стефа Бесполова**, фотограф **Сергей Френкель**;
 третий ряд: ретушер **Дора Затман**, неизвестный, ретушер **Затман**,
 ретушер **Сима Ротенфельд**, неизвестные.

бытовики восприняли в штыки, но потом признали, что это имеет право на жизнь. Работал он на Первомайской (сейчас этого дома уже нет), и к нему народ валил валом, т. к. умел он сделать хорошие психологические портреты и вообще к делу подходил творчески.

Прекрасным фотографом, одним из лучших, был **Залмансон**, а единственным «цветником» был **Зуся Зигмонд**, который работал на базаре. Его помощником был **Захар Клучман**. Конечно, они не делали сплошь одни шедевры, но это и понятно — в бытовой фотографии это невозможно, да и ненужно. Но все же элитные фотографии, которые не гнались за планом, а работали для души, были. К ним можно отнести, по-моему, Рога, Залмансона и Дубникова. Это те, кто мог выявить внутреннюю сущность человека. По-моему, так и не оценили по достоинству **Семена Львовича Батунера**, который заведовал 1-й фотографией.

Я несколько раз попадал на собрание бытовых фотографов и, как уже ясно, там собирались одни евреи. Это был вообще «цирк»: я буквально умираю от смеха, как они ругались. Специфика еврейская чувствовалась даже в том, что они очень мало пили. Это их выгодно отличало в чисто производственных делах. Они всегда выполняли план. Очень ответственно подходили к делу, но и в творческом плане не отставали, участвовали в выставках художественной бытовой фотографии,

которые начали проводиться после 1950 г. Вот такие люди меня окружали.

Еще учась в школе, я окончил курсы фотографии в Доме пионеров. Вели их **Залмансон** и **Дубников**. Поступив в институт, я на первую стипендию купил фотоаппарат «Зоркий-2» с телеобъективом. Потом отец достал мне «Москву». Так что мой «арсенал» разрастался и становился более профессиональным. Потом я купил себе «Зенит». Фотографировал я очень много, сделал массу фотографий, которыми одаривал своих друзей. И мне это нравилось.

По возвращении в Могилев после учебы в 1961 г. я познакомился с **Зиновием Шегельманом**, который работал детским хирургом. Фотография занимала уже тогда первое место в его жизни. Он был мэтром для меня. Выставлялся в Ленинграде, и не только. Меня поразило, с какой тщательностью и мастерством он делал большие фотографии. Это происходило в моей коммуналке в ванной. Четыре года мы так отмучились. Потом кто-то сказал, что **Адам Роговский** создал фотоклуб на железной дороге. Мы с Зиновием туда и пошли. Это были первые пробы клубного движения.

Дальше — больше. Договорились с директором городского Дома культуры. Она отдала нам подвал, и мы своими силами приспособили это огромное помещение. Там была и лаборатория, и

Карл Исаакович Яновичский за монтажным столом в фотоклубе «Радуга»

много фотографировали, обсуждали фотографии, делали массу выставок, стенды на Первомайской, которые любили рассматривать прохожие. Так что жизнь кипела.

Я считаю, что у меня получались неплохие работы. Наверное, они не были такими выпестованными, как у Зиновия Шегельмана. Но, честно говоря, я никогда не завидовал ему, фотография для меня никогда не стояла на первом месте в жизни, не стала моей «второй натурой». Это скорее для меня было отдыхом. Некоторые водку пьют, а я фотографирую. Я не мог принести в жертву фотографии всю свою жизнь. Что касается З. Шегельмана, то он так и поступил. С ним я во многом был не согласен. Я не мог понять, как можно совмещать врачебную деятельность и фотографию. По-моему, все же надо выбирать что-то одно — это я не раз говорил Зиновию. На этой почве у нас возникли первые недоразумения, наша дружба дала трещину. Своего мнения я никогда

не скрывал, но у него тоже был сложный характер, и мы перестали понимать друг друга. Мне претило подобное не видел. Мы очень активно работали,

не скрывал, но у него тоже был сложный характер, и мы перестали понимать друг друга. Мне претило его честолюбие, хотя я и понимаю, что это не самая

По следам «Мини-фото-82»

После позорного закрытия выставки «Мини-фото-82» и изгнания Зиновия Шегельмана из клуба «Радуга» он попытался провести еще одну подобную фотовыставку «под прикрытием» фотоклуба «Время» завода «Строммашина», руководимого его старым другом Михаилом Райцесом. Что это было с его стороны: наивность, непонимание «правил игры», упорство, граничащее с безрассудством? В чем-то и то, и другое, и третье, но, кроме того, и сознательная игра ва-банк загнанного в тупик человека, которого давила не только система, но и непонимание, а часто и прямое предательство коллег по фотографии. Статья «Пена», опубликованная в 1983 г. в газете «Могилевская правда» через год после закрытия выставки, образец советской демагогии и пошлости, довершила разгром фотоклуба «Радуга» и четко сфокусировала обвинения на организаторе выставки Зиновии Шегельмане.

Приведем несколько образчиков своеобразного газетного «доноса». Вот общие сентенции по поводу прежних могилевских выставок: «...Настораживает жанровая бедность, односторонний показ сегодняшнего дня. На выставках в большом количестве демонстрировались по-мастерски исполненные жанровые этюды, которые отражали подсмотренные острым глазом фотолюбителей...картинки жизни: необычные «выбрыки» собачек и коников, мимику людей, цветы и красивых девчат... Словом, тема труда почему-то представлена на редкость бедно в масштабе любой выставки».

А это уже переключение на конкретную — «Мини-фото-82», вроде бы тоже ушедшую в историю. На выставке были представлены «работы из Австрии, Англии, Бельгии, Голландии, Испании, Италии, Норвегии, США, ФРГ, Финляндии, Югославии, Японии и др. Конечно, такое представительство похвально, но оно автоматически требует гораздо более точной (дакладной) организации выставки на уровне Министерства культуры СССР, действительно квалифицированного оргкомитета. Здесь же все делалось примитивно и на быструю руку. Многие члены оргкомитета и в глаза не видели присланные работы. Практически их отобрали для стендов узенькая компания во главе с З.В. Шегельманом. Она выбрала на свой вкус и понятие снимки, которые в большинстве носили отпечаток тоски и деградации человека... Снимки подобраны с таким расчетом, будто ее организаторы намеривались показать самые непривлекательные стороны человека. ...Смотришь, и мороз по коже: люди грустные, без усмешки. Будто попадаешь на кладбище, где с надмогильных плит смотрят на тебя фотографии мертвых людей».

Выставку закрыли как «несоответствующую высоким требованиям идеалов гуманизма, целям и задачам культурного обмена между народами планеты».

плохая черта характера, но вот не мог я себя переделать. Если бы сам был честолюбив, может быть, сейчас все было по-другому. Так вот и получилось, к сожалению, что мы с Зиновием разошлись по жизни. Потом он уехал в Израиль, и теперь, после его смерти, наши дороги уже не сойдутся.

Был еще один период в жизни Шегельмана, на котором следует остановиться особо. В 1981 г. он отправил на несколько выставок женский портрет со звездой Давида во лбу (на самом деле это было изображение диафрагмы объектива, которое имело форму шестиконечной звезды. — А.Л.). А был это как раз самый пик антиизраильской кампании в Советском Союзе. Сделал ли он это сознательно, или так получилось случайно, неизвестно. Но с этого момента началось преследование Зиновия, и как сиониста в том числе. Были поиски компромата в архиве клуба, были вызовы в КГБ. Потом была расправа с фотовыставкой «Мини-фото-82», обличительная статья «Пена» в «Могилевской правде», фактически разгром фотоклуба «Радуга» и отлучение З. Шегельмана от публичной фотографии.

Михаил Райцес на съемке.
Фото из архива Рожина А.О

Но кроме Зиновия в клубе были и еще евреи. Это Миша Гриншпан, Миша Райцес, Володя Аверкин.

Естественно, напрашивается вопрос: как могла группа малокомпетентных людей в вопросах идеологической работы организовать такую выставку?

Мне кажется, что ответ очевиден: полнейшая бесконтрольность, приуменьшенная до невозможности ответственность многих работников соответствующих учреждений за порученную работу.

Но, конечно, основной упор делается на самого Шегельмана. «Эти выставки — как мыльные пузыри. Они полопались, а их самозванный организатор оказался в пене обманов и хитриков». Однако дальше шел заведомый грубый обман самого автора статьи: «...Будучи одним из руководителей фотоклуба «Радуга» З. Шегельман в большом количестве начал рассылать свои работы в страны всех континентов. При этом применял хитрость. Вместе со своей удачной фотографией он клал в конверт заведомо некачественные снимки других членов фотоклуба. Таким образом создавалась видимость объективности...»

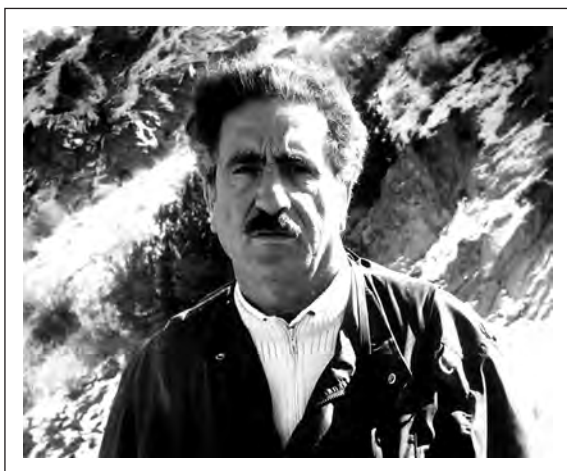
В следующих абзацах идет «критический» разбор некоторых работ Шегельмана. Думается, что это был чуть ли не единственный пример попытки столь подробной критики фотографии как вида искусства на страницах могилевской советской прессы. Наверное, только за это мы можем поблагодарить автора данного материала.

Он находит, что в творчестве Шегельмана излишнее место принадлежит образу женщины, а его фотографии содержат «элемент порнографии». «...Другая работа, посланная в одну из стран Африки, называлась «Жатва». Комбайны убирают рожь, копна соломы. На переднем плане голая женщина перед стеной колосьев понуро склонила голову и плачет. Надуманной, нежизненной ситуацией Шегельманом предложено африканцам гадать, что же это делается в Советском Союзе? Почему же чуть ли не под комбайном такая красивая и несчастная женщина?»

А вот и прямое обвинение в сионизме за работу «Белая звезда», хотя слово это автор упомянуть не решается. «Обычный портрет женщины с высокой черной прической... Альбомный снимок, если бы не одна okolичность. В центре черной прически надо лбом женщины сияет белая звезда. ...Что он имел в виду?» Особенно возмущает автора, что Шегельман в ответ на рекомендацию эту фотографию «не показывать больше нигде» не внял доброму совету, а поступил совершенно противоположным образом — послал работу за рубеж.

Завершение статьи столь же глубокомысленно, сколь и банально: «Безыдейного искусства не бывает. И поэтому очень важно, чтобы оно служило народу».

А. Литин

Михаил Матвеевич Райцес, организатор и председатель фотокиноклуба «Время» завода «Строммашина».
Фото из архива Рожина А.О.

Мишу Райцеса можно даже назвать своеобразной эпохой в могилевской фотографии и не только. Мы с Мишей (или Мулей), его братомлевой, сестрой Любой жили в одном доме. У них была вообще очень дружная, милая семья. Старший Лева стал кандидатом наук, работал на шелковой фабрике, потом пришел в институт, был завзятым коллекционером. К сожалению, много лет он болел астмой и рано умер. Миша был с детства очень активным, даже немного хулиганистым, хотя и добрым парнем. Он работал на заводе «Строммашина», и все его знали как мастера на все руки. Он был прекрасный токарь, слесарь, расточник, и к нему все вокруг очень хорошо относились. В фотографию затащили его мы с Зиновием Шегельманом. У него была пара фотоаппаратов, он мог уже делать «карточки», но когда походил в клуб, то взялся за дело всерьез. На заводе он был известным человеком и смог организовать студию «Время», оборудовал прекрасную лабораторию, снимал хорошие фильмы, участвовал в конкурсах и все это делал от души. Может быть, не всегда ему хватало вкуса, мастерства, но вот природного чутья было с избытком. Кроме того, он никогда не стеснялся, не считал для себя зазорным попросить совета. Мне кажется, и амбиций у него особых не было. Но студия его была хорошей отдушиной для всех и много сделала для пропаганды художественной фотографии и кино. Студия известна была не только в Могилеве, но и в Белоруссии, и даже в Союзе. Я видел фотографии Миши и на ВДНХ в Москве.

Надо сказать, что до последнего дня своей работы на заводе «Строммашина» он пользовался высочайшей репутацией и авторитетом. Уже несколько лет он живет в Израиле и не изменяет своей активной жизненной позиции (из рассказов Яновицкого Карла Исааковича).

**ШЕГЕЛЬМАН Зиновий
Вульфович (Владимирович)**
(1940—1999)

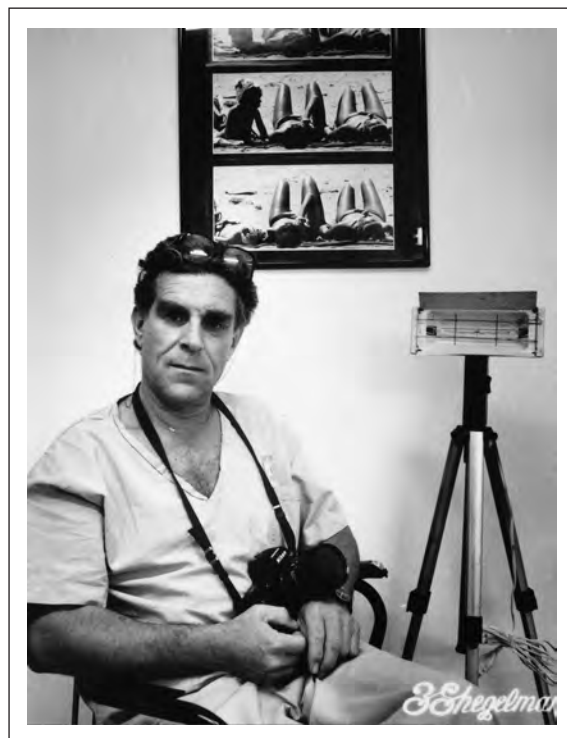
Фотохудожник, врач-хирург, один из создателей могилевской школы художественной фотографии.

Зиновий Вульфович (Владимирович) Шегельман родился в 1940 г. в г. Бобруйске. С 1959 по 1965 г. учился в Ленинградском медицинском институте, с 1965 по 1990 г. работал детским хирургом в Могилевской областной больнице.

С 1962 по 1964 г. параллельно с обучением в институте прошел курс фотографии на вечернем отделении училища бытовых фотографов в Ленинграде. С 1963 по 1965 г. посещал занятия Народного университета (отделение фотожурналистики). С 1965 г. вел детские фотокружки в Доме, затем Дворце пионеров и школьников Могилева.

С 1970 по 1983 г. — председатель фотосекции могилевского фотокиноклуба «Радуга».

Зиновий Шегельман принимал участие в более чем тысяче национальных и международных фотосалонов, награжден сотнями медалей и призов. Десятки его персональных выставок прошли в бывшем СССР, Болгарии, Венгрии, Германии, России, Украине, странах Прибалтики, Казах-

Зиновий Вульфович Шегельман в своей фотомастерской в больнице «Бнаи цион». Хайфа, Израиль, 1992 г.

Открытие фотовыставки «Возвращение» **Зиновия Шегельмана** (слева) в выставочном зале Могилева. Открывает выставку директор Центра израильской культуры в Беларуси **И. Шпильман**. Фото 1992 г. из архива *Литина А.Л.*

стане, Беларуси, Израиле. Он являлся почетным членом многих фотоклубов бывшего Советского Союза, фотографических федераций Англии, Аргентины, Польши, США и др.

В 1988 г. одним из первых в Беларуси стал художником Международной федерации фотоискусства (AFIAP). В 1992 г. ему присвоено звание «Эксилентц» (EFIAP).

З. Шегельман был организатором 22-х национальных и 3 международных (1976, 1979, 1982 гг.) выставок в Могилеве. В 1983 г. после международной фотовыставки «Мини-фото-82», которая стала известна далеко за пределами Советского Союза, был отстранен от работы в клубе и практически вычеркнут из белорусской фотографии. Фотохудожника со всех сторон обвиняли во всех смертных грехах: антисоветизме, порнографии, сионизме, а главное — в излишнем энтузиазме. Для советской власти — грех чуть ли не смертельный. Три года полного забвения не сломили художника. Он ответил обвинителям сотнями новых работ, новыми наградами на международных салонах. Работая во многих жанрах, З. Шегельман стал признанным авторитетом в жанре пейзажа, его

работы отмечены бесспорным талантом, тонкостью и изысканностью.

Лишь перестройка позволила художнику выйти из подполья. В 1986 г. он стал инициатором организации и одним из лидеров областного фотоклуба «Могилев».

В 1990 г. эмигрировал в Израиль, где работал в больнице «Бнаи-Цион» в г. Хайфе. На исторической родине смог за короткий срок органично влиться в фотографическую среду Израиля, объединил вокруг себя не только русскоязычных фотографов, но и представителей местной элиты. Благодаря его инициативе и при его непосредственном участии был организован первый (и пока единственный) международный фотосалон в Израиле, посвященный 50-летию образования государства. Собранная З. Шегельманом выставка израильских фотографов была показана в родном Могилеве.

Александр Литин и **Зиновий Шегельман** на фотосъемках на Браславских озерах. Фото 1994 г. из архива *Литина А.Л.*

Каждый год Зиновий Владимирович приезжал на месяц в Беларусь, чтобы вместе с друзьями и учениками снимать то, что еще не было снято или снималось уже в тысяча первый раз.

Умер в Израиле по дороге на фотосъемку 8 ноября 1999 г.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ МОГИЛЕВЩИНЫ

КОЛОСОВ Марк Борисович
(М. Гинзбург)
(1904—1989)

Родился в Могилеве 2 марта 1904 г. На заре своей биографии примыкал к молодежной секции партии ЕСДРП «Поалей-Цион» (в Гомеле), затем перешел в комсомольскую организацию. Участник гражданской войны. Печататься начал еще в 16-летнем возрасте, находясь на польском фронте.

В апреле 1922 г. в Москве появился журнал «Молодая гвардия», а осенью на страницах «Юного коммуниста» извещалось о создании группы комсомольских писателей «Молодая гвардия». Колосов пришел в группу со «вторым призывом» и стал одним из самых активных ее членов. Писатели-молодогвардейцы жили в общежитии на Покровке. По вечерам проходила литературная учеба. Преподавали здесь В. Шкловский и О. Брик. «Жизнь наша была бурной, стремительной, — вспоминает М. Колосов. — Дни проходили в работе, а вечерами на Покровке, у себя в комнатах, мы занимались литературной учебой. Вопросы литературного мастерства волновали всех нас». Колосовская комната объединяла молодежный писательский актив. Здесь собирались прозаики А. Платонов, В. Герасимова, В. Кудашев, бывали А. Фадеев и М. Шолохов. В этой комнате, по словам Колосова, «струились травы, шумел завод, пахло солнцем, комсомолом, Казиным и Всеволодом Ивановым».

В 1930 г. Колосов окончил Московский государственный университет. Сейчас его имя мало что говорит современному читателю, но в 30-е гг. XX в. оно было на слуху. Основная тема его творчества — заводской комсомол. А. Луначарский называл М. Колосова «самым комсомольским из всех писателей». Вот как характеризует творчество писателя Литературная энциклопедия за 1931 г.: «Рабочий быт и производство в рассказах Колосова не «фон» для «переживаний» его героев, а теснейшим образом слитая с ними самими действительность. Рост рабочего сознания детерминирован писателем всей совокупностью социальных условий. Сознание рабочего-подростка, часто отсталое, перерастает в коммунистическое, коллективистское не «изнутри», не «из самого себя», а в результате воздействия коллектива, его производственных отношений. Прекрасное знание описываемого быта делает Колосова интересной и художественно-самобытной фигурой». По рассказу «Стенгаз» режиссером Юткевичем поставлен кинофильм «Кружева».

В 30-е гг. Колосов работал заместителем главного редактора издательства «Молодая гвардия».

Марк Борисович Колосов

Именно с этим периодом связана одна из самых известных советских мистификаций — роман Николая Островского «Как закалялась сталь». И Марк Колосов оказался непосредственным ее участником. Различные источники называют различные фамилии советских писателей, участвовавших в «редактуре», а фактически в написании этого произведения: Виктор Кин, Анна Караваева, Ольга Форш. Но неизменно основная роль приписывается Марку Колосову.

В годы войны — военный корреспондент, тогда же выпустил книгу «Люди и подвиги» (1942). Умер в 1989 г. в Москве.

А. Литин

ИОФФЕ Борис Исаакович
(1918—1943)

Белорусский советский литературовед.

Родился 23 ноября 1918 г. в г. Горки Могилевской области.

Учился в Ленинградском университете. Исследовал белорусскую литературу XIX в., творчество Я. Купалы, печатался в журнале «Польмя рэвалюцыі», газете «Літаратура і мастацтва». Автор статей «Литературно-историческое значение «Тараса на на Парнасе»», «Поэма «Тарас на Парнасе»», «О романтизме Купалы» и др.

12 декабря 1943 г. погиб на фронте.

Т. Сычева

САНИН (Рывкин)
Владимир Маркович
 (1928—1988)

Известный журналист, писатель, полярник.

*Сегодня это имя вряд ли что-либо говорит молодому поколению читателей, но в 80-х гг. писатель Санин был очень популярен. Его произведения издавались большими тиражами. По ним ставились художественные фильмы и сериалы. И такое внимание было вполне оправданным. Этот, бесспорно, талантливый человек, который буквально «слепил» свою судьбу своими руками, достоин того, чтобы о нем помнили его земляки-могилевчане. О его жизни мы расскажем со слов его друга московского врача-офтальмолога (сейчас проживает в США) **Исаака Гольдмана**.*

«Познакомились мы с Владимиром Марковичем где-то в середине 80-х гг. Это был веселый и остроумный человек невысокого роста с мужественными чертами лица, жестким ртом и большими, со смешинкой глазами.

Биография его была не совсем обычна. Он прожил неординарную жизнь, полную трудностей и приключений. Родился Володя в Бобруйске в 1928 г. Детские годы провел в Могилеве, откуда во время войны его семья была эвакуирована в Куйбышев. Отец был призван в армию сразу, затем в 18 лет на фронт ушел старший брат Роберт. 16-летний Владимир тоже считал своим долгом сражаться с фашистами. Он подчистил метрику, добавив себе два года, и смог попасть в маршевую роту. Воевал в Германии южнее Берлина, освобождал Чехословакию. С войны вернулся с самой что ни на есть солдатской наградой — медалью «За отвагу».

После войны окончил МГУ и работал в Министерстве лесной промышленности и параллельно писал короткие рассказы, полные лукавого юмора и добродушной иронии. Государственная служба тяготила Владимира, и, к счастью, его творчество было замечено на всесоюзном радио, где он стал одним из создателей отдела сатиры и юмора и главным редактором одной из самых популярных в Союзе радиопередач «С добрым утром!». Тогда он и взял себе псевдоним **Санин**, под которым и стал позже широко известным в Советском Союзе писателем.

С 1962 г. его юмористические повести начали появляться в толстых журналах. В 1970 г. в журнале «Октябрь» был опубликован автобиографический рассказ «Когда я был мальчишкой», в котором автор вернулся к своей фронтовой юности.

На определенном этапе Владимир круто изменил свою жизнь. За новыми впечатлениями, сильными эмоциями и для проверки себя на проч-

Владимир Маркович Санин
(Рывкин)

ность он, оставив работу на радио, отправился в длительное плавание на траулере «Канопус». После возвращения долго на берегу не задержался, а снова отправился в дальний путь — на этот раз в Арктику. Он много раз летал с полярными летчиками, прыгал с парашютом на льдины с небольшой высоты, дрейфовал с полярниками на станции «Северный полюс-15». Художественное воплощение эти путешествия получили в повести «У Земли на макушке», вышедшей под псевдонимом В.Санин, которая имела несомненный успех у читателей.

Его не оставляет тяга к такой жизни, которая органично включает в себя постоянный риск, преодоление препятствий, борьбу с опасностями. Очередным этапом преодоления себя стала длительная зимовка в Антарктиде, по следам которой были написаны повести «Новичок в Антарктиде» (1973) и «720 градусов ниже нуля», которые составили трилогию о мужественных людях в ледовой стихии. В 1976 г. по его «ледовым» рассказам снимают художественный фильм.

Люди опасных профессий остаются в сфере интересов автора, однако изменяется профессия героев. В Приэльбрусье Санин познакомился с работой лавинщиков. В результате новая повесть — «Белое проклятье», экранизированная в 1987 г.

Следующими на очереди становятся пожарники. Писатель дежурил вместе с ними, выезжал по экстренным вызовам, активно участвовал в ликвидации знаменитого пожара в гостинице «Москва». Работу московских пожарников он описал в

повести «Большой пожар» (1986), за которую ему было присвоено звание «Почетный пожарник».

Узнав об аварии на Чернобыльской атомной станции, он рвался к месту событий, не представляя отчетливо всей опасности случившегося. К счастью, у московских чиновников хватило ума отказаться от его «услуг» в момент самой катастрофы. Но немногим позже его вызвал министр внутренних дел и предложил написать повесть о «ликвидаторах» — людях, героическими усилиями которых, а часто и ценой смерти, была предотвращена глобальная экологическая катастрофа. Санину была очень близка эта тема, и он отправился в подмосковную больницу, куда привозили на лечение людей, получивших огромные дозы радиоактивного облучения. Часами он просиживал у постелей ликвидаторов, записывая их рассказы о том, «как все это было в действительности», а затем прощался со своими потенциальными героями, когда их хоронили в цинковых гробах, закапывая на большую глубину. Владимир Маркович пришел в ужас от услышанного и растерялся. Он понимал, что никто не позволит так описывать реальные события, а придумывать то, что хотелось увидеть заказчикам, не хотел и не мог. Тогда писатель отказался от поручения, хотя ему была заранее обещана за написанное произведение Государственная премия. Возможно, он бы сделал эту работу так, как подсказывала ему совесть, но читатель так и не увидел честную повесть о Чернобыле писателя Санина. Жизнь, а точнее смерть, внесла свои коррективы. Владимир Маркович Санин умер 12 марта 1988 г. после безуспешного лечения от злокачественной меланомы, не дожив несколько месяцев до своего 60-летия.

В повседневной жизни Владимир был добрым и внимательным товарищем. Любил неторопливую беседу, острое словцо, увлекался Монтенем и часто его цитировал. Хорошо смеялся удачным анекдотам и знал их бесчисленное множество. Санин интересовался природой юмора, пытался понять, почему иная обычная фраза или предложение вызывают смех. «Вот посмотрите, — говорил он друзьям. — Я вам скажу сейчас одну несуразную фразу, и вы обязательно рассмеетесь. Слушайте: В детстве я верил, что Буденный — это лошадь Ворошилова».

Интересно, что сосед Санина по дому Войнович счел возможным изобразить его в роли главного героя (Ратнера) в шутовском спектакле «Шапка средней пушистости», поставленном в театре «Современник». Своего собрата-писателя Войнович изобразил в несколько утрированной форме, так что было несколько обидно, как этот насмешник обыграл честность и принципиальность своего товарища» (из воспоминаний **Гольдмана И.**).

БЕРЕЗКИН Григорий Соломонович (1918—1981)

При жизни этого человека многие белорусские поэты называли его критиком № 1 в белорусской литературе.

Григорий Соломонович Березкин родился в 1918 г. в Могилеве в семье служащего. Он учился на рабфаке, затем на литературном факультете Минского педагогического института имени А.М. Горького. В период первых неприятностей в студенческие времена подрабатывал в еврейской библиотеке в Могилеве.

До войны главным объектом рассмотрения Г. Березкина была еврейская поэзия, а главной трибуной — выходящий в Минске еврейский журнал «Штерн». О еврейских авторах он писал и в белорусских изданиях: рецензия на книгу З. Аксельрода, вышедшую в Москве, предисловие к книге стихов Изи Харика, которая вышла на белорусском языке, предисловие к книге З. Телесина и статья о ней. Наконец, еще в 1937 г. газета Союза писателей Беларуси напечатала большую работу 19-летнего студента Г. Березкина «Еврейская литература в БССР».

В 1938 г., в 20-летнем возрасте, Березкин уже работал заведующим отделом критики в редакции журнала «Польмя рэвалюцыі», а затем — литературным консультантом в кабинете молодого автора при Союзе писателей БССР. В 1939 г. он был назначен заведующим отделом критики газеты «Літаратура і мастацтва» и в этом же году в возрасте 21 года стал членом Союза писателей СССР.

Накануне Великой Отечественной войны, в апреле 1941 г., Григорий Березкин был арестован. 26 июня 1941 г., когда фашистские войска приближались к Минску, колонну заключенных вывели из тюрьмы на расстрел.

Вот как описывал эти трагические минуты со слов самого Григория Соломоновича его знакомый еще с могилевских времен писатель **Михаил Шульман**:

«...Колонну зеков полубегом выгнали из горящего Минска, невдалеке от дороги, за стеной густого кустарника, построили, отделили «агнцев от козлиц». Агнцев, сиречь уголовников, отпустили по домам — козлиц, т. е. политических, здесь же расстреляли из пулеметов!

Энкавэдисты спешили: немцы вот-вот возьмут Минск, успеть бы удрать, а потому не стали тратить время на контрольное добивание, забросали гряду гранатами и укатили на восток.

Примерно через час из-под трупов выбрались двое и в ужасе бросились в глубь кустарника, подальше от того страшного места. Наконец выдохлись и попадали у небольшого болотца.

— Ну, тэрэз до немцув? — отдышавшись, польски спросил один.

— Естэм жид, — возразил другой.

Поляк понимающе вздохнул и поднялся. — Прощай, брат!

— Прощай.

Обнялись по-братски и разошлись в разные стороны — один на запад, другой на восток. Через день пути шедший на восток добрался до какого-то райцентра. Властей там уже не было, только в военкомате седой майор заканчивал жечь бумаги.

— Документы! — потребовал он у изможденного путника.

— Нет у меня документов, — развел руками тот. — Я из заключения. Майор с минуту молча разглядывал странного парня.

— Из Минска идешь? За что сидел?

— Из Минска. Я писатель, Березкин моя фамилия, Григорий Соломонович.

— И сколько ж тебе, писатель, лет? Двадцать три? Ясно... — Майор помолчал, покачал головой и сказал, как отрубил:

— Ну что ж, раз в это время сам пришел в военкомат, значит человек. Вот тебе направление на сборный пункт, иди и вой.

— Но как же...

— О том, что сидел, ты мне не говорил, я этого не слышал. Уразумел?

— Уразумел. Спасибо вам.

— Сборный пункт на восточной окраине, поторопись. Удачи тебе, парень!

Так начал войну рядовой Григорий Березкин».

Он прошел всю войну до конца, принимал участие в боях под Сталинградом и на Курской дуге, под Киевом и в Карпатах, на Сандомирском плацдарме и в освобождении Праги. Был ранен. За храбрость и мужество был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и многими медалями. В 1945 г. был уже в чине капитана, а после Победы заведовал отделом в газете оккупационных войск в Берлине.

Обратимся снова к Михаилу Шульману:

«Ему, однако, не терпелось в Минск, точила наивная вера в справедливость, воображение не раз рисовало картинку торжественного возвращения некогда оклеветанного, оплеванного молодого писателя домой, к старым друзьям и недругам. А почему бы и нет? Ему двадцать восемь, за плечами все фронты, грудь в боевых орденах и медалях — какого еще рожна нужно всем его хулителям-обвинителям?

И первый же отпуск провел в Минске, повстречал старых друзей, тоже повоевавших на фронте и в партизанах, жадно вдыхал дух новой поэзии... Чуткое ухо Григория Березкина улавливало все оттенки новой поэзии, и как же хотелось побыстрее влиться в тот литературный поток!

В Минске, однако, нашлись и такие друзья, которые не замедлили выразить свое удивление: как же это исхитрился этот еврейчик из врага

Григорий Соломонович Березкин

народа превратиться в бравого офицера? Блеск воинских наград на его груди кому-то нестерпимо жег глаза.

Стук был услышан.

— Скажите, Березкин, как это вы, заключенный, вдруг оказались в армии? — встретил вернувшегося отпускника начальник Особого отдела.

Григорий ждал этого вопроса, все время ждал. Знал, что рано или поздно, но вопроса не миновать.

— Когда нас, заключенных, везли из Минска, налетели «мессера», началась бомбежка и обстрел, охрана разбежалась, а что оставалось делать нам? Разбрелись кто куда. Я — в ближайший военкомат, записался добровольцем.

— Лжете, Березкин! Советская охрана не разбегается, это вы под шумок сбежали из-под конвоя!

Капитан не стал возражать: докопаются, что он «недорасстрелян» — мигом исправят ошибку, дострелят и глазом не моргнут.

Так трижды орденосный капитан Березкин получил новый срок (в июле 1949 года) — за побег из мест заключения. Восемью долгими годами каторжного лагеря наградила Родина своего добровольного защитника».

Срок заключения он отбывал в лагерях Казахстана и Сибири, работая на строительстве шахт и электростанций.

«Григория Березкина освободили ноябре 1955 года, реабилитировали в июле 1956-го. Процедура реабилитации была такой же простой, как и арест. На Лубянке... аккуратный, интеллигентного вида чиновник прочел вслух постановление о прекращении его дела «ввиду отсутствия состава преступления», пожал руку, поздравил с полной реабилитацией, спросил на прощанье, не желает ли ТОВАРИЩ Березкин ознакомиться со своим делом, перед тем, как это дело будет предано огню.

Товарищ Березкин и без того знал, что может быть в этой не слишком пухлой канцелярской папке, однако желтая глянцевиная обложка ее с типографски-каллиграфическим «Дело №...» притягивала, как магнитом, своей таинственной сущностью: неужели вот сюда втиснуты долгие каторжные годы?

Да нет, ничего особенного: доносы стукачей, минских и лагерных, протоколы допросов... правда, нигде не видно, в каком именно месте допроса его отливали водой... постановления разных коллегий, творивших суд и расправу, и вдруг — ходатайство о пересмотре! Он же ничего не просил, ни к кому не обращался! Дата — декабрь пятьдесят четвертого, еще до двадцатого съезда... И подпись — Александр Твардовский!

— Понимаешь, старик, подпись эта потрясла меня больше, куда больше, чем доносы бывших друзей. Я давно знал им цену. Но Твардовский — мы ведь не были даже знакомы, а взять на себя такой риск ради человека, которого в глаза не видел?!»

Березкину предложили остаться в Москве, вести отдел критики и поэзии в журнале «Советиш Геймланд». Но он подумал и отказался. Понимал, что существование единственного на всю огромную

Г. Березкин. 1944 г.

страну еврейского журнала эфемерно: стараниями Гитлера и Сталина у него уже практически не осталось читателей — одних истребили физически, у других отняли письменность.

Но своей любви к еврейской поэзии он не изменил и в послелашерные годы: в «Советиш Геймланд» часто появлялись его статьи и рецензии на книги последних уцелевших в идише поэтов: Х. Левиной, С. Галкина, М. Кульбака, Р. Баумволь, Э. Фининберга, Х. Мальтийского.

«Поэзия была не только объектом эго критического рассмотрения, она была сутью и смыслом его жизни. Не только еврейская — в поэзии он был энциклопедистом. Свободно владея пятью европейскими языками, он почти всегда имел дело с оригиналами, поэтому его критические обзоры и рецензии всегда отличались глубиной и верностью авторского текста.

Березкин много писал и о советской русской поэзии: Маяковском, Асееве, Багрицком, о современных поэтах Минска: Науме Кислике, Иване Бурсове, Валентине Тарасе, Александре Дракохрусте, Федоре Ефимове. Он восхищался Тицианом Табидзе, Виктором Соснорой, рецензировал переводы на белорусский язык немецкой поэзии и особенно много внимания уделял межнациональным литературным связям.

Основным же, главным делом его жизни послелашерного периода, т. е. со второй половины 50-х гг., стала белорусская поэзия. Он глубоко исследовал

Григорий Березкин, сестра Аня, брат Матвей. Могилев, 1947 г.

творчество Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Тетки, взаимодействие белорусской и русской поэзии.

У него было особое чутье на таланты, он их буквально выкапывал из толщи районных газет и заводских многотиражек, и не обошел своим вниманием ни одного мало-мальски талантливую белорусского поэта. Особенно внимателен и чуток был он к молодым поколениям белорусских стихотворцев. Многие могли бы, как самый яркий из них Рыгор Бородулин, назвать его своим поэтическим учителем. По признанию талантливую поэта-фронтовика Алексея Пысина, именно Березкину он обязан лучшим пониманием самого себя, особенностей своего таланта — а это, пожалуй, всего важнее для поэта.

Не только его печатное слово, но и простая беседа с ним всегда были хорошей школой профессионализма.

Его волновало любое истинно художественное слово, и в этом смысле он был настоящий гурман, почти физически наслаждался точно найденным словом, неожиданным поэтическим образом и страдал, если у талантливую поэта или прозаика где-то проскакивала небрежно сделанная строка или фраза, воспринимал это чуть ли не как личное оскорбление.

Одним из первых он заметил громадный литературный талант Василя Быкова, не обошел своим вниманием и таких талантливых писателей, как Иван Мележ, Алесь Адамович, Иван Пташников, Василь Хомченко.

Григорий Березкин в тогдашней Беларуси был единственным литературным критиком, понимавшим, что в поэзии никакого «содержания» (тем более идеологически-казенно-упрощенно понимаемого) нет без ее специфической формы. Он обладал даром внутреннего чутья музыки, из коей рождается поэзия, даром осознания материала, из которого соткана поэтическая строка. Иными словами, если до Березкина белорусский литературный критик был либо палачом, ...либо партийным начетчиком, который хоть и не сажал авторов, но способен был арестовать рукопись, то именно от Березкина в белорусской литературе берет начало критика эстетическая...

Авторитет Г. Березкина в белорусской поэзии был настолько высок, что с его мнением считались и многие маститые и признанные. Естественно, литературное начальство из идеологического отдела ЦК КПБ не могло спокойно относиться к тому, что оно теряет позиции главного арбитра в поэзии, а центр тяжести ее неуклонно смещается в сторону

На читательской конференции В. Быков и Г. Березкин

Григория Березкина — беспартийного! бывшего зека! и в довершение ко всему — еврея!

Но на дворе стоял не 37-й, и даже не 47-й, и хотя «критики в штатском» еще могли очень и очень многое, но того беспредела, как в прежние годы, уже не было. Однако «достать» непокорного или неугодного литератора не столь уж сложно и без тюрьмы, без лагеря: ведь все издания в стране подконтрольны партии, достаточно приказать редакторам журналов и газет под любыми предлогами уволить ослушника, препятствовать выходу его книг — авось, смирится, посидев без хлеба.

Он заведовал отделом критики в журнале «Неман» (с 1956 по 1967 г.), и там ежедневно к концу рабочего дня собирался едва ли не весь литературный Минск. Уволили. Газета Союза писателей Беларуси «Літаратура і мастацтва» подхватила опального критика (заведующий отделом литературы) — и тотчас ее редакция стала местом притяжения поэтов и прозаиков, молодых и не очень. Там в тесном кабинете Березкина бушевали литературные страсти, рождались и умирали идеи, там была праздником любая литературная удача. Долго ждать не пришлось: главный редактор получил указание свыше — и Березкин без лишних церемоний был уволен. К счастью, московские журналы не подчинялись белорусскому ЦК, и опальный критик печатался везде, где только мог печататься порядочный человек: в «Новом мире», «Вопросах литературы», «Дружбе народов».

Если выгнать из его жизни тюрьму, войну, каторжный лагерь и долгую болезнь, убившую его за два года до смерти (он умер 1 декабря 1981 г.), — сделанное им удивительно даже просто по объему. Двенадцать книг: монографии, критические очерки, статьи... Его работы переводились на английский, болгарский, украинский, польский, писались же на идиш, белорусском, русском языках».

И сейчас не потеряли своего значения книги Г. Березкина «Поэзия правды» (1958), «Спутница времени» (1961), «Аркадий Кулешов» (М., 1960), «Человек на заре» (1970), «Постаці» (Мн., 1971), «Мир Купалы. Мысли и наблюдения» (М., 1973), «Кніга пра паэзію» (Мн., 1974), «Звенья» (1976) «Свет Купалы. Звенні: Выбранае» (Мн., 1981), «Паэзія — маё жыццё» (Мн., 1989) (по эссе-воспоминанию **Шульмана Михаила Иосифовича**).

ГЕЛЛЕР Михаил Яковлевич
(1922—1997)

Критик, писатель и историк.

Родился в Могилеве в 1922 г. Окончил исторический факультет Московского университета, работал преподавателем высшей школы. После семи лет лагерей, в середине 1960-х гг., **Геллер** уехал из СССР в Польшу, затем во Францию, где удостоился звания профессора Сорбонны. Здесь он преподавал и исследовал различные аспекты русской истории и литературы. В эмиграции написал несколько фундаментальных исторических трудов, в том числе — в соавторстве с другим известным историком-диссидентом **Александром Некричем** — многотомную работу «Утопия у власти» (в 80-е гг.) — систематизированное, фундаментальное исследование новой и новейшей истории Советского Союза и России (в соавторстве были написаны три тома, четвертый Геллер написал после смерти соавтора). Сейчас этот труд опубликован и в России. Зарекомендовал себя авторитетным

специалистом в области современной русской литературы. Большой резонанс приобрели его книги «Концентрационный мир и советская литература» (Лондон, 1974), «Андрей Платонов в поисках счастья» (Париж, 1982). В последнее время в России изданы историко-публицистические работы М. Геллера «Россия на распутье. 1990—1995 гг.», «История Российской империи».

Умер в Париже в 1997 г.

В 2000 г. была издана книга «Вместо мемуаров: Памяти Геллера М.Я.», посвященная памяти талантливого историка и философа. В сборник включены воспоминания его друзей и малоизвестные статьи Геллера.

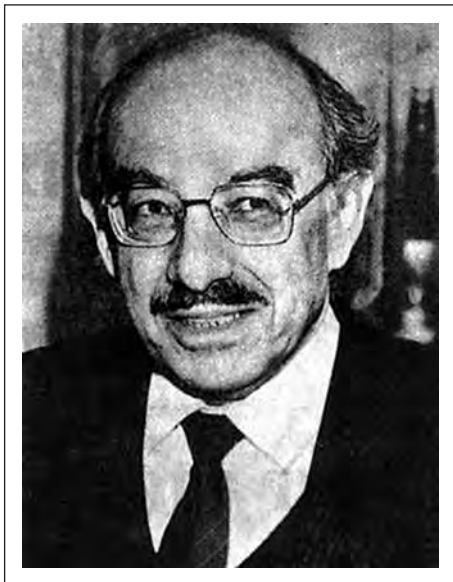
ГОРОДНИЦКИЙ
Александр Моисеевич
(р. 1933)

Геолог, океанолог, доктор геолого-минералогических наук, академик Российской академии естественных наук, поэт.

Не родился и не жил в Могилеве, но никогда не забывал, откуда родом его предки, где погибла его бабушка. Об этом он писал в своих воспоминаниях, об этом говорится в его стихах и песнях.

«Мой дед в губернском Могилеве
Писал с ошибками по-русски,
Мои израильские внучки
Забудут русские слова».

Дед поэта и ученого был по профессии шорником. Он имел в Могилеве собственную мастерскую, дом и считался по тем временам довольно состоятельным человеком. «Дед, переживший трех царей и умерший в тридцать шестом, в возрасте 84 лет, отличался религиозностью, крепким здоровьем и редким трудолюбием. Он продолжал работать до 80 лет. Более всего любил париться в бане. Отец мой вспоминает, что уже в последние годы жизни деда, приезжая в Могилев в отпуск, он возил его на извозчике париться в баню, поскольку без посторонней помощи дед уже добраться туда не мог. В бане, однако, отец старался сесть подальше от деда, чтобы не ошпариться брызгами, долетавшими из его шайки. Несмотря на преклонный возраст (деду было уже за восемьдесят), он не менее двух раз ходил в парилку. Отец мой помогал ему забраться на полку и подавал веник... Каждое такое посещение бани было для деда настоящим праздником». Интересно, что дед приписывал большевикам изобретение радио, «чтобы никто не мог думать сам. Потому что если человеку в ухо все время что-нибудь говорят, то он уже сам думать не может». Эта фраза характеризует и отношение деда к советской власти. Бабушка была большой

Михаил Яковлевич Геллер

мастерицей по части знаменитой еврейской кухни, прежде всего, по фаршированию рыбы и изготовлению «тейгелех». Она погибла в 1941 г. в могилевском гетто.

В семье было два сына — **Моисей** и **Борис**. Младший Борис стал профессиональным военным. Пережив Отечественную и дослужившись до подполковника, он ушел в отставку и поселился в Саратове.

Отец Александра, Моисей, отличался необычайной скромностью и трудолюбием.

Мать родилась в Могилеве в многодетной семье, где было семеро детей. Всем им, несмотря на нужду, дали образование. Родители познакомились в 1923 г. в школе, во время соревнований на лучшую устную газету, а в 1924—1925 гг. учились вместе на общеобразовательных курсах. В 1925 г. отец поехал учиться в Ленинград, а мать — в Москву, где пошла в педагогический техникум, который окончила в 1928 г. Отец окончил Ленинградский фототехникум. В феврале 1930 г. они поженились. Все имущество молодой семьи в 13-метровой комнатухе на 7-й линии Васильевского острова, полученной отцом, состояло из ломберного столика, двух стульев, раскладушки и табуретки.

Мама работала учительницей начальных классов в средней школе и училась в пединституте

А.М. Городницкий на встрече с еврейской общиной Могилева. Могилев, 2007 г.

имени Герцена. После этого она преподавала в той же школе математику. Отец в это время работал в фототехникуме и учился заочно в Московском полиграфическом институте.

«Отец в тридцать третьем году пришел на работу на Картографическую фабрику Военно-морского флота, где проработал почти всю жизнь — более тридцати пяти лет: заведовал фабричной лабораторией, которую впервые сам же и организовал, был главным инженером, начальником производственного отдела. Имя его не раз упоминается в книгах, посвященных истории Военной Гидрографии и Картографической службы ВМС. Работу свою на фабрике он всегда совмещал с преподавательской деятельностью — читал лекции и вел практические занятия со студентами в Промакадемии и на вечернем отделении Ленинградского полиграфического техникума. Уже выйдя на пенсию, он руководил дипломными работами, принимал активное участие в конкурсных комиссиях и работе Ленинградского Общества научно-технических издательств, заместителем председателя которого был много лет».

Родился Александр Моисеевич 20 марта 1933 г. В детстве родители уделяли сыну много внимания и рано начали заниматься его образованием. Научился читать он к пяти годам по газетным буквам и

Александр Моисеевич Городницкий в Мемориале «Луцковский концлагерь». Могилев, 2007 г.

А.М. Городницкий на месте расстрела могилевских евреев в Пашково. Могилев, 2007 г.

к этому возрасту знал уже очень много стихов и отрывков из поэм. По воспоминаниям поэта, почти каждое лето родители ездили вместе с ним в Белоруссию — в Могилев или на Польшковичские хутора под деревню Польшковичи. «После тесной василеостровской комнаты и питерских дождей белорусская деревенская вольница казалась сказочной». Во время Великой Отечественной войны Александр после пережитой блокады вместе с мамой был эвакуирован под Валдай, а позже в Омск. В 1945 г. вся семья вернулась из эвакуации. Школьные годы прошли в ленинградской школе на Васильевском острове. Там он впервые начал писать стихи. Увлекался коллекционированием марок, открыток, занимался фотографией.

Первую школу литературного мастерства он прошел в отделе художественного творчества Ленинградского Дворца пионеров. Именно в это время происходило формирование мировоззрения будущего поэта и ученого.

Александр Моисеевич в 1957 г. окончил факультет геофизики Ленинградского горного института им. Г.В. Плеханова. Работал в НИИ геологии Арктики; в геологических партиях в районе Игарки, начальником геологического отряда в Туруханском крае. С 1962 г. плавает на исследовательских судах. Принимал участие во многих океанологических экспедициях как сотрудник Института океанологии им. Ширшова АН СССР. Автор более 130 научных работ, статей в журналах.

Как литератора его сформировала среда питерской интеллигенции, интеллигенции шестидесятых. А. Городницкий был принят в члены Союза

писателей СССР в 1972 г., является Президентом Ассоциации российских бардов (по книге воспоминаний Александр Городницкий «И вблизи и вдали»).

В 2007 г. Александр Городницкий побывал в Могилеве, где ни разу не был после войны, с, может быть, и наивной, но сбывшейся надеждой отыскать уцелевших родичей, поклониться земле, где они покоятся. Здесь же были сняты несколько фрагментов двух документальных фильмов о самом авторе и о языке идиш по его же сценариям.

В результате этой поездки была написана поэма, несколько отрывков из которой мы представим.

В ПОИСКАХ ИДИША (Отрывки из поэмы)

Пашково

После дождика небо светлеет.
Над ветвями кричит воронье.
Здесь лежит моя бабушка Лея
И убитые сестры ее.
Представительниц славного рода,
Что не встанет уже никогда,
В октябре сорок первого года
Их прикладами гнали сюда.
Если здесь бы мы с папой и мамой
Оказались, себе на беду,
Мы бы тоже легли в эту яму
В том запекшемся кровью году.
Нас спасла не Всевышняя сила,
Ограничив смертельный улов, —
Просто денег у нас не хватило
Для поездки в родной Могилев.
Понапрасну кукушка на ветке
Мои годы считает вдали.
В эту яму ушли мои предки
И с собой мою жизнь унесли.
Разделить свое горе мне не с кем, —
Обезлюдел отеческий край.
Этот город не станет еврейским:
Юденфрай, юденфрай, юденфрай.
Будет долгой зима по приметам.
Шлях пустынный пылит в стороне.
Я последний, кто помнит об этом,
В этой Б-гом забытой стране,
Где природа добрее, чем люди,
И шумит, заглушая слова,
В ветровом нескончаемом гуде
На окрестных берегах листва.

***

Меж лесов, среди которых мчусь я,
 Ближнею дорогой и в объезд,
 Странное испытываю чувство,
 Проезжая мимо этих мест.
 Почему, скажите, Б-га ради,
 Могилевский вспоминаю вал?
 Я рожден в холодном Ленинграде.
 Ну а здесь подолгу не бывал.
 Обживал я города другие.
 Почему — не понимаю сам,
 Точит мое сердце ностальгия
 По болотам этим и лесам.
 Листья с веток начинают падать.
 Речка непрозрачная светла.
 Может, генетическая память
 Эту мне любовь передала
 Из былых времен. Не оттого ли
 С каждой минутой мне милей
 Этот вот лесок и это поле
 Нищей Белоруссии моей?
 Неужели я, седой, поживший,
 Обогнувший Землю человек,
 Из черты оседлости не вышел,
 Сердцем к ней привязанный навек?

***

Могилев

Тот Могилев, куда я нынче прибыл,
 Переменился за десятки лет.
 Не следует рассчитывать на прибыль
 При поисках того, чего уж нет.
 От Могилева прежнего немного
 Осталось, откровенно говоря,
 Где дядька мой перебежал дорогу
 Перед машиной батюшки-царя.
 Где в синагоге пекарем веселым
 Пеклась на Пасху ломкая маца,
 И мой отец ходил когда-то в школу —
 Теперь ни школы нету, ни отца.
 Огромный город строится и дышит,
 Похожий на другие города.
 Любой язык возможно здесь услышать,
 Но идишь не услышишь никогда.
 Гремят оркестры, к празднику готовясь,
 Что наступает через пару дней.
 Мне не собрать рассыпанную повесть
 Семьи не сохранившейся моей.
 Среди живых не отыщу я близких,
 И я иду, в раздумьях о том,
 Туда, где самодельныхobeliskов
 Серееет покосившийся бетон.

ВЕЛЛЕР Михаил Иосифович

(р. 1948)

Один из самых популярных на сегодняшний день современных российских писателей, философ и телеведущий.

Прожил в Могилеве всего несколько лет, но лет вполне сознательных — здесь он окончил школу. Предположение о том, что эти годы оставили в его сознании определенный след, вполне обоснованы. По крайней мере, об этом свидетельствует упоминание города в нескольких произведениях. К сожалению, нам не удалось выяснить размер и глубину этого следа у самого Веллера, но включить его биографию в книгу осмелились и даже посчитали необходимым.

Родился **Михаил Иосифович Веллер** 20 мая 1948 г. в городе Каменец-Подольский на Украине в семье военного врача. В 1950 г. семья переехала к новому месту службы отца в Сибирь. Смена городов и, соответственно, школ — нормальное детство любого ребенка родителей-военных. В 1964 г. отец, **Иосиф Веллер**, был назначен главврачом военного госпиталя в Могилеве, так семья оказалась в Беларуси. С Беларусью связана и первая публикация Михаила — стихи молодого поэта в 1965 г. напечатала республиканская газета. А через год Михаил окончил могилевскую среднюю школу № 3 с золотой медалью и поступил на отделение русской филологии филологического факультета Ленинградского университета. Окончил его в 1972 г. Семь лет обучения — это не признак

Михаил Иосифович Веллер.
 Фото Натальи Времячкиной.
www.razgovorchiki.ru/foto/veller

бестолковости, а своеобразная методика выработки жизненного кредо. Летом 1969 г. на пари с друзьями, без денег за месяц добрался «зайцем» из Ленинграда до Камчатки, используя все виды транспорта, и получил по пути пропуск для въезда в «пограничную зону», что вошло в легенды Ленинградского филфака. Этот некий экстравагантный вызов обществу соотносился с самоотверженным ему служением в виде одновременного занятия поста комсорга курса и секретарствования в бюро комсомола университета, по-видимому, избытком энергии и желанием познать все и побольше.

В следующем году Михаил симулировал психическую болезнь для получения академического отпуска в университете и весной уехал в Среднюю Азию, где полгода бродяжничал, накапливая впечатления. Осенью переехал в Калининград и матросом второго класса ушел в рейс на траулере рыболовецкого флота. За два года он сменил около тридцати профессий — работал лесорубом в тайге, охотником-промысловиком на Таймыре, скотогоном в Алтайских горах, журналистом, учителем. Временно прервав поиски истины и удовлетворив романтический пыл, в 1971 г. восстановился в университете. Диплом, по причине «формалистского уклона», был защищен лишь со второй попытки в 1972 г.

Далее продолжилось накопление информации и идей в виде смены видов деятельности: учитель русского языка и литературы в сельской восьмилетней школе, рабочий-бетонщик, шабашник на Кольском полуострове, вальщик леса и землекоп, младший научный сотрудник Государственного музея истории религии и атеизма, столяр, снабженец и заместитель директора по административно-хозяйственной части, корреспондент многотиражки обувного объединения «Скороход», перегонщик скота из Монголии в Бийск по Алтайским горам. Осенью 1976 г., вернувшись в Ленинград, М. Веллер окупился в литературную работу, но написанные рассказы отклонялись всеми редакциями. Так продолжалось несколько лет, когда творческие порывы перемежались романтически-коммерческими приключениями с посещением Коми АССР, Таймыра, Кавказа и Крыма, службой в армии и попытками опубликовать хоть что-нибудь.

Осенью 1979 г. в попытке издать сборник рассказов в местном издательстве Веллер переехал в Эстонию, работал в республиканской газете «Молодежь Эстонии». Но первая книга рассказов «Хочу быть дворником», сразу привлекая внимание читателей и критиков, была издана в Таллине только через четыре года — в 1983 г. Дальше — снова издательский «застой» и работа в стол. Но с началом перестройки — неуклонный творческий и коммерческий успех, безусловная читательская популярность и превращение в «писательского авторитета».

В 1988 г. Веллера приняли в Союз писателей СССР и вышла вторая книга рассказов «Разбиватель сердец». Затем его книги начали издаваться и переиздаваться практически каждый год многотысячными тиражами. Из самых заметных следует назвать «Легенды Невского проспекта», «Самовар», а роман «Гонец из Пизы» (2000 г.) выдержал за год 11 изданий. В актив писателя можно отнести создание и редакторство первого в СССР еврейского журнала «Иерихон», проба выпуска которого состоялась в 1990 г., чтение лекций по русской прозе в Италии, Дании и Израиле, встречи с благодарными читателями в Германии, Голландии, США. Сегодня самый издаваемый «некоммерческий» писатель России делит себя между Москвой, Таллином и всем остальным Миром (по материалам российской прессы).

ШУЛЬМАН Михаил Иосифович (р. 1923)

Известный педагог и писатель, член Союза писателей Беларуси, практически вся жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Могилевом.

Окончил филологический факультет Могилевского пединститута в 1949 г. Работал монтажником, контрольным мастером, заведующим учебной частью Дома пионеров, преподавателем культпросветучилища, преподавал в школе в 1950—1979 гг. В 1967 г. был принят в члены Союза писателей СССР.

Печатался как прозаик с 1960 г. в журнале «Нёман». Автор книг прозы (под псевдонимом М. Шумов): «Жизнь зовет» (Минск, 1962); «Печеные яблоки» (Минск, 1963); «Придет и твое время» (Минск, 1980); «Хроника улицы Грушевой» (Минск, 1982); «Аккорды давних тревог» (Минск, 1983); «Вечный шах» (Минск, 1988); «Девять дней в неделю» (Минск, 1992).

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями.

К воспоминаниям, эссе, рассказам **Михаила Иосифовича Шульмана** мы обращались уже неоднократно на протяжении этой и предыдущей книг. Впереди еще несколько фрагментов. Здесь же мы лишь приведем краткий рассказ Михаила Иосифовича о своей семье и о себе.

«Родился в Могилеве 17 октября 1923 г. Отец, **Иосиф Наумович Шульман**, 1895 г.р., — бухгалтер. Мама, **Рахиль Моисеевна Тыктина**, — библиотекарь. Оба происходили из среды ремесленников. Дед по отцу, **Нохем**, переплетчик-оклейщик, дед по матери, **Нахман**, маляр, умер, когда матери было полтора года. Они с братом **Вульфом (Велвл)**, двумя годами старше ее, рос-

ли у дальней родственницы **Хай-Фейги**, которая держала лавку скобяных товаров на Шкловском базаре (ныне Комсомольский сквер), а их мать, моя бабушка **Итка**, работала продавцом в той же лавке. Я так и запомнил бабушку Итку: в киоске, увешанном и заставленном сковородками, кочергами, кухонными плитами, ухватами. Старики были религиозны, мои родители — нет.

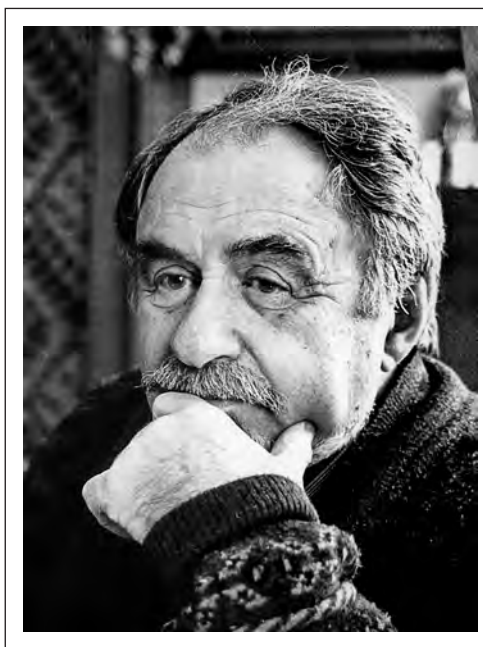
У меня был единственный брат **Арон (Аркадий)**, 1926 г.р., профессиональный строитель. Он окончил военно-дорожное училище, строил военные дороги, а после демобилизации работал строителем в Могилеве. На пенсию ушел с должности начальника строительного управления № 179. Умер в Нью-Йорке в 1993 г.

К началу войны я успел окончить аэроклуб и первый курс литературного факультета Могилевского пединститута. На третий день войны добровольцем вступил в народное ополчение, участвовал в обороне города. Как только немцы заняли город, ушел из города в надежде где-нибудь догнать отступающие советские войска и пересечь линию фронта. Два месяца пришлось бродяжить по оккупированной территории, лишь в конце октября 1941 г. удалось перейти линию фронта. Потом воевал рядовым солдатом, в декабре был ранен и по излечении направлен в воздушно-десантные войска. В августе 1943 г. был ранен вторично и демобилизован по инвалидности. Вернулся в родной город в 1945 г., а в 1949 г. экстерном окончил литературный факультет пединститута и 30 лет до выхода на пенсию в 1978 г. преподавал русский и белорусский языки и литературу в школах Могилева. Выбор профессии во многом был определен тем, что я буквально вырос среди книг: дед был переплетчиком, у него в работе всегда были интереснейшие книги, а мать заведовала библиотекой, и в детстве я многие часы проводил в книгохранилище, разумеется, в ненастные дни.

Одновременно стал писать. Печататься начал довольно поздно: первая повесть «Жизнь зовет» была опубликована в журнале «Нёман» в 1960 г. (первое название «За каменной стеной» в журнале посчитали недостаточно оптимистичным. По той же причине изменили концовку повести).

Тогда же предложили взять псевдоним. Мол, фамилия Шульман не очень «звучная». Не долго думая, стал **Шумовым**. Вроде, похоже на Шульмана, но не колет глаза борцам за чистоту расы.

Написал 10 книг, много статей, очерков и рецензий в периодике, наиболее значительные: «Печеные яблоки», «Придет и твое время», «Хроника улицы Грушевой», «Вечный шах», «Аккорды давних тревог», «Девять дней в неделю». В 1967 г. был принят в Союз писателей СССР. Принадлежность к этой организации в то время свидетельствовала о том, что писатель состоялся, его признали не только коллеги, но, чего греха таить, утвердила в этом звании власть.

Михаил Иосифович Шульман

Для учителя был лишь один путь роста — в администраторы, т. е. завучи или директора школ. Для такого роста обязательно нужно было иметь партбилет. Я никогда членом партии не был и никогда не стремился к административной работе.

В начале 90-х гг. публиковался не часто, но много работал в архивах.

Одна из тем, которую исследовал, по которой собирал материалы вместе с английским историком **Джеком Леннардом**, — Катастрофа евреев Белоруссии. В то время только первые робкие голоса историков и журналистов из бывшего Советского Союза начинали говорить об этом. Фактически я был первым публичным исследователем, который видел, читал, работал с документами, хранившимися в архиве Могилевского Комитета государственной безопасности.

Три года я руководил местной еврейской общиной, пытался воевать с властями за возвращение синагог, конфискованных коммунистами еще до войны, был делегатом двух всесоюзных съездов ВААД, насмотрелся междоусобной грызни за портфели и хлебные места у большой еврейской кормушки, понял, наконец, что порядочному человеку надлежит держаться подальше от всяких политиканов.

Впрочем, обдумывая отъезд, я понимал, что на писателе, который подписывался псевдонимом **М. Шумов**, время поставило жирный крест. Как это у Есенина: «Моя поэзия здесь больше не нужна, да и, пожалуй, сам я здесь не нужен». Прямо в десятку. Писатель М. Шумов умер на родине, в Беларуси. Покойнику уезжать нетрудно, много ли

ему надо: рюмка водки, да и то не каждый день, чего ни то пожевать беззубыми деснами да прикрыть срам. Придется немного подразорить старого союзника — Америку, коль у своей страны не выслужил ни фи́га ни за военную инвалидность, ни за 30 лет учительской каторжной работы. Но, пожалуй, много задолжать доброму дяде Сэму не успею...

В Нью-Йорке живу с 1994 г. Здесь в различных русскоязычных газетах и журналах печатались статьи, очерки, рассказы. В еженедельнике «Интересная газета» был напечатан детективный роман «На крышке гроба багажника нет».

***

«В 1972 году журнал «Нёман» (№ 4) публикует рассказ Михаила Шульмана «Подкова» (чтобы не путать читателей, я заменяю псевдоним, которым подписан рассказ, на подлинную фамилию писателя). В рассказе нет антисоветчины, диссидентства, никто не ругает власть или коммунистическую партию. Но времена какие стояли! На смену оттепели пришли брежневско-сусловские заморозки. Они коснулись всех сторон жизни. Воскрес сталинский дух. Антисемитизм стал правилом хорошего тона для каждой редакции. Пышным цветом расцвели «бегуны», «всеевы» и прочие разоблачители сионизма. Крамольным стало само слово «еврей». И вдруг рассказ «Подкова». О том, как два старых еврея приехали в местечко Круглое. Бродят по улицам. Вспоминают, где стояла синагога Цукермана, где был хедер. Находят последнего еврея в местечке Ицика Шавехмана и вспоминают с ним молодость, старых знакомых, печника Файва, которого прозвали «Гот-Кайн-Фарибл-Ныт», что в переводе с идиша означает «Не держи на меня обиду».

Он очень любил торговаться с хозяевами, этот Файва. Это для него было самое большое удовольствие! Спорят, кричат не меньше двух часов. А когда уже обо всем договорятся, Файве ставит последний гвоздь: «Гот кайн фарибл ныт, хозяин, работа наша — могоарычи ваши! К завтраку чекушка, к обеду чекушка, а к вечеру, само собой, половинка».

Когда спрашивают у Ицика: «Почему он, единственный еврей, остался в местечке? Да и в соседних местечках Головчине, Тетерине евреев после войны нет». Он, потомственный извозчик-балагола, проводивший всю жизнь при конях, отвечает:

«Пробовал жить я и в других местах, не прижился. Як тая подкова: раз предназначена для копыта — там ей и быть. Пакуль не отвалится. Что она без копыта? Ржавая железка. А на копыте — подкова!»

«Подкова» — патриотический рассказ. Автор показывает человека, который, как бы ни было ему горько, живет там, где родился. Местечко Круг-

лое — его родина. Он не помышляет об отъезде, а в 1972 году уже набирала силу волна еврейского отъезда.

Михаил Шульман в своей искренности и наивности (он-то, воспитанный на русской классике, всю жизнь думал, что литература может быть только искренней, а никак не конъюнктурной), опередил время на двадцать лет. Толпа не любит, когда кто-то вырывается из ее серой массы. А уж тем более, не терпит, когда в отрыв уходят чужеродцы.

В Круглянском райкоме Компартии прочитали рассказ и возмутились. А может быть, из обкома или даже ЦК им дали приказ возмутиться. В советском журнале напечатаны слова «синагога», «хедер». Причем не в ругательном контексте, а в ностальгическом. Писатель идеализирует прошлое, его произведение пропитано националистическими настроениями.

А про сегодняшнее местечко, извините, районный центр, строящий со всей страной развитой социализм, написано: «Круглое оказалось обыкновенным деревянным райцентром, в меру пыльным и грязным, в меру зеленым. Ей-богу, можно было остановиться и на полдороги в Бельничках и увидеть то же самое».

По указанию Круглянского райкома полетело письмо в ЦК. Его подписал учитель с многолетним стажем. Все было выверено: учитель осуждает учителя. Из ЦК КПБ письмо передали в редакцию журнала «Нёман» с указанием: «Организовать ответ автора возмущенной общественности». Мол, так-то и так-то, каюсь, меня не так поняли. И в таком духе дальше. Письмо из редакции переслали Михаилу Шульману, а он в ответ написал главному редактору А. Макаенку, что объясняться с антисемитами не намерен, если редакция журнала считает нужным, пускай сама пишет ответ. Такой дерзости допустить не могли. Было приказано организовать фельетон (Михаил Шульман называет этот жанр «клеветон») в «Советской Белоруссии». И в июле того же 1972 года в газете, кстати, органе ЦК Компартии Белоруссии, выходит статья под названием «Ржавая подковка».

— После разборок с «Подковой» вы стали осторожнее? — спросил я Михаила Иосифовича.

— Я достаточно хорошо знал, от чего они будут кривить нос, но стерпят, и чего ни за что не пропустят. Внутренний цензор сидел в печенках каждого советского писателя. И как только его удавалось приструнить, в дело вступал цензор внешний — грозный и могущественный Главлит. В Нью-Йорке пришлось изрядно потрудиться, вытаптывая в своей душе «внутреннего цензора» — он же, сволочь, сидел там подобно раку» (**Шульман Аркадий**. Скамейка на берегу океана // Мишпоха. — № 19).

ШУЛЬМАН Владимир Михайлович
(Шуля-Табиб)
 (р. 1951)

Родился в Могилеве в 1951 г. Сын писателя **Михаила Шульмана**. Окончил математический класс школы № 1 в 1968 г. В 1975 г. окончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Служил в Узбекистане в ВДВ, потом в Афганистане в десантно-штурмовой бригаде (1980—1982). После Афганистана служил в Белоруссии — в Пинске и Полоцке, здесь же работал на скорой помощи. Участвовал в ликвидации последствий аварии в Чернобыле. В США уехал в 1994 г. 11 лет работал шофером. В настоящее время живет в Бруклине, работает переводчиком в большой американской компании по обслуживанию стариков и инвалидов на дому.

Начал писать уже в США. Печатается под псевдонимом **Шуля-Табиб**. «Шуля» — школьное прозвище Владимира, а «табиб» навеяно восточными мотивами и первой специальностью — на многих восточных языках означает «лекарь», «знахарь». Написал две повести: «Записки отставного медицин-майора» (1994), «Еврейское такси» (1996) и множество рассказов. Все напечатаны в журналах: «Неман» и «Мишпоха» (Беларусь), русскоязычных журналах Америки «Флорида» (Майами), «Терра Нова» (Сан-Франциско), «Чайка» (Балтимор), «Листья» (Техас), «Время и место»

Владимир Михайлович Шульман
(Шуля-Табиб)

(Нью-Йорк), «Наша Канада» (Торонто), «Вести» (Израиль). Большинство его рассказов пронизано военной, афганской тематикой. В 2001 г. награжден литературной премией журнала «Флорида».

«Я ни разу не видел Владимира, — пишет редактор журнала «Мишпоха» **Аркадий Шульман** в одной из аннотаций, — не разговаривал с ним. В журнале мы опубликовали его повесть «Еврейское такси». Думаю, это одно из лучших произведений, написанных в девяностые годы на русском языке вдалеке от России. Убежден, Владимир — человек острый на язык, запоминающийся хлесткими словами. Недавно я выступал в Полоцке, где перед отъездом в США Владимир работал врачом на скорой помощи. Прошло больше десяти лет, а люди цитировали его слова, ставшие афоризмами».

Вот как Владимир пишет о себе в автобиографии: «Еврей, но родным языком считаю русский, родная культура — русская. Не принадлежу к какой-либо религиозной конфессии, хотя и верю в существование высшего разума, или высшей силы, если угодно. Можно это назвать Богом. Не верю в милосердие этого разума, а также в посредников, то есть священнослужителей».

КАЗАНОВ (Лапицкий)
Борис Михайлович
 (р. 1938)

Родился в 1938 г. в местечке Рясно Горецкого района Могилевской области (сейчас Дрибинский район) в семье музыканта. В годы Великой Отечественной войны на Урале мать отдала его в возрасте 2,5 лет в детский приют. Здесь его через несколько лет отыскали в детском доме дед с бабушкой. В 1946 г. вместе они вернулись в Рясно, где оказались единственными евреями, которые уцелели во время войны.

***

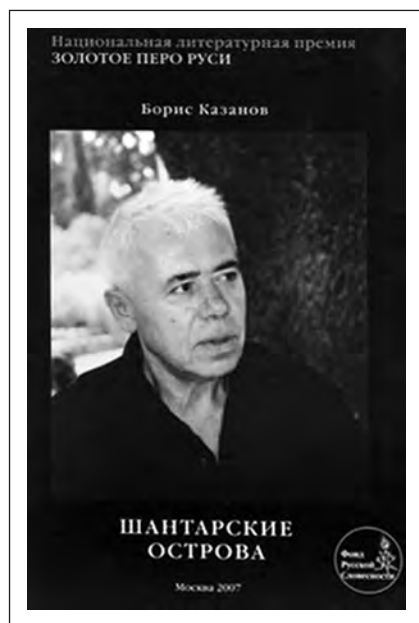
«Мы жили в ужасающей нищете, среди населения, развращенного войной и ненавистью к евреям, даже мертвым, расстрелянным в Лисичьем рву. Мальчишки, с которыми я учился в школе, дети бывших полицаяв или родившиеся от оккупантов, разбивали камнями окна в нашем доме.

В этом доме с разбитыми стеклами я написал свое первое стихотворение «Весна». Выведенное большими детскими буквами на листке из школьной тетради, оно было опубликовано в Москве, в «Учительской газете».

Этот успех словно явился с другой планеты.

Я почувствовал, что у меня есть оружие, чтобы противостоять судьбе, какой бы тяжелой она ко мне ни была» (из автобиографии).

***

Обложка книги **Бориса Казанова** (Борис Михайлович Лапицкий) «Шантарские острова»

С 1957 по 1962 г. учился на филологическом факультете Могилевского педагогического института.

***

«Поначалу было нелегко жить на крошечную стипендию. Ведь некому было мне помочь. Потом я освоился и начал зарабатывать: публиковал статьи и рассказы в местной газете, подрабатывал во время каникул спасателем на лодочной станции, инструктором по физкультуре в детских лагерях отдыха.

Борис Лапицкий с дедом и бабкой. Рясно.
Фото из семейного архива Казанова Б.

Несколько раз уезжал со студенческими отрядами в Казахстан на уборку урожая. Тогда по инициативе Хрущева в тех краях осваивали нетронутые целинные земли.

Можно еще упомянуть про золотую медаль. Завоевал ее, победив на студенческих соревнованиях по боксу в Ленинграде.

Счастливые, в общем, были годы, хотя не оставили никакого следа на бумаге. Наверное, были отодвинуты грядущими более сильными впечатлениями.

И все же это были не потерянные годы. Они избавили меня от многих комплексов Рясны. Бокс приучил к риску, бесстрашию, я стал самоуверенным, — даже, пожалуй, чересчур» (из автобиографии).

***

В 1964 г. переехал в Минск. Работал специальным корреспондентом газеты «Літаратура і мастацтва», корреспондентом Белорусского радио (1964—1966), старшим редактором на Белорусском телевидении (1968—1971).

***

«Я мечтал о красивых книгах, которые напишу.

Когда укачивает на гребнях повседневных удач, то их дары легко принять за истинные. Слава Богу, со мной этого не случилось. Внезапно я прозрел: после того, что пережил в Рясне, никогда не смогу состояться здесь как писатель.

Благополучная, обеспеченная жизнь кончилась в один день, когда я по своей воле написал заявление об уходе. Во мне проснулась жажда завоевания нового пространства» (из автобиографии).

***

В промежутках между журналистской деятельностью неоднократно плавал на зверобойных, рыболовных, водолазных и научных судах (в 1962—1964, 1966—1968, 1971 гг.). Став профессиональным моряком, участвовал в географических экспедициях в Беринговом и Охотском морях, в подъеме затонувших судов в Арктике. С 1982 г. плавал на судах Тихоокеанского управления промысловой разведки и научно-исследовательского флота.

Начал публиковаться с 1962 г. Член Союза писателей СССР с 1987 г., сейчас член Союзов писателей России и Беларуси. Выбрав морскую стихию, он во многом стал первооткрывателем новых тем и сюжетов в русской литературе, создателем ярких книг — сборника рассказов «Осень на Шантарских островах» (1972) и романа «Польнья»

(1984) (оба изданы в Москве в издательстве «Советский писатель»). В условиях жесточайшей цензуры выход этих книг, где нет даже упоминания о советской власти, до сих пор кажется необъяснимым. По поводу сборника «Осень на Шантарских островах» Василь Быков в письме к автору написал так: «Рассказы великолепны, как великолепен Ваш талант, в котором есть немало от двух великих — Бабеля и Хэма, что, разумеется, делает Вам честь», «Все рассказы в сборнике подобраны удивительно равные, нет ни одного слабого или слабее других. Часто при чтении даже возникала мысль: как это напечатали? То есть это настолько хорошо, что совсем не по времени».

По сценариям писателя снято 12 документальных и телевизионных фильмов. Один из них — «Охота со старой собакой» — получил приз «Серебряный олень» на Международном кинофестивале в Венеции в 1968 г. Второй — «Притяжение воды» — стал лауреатом Международного фестиваля «Человек и море» в Юрмале в 1985 г.

Казанов — автор двух художественных фильмов, снятых на киностудии Беларусьфильм: телефильма «Призывник» (1987) и «Польньня» (1990) по одноименному роману.

В 1995 г. переехал в Израиль. Живет в Кацрине.

***

«Все сделала, можно сказать, заметка молодой писательницы-репатриантки под названием «В Израиле хорошо пишется!». Почему-то в эти ее слова я сразу и бесповоротно поверил.

Всегда сопутствующая мне удача и здесь меня не подвела, хотя я перенес тяжелую болезнь с двумя сложнейшими операциями.

Я обязан Израилю не только жизнью, но и своими новыми книгами» (из автобиографии).

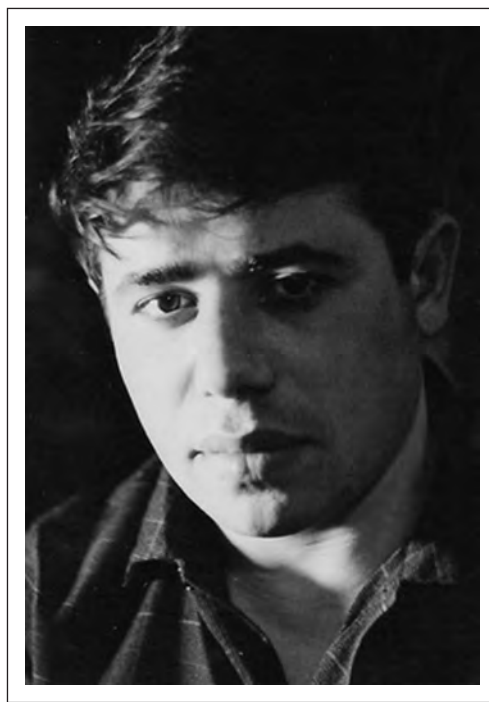
***

В 2006 г. за рассказ «Москальво» в номинации «проза» Борису Казанову присуждена национальная литературная премия «Золотое перо Руси».

***

В 2007 г. издан автобиографический «Роман о себе», в котором много места уделено родным местам — Рясно и Могилеву, рассказам о друзьях и коллегах, с которыми Борис Казанов свела жизнь: поэте **Игоре Шклярском**, художнике **Борисе Заборове** и других. Учредитель и член жюри «Золотого пера Руси» Светлана Савицкая написала о «Романе о себе»: «Читая, боишься остаться без кожи...» (газета «Молодежь Московии»).

Вот еще цитаты из нескольких рецензий: «...Получилась у Казанова большая документальная кинолента о паскудной жизни — «Роман о себе». Насколько я смог понять, роман без вранья. Потому что при всей безжалостности к любому эпизодическому персонажу наиболее жесток

Борис Лапицкий. Могилев.
Фото из семейного архива Казанова Б.

автор к собственной персоне. ...Этот роман — он для искушенного читателя. Для читателя настоящего, остальные могут не беспокоиться» (М. Пундик «Маргиналы из Миквы»), «Роман потому и ошеломляет, что он страстен, нетерпелив. То есть подлинность и крепость этой прозы, сногшибательное ее воздействие, оттого и процежена сквозь холодное сито ремесла — это горячая память и горячая жизнь. Она не может не обжечь, если только читатель не мертв. «Роман о себе» — живая проза для живых» (Лобычев Александр. На краю русской речи. — Владивосток: Рубеж, 2007).

Приведенные ниже несколько отрывков, несколько искусственно вырванных из контекста «Романа о себе», конечно, не дадут исчерпывающего представления о творчестве Бориса Казанова. Однако мы решились привести их здесь, даже слегка изменив «порядок» публикации, поскольку посчитали, что они очень органично впишутся в контекст нашей книги по тематике и географии, дадут некоторое представление читателю о родном Казанову местечке Рясно, его самоощущениях тогда и сейчас, о друзьях его могилевского периода.

***

...Став после развала СССР белорусским писателем, так ничего и не написал о Белоруссии? И какая там потеря, что скитаясь в морях, молодой, полный сил, привозя с каждого плавания

Борис Лапицкий. Могилев.
Фото из семейного архива Казанова Б.

замыслы новых и новых книг, греза их в обложках, в переплетках, я десятой доли не осуществил из того, что имел, все потратил здесь, погубил, ничего не скопил, кроме этих ушедших, истаявших в морской дали [...] моих загубленных книг!..

[...]

Уж если задал себе вопрос, то надо на него ответить! Отчего я, бывая в море наездами, возвращаясь, порой создавал вдохновенные рассказы, а о тех, среди которых рос, с кем породнился, отделился ерундой? Влюбляешься в далекое, малоизвестное, о чем пишешь настоящее, а о своем, знакомом и близком, ничего не создаешь. Нет ли в этом деформации взгляда, сродни дальновзоркости? Или дело совсем в ином?..

[...]

Сыграло еще то, что среди зверобоев, в чью среду попал, я был принят не как обычный моряк, понадобившийся на минуту, а как товарищ, как брат, оказавшийся к тому же писателем, способным выводить философию на мелком месте, которая, оказывается, и в их жизни есть! Я испытал катарсис, содрал с себя Рясну, как коросту, вернулся к тому, каким и должен быть. В комнате, за столом, я был окружен своими людьми и сроднился с ними новой близостью.

[...]

...и если сейчас к себе пристану, как с ножом к горлу: давай-ка, выложи, что знаешь! — неужто не наскребу хоть какую малость о родном крае?

Есть место и есть имя: Рясна.

[...]

Что я мог увидеть? Что в ней такое есть, чтоб было интересно? Еврейское кладбище, где

лежит мой дед Гилька под камнем с ивритскими письменами? Камня давно нет, всеми камнями замостили эту дорогу за рекой Проней. Уже возник над краем подъема, начал выходить, как в белом саване, костел; я помнил его разбитым, со сквозными дырами от снарядов. [...] А теперь в нем играл по воскресеньям орган, но что для меня изменилось? Базар, дорога еще одна, поперек этой, повисшая коромыслом, знакомая до боли... Какая она короткая, эта дорога, а казалась бесконечной, широкой, как Екатерининский шлях! На одном конце коромысла — школа, спиртзавод с трубой, и дальше станция Темный Лес. На втором... Где эта улица, где этот дом? Как углядишь на пустом месте? Все перерезал Лисичий ров... Криница, болото с растопленным льдом, вздувшимся среди ольх, с воздушными пузырями, которые двигались, когда наступаешь на лед.

Я здесь прославился как грубиян, — и даже в ту пору, когда был мальчишкой, измываться над собой не всякому позволял. Ну, а позже, когда приезжал погостить к бабке Шифре, тут влип в грандиозную драку...

[...]

Если б в Рясне я смирился, что никого не одолею, то в меня до сих пор бросали бы камнями. А если б выходил на ринг, не смея победить? Чагулов удалил бы меня из зала после первого боя: Почему же сейчас, когда взялся за перо, я должен вести себя иначе?

[...]

...я спрашиваю себя, разыскивая тропинку в падающем снегу: о чем рассказал, пометив словом «Рясна»? Что вышло бы, скажем, из такого рассказа, если б перенес на бумагу, написал, постаравшись, как вещичку в жанр прозы? [...]

Ведь я не тяготею к ассоциациям, к рефлексорному созерцанию, к этой тянучке с пережевыванием каждой строки, выдавливаемой, как паста, и растягиваемой в словесную версту. Я б не сочинил и абзаца в стиле Марселя Пруста, выстраивавшего высоты из лощеного джентльмена Свана, думая, что находится лишь «в направлении» к нему. Если это и стихия, Рясна, то я показал: все, что возникает с ее позволения — любая мысль, взгляд, чувство, — все держится на бесплодной почве. Рясна — исток и гибель всего во мне. Направление к ней может привести только к одному — к Лисичьему рву...

С чего начать? С нашего возвращения в Рясну, сразу после тяжелых боев, развернувшихся на Проне.

[...]

Стоит начать отсчет еще раньше, с сиротского приюта на Урале, в Миассе, где меня оставила брошенная отцом и никогда не встреченная Бэла. В приюте или детском доме приняла за сына другая Бэла. А до нее хотели усыновить татары (сейчас я был бы национальным классиком Татарстана и в ус не дул!), но вмешалась Бэла, я ее сын. Не помешало и то, что меня разыскали дед с бабушкой

и явился откуда-то Батя. А тут Бэла при мне, и мы все вместе приехали в Рясну, где остался наш дом.

[...]

Когда увидел одноглазого отца, бабушку Шифру, деда Гильку, он занимался тем, что выдавал в столовой ложки: идешь на обед — на тебе ложку! — я был раздосадован: зачем они мне? Или не хватало Бэлы? А теперь из-за них попал в капкан в Рясне!..

[...]

Там все готово к встрече: ворота вымазаны говном, выбиты стекла, на двери говном намазаны какие-то каббалистические знаки. Вечером сели ужинать, разлетелось стекло, новое, только вставленное. Кто-то бросил с улицы камнем в окно. Батя выскочил, но что он увидит с одним глазом в темноте? Сказал: какой-то мальчишка. Дед начал молиться, Бэла оделась и ушла. Везде окна, негде спрятаться, боязно зажечь свет. Залез на печку, бил озноб, хоть спину пекло... Зачем сюда привезли, сказав, что здесь мой дом? Нас обманули с Бэлой... Если мальчишки бросают камни в окна, то, как с ними буду учиться? Ничего не мог понять...

[...]

Теперь-то я понимаю этих мальчишек, таскавших с родителями окровавленную одежду расстрелянных в Лисичьем рву... В самом деле! Всех поубивали, ни единого нету, а тут — на тебе! — с того света объявились, что ли, «тухлые жиды»? Оporочивались не только мы, а все, что нас окружало: одежда, утварь, гусиное крыло, которым бабка подметала под печи; птица Галка — что садилась на крышу нашего дома, дерево Калкалуха — что росло под окном. Все, что выменял или украл, как только становилось твоим, приобретало неистребимый запах тления, смрад соплеменников, гниющих в Лисичьем рву, за невинную гибель которых никто из нас не имел права роптать, а мог лишь нести повинность, что живешь, спишь в хате, а должен бы, неся все приметы убитых, лежать в единственном принадлежащем тебе месте — вон там, за сосонником, на песке, где, начинаясь со сросшегося извива, постепенно разворачивалось, раскрываясь во всю длину, непомерное вместилище земного чрева, — туда земля-мать готова тебя принять.

[...]

Или я не наслушался в Рясне о таких вот стариках, не верящих, что их придут убивать без всякой вины? «За что, что мы сделали?»... Уже вовсю, закатав рукава, трудилась зондеркоманда, переходя не спеша, в немецком режиме, от дома к дому, а они все сидели и не верили, пока не распахивалась дверь, не входил переодетый сосед с повязкой, в черной форме: «Жиды, собирайтесь!» — «Куда?» — «На тот свет», — и собирались со всеми пожитками.

[...]

Мне было лет 12, когда я опять удрал от Бати, не выдержав измывательств Матки. [...] Дождался: подвода... [...]

Поехали с возчиком дальше. Тот сказал, пряча лопату: «Ты, паренек, обижайся, а я скажу так: ни одного я б не оставил из вас живых. Варварски ненавижу я вашу нацию».

Что ж, это был прямодушный враг, даже неопасный из-за своей открытости. Мне же потом пришлось видеть других, матерых мастеровых с благородными сединами, ласково-притворных и сладковато-приторных, по шерсти которых гулял ветерок «оттепели». Как распознать матросу, только сошедшему с борта зверобойной шхуны, казалось, повидавшему людей во всей их нагоде, за «сардэчной» улыбкой и «шчырым» рукопожатием личину не оборотня даже, а дипломированного погромщика, который ведет тебя, обняв, подводит уже — туда же, к обрыву Лисичьего рва?..

[...]

В Рясне я заразился от мальчишек примитивным антисемитизмом.

Особенно пострадал от меня дед, неумека, вызывавший смех у мальчишек: «Гилька, рыжий жид!» — и пуляли ему в спину камешками. Дед шел с базара, где взимал дань с возчиков, съезжавшихся по воскресным дням на базар. Он шел в залатанной поддевке, в бараньей шапке, светловолосый, с голубыми глазами, не в остальную

Борис Лапицкий с институтским товарищем в Любуже.

Фото из семейного архива Казанова Б.

мою родню. Дед и не смотрел в сторону озорников, среди которых и я стоял, — я не бросал! — он нес какие-то вести и хотел передать их бабке. Когда я приходил, дед Гилька в который раз принимался рассказывать, как кто-то из базарных начальников его похвалил или глянул особенно так. Выискивал из ничего, высасывал из пальца какие-то для себя поддержки. Все выглядело так, будто никакого глумления над ним не было. Я не мог понять, что то горькое унижение, что согнал с себя, никуда не делось, сосредоточилось на деде; оно кочевало по хате, тыкаясь слепой совой во все углы, — как хорошо, что дом сгорел!.. Любя деда, я вменял ему в вину, что он не мог быть таким, как у других: белорусским дедом Талашом, про которого читал у Якуба Коласа. Про деда Гильку Якуб Колас не захотел бы написать. Мне стыдно вспоминать, как я, одно время ездивший в Мстиславль к Бате, где он жил с Маткой (мачехой), заставлял деда Гильку, провожавшего на станцию, идти отдельно, словно он не дед мне, — пока не проходили Рясну. Дед Гилька не только внешне от нас отличался. Он, как я понимаю, был среди нас единственный еврей. Помню его моления, «Тору» в его руках. Не уверен, что он знал иврит; скорее, затвердил, наверное. Я даже отказывался из-за него есть. Ведь дед зарабатывал деньги не в поле, а своим жалким приставанием на базаре. Какое было счастье, когда я, заболев, потерял вкус к еде!

Вижу бабку Шифру, простаивавшую целый день под окнами больницы с завернутыми в тряпку драниками, картофельными оладьями. Я не принимал ее гостинцев, подозревая, что она их выпросила или уворовала у квартиранта. Даже эти драники в чугуне, стуженные со сметаной или куриной шкваркой, я не ел из подозрения. Я подозревал персонал больницы, сохранившийся от немцев, что они хотят меня умертвить. [...] Как я мог по-иному относиться к ряснянской больнице, где ослеп Батя, умерла Галя, единственная моя сестричка? А вот и я попался сам, неудачно покатавшись весной на Проне среди льдин, на выдолбленном конском бревне.

[...]

Наверное, много вздора было в моей голове, когда я умирал там, воспаленный ненавистью ко всем, подорвавшись на ненависти, как на mine. Но осталось навсегда убеждение, и оно отворачивало от Рясны: там я никак не смог бы уцелеть. Швырнули бы в ров, даже пожалев пули: «Кидай его так, нехай выползает!..»

[...]

Тогда в Рясне, когда бабка Шифра стояла перед окном больницы с завернутыми в тряпку драниками, я попросил ее принести селедки. Селедка вроде бы не считалась особым кушаньем в Рясне, но у нас дома ее никогда не было. Бабка Шифра принесла мне селедочный хвостик, который выклянчила у зажиточных евреев, появившихся после нас. То были не ряснянские евреи, с другим выговором и

ментальностью. Все они уехали в Израиль, я видел их на станции Темный Лес. Тех же, что померли, похоронили на еврейском кладбище в Могилеве. Бабке Шифре было суждено с ними лежать. Это все равно, что она лежала бы среди нивхов с Южного Сахалина. Только нивхом на этом кладбище выглядела как раз бабка Шифра. Я искал с сестрой Ленкой, где бабка лежит. Мы ходили среди черных обелисков, чугунных ограждений с медными наконечниками. Смеркалось, слышался треск и летели искры от горящего дерева. Кто-то поджег его, сухое, и оно неистово пылало. Помогло это горящее дерево. Отыскали маленький холмик с осевшей деревом. Отыскали маленький холмик с осевшей деревом, окоченевшей землей. Когда я нагнулся к деревянному памятничку с фотокарточкой под слюдой, оттуда, обьяв грудь, войдя иссушающим комом в сердце, глянула бабка Шифра. Она смотрела прямо на меня...

Не знаю еще человека, которого можно было наказывать больше, дав ему долгую жизнь! Не было ей радости ни от кого. Батя ее не любил, считал повинной в том, что потерял глаз. Родив сына богомольному деду Гильке, бабка Шифра как-то перетерпела с ним остальную жизнь. Я их застал не в старом возрасте, но даже не уловил намека на супружескую связь. Бабка Шифра была пообразованней деда Гильки. Окончила несколько классов гимназии, писала пространные письма, превосходя в грамотности и Батю, для которого грамматика была черная дыра. Бабка Шифра рассказывала мне, что за ней ухаживал стражник. Деда Гильку она готова была полюбить, пленясь его нееврейским обликом, медалью за империалистическую войну.

[...]

Выросшая среди белорусов, зная их язык, бабка Шифра не имела никакой милости от Рясны. Ведь такую было проще ненавидеть. Униженные бедностью, они, дед Гилька и бабка Шифра, были полностью беззащитны. Можно безнаказанно разбивать стекла, мазать говном ворота, а не заискивать, как перед зажиточными евреями, тая камень за пазухой. Все же достоинство, гордость, запертые в бабке Шифре, не ушли с ней в могилу. Мало кто, оказавшись в глубокой старости среди недобрых людей и полностью от них завися, сумел бы показать такого могучего бойца, как бабка Шифра. Я не пошел ее хоронить в той кучке людей, которых она ненавидела. Приехал, спрятался за стеной дома, где умерла бабка Шифра, а потом вошел посреди поминок, как из Минска. Лишь спустя год или два, появившись в Могилеве, я решил навестить ее.

[...]

Не могу, нет сил передать ее любовь к внуку. Я был для нее и внук, и сын. Немало хлопот причинил я ей в Рясне. И если прицепиться к той селедке, то я, выздоровев и прознав, каким образом бабка раздобыла селедочный хвостик, побежал к речке топиться. Бабка бежала за мной, причитая: «Ратуйте яго!» — и я покинул ее навсегда.

[...]

Могилев, ДСО «Спартак», где установлен ринг, и я, герой бокса, готовлюсь сокрушить своих бедных противников. **Шкляра** пришел за меня болеть с двумя девушками. Не могу его встретить, я весь в поисках тренера **Чагулова**. Мне нужен тренер, так как соперника я не знаю. Нужен секундант в углу ринга, умный советчик и наблюдатель. Тренер, как уже с ним бывало, поддавшись своей ностальгии, бродит где-то неприкаянный. В таком состоянии он исчезал, сняв, по обыкновению, с вешалки женское пальто. Женское пальто успокаивало Чагулова, приглушало тоску по жене. Поносив пальто, он возвращался с букетом цветов. Это был благороднейший человек, Дон Кихот Ламанчский, страдавший еще оттого, что его подопечные, усвоив приемы бокса, становились бандитами. Со мной тренер еще связывал некоторые надежды, не догадываясь, что и я его скоро оставлю.

Я легко обыграл тогда **Лазю Фельдмана**, героя Бобруйска. Не послал в нокаут, хотя зал ревел, требуя, чтоб унизил слабого бойца. После боя девушки Шкляры, которым он уже прискучил своей гениальностью, повели между собой бой из-за меня. Им пришлось поплатиться за свое пренебрежение к поэту. Мы остались вдвоем, и я, счастливый, омытый в душе, мог воспринять стихи Шкляры с их дерзкой романтичностью: «Юноши дуют в спортивные трубы, кружится мусор веселого дня. Флейта поет, и в разбитые губы рыжая Майя целует меня...»

Мы шли, Шкляра читал, забывая про окружение, как все поэты. Впереди нас прогуливался, наставив ухо, Бенъямин, Бен — напوماженный бриолином, в брюках «дудочках» могилевский пиджон. Можно подумать, что он гуляет, а не развозит хлеб по магазинам. Лошадь знала дорогу, катила себе фургон, а Бен, прохаживаясь по тротуару, делал вид, что не имеет к ней отношения. Его интересовало: чего это я иду со Шклярой? Стихи Шкляры он наверняка воспринимал, как какой-то жаргон... Может, мы хотим кого ограбить и сговариваемся так?.. Бен надоел мне, я шуганул коня; пришлось и ему удалиться.

В какой-то мере Бен передавал отношение к Шкляре в Могилеве. В родном городе трудно заявить о себе чем-то высоким. Никто не поверит, что человек, который ходит по тем же улицам, одаренный поэт, восхищающий столицы. [...]

Я не сразу разгадал суть намерения Шкляры, когда он представил меня в тот день своим друзьям возле кинотеатра «Родина», готовившимся поставить автографы на переплете новой эпохи...

Кто там был? **Вадик Небышинец**, студент Московского университета, меломан, англoman, выглядевший, как лондонский денди, щеголь иного порядка, чем Бен. [...] Видел Вадика раза три и в трех стадиях: вот он молодой, вот немолодой, а вот пожилой совсем... В третьей своей стадии Небышинец, старый и беззубый, вдруг бросился меня

обнимать. Оказалось, его сразило, как молодо я выгляжу. Не разглядел во мне Дориана Грея! — и облобызал такого же старца, как сам... Второй, **Валерий Раевский**, имел среди них сомнительное прозвище: «Петруша», олицетворявшее дурака. Петруша как раз и превзошел все ожидания, став главным режиссером национального театра Янки Купалы. Он имел еще один талант: был великолепным грибником. Не пропущу еще одного человека, стоявшего возле «Родины», хоть он и не принадлежал этой компании, — **Изя Котляров**, поэт, любимец минского критика **Березкина**. Потный, всегда в творческих муках, заливающийся румянцем, в колечках смоляных волос, похожий на Марка Шагала. [...] Ну и тот, перед которым склоняется и Шкляра, — всегда находившийся как бы в центре обведенного циркулем круга; светловолосый, насмешливый, в очках, типичный русский интеллигент по фамилии **Иоффе: Толик Йофа**, который собирался, по словам Шкляры, сорвать лавры с самого Феллини. Переняв от еврея-отца искусство портного, Йофа, выменяв как-то у Петруши понравившийся пиджак, готовился уже превзойти Диора. Опомнясь, Петруша прибежал клянчить пиджак обратно. Йофа презрительно швырнул лоскутья: забирай. Этот распоротый, раскрытый по модели Йофы пиджак не могло сложить Петруше ни одно пошивочное ателье.

Все эти ребята, продвигаясь по отдельности, не делали, как я, из Шкляры кумира. Никак я не мог стать противовесом такому, как Толик Йофа, хотя он как раз отнесся ко мне заинтересованно и тепло. Да и до Вадика и Петруши мне было далеко. Мог предложить Шкляре только свою дружбу. Уже занимавшийся сочинительством, ища после Рясны способ противостоять миру, я увидел в Шкляре бесценного друга, у которого многое можно перенять. Недолгое время после института, пока не укатил на Дальний Восток, жил в одной комнате со Шклярой в Минске.

[...]

Тоня, подавая руку, сказала глухо, покраснев: «Боря, я благодарна тебе за Могилев. Ты выгнали меня из плохой компании».

Несколько лет я не мог объяснить, что она имела в виду. Ведь я впервые видел Тоню и не знал ее компании. Объяснились ее слова, когда меня свел случай с одним могилевским знакомым в Хабаровске. Этого знакомого я видел, прогуливаясь со Шклярой по городу, перед тем, как мы пошли на литературный вечер к Кире Михайловне. Я вернулся на «Колхиде», Шкляра был один и обрадовался мне. Он признался, что влип в заварушку из-за одной девчонки. Нет **Леньки Южанина**, а вокруг него что-то затевается: «Давай погуляем, пусть увидят, что ты со мной». Мы прогулялись — ничего такого. Лишь из группы ребят, стоявших на тротуаре, мне кивнул один знакомый, тоже в прошлом боксер. Вот этот знакомый, заметив меня в Хабаровске из проезжавшего такси, придержал

водителя и вышел: длинное пальто, белое кашне, перстень на пальце, трость и цилиндр — законченный тип могилевского джентльмена. Теперь это был знаменитый картежник. Он имел колёные руки, натурал подушечки пальцев толченым кирпичом, чтоб они приобрели особую чувствительность при улавливании крапленых, наколотых иголками карт. Знакомый сказал, что уже не ездит в старинный город Могилев. Умерла мать, которой он так и не создал хорошую жизнь, имея большие деньги. Мать отказывалась брать, подозревая, чем сын занимается. Картежник всегда меня отличал в Могилеве. Даже в Хабаровске, торопясь на игру, вышел, чтоб дружески перекинуться словами. Только один раз я встречался с ним на ринге. Победил за явным преимуществом, воздержавшись от нокаутирующего удара.

Поговорив, протягивая на прощанье руку, знакомый сказал, что мой друг, теперь известный поэт **Игорь Шкляревский**, был проигран в карты, — в отместку за одну девушку, за которой увязался. Его бы не стало в тот вечер, когда он увидел Шкляру со мной. Спас его я, а, точнее, тот бой, где я повел себя благородно. Такие вещи надо понимать, а мой знакомый один из тех, кто помнит добро.

[...]

Поехал к Немиге, в квартал бывшего еврейского гетто. Там, в двухэтажном домике, охраняемом ОМОНОм и рекрутами из местной «алии», открылся курс по изучению иврита. [...] Писателей больше не было: медики, учителя, домохозяйки, простые рабочие. Трудно и определить, кто из них кто, поскольку всех уравнивало, помимо крови, общее понятийное выражение, свойственное евреям.

[...]

Там были и неевреи, связанные судьбой с евреями, чувствовавшие себя среди них так же неестественно, как я среди славян. На стенах висели портреты знаменитых евреев, в том числе и знакомых мне писателей-минчан. Увидев портреты Григория Березкина и Хаима Мальтинского, я был изумлен: отчего они сюда попали? В сущности, я был «выродком» в этой среде. Прожив полвека, совершенно не знал своего народа; стеснялся, когда шел сюда, оглядывался, как вор, при входе: вдруг кто-то заметит из знакомых? [...]

В таком понимании был воспитан я и мой отец, не знавший еврейских обычаев, всю жизнь проживший, как белорус. Отец не раз возмущался «жидами», из-за которых страдали «евреи». Но и он понимал, как нечетко это разделение, как легко попасть в «жиды». [...]

С каким отчаянием, вскипая слезами, читал я в Рясне «Вечера на хуторе близ Диканьки» Николая Васильевича Гоголя. Наша учительница, передавая текст, спотыкалась на слове «жид». Ученики весело негодовали, подсказывали ей. Дескать, нечего и стесняться, если Гоголь так говорит. Ряснянским мальчишкам одно слово «жид» объясняло, что евреев надо убивать (**Казанов Борис** «Роман о себе»).

САНДОМИРСКИЙ Наум Бенционович (р. 1942)

Белорусский журналист и писатель.

Родился в годы войны 20 декабря 1942 г. в селе Соколово Занального района Бийской области Алтайского края. В это время дедушка с мамой находились там в эвакуации, а отец, выпускник Московского еврейского театрального училища, любимый ученик Михоэлса, — на фронте. В результате ранения у отца были проблемы с голосом и после окончания войны он не вернулся в Одесский театр, а уехал с семьей на свою родину в Глуск. Здесь в 1949 г. Наум пошел в первый класс местечковой школы, которую окончил в 1959 г.

Не пройдя по конкурсу на факультет журналистики БГУ, два года, как это тогда было в ходу, работал для получения трудового стажа в одной строительной организации. Так и не поступив в университет, с 1961 по 1963 г. служил в армии в радиотехнических войсках. После комиссования (воспаление почек) окончил филологический факультет Могилевского пединститута. Работал учителем русского языка и литературы в сельской школе, а в 1968 г. перешел в редакцию Глуской районной газеты на должность сначала сотрудника, а затем заведующего отделом и заместителя редактора. С 1996 г. принял и редакторское кресло. Параллельно окончил двухгодичную школу журналистики и три курса факультета журналистики БГУ. В 1997 г. стал государственным стипендиатом в сфере культуры и искусства. Н.Б. Сандомирский — автор семи опубликованных книг, многих публикаций в центральных газетах и журналах.

Его книги «Люди, время, жизнь», «Местечко 2, или Ностальгическое соло на пишущей машинке», «Жизнь как анекдот», «Тональность соль минор» и другие в основном посвящены жизни и людям послевоенного Глуска, в прошлом еврейского местечка. Это признание в любви к родному городу, где прошла практически вся жизнь, и к его обитателям, к родным и близким. «Я не впускаю в свою жизнь плохих людей, вот и герои моих книг — люди хорошие», — говорит сам автор. А белорусские критики назвали его, может быть, и претенциозно, но вполне обоснованно, «Бабелем белорусской Одессы». Еврейская тема, тема еврейского местечка заняла основное место в творчестве писателя. Фактически, то, чем радуется автор в своих произведениях, это продукт его замечательной цепкой памяти и таланта. Того еврейского Глуска уже давно не существует в современном мире, но нам очень повезло, что есть Наум Сандомирский — летописец родного края, позволивший окунуться в уходящий мир, населенный его любимыми героями.

А теперь дадим слово самому автору, «порасуждавшему» о себе и своем творчестве специально для нашей книги.

**Попытка «Эссе»,
или Честное намерение ответить
на поставленные вопросы**

Когда ты молод, то очень легко дается стартовая фраза, связанная с временем рождения. Но когда твои паспортные данные значительно обогнали твое же биологическое самоощущение, то о возрасте говоришь уже не с такой щепящей готовностью.

И вообще, не очень люблю анкетный жанр на уровне «родился», «пошел», «учился», «окончил»... как будто только и делал, что резко переходил из одного возрастного состояния в другое, из одного эмоционального лада в другой.

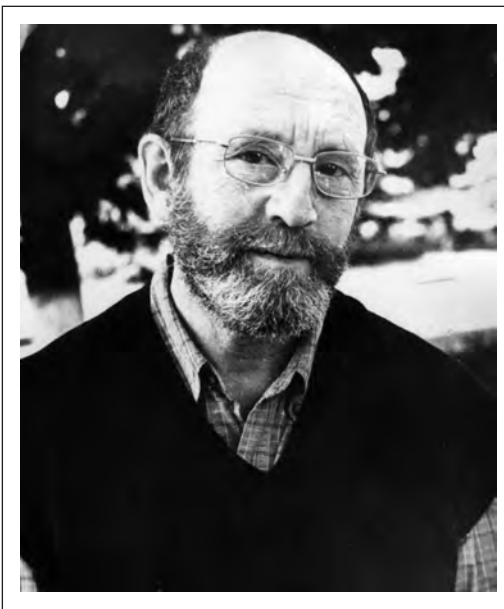
Между тем вся прелесть жизни в нюансах, «зазорах», в том, что между и на стыке. То, что англичане называют «персонал спейс» — личное пространство — может быть достаточно объемным и в 20, и в 50, и дальше — по курсу жизни.

Ведь, скажем, первую из семи своих книг, издал, когда пятьдесят было уже за плечами. Еще четыре написаны и, надеюсь, присовокупятся к уже существующим. У меня, как у всякого уважающего себя иудея, нет реальных поводов для особо теплых слов о сановном российском думце Пуришкевиче, ибо любовью по отношению к нам он не пылал. Но нужно быть объективным, отдав должное его уму и незаурядности. И разве это не он не без язвительности заметил, что каждый мало-мальски пишущий еврей — потенциальный русский писатель. Вот и думаю: кажется, сбывается?

А ведь все начиналось достаточно невинно. С желанием переиначивать сказки, нередко придавая им стихотворную форму. Или со школьной газеты, где доставалось всем нерадивым пионерам. Незаметно дорос до общегородского сатирического окна под колючим названием «Шприц». Здесь уже «вкальвал» пьяницам, тунеядцам, прогульщикам, расхитителям государственного добра. Пионерское «Всегда готов!» эволюционизировало в комсомольское «Можем!», а со временем доросло до партийного «Должны!», или «Если не мы, то кто?».

Так вот колбочком до журналистики и доказался, а ныне в беспартийном статусе редактирую глусскую районную газету. В этом же творческо-номенклатурном качестве член много чего еще, хотя никогда не испытывал тяги к бюрократическому насесту.

Кстати, о счастье вообще и еврейском в частности. Последнее время, скорее всего по каким-то генетическим законам, все больше ощущаю себя евреем. Кто-то очень хорошо сказал, что еврей тот, кто на это согласен. Я да... Да еще как! Скорей всего потому, что в моем родном местечке до известного «великого переселения» жило довольно много евреев. Была еврейская школа, синагога и 5 молельных домов. Три тысячи еврейского населения здесь были зафиксированы еще в 1620 г. И потом динамика роста была позитивной... А сколько их осталось сегодня? Увы, 8—9 человек. Потому, оставшись, по существу, зрителем

Наум Бенционович Сандомирский

старого еврейского кладбища, чувствую некую постоянную фантомную боль: органа вроде нет, а все равно болит. Именно она заставила написать достаточно объемную повесть «Я иду по кладбищу».

Весна, май... На мраморных и гранитных плитах весело играют солнечные блики. Жаль только, что плиты эти — могильные. Хотя, собственно говоря, почему жаль? Разве, придя в этот бранный мир, ты предполагал, что устроишься здесь навечно? Так нет же... Мир устроен так, что кто однажды лежал в колыбели, тот будет лежать и на кладбище.

На фронтоне греческого театра было два лица. А древние греки, как и евреи во все времена, просто так ничего не делали. Лики были разными: одно смеющееся, другое — плачущее. Будь моя скромная воля, повесил бы их на кладбищенских воротах: одно — обращенное к жизни, другое — в вечность.

Но почему я написал эту повесть. Разве нельзя писать о чем-нибудь веселом, как делал это прежде не один раз. Тем более, что в жизни одинаковое количество поводов как для радости, так и для печали, а по прошествии времени о покойниках не обязательно писать мрачно. Длительная пауза переводит бывшее горе в тональность ностальгической грусти. Посему и рискнул, и попробовал. Ведь в нашем пошехонском местечке других «летописцев», тем паче еврейских, уже нет. И с каждым днем чувствую все больше, что любому мероприятию, в том числе и общественному, придаю национальный колорит.

Я попробовал рассказать о тех, которые ушли, в надежде, что хоть кому-нибудь это будет интересно. Живя в маленьком «егупце», просматриваемом и продуваемом со всех сторон, они ведь были

такими разными, даже больше того, оригинальными. В провинции, если чего-то не знают, то выдумывают, придумывают, домысливают... У нее — у провинции — при неспешности ритма, есть для этого и время, и желание, и возможности.

Глуск, как и всякое местечко, в официальной интерпретации — горпоселок — в каком-то смысле замкнутая система с плотно пригнанными звеньями. Живешь на виду у всех, как солдат на параде. Свадьба, похороны, «культпоход» в кинотеатр, любое мероприятие становятся поводом для взаимного осмотра, взаимной «ревизии», с последующей оценкой и приклеиванием ярлыков.

В атмосфере такого повышенного интереса к делам друг друга порой ощущаешь себя не столько субъектом, сколько объектом. Отчетливо понимаешь, что живешь в среде, где завоевывать репутацию сложнее, чем поддерживать. Необходимо постоянно соответствовать тем стереотипам, которые возникли в связи с тобой.

Умеет провинция и гордится своими сколько-нибудь известными выходцами. Глуск в этом смысле не исключение. Даже крупные мегаполисы грешат тут порой некоторым понятным и вполне простительным тщеславием. И нужно ли много говорить, как подробно внимательны к своим известным землякам негромкие поселки, разбросанные по просторам отечества. К тем, которые рискнули бросить вызов судьбе, сублимируя энергию не на местных детских площадках провинциальных возможностей, а расширив их до столичной клиники, НИИ, художественной мастерской или зала филармонии...

Они не воруют, не отбирают, не вытесняют, а самоутверждаются через себя и свое. Чем успешнее это делают, тем больше радуются в маленьких деревнях и поселках, водружая над ними знамя собственной значительности.

Почему я об этом так подробно? А как иначе понять атмосферу, в коей жили ушедшие, пребывают живущие. Я постарался сделать все возможное, чтобы лежащие на старом еврейском кладбище предстали перед нами не эпитафией на памятнике, а такими, какими они были при жизни. Главное же, по-бабелевски сочными, представленными в преобразованных творческом образом рассказах из былого еврейского быта.

Журнал «Беларусь» поспешил назвать меня «Бабелем из Глуска». Может быть, именно сей расслабляющий комплимент и простимулировал желание обозначить один из разделов книги «А жизнь все тот же анекдот» прямо и конкретно — «Еврейское счастье». Хотя, есть ли оно вообще какое-то отдельное региональное счастье? Калмыцкое, цыганское, итальянское... Тем более, что и само существование в непрерывном его состоянии весьма условно и сомнительно.

Но мне ли Вам объяснить, о чем думает иудей, когда говорит о еврейском счастье? О том, что радостям он прощает их случайность, а неприятности пытается постичь еврейской логикой.

Так и живу потихонечку, пытаюсь поймать свою паузу во всеобщей спешке, вылавливая по частицам из прошлого смешные и грустные эпизоды, соединяя их в одном коктейле. Читаю жизнь как еврейский Талмуд — справа налево, то и дело возвращаясь туда, где утро жизни.

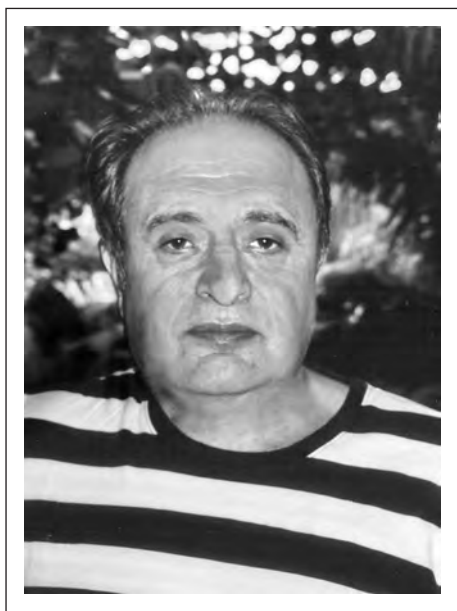
При этом есть опасность предстать привязанной к колышку на сочном лугу козой: вокруг уже все съедено, а хозяйка козы уснула под ближайшим кустом. Свой я, не надеясь на тетушку, обязательно и постоянно переставляю сам. Мои способы самореализации постоянно менялись: то спорт, то рисование, то вечера поэзии... Теперь вот превращение жизни в текст.

И все мною написанные книги по существу одна и та же творческая попытка в разных жанрах смешно рассказать о грустном. Может, и нет никакого особого еврейского счастья, как и всякого прочего с национальным подтекстом? Есть просто человеческое: негромкое, зато надежное, на каждый день.

БАСКИН Марат Исакович (р. 1946)

Родился в 1946 г. в Краснополье в семье учителя. Среднее образование получил в Краснополльской средней школе рабочей молодежи. В 1969 г. окончил Могилевский машиностроительный институт. Работал в Могилеве, Молодечно, Бобруйске, стал инженером-конструктором высшей категории. Но одновременно, без отрыва от производства (еще со студенческих лет), занимался литературным творчеством, в основном как писатель-юморист. Его первая юмореска была напечатана на страницах газеты «Могилевская правда» в 1965 г. Позже его произведения стали появляться на страницах центральных белорусских газет и журналов. Марат пробовал себя и в литературных переводах, и как сценарист, но основой его творчества оставались сатира и юмор. В 1977 г. вышел первый его сборник «От ворот поворот», в 1983 г. — второй — «Кристалльная душа». Его рассказы вошли в сборники сатиры и юмора, вышедшие в Москве, Вильнюсе и Болгарии. Новый сборник «Гайшыньскія гісторыі», изданный в 1986 г., во многом определил дальнейшее направление его творчества — рассказы о жителях местечек Беларуси.

Особенно ярко это проявилось в новом периоде его жизни, когда М. Баскин переехал на постоянное место жительства в США. Из нью-йоркского мегаполиса он обращается к своим корням, к маленькому еврейскому местечку Краснополье. Уже в США были напечатаны «Сказки о Большом Краснополье маленького краснопольца», роман «Великое озеро Мичуга», множество повестей и рассказов. И везде прослеживается связь с Красно-

Марат Исакович Баскин

польем и его жителями. Поэтому неудивительно, что русскоязычные читатели США больше знают о Краснополье, чем о Могилеве или Минске.

Когда его спрашивают, реально ли существует Краснополье, реальны ли его герои-краснопольцы, он отвечает: «Не ищите моих героев в реальном Краснополье, их там не было и нет! Но они были и будут в моей краснопольской памяти, ибо я родом оттуда...»

КОТЛЯРОВ Изяслав Григорьевич (р. 1938)

Родился 21 февраля 1938 г. в г. Чаусы Могилевской области. Детские и юношеские годы прошли в Могилеве. Мать умерла в 1945 г. в День Победы. Отец прошел всю войну.

В 1960—1962 гг. был рабочим в геодезической партии. В 1966 г. окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Параллельно работал в газете летчиков гражданской авиации «Западная трасса». С 1966 г. живет в Светлогорске.

Почти 35 лет отдал работе в районной газете «Светлагорскія навіны»: литсотрудник, ответственный секретарь, заместитель редактора (с 1979 г.). Многие его публикации стали журналистской летописью города и района.

В настоящее время — директор Светлогорской картинной галереи «Традиция» имени **Германа Прянишникова**, одним из основателей которой является. Автор брошюры о картинной галерее («Верность традициям»), каталога о творчестве Г.М. Прянишникова. Регулярно выступает в

периодической печати со статьями о творчестве известных художников Беларуси.

Неоднократно избирался депутатом городского Совета, был председателем Светлогорского райкома профсоюза работников культуры, руководителем районной организации Союза журналистов, первым председателем районной организации Общества белорусского языка, руководителем районного литературного объединения.

Награжден нагрудным знаком Министерства культуры РБ «За личный вклад в развитие культуры Беларуси», почетными грамотами Республиканского комитета по печати, Министерства культуры РБ, Гомельского облисполкома и др. В 2001 г. присвоено звание почетного гражданина города Светлогорска.

Член Союза журналистов СССР с 1965 г. (в порядке исключения приняли еще студентом). Сейчас член Белорусского Союза журналистов.

С 1990 г. — член Союза писателей СССР. Сейчас — член Союзов белорусских и российских писателей. Стихи И. Котлярова публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Нева», «Аврора», «Форум», «Смена», «Нёман», «Немига», «Новый журнал» (Нью-Йорк), в альманахах «День поэзии» (Москва), «Поэтический Олимп» (Москва), «Встречи» (Филадельфия), в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях.

Его переводы на русский язык стихов белорусских поэтов П. Панченко, А. Гречаникова, Р. Бородулина, Л. Дранько-Мойсюка и других публиковались в российских и белорусских журналах, альманахах, поэтических антологиях и газетах. А стихи И. Котлярова в переводах на белорусский язык С. Шах и М. Метлицкого — в журналах «Польмя», «Маладосць», в еженедельнике «Літаратура і мастацтва».

Автор 16 поэтических сборников.

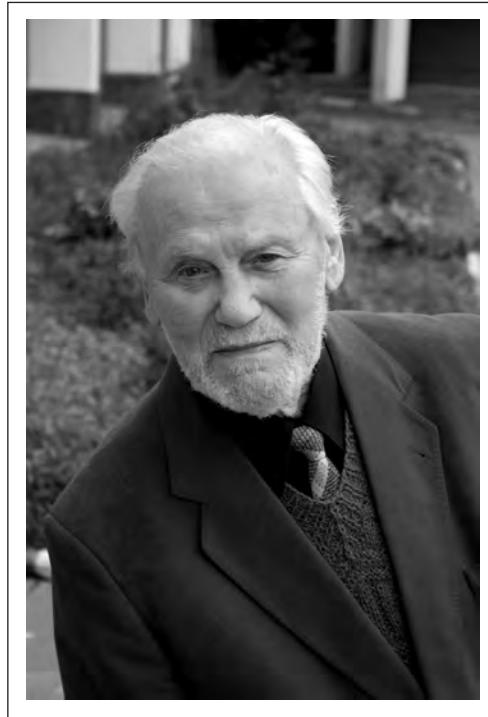
Изяслав Григорьевич Котляров

МОГИЛЕВСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ

ГИЛЬБУРТ Вацлав Мойсеевич
(1924—2006)

«Родился я в 1924 г. Отца звали **Моисей Иосифович**. Я даже не знаю точно, когда он родился. Но я был ребенком от второго брака, и моя мама (его вторая жена) была даже младше его детей от первого брака. Когда я родился, он был уже в возрасте, но я его помню как молоджавого человека. В детстве он учился в еврейской школе — хедере при синагоге, а затем смог окончить и гимназию. Соответственно, прекрасно владел идиш и древнееврейским, кроме того, знал латинский и древнегреческий на таком уровне, что главы из Цезаря читал на память. В свое время, еще до революции, он оканчивал Ягелонский университет в Кракове. Диплом у него был какой-то сложный. Он был юристом и тем, кого сейчас назвали бы менеджером-управляющим, а раньше — хозяйственником. Прекрасно разбирался в юриспруденции и экономике. Эта польская молодость позже висела над отцом домкловым мечом: он все время боялся, что его могли объявить польским шпионом. В те времена это было вполне возможно. Ко времени учебы в университете относится знакомство отца с Вацлавом Воровским — первым представителем Советского Союза в Лиге наций. Собственно, и меня назвали в честь него Вацлавом, т. к. перед моим рождением в 1924 г. Воровского убили в Женеве. Вацлав Воровский читал лекции в Варшавском университете, и отец часто ездил туда. Он никогда не был коммунистом, но пошел добровольцем в Красную армию в годы гражданской войны, т. к. считал, что она борется за его идеалы. Служил в дивизии Щорса. Здесь познакомился с моей мамой **Пашей** (или Пиной, как ее называла бабушка **Брук**, которая тоже служила в этой дивизии сестрой милосердия).

В общем-то, отец был довольно мирным, интеллигентным человеком старой закалки. Он, например, никогда не смог бы ходить на работу два дня подряд в одной рубашке. Эта привычка осталась у него до старости. Носки летом он менял несколько раз на день. Религиозным отец никогда не был. Напротив, был он очень светским человеком, хотя прекрасно знал Талмуд и Тору. К чувствам верующих относился всегда очень бережно. Так, с нами жила моя бабушка по маминой линии. Они с отцом, конечно, очень сильно отличались по-своему социальному статусу, происхождению. Ведь мама была дочкой прачки. Бабушка была не очень грамотная, образования не получила никакого. Когда были религиозные праздники, бабушка брала какую-либо из своих еврейских книг и «читала» молитву. Читать она на самом деле не умела, но помнила молитву наизусть. А для верности пере-

Вацлав Мойсеевич Гильбурт
Фото из архива Савосиной И.И.

спрашивала отца, когда будет такое место, когда другое. Всегда советовалась с отцом, как нужно делать правильно согласно еврейской традиции. А сам папа к столу выходил в какой-нибудь тубетейке, т. к. кипы дома не было.

После службы в армии в годы гражданской войны папа работал в г. Клиницы на тонкосуконной фабрике экономистом.

Когда строилась шелковая фабрика в Могилеве, отца направили туда и мы приехали всей семьей в Могилев. Не помню, кем работал отец вначале, позже он вел все бухгалтерские дела фабкома. Мама в это время уже была членом партии, и помню, что ее должность на шелковой фабрике называлась «Инструктор по стахановскому движению».

Я сам учился в седьмой русской школе. Она находилась в то время недалеко от нынешней школы № 16. Окончил ее перед самой войной.

После войны я вернулся в Могилев в 1946 г. Тогда я смог реализовать свою давнюю мечту, или даже убежденность в своем предназначении — стал журналистом. Я единственный из всей своей обозримой родни выбрал такую профессию. Пришлось преодолеть и противодействие родственников, которые не считали это профессией. Но я упорно стоял на своем, хотя были у меня другие возможности: мог бы стать медиком (дядя и тетя были крупными медицинскими работниками), инженером-химиком (дядька в Ярославле был доктором наук в институте химии), инженером-

механиком (главным конструктором Харьковского тракторного завода работал мой троюродный брат). Так что возможностей после демобилизации было достаточно. Я приехал к родственникам в Москву, мне предлагали все эти варианты. Но я решил по-своему. Пошел корреспондентом в «Могилевскую правду», три года отучился заочно в университете, но по некоторым обстоятельствам вынужден был бросить учебу. Все это время я так и работал в «Могилевке».

Мне по работе приходилось много бывать в архивах. Судя по изученным документам, можно прийти к однозначному выводу, что очень много процессов в СССР проходили с целью именно «перераспределения капиталов», и большинство из людей, чье состояние конфисковывали, были именно евреями. Это происходило до войны при Сталине, потом стало и после войны, и при Хрущеве тоже. И люди эти были ни какие-нибудь помещики и фабриканты, а нормальные специалисты, врачи, фармацевты и другие. Их откровенно грабили.

Помню во время «дела врачей» я находился в командировке в Бельничском районе. После окончания совещания первый секретарь райкома Николаенко пригласил меня зайти с ним в райком. Мы выпили с ним по рюмочке, и он говорит: «Я не хочу тебя обидеть, но сделаю одно предложение. Понимаю, сколько честных и порядочных людей попало в эту мельницу. Понимаю, как ты себя чувствуешь сейчас, читая публикации в газетах. Поживи какое-то время у меня, переживи этот смутный период здесь». Но я отказался. Не смогу жить спокойно и смотреть издали, как честных людей уничтожают. Он сказал: «Имей в виду, ко мне ты можешь всегда прийти». А на мою реплику: «Вы же таким образом можете и себе жизнь испортить» — он сказал, что если эти дела будут раскручиваться по-настоящему, то никого не пощадят.

Таких ситуаций у меня было достаточно. Люди во всей области меня очень хорошо знали по моим делам, по моим публикациям. А я всегда считал целью своей журналистской работы не разоблачения, а поиск недостатков. Для меня было важно докопаться до сути и, если возможно, помочь. А помогать приходилось часто. Я не стал бы работать в журналистике, если бы не считал, что с помощью пера можно сделать что-то конкретное и полезное. И люди этого никогда не забывали. Часто в критических для меня ситуациях звонили, приезжали люди, которых я давно не видел, спрашивали, чем они могут помочь, или предлагали конкретные варианты своей помощи. За свою журналистскую работу я был награжден орденом «Знак Почета» и двумя грамотами Президиума Верховного Совета Белоруссии. Орденом я был награжден при Криулине (он был первым секретарем обкома партии). Мне приходилось с ним лично много работать, и, по-моему, это был лучший руководитель области из тех, кого я знал. Ко мне он всегда относился

уважительно и, как мне потом говорили, лично отслеживал в списках на представления к орденам мою фамилию на всех этапах утверждения. По-видимому, прекрасно понимал, что в конечном списке меня могло не оказаться. Так, наверное, и было бы без его участия. Ведь в те времена еврея, награжденного орденом, иначе как чудом нельзя было назвать (из воспоминаний **Гильбурга Вацлава Мойсеевича**).

КОТЛЯРОВА Нина Наумовна

(р. 1923)

«Родом родители мои из Витебска. Я тоже родилась там в ноябре 1923 г. и считаю Витебск своей родиной. Мама моя, **Фрида Исаковна Дахина**, всю жизнь, сколько я помню, была домохозяйкой. Отец, **Наум Дахин**, был директором посудохозяйственного магазина. Магазин, где он работал в Могилеве, так и называли — «магазин Дахина». Отец переехал в Могилев где-то в 1928 г., а затем, примерно в 1930 г., перевез сюда всю семью. Мы жили налевой Дубровенке, и дом у нас был просто замечательный. Он раньше принадлежал директору могилевского речного пароходства Меренбургу. А в мое время здесь жили шесть семей. У нас были изразцовые печи, камины. А квартира была настолько большая, что здесь проходили собрания школьного, а затем институтского комсомольского

Нина Наумовна Котлярова
Фото из архива Савосиной И.

актива. Мама очень гостеприимно всех встречала и подовала к столу чай.

Я сразу же пошла в школу № 17. Туда же пошел и мой брат — **Липа Дахин**. Он после окончания школы поступил в Военно-механический институт. Потом служил в Мурманске, Архангельске, Эстонии. Последнее письмо мы получили от брата 26 июня 1941 г. из-под Ленинграда. Больше мы о нем ничего не слышали.

К началу войны я успела окончить школу (в 1939 г.) и отучиться год в Ленинградском университете на биологическом факультете. Активную деятельность вела в комсомоле и считала, что меня все кругом касается (умудрилась даже на год раньше всех, в 13 лет, вступить в комсомол, т. к. считала, что для меня это очень важно).

В эвакуацию мы попали в город Набережные Челны в Татарии. Отец служил в это время в Трудармии, я же была по тем временам уже грамотным, образованным человеком. Занималась комсомольской и профсоюзной работой и вступила в 1943 г. в члены партии.

Когда наши войска начали наступление, меня направили на восстановление освобожденных районов. Так я попала сначала в Прилуки, а как только освободили Могилев, в июне приехала сюда. Могилев представлял собой страшное зрелище. Первомайская была разрушена почти полностью. Стояли коробки с глазницами, и пахло гарью. От нашего дома остались развалины, т. к. он сильно потерпел от наводнения. Помню, что несколько домов сохранились на Виленской улице (я сразу вспомнила, что в одном из них во время года 1937 г. размещался магазин, где мы стояли в очереди за хлебом).

Врезалось в память, что из Дома Советов выносили распухшие трупы лошадей. Фашисты, оказывается, устроили здесь конюшни, загнали лошадей на верхние этажи и расстреляли их перед отступлением.

Я сразу встала на партийный учет, и меня направили в партархив КП(б)Б, где я отработала два месяца. Потом я послала запрос в Белорусский университет и меня восстановили там на учебу на второй курс. Но пошла я уже на факультет журналистики, ведь во время войны активно писала в газеты и сотрудничала с радио. Четыре года я отучилась в Минске — была отличницей. После окончания получила назначение в «Могилевскую правду», где и началась моя журналистская биография» (из воспоминаний **Котляровой Нины Наумовны**).

РЫВКИН Аркадий Иосифович

«**Аркадий Рывкин** был, по-видимому, первым фотокорреспондентом в «Могилевской правде»

после войны. Знаю, что он был дипломированным инженером (окончил Ленинградский институт точной механики и оптики), великолепным фотографом, безотказным работником и прекрасным человеком. Часто приходилось ходить пешком, т. к. машин не было, и он со своей сумкой с радостью шел на редакционное задание. Никогда не позволял себе зарабатывать на фотографии, хотя сейчас это может показаться и не очень положительным качеством. Колхозам часто делал целые выставки совершенно бесплатно, хотя другие на этом состоянии зарабатывали.

Его может охарактеризовать один случай, к которому я имею непосредственное отношение. В конце 40-х гг. у меня диагностировали туберкулез и как-то на одной нашей редакционной вечеринке он отпил из моей рюмки, чтобы меня таким образом подбодрить.

Уволили его из редакции в конце 50-х гг. по какому-то поклепу. Но тогда я уже жила в Новогрудке и говорю об этом с чужих слов. Знаю, что **Аркадий** сразу после этого устроился работать на завод «Электродвигатель» и слыл там хорошим инженером. Закончил свою карьеру заместителем начальника конструкторского бюро. В 90-е гг. он уехал в Израиль» (из воспоминаний **Котляровой Нины Наумовны** (р. 1923)).

ФРЕЙДИН Владимир Абрамович (1927—1994)

Владимир (Вилли) Абрамович Фрейдин родился в Могилеве в 1927 г. Учился в школе № 1. Его отец, **Абрам Давыдович Фрейдин**, директор кожевенного завода, в 1938 г. был обвинен в антисоветской агитации и приговорен к 8 годам лагерей. Умер в заключении.

После войны, после окончания одного из первых выпусков журфака университета, В. Фрейдин работал журналистом в Бресте, заведовал отделом информации в областной газете. Был одним из первых, задолго до появления книги **Сергея Смирнова**, кто начал писать о защитниках Брестской крепости (во многом материалы московского писателя опирались на изыскания Фрейдина). Основной темой его публикаций, сделавшей имя Фрейдина известным, стала тема поиска неизвестных героев Великой Отечественной войны. Журналистская репутация Фрейдина в то время была очень высокой, он был хорошо известен не только в Белоруссии, но и в Москве. Его материалы печатались не однажды в газете «Правда», что в те времена значило очень много. О его высоком авторитете в журналистской среде свидетельствует и приглашение в 1967 г. в только формирующийся коллектив новой газеты «Вечерний Минск». Надо помнить, что решения по составу новой редакции

в то время принимались на самом веру иерархической партийной лестницы и, если был приглашен и утвержден журналист из периферии, да еще с такой врожденной «искалеченной пятой графой», — это говорило само за себя.

На новом месте Фрейдин оставался верен своей главной теме, которая сделала ему имя. Она же, эта тема, вкупе с его профессионализмом, щепетильностью и порядочностью, внесла в его жизнь значительные перемены, которые сделали известным далеко за пределами Белоруссии не только его имя, но, в первую очередь, имя героини его журналистского расследования. Но карьера в новой газете была закончена...

Речь идет о публикации в 1968 г. в нескольких номерах газеты «Вечерний Минск» очерка Владимира Фрейдина «Они не стали на колени», который был полностью посвящен поискам действительного имени девушки, повешенной фашистами в 1941 г. в Минске на воротах дрожжевой фабрики. Несколько фотографий казни были хорошо известны, как и имена двух из трех казненных. Лишь девушка во всех документах значилась как «Неизвестная». Многомесячное расследование, проведенное В. Фрейдиным, изучение архивных материалов, поиски свидетелей и их опрос позволили журналисту объявить подлинное имя героини. Ей оказалась выпускница минской школы № 28 **Маша Брускина**, одна из членов подпольной организации, помогавшей спасать раненых красноармейцев в одном из минских госпиталей после оккупации.

Неожиданно для всех публикация очерка вызвала грандиозный скандал. Как оказалось, объяснений потребовали высокие партийные инстанции, заподозрившие автора в «тенденциозном» подборе и «пристрастном» изложении фактов. В чем же заключались эти грехи? Не составило большого труда догадаться, что властям не понравилась личность главной героини, точнее, не сама личность, а ее национальная принадлежность. «Неизвестной» оказалась узница минского гетто, еврейка по национальности. «Тенденциозность» же и «пристрастность» заключалась, по-видимому, в том, что и свидетели, и автор материала оказались единоплеменниками героини, что было по тем временам взрывоопасным совпадением и не могло не вызвать ответной реакции. Надо учитывать, что именно в то время началось лавинообразное охлаждение отношений с Израилем и антисюнистская истерия в Советском Союзе.

Необходимо отметить, что Фрейдин, предполагая возможные последствия, очень скрупулезно подошел к подготовке материала, не высказывал каких-либо необоснованных предположений, а опирался только на свидетельства очевидцев. Тем не менее, после публикации статьи по партийной линии он получил строгий выговор «с занесением»

Владимир Абрамович Фрейдин

и ему было предложено подать заявление об уходе по собственному желанию. Наученный горьким опытом предыдущей жизни (его отец был репрессирован в 1937 г.), понимая бессмысленность борьбы в тех условиях и не имея намерений становиться диссидентом (в общем-то, он всегда был убежденным коммунистом), Владимир Абрамович ушел из редакции. После минской «Вечерки» В.А. Фрейдин возглавлял агентство «Фото и жизнь» в Союзе журналистов Беларуси, а затем работал заместителем главного редактора фотохроники БелТА. В последние годы жизни он несколько отшел от своей журналистской специальности, работал в управлении по авторским правам. Что думал он о том, что произошло с ним в конце 60-х гг., нам не известно, однако уже и на другой работе он продолжал собирать материалы по этой незакрытой теме и мечтал, что настанет время, когда имя Маши Брускиной будет признано не только за рубежом, но и в родной ей Беларуси. Добавим, что этого же после Фрейдина добивались многие другие журналисты, историки, правозащитники, и не только белорусские, но ни перестройка, ни образование независимого Белорусского государства не смогли изменить ситуацию. «Неизвестная» оставалась «Неизвестной» почти 70 лет. Памятник белорусским патриотам на месте их гибели был установлен в 2009 г. На нем есть и имя Маши Брускиной.

Умер Владимир Абрамович в 1994 г. (**Бржозовский Аркадий**. Улица Маши Брускиной // Авив, январь-февраль 2005 г.; по воспоминаниям **Бржозовского А.**).